Жёсткая ротация

Топоров Виктор Леонидович

СПб., Амфора, 2007

В книгу вошли избранные статьи и фельетоны Виктора Топорова, культового автора обеих столиц, русской провинции и дальнего зарубежья, за 2003-2006 гг. Все включённые в сборник произведения печатаются в книжной форме впервые.

От автора

На вопрос «Кто ты по профессии?» у меня нет вразумительного ответа. Во всяком случае, одного-единственного. Филолог-германист, как значится в университетском дипломе? Литературный и кинокритик? Телеобозреватель? Эссеист? Колумнист? Политический публицист? Поэт? Прозаик? Переводчик стихов и прозы? Издатель? Преподаватель? Учредитель литературных премий и общественных организаций? Убелённый сединами мэтр или не брезгующий «мокрым делом» пахан? Властитель дум или «пикейный жилет»?

Порой меня называют профессиональным скандалистом (на всех вышеперечисленных поприщах и вдобавок в быту), но это, разумеется, клевета. Скандальным моё творческое поведение выглядит лишь в условиях всеобщего, мягко говоря, Зазеркалья. Определение «матерящийся философ» (так назвал меня Сергей Шнуров) хорошо, особенно из его уст, но тоже неточно. Сравнивали меня даже с Василием Васильевичем Розановым и аж с протопопом Аввакумом, сравнивали со Спинозой и Уриэлем Д'Акостой, - но пусть это остаётся на совести у тогдашних льстецов. Сравнивали с Белинским и (чаще) с Бурениным; регулярно титуловали Моськой, лающей на Слона (на стадо Слонов), и в меру многоступенчатого идиотизма не раз обыгрывали мою «говорящую» фамилию. Утверждали (первым, если не ошибаюсь, Борис Стругацкий): «Топоров известен тем, что никогда ни о ком не сказал и не написал ни одного доброго слова».

Со стороны, разумеется, виднее. Особенно если судишь обиженно и предвзято. Поэтому будем придерживаться строгих фактов. **В** первую очередь, я, как с недавних пор принято говорить, **газетный писатель.** По меньшей мере, именно в этом качестве я предстаю на страницах предлагаемой вашему вниманию книги. Здесь собраны (а вернее, отобраны) статьи и фельетоны за последние три года, впервые увидевшие свет в «Политическом журнале», петербургском журнале «Город», электронной газете «Взгляд», ежемесячнике «Петербург. На Невском» и ряде других. Во всех этих изданиях я печатаю статьи и колонки на регулярной основе (где раз в неделю, где реже) из года в год и на предполагаемую аудиторию каждого ориентируюсь тематически и, не в последнюю очередь, стилистически. Аудитория когда совпадает, когда нет, - так возникают первые пересечения (но и первые разночтения), возникает движение - и поступательное, и вращательное, - возникает **ротация.** Но ещё не **жёсткая ротация** - меж тем моя книга называется именно так.

Термин, ставший названием, позаимствован из практики музыкальных телеканалов. Жёсткой (или, чаще, горячей) ротацией там называется регулярное до назойливости включение одних и тех же песен и клипов в программу. (На телевидении такая ротация, как правило, бывает проплаченной, но в нашем сравнении это не релевантно, потому что на телевидении проплачено всё). В данной книге постоянно повторяются и перекликаются одни и те же сюжеты, одни и те же имена, одни и те же темы; повторяются из статьи в статью в рамках каждого из пяти разделов и от раздела к разделу. Повторяются ключевые выражения, важные образы, показательные примеры. Повторяются - правда, всякий раз уточняясь, конкретизируясь и обрастая новыми коннотациями, - оценки и мысли. Повторяются, постепенно слагаясь в общую (а если угодно, и универсальную) картину.

В книжной форме все статьи, включённые в книгу, печатаются здесь впервые. Печатаются с минимальными разночтениями по сравнению с первопубликациями в периодике: где убрано сгоряча вырвавшееся словцо, где, наоборот, восстановлена пара строк, убранная перестраховавшимся редактором, а то и вовсе верстальщиком, где исправлена описка, неточность или стилистическая ошибка. Впрочем, все эти случаи единичны их примерно столько же, сколько так же впервые появившихся в книге подстрочных примечаний. Ни конъюнктурному пересмотру, ни актуализации тексты, собранные в книгу, не подвергались - за это я отвечаю головою. В конце концов, в сборник вошла примерно треть из написанного и напечатанного мною за три года - и статьи, на мой сегодняшний взгляд устаревшие, в книгу просто-напросто не попали.

Материал книги организован тематически по разделам, а внутри каждого раздела статьи выстроены не в хронологическом (или обратном хронологическом) и не в тематическом, а в алфавитном порядке. Более того, по алфавиту следуют друг за дружкой и сами разделы. Такая вот, знаете ли, жёсткая ротация, такое вот, прошу прощения, ноу-хау. Разумеется, организация материала по алфавиту - приём чисто формальный, но как раз такой мне и понадобился, чтобы подчеркнуть внутреннее единство разнящихся хронологически, тематически, а порой и жанрово статей. Понадобился, не в последнюю очередь, чтобы подчеркнуть внутреннее единство посвящённых разным сторонам нашей жизни разделов.

В **«Диагонали власти»** собраны статьи на, условно говоря, политические темы. Условность самого определения (иронически зафиксированная уже в названии) объясняется тем, что речь здесь идёт не столько о политике - да и нет у нас никакой политики! - сколько об отражении того, что по недоразумению слывёт политикой в обывательском (то есть в нашем с тобой, читатель) сознании. То, что годами внушается нам или, наоборот, замалчивается, проходит здесь проверку прежде всего на элементарный здравый смысл.

И в политике, и в искусстве нынче принято думать: если тебя нет в «ящике», значит, тебя не существует в природе. И второй раздел книги - телекритика в самом широком смысле - закономерно называется поэтому **«Игрой в ящик».** Часть говорящих голов переходит в этот раздел из «Диагонали власти», а многие другие ещё не раз всплывут, как на экране («Головы всплывают на

экране, как воздушные пузыри», - написал ещё полвека назад американский поэт), в дальнейших разделах книги.

Между (отсутствующей) политической и виртуальной телевизионной жизнью, с одной стороны, и садами изящной словесности, с другой, существует некая сумеречная зона, на редкость разноликие обитатели которой не поддаются единому определению даже теоретически, потому что объединяет их лишь категорическое нежелание принимать строгие формы и хоть в какой-то мере очерченные контуры; в моей книге они (и посвящённый им раздел) названы **«Ненатуралами».** Осознавая некоторую рискованность этого названия, заранее уточню, что речь здесь идёт отнюдь не только о «людях лунного света», да и автор этой формулы (всё тот же Розанов) называл «людьми лунного света» не только адептов однополой любви, хотя, разумеется, и их тоже.

Ненатуралы (хотя, понятно, не они одни) часто пишут стихи и прозу. Главным же Писателем Земли Русской, по сути дела, является некто Пупкин (точнее, коллективный Пупкин), традиционно берущий не умением, а числом. В раздел **«Похвала Пупкину»** вошли статьи о текущей отечественной словесности. Как раз Пупкин уже лет пятнадцать читает меня особенно заинтересованно и предвзято и обижается на меня чаще, а главное, сильнее всех. И даже подкинул мне однажды в почтовый ящик любовно свёрнутую в петлю верёвку. И разве что изредка - в неуклюжей попытке избыть обиду - горестно вздыхает: «Что ж тут поделать! Топоров - санитар леса!» Но наша литература не лес, а джунгли - и **«Санитаром джунглей»** называется посвящённый по преимуществу полемике заключительный раздел книги.

Книги в известном смысле энциклопедической. Книги горячей. Книги жёсткой. Книги, согласен заранее, несправедливой и в целом, и в частностях - а где-то ближе к концу и попросту оголтелой. Читать её можно подряд. Можно наискосок, по диагонали. Можно (писатели так и поступят) сзаду наперёд. Можно местами. Можно где наугад раскроешь. Кстати, по ней можно и гадать. А можно и вообще не читать - от неё не убудет. Так что выбор, как водится, за читателем.

2007

Диагональ власти

Who is мистер хунта?

Когда политическое устройство нашей страны описывают как суперпрезидентскую республику или президентское самодержавие и говорят - особенно в тусклом свете нового «антитеррористического» дня - об авторитаризме и диктатуре, спорить с такой формулировкой трудно. И всё же она остаётся не более чем гипотезой. Потому что, возможно, столь же уместна (и здесь будет впервые изложена) альтернативная версия происходящего. Вкратце сводящаяся к тому, что **Россией правит хунта,** публичным спикером которой - и, не исключено, никак не более того - является законно избранный президент РФ.

Строго говоря, первым эту версию озвучил, правда в заведомо шутливой форме, сам Путин, «доложив» на памятной встрече с коллегами-чекистами о выполнении задания по приходу к власти в стране. В каждой шутке есть доля шутки, не правда ли? И вообще, чекисты не так воспитаны, чтобы резать правду-матку на публику, тем паче - с телеэкрана. Но тем не менее. Многое - и косвенно, и прямо - свидетельствует о том, что так называемых «питерских силовиков» связывают не только общее прошлое, более или менее разделяемая (хотя и невербализованная) идеология, материально-карьерные стимулы и узы личной дружбы, хотя каждый из этих факторов, не говоря уж об их совокупности, весьма весом. Попахивает клятвой на Воробьёвых горах или в другом, столь же достойном, а главное, уединённом месте.

Классическая хунта приходит к власти в результате переворота, одним из вариантов которого является «принуждение к отставке» действующего главы государства с предоставлением гарантий или без такового. Она провозглашает свергнутый режим прогнившим и объявляет тотальную войну коррупции. И вообще, для виду погромыхивая оружием на внешних рубежах, развивает главную агрессию на внутреннем направлении. Борясь чуть ли не со всеми слоями населения одновременно - от нарко-олигарха до последнего пеона - и этим решительно отличаясь от индивидуального диктатора, неизменно старающегося опереться на народные массы, натравив их на элиты (и, по возможности, стравив элиты друг с дружкой). Диктатор подавляет гражданские свободы, хунта - политические; диктатор знает, что в тот момент, когда ему это понадобится, он будет всенародно переизбран, тогда как хунта стремится исключить выборность любого уровня как таковую. Диктатору претит оппозиционная пресса, хунте - независимая; диктатор выявляет врагов и борется с ними, хунта во враги «назначает»; наконец, диктатор идентифицирует себя с государством и заботится о его (а значит, и собственном) процветании, хунта же идентифицирует себя с властью и заботится исключительно об её удержании (то есть о самосохранении).

Особенность функционирования хунты - карьерная неприкосновенность каждого из её участников. Какими бы провалами, скандалами и прочими *загогулинами* ни знаменовалась его деятельность, отставка (не говоря уж о более тяжких последствиях) ему не грозит - в худшем случае перемещение по горизонтали. Именно эта несменяемость (бюрократическое бессмертие) и уравнивает любого члена хунты с её формальным лидером. Опала невозможна по определению; решение об исключении из стаи принимается коллективно и хотя бы в силу этого крайне редко. **Хунта своих не сдаёт!**

Конечно, в стае без вожака нельзя. Но этим вожаком далеко не обязательно является формальный лидер, он же публичный спикер. То есть ипостаси вожака и формального лидера могут совпасть, а могут и не совпасть. Даже в том случае, когда формальный лидер «по совместительству» является всенародно избранным президентом страны. Хотя при таком раскладе вероятность постепенного превращения формы правления в личную диктатуру всё же резко возрастает. И если этого не происходит, значит, подлинным вожаком является кто-то другой. Но на этот счёт мы не располагаем хотя бы приблизительной информацией.

Существенным фактором функционирования как личной диктатуры, так и власти хунты является насилие. Политика перманентного закручивания гаек. Так что разницы для обывателя на первый взгляд никакой.

Но только на первый. Потому что (напомню) диктатор может хотя бы в идеальном случае вытащить страну из трясины - пусть даже способом барона Мюнхгаузена.

А хунта - нет. Ей в тропической топи живётся лучше и веселей. Она только там и водится.

2004

...А в интересах истины

В первых комментариях по формальным итогам закончившихся президентских выборов (о содержательных итогах и говорить нечего: темна вода во облацех) преобладают две полярные точки зрения. Одни говорят о чудовищном злоупотреблении административным ресурсом во всех мыслимых и немыслимых ипостасях - и это правда. Другие ликующе возражают: да Путин всё равно выиграл бы выборы (и, может быть, ещё триумфальней), не подсобляй ему услужливые дураки, часть из которых, несомненно, никакие не дураки, а ровно наоборот - замаскированные враги и провокаторы, стремящиеся не мытьём, так катаньем скомпрометировать бесспорную победу общепризнанного лидера (а там, глядишь, и вождя) нации, - и это правда тоже. Но если так, не унимаются эти, вторые, то о каких нарушениях, о каком административном ресурсе речь? Да, разумеется, «некоторый перебор» имел место, но в свете вышеизложенного это не имеет ни малейшего значения, не правда ли?

Нет, не правда. Соглашаясь с тезисом о предрешённой при любых обстоятельствах победе действующего президента на выборах-2004, следует решительно отвергнуть постулат об иррелевантности применённых предвыборным, условно говоря, штабом средств, даже если большая часть из них, если не все, и впрямь была в данном случае излишней.

Философия различает категории случайного и закономерного; всенародная поддержка Путина на данный момент, да и по итогам всего первого президентского срока, является в этом смысле случайностью - сегодня она есть, а завтра, не дай бог, исчезнет, тогда как злоупотребление административным ресурсом (заложенное и в действующую конституцию, и в многовековую традицию угодничества «без лести преданных», и в столь же традиционное понимание закона как дышла) представляется как раз закономерностью. Которую, конечно, ценой общих усилий можно преодолеть, но для начала необходимо просто осознать.

Из Петербурга это видится, может быть, острее, чем из Москвы. Потому что у нас в Питере есть полугодичной давности опыт продавливания всеми правдами и неправдами на высшую выборную должность человека, в городе (по меньшей мере, на момент избирательной кампании) непопулярного и шансов победить в честной борьбе не имевшего. Не хочу сказать о В. И. Матвиенко ничего плохого, оценка её губернаторства ещё впереди, но факт остаётся

фактом - петербуржцам её кандидатура была навязана с использованием того же набора средств, который был применён затем на президентских выборах: устранение методом мягкого увещевания и щедрых посулов всех мало-мальски серьёзных конкурентов в борьбе за губернаторское кресло, сговор с «диванными» партиями либерально-яблочного толка, искусственная стимуляция низкой активности КПРФ, «зачистка» телеэфира с последующим тотальным преобладанием в нём одного кандидата, большие и малые шалости избиркома и так далее. И привело это к столь же внушительной победе, как нынешняя президентская (правда, во втором туре - на это питерского свободолюбья или, если угодно, упрямства хватило). К победе кандидата, представившего в качестве предвыборной программы список заведомо несбыточных обещаний и ничего не значащих общих мест и призвавшего в городское правительство никому, кроме самого губернатора и одного из банкиров, не известных людей.

Тогда, летом и осенью, жителей Петербурга не оставляло ощущение, что на них (на нас!) ставят эксперимент, намеченный к дальнейшему распространению по всей стране. Причём Петербург (в отличие от России в целом) имеет опыт передачи власти в конкурентной борьбе с использованием механизма свободных выборов (в 1996-м действующий мэр Собчак проиграл будущему губернатору Яковлеву). Этот опыт оказался отброшен, уступив место залповому выбросу управляемой демократии туркменбашистского типа.

И когда недавно по городу прокатился не подтвердившийся впоследствии слух о том, что Матвиенко заберут в правительство, а значит, нам придётся выбирать губернатора ещё раз, мы уже не сомневались в том, что его «назначат» в Кремле, а нас заставят закрепить это назначение голосованием с использованием административного ресурса - и всё сработает. Технология обкатана и стала в философском смысле закономерностью. Операция «Преемник» в городском масштабе пройдёт как по маслу.

Народная любовь иррациональна и преходяща: вспомним Горбачёва, вспомним Ельцина. Она, по большому счёту, случайна. А вот административный ресурс (и всё, что у нас под ним понимается) закономерен. И с преодолением его - как, согласно известному выражению, с компьютеризацией (за вычетом, понятно, системы ГАС «Выборы») - мы отстали от Запада не надолго, а навсегда.

2004

А также в области балета

Потерпев неудачу на политических полях, самое время брать реванш на культурно-спортивном поприще. Но и тут не обходится без накладок. Футболисты и хоккеисты радуют, теннисисты держат марку, кинематографисты игнорируют Канн (потому что их туда не зовут), попса беззвучно разевает рот на Майдане, Анастасия Волочкова, отчаявшись похудеть до требуемых в Большом кондиций, собралась в декретный отпуск. Литературная общественность надумала было выдвинуть на нобелевку петербургского стихотворца Александра Кушнера, но её попросили не беспокоиться. Впрочем, как раз в последнем случае оказался найден спасительный паллиатив: в пожарном порядке учредили на деньжищи РАО «ЕЭС» общероссийскую премию «Поэт» - и

уж здесь-то, можете мне поверить, справедливость восторжествует! Кто у нас лучший поэт, мы, пожалуй, разберёмся одни, без ангелов.

А вот кто у нас лучший футболист? И какая военно-бразильская команда (ответ знают только «кони»!) равнее других? С этим нет полной ясности. И свежеиспечённый президент отечественной Футболии экс-вице-губернатор и экс-сенатор от Петербурга Мутко задумал нечто неслыханное: приглашать на матчи внутреннего календаря иностранных судей. Начав с полуфинала кубка страны: «Зенит» - ЦСКА. Чтобы, значит, взяток не брали. И звонков по вертушке не слушали. Чтобы даже не знали, что такое вертушка. И свистели в свисток и показывали бы карточки, жёлтые и красные, не задумываясь о том, что другие карточки - твоей жены и детей - всегда можно вместе с домашним адресом скачать в Интернете...

Первыми возмутились, естественно, российские судьи; вторыми - игроки, не исключая и «варягов». Это ведь и впрямь ерунда какая-то получается. Может, нам не только футбольных судей выписывать, а и басманных с мещанскими? Или, допустим, набрать в ГАИ ГИББД техасских рейнджеров? Оно конечно, на кинофестивалях у Никиты Михалкова председательствует, как правило, иностранец - ну так не простой же иностранец! Учёный! Заслуженный! А обучаемость у заслуженных кинематографистов что надо!

Академик Ландау, кстати, терпеть не мог слова «учёный». Учёным бывает осёл или человек, если его долго учить, а я, блин, научный работник! Но на научном поприще нам реванша не взять - академики каши просят. И сапоги у них (не говоря уж о реакторах) - тоже.

И это возвращает нас к нашим баранам. Интересно, с чего это Мутко взял, что иностранные судьи не будут брать взяток? Что им не объяснят, что за штука такая вертушка и кто по ней может позвонить? Что фотографии их жён и детей тоже можно найти в Сети? Что репутация не дороже денег и уж во всяком случае не дороже жизни? Опыт (в том числе и профессиональный опыт нынешних руководителей страны) подсказывает: иностранца коррумпировать ещё легче. Ведь его привлекает не столько сумма, сколько её необлагаемость, - не столько чёрная икра, сколько чёрный нал! А постсоветские евреи, в массовом порядке перебравшись на ПМЖ в Германию, первым делом коррумпировали хвалёное тамошнее чиновничество!

Инициаторы и спонсоры общероссийской премии «Поэт» повели себя куда разумнее. Невольно (или вольно?) взяв на вооружение доктрину Михаила Юрьева «Крепость Россия». Литературная крепость Россия - с семидесятилетним питерским строчкогоном в донжоне. Виноват, в святая святых!.. Юрьев рекомендует ещё - для сохранения и поддержания праздничной самобытности - бои без правил в национальном стиле (у тех же украинцев, кстати, есть боевой гопак!) и повсеместное внедрение тяжёлых наркотиков - правда, тут уж он ломится в открытую дверь. Однако лучше так, чем никак.

Потому что, если всё пойдёт по-мутковски, мы ведь не сегодня-завтра и президента Футбольного союза откуда-нибудь из Италии выпишем. Да и почему только футбольного? Того же, чтоб далеко не ходить, Берлускони! Чистейшей души человек - ни один суд ему не страшен - и всегда с готовностью берётся за

любое дело.

Ну а если Берлускони оглядится вокруг и душа его страданиями уязвлена станет, он и сам построит футбольную крепость Россия. И она будет называться катеначчио!

2005

Альтернативная история: операция «Ельцин в Форосе»

Восемь лет назад, после августовского дефолта, наша страна, казалось, окончательно пошла вразнос. И, как почти всегда в таких случаях, вспомнила о демократии. И чуть ли не всенародно (с подсказки Явлинского, что само по себе смешно) выбрала себе спасителя. Им оказался Евгений Примаков - и дело своё он сделал. Правда, не довёл его до конца.

Семь месяцев спустя, в марте, Примаков превратился в самого популярного политика в стране - тогда как рейтинг президента Ельцина составлял отрицательную величину, прокоммунистическая Дума затеяла процесс импичмента, а человек, похожий на прокурора, сидел на чемоданах компромата. Никакого «Медведя» ещё не было и в помине; ваххабиты мирно молились Аллаху; патриоты рукоплескали «развороту в небе» после начала бомбардировок Югославии; казнокрады с трепетом ожидали семидесяти тысяч арестов, то ли в шутку, то ли всерьёз обещанных им премьер-министром. Ясно было, правда, что в премьерах Примакову остаётся ходить недолго: то ли ревнивый и (как думалось тогда) находящийся при последнем издыхании Ельцин себе и «семье» на беду попытается его снять, то ли Примаков на ближайших выборах пройдёт в дамки. Впрочем, в дамки он проходил в обоих случаях.

Считается, что импичмент Ельцину, затеянный Думой, провалился (хотя по вопросу о Чечне не хватило всего двух голосов). Это, однако же, поверхностное суждение. Весной 1999 года фактический списочный состав Думы резко сократился - одни ушли в министры, других грохнули коллеги по бизнесу, - и если бы мандатная комиссия зафиксировала этот факт перед голосованием по импичменту (и, соответственно, изменила кворум), все получилось бы по-другому. Но и в сложившихся условиях победа Ельцина оказалась пирровой: по каждому из четырёх пунктов обвинений он был признан государственным преступником № 1 более чем половиной присутствовавших на тот момент в зале депутатов. До Совета Федерации дело не дошло, но и он - пропримаковский и антиельцинский (достаточно вспомнить исход голосований по отставке Скуратова) - был настроен однозначно.

И тут-то Ельцин и отправил Примакова (позволившего себе, кстати, несколько резких высказываний и о президенте, и о его окружении) во внезапную (а на чей-то взгляд, долгожданную) отставку. И Примаков ушёл. А почему он ушёл, я не понимаю до сих пор. Почему Примаков не затеял собственный переворот, который в условиях, когда реальная власть уже фактически перетекла к нему, означал бы вполне законное пресечение очередного переворота, затеянного без трёх минут (и без двух голосов) отрешённым от должности и ненавистным подавляющему большинству населения президентом?

Что стоило Примакову объявить Ельцина «Горбачёвым в Форосе»? А себя - его конституционным преемником? Объяснив Борису Николаевичу, что уйти вперёд головой можно только добровольно. Что стоило за ночь арестовать не семьдесят тысяч, и даже не просто семьдесят, а семь-десять человек, на которых реально зиждилась ельцинская власть? За Примакова были правительство, обе палаты парламента, силовые структуры, лужковская Москва и народ России. Против - не было никого, кроме нескольких проворовавшихся чиновников и их подельников-олигархов.

А ведь поступи он так, мы жили бы сегодня в другой стране. В какой? Проще всего это можно сформулировать так: президент Примаков добился бы на самом деле того, что президент Путин декларирует - и только декларирует, - он установил бы суверенную демократию, реализовал национальные проекты, удвоил ВВП, разобрался с олигархами (отнюдь не только с равноудалёнными) и обуздал коррупцию. А всего-то и стоило: отправить вконец распоясавшегося дедушку на покой.

Но служака Примаков восстать - пусть и чисто номинально - не посмел. Предпочёл уйти в отставку, чтобы прийти к власти сначала на парламентских (в декабре), а потом на президентских (в марте) выборах законным путём. И проиграл - даже не Путину, а Березовскому и Доренко.

Потому что законным путём в нашей стране к власти не приходят. Да и не удерживают её - тоже.

Да что я вам рассказываю - вы всё это не хуже моего знаете!

2006

Армейское поприще

В шестидесятые прошлого века закосить армию можно было только тремя способами: по блату, по болезни или поступив в вуз. Блата у меня не было. На медосмотре допризывников заставляли дуть в какую-то хреновину. Я дунул на литр. Мне сказали, чтобы прекратил симулировать. Я, поднатужившись, дунул на полтора. В медкарту записали: четыре с половиной.

Невропатолог выслушал, записал и перечитал вслух мои жалобы: «Бессонница... Головные боли... Три задокументированных сотрясения мозга... ГОДЕН! - И с отеческим злорадством добавил: - В армию тебе нужно! Во флот! Чтобы не на три года, а на четыре!» (Хотя тогда уже служили два и три соответственно). И сделал соответствующую пометку.

Пришлось поступить в университет. Из двадцати пяти моих одноклассников (класс был огромный и по преимуществу мужской, а школа непривилегированной) в вузы поступило двадцать три, в армию пошёл один, а ещё у одного не было на руке трёх пальцев.

Впрочем, ещё двое, вылетев из вузов, впоследствии всё-таки отслужили. И ничего хорошего про службу потом не рассказывали. Но и ничего плохого тоже. Дедовщина - да; землячество (штука, рассказывали они, пострашнее дедовщины) - тоже, но жить можно.

На филфаке ЛГУ была военная кафедра. Весьма колоритная: «Гантели надо по утрам поднимать, а не одеяло членом!» В первый день на плацу я закурил по команде «Вольно!», однажды ненароком вынес с кафедры «секретную тетрадь» и на госэкзамене по военному переводу повернулся не через то плечо, но закончил обучение на «отлично».

Как и мой однокашник З., с которым мы все годы проучились в тандеме. Он не знал немецкого, а я - оружия. За положенное время он успевал разобрать и собрать и свой автомат, и мой; я аналогичным образом управлялся с переводами документации, похищенной нашими штирлицами из закромов бундесвера. Через пару лет З. навестил меня в Питере - уже майором и с орденом на груди: его признали лучшим переводчиком ГСВГ. Оставалось только догадываться, каковы были там остальные.

От офицерской срочной службы все в той же ГСВГ я уклонился, пересидев месяц в Москве. Да и в дальнейшем (до тридцати лет, как положено) ускользал от армии бесхитростно, но эффективно. Возможно, впрочем, меня не слишком туда хотели. Дотошные университетские доктора выдали мне воистину уникальный диагноз: я оказался годен к прохождению службы в военно-воздушном десанте ВМФ, однако с противопоказаниями против службы в небе и в море. В принципе это означало какую-нибудь прикопанную в лесу станцию радиоперехвата, но звучало все равно странно.

А вот на сборы меня пытались затащить чуть ли не каждые полгода. Но нашла коса на камень! Нигде не служа и живя исключительно на литературные заработки, я вкрадчиво предлагал военкому обратиться к министру обороны с запросом о том, из каких, собственно говоря, средств он собирается оплачивать мои двухмесячные сборы, и категорически отказывался служить в армии за свой счёт. Я ведь, знаете ли, не помещик!.. Подумав и поматерившись, меня отпускали восвояси - с тем, чтобы через несколько месяцев вызвать вновь.

Сборов мы, кстати, не проходили и на военной кафедре: только госэкзамен. Филологи-русисты, из которых лепили артиллеристов, проходили, а филологи-зарубежники - нет. Поэтому я так и не нашёл времени и места принести присягу. Тем не менее в надлежащие сроки мне присваивали очередное звание. Для чего вызывали повесткой все в тот же военкомат. Так что я - для человека, не служившего ни единого дня, - сделал недурную армейскую карьеру. Правда, в отличие от моего ровесника Жириновского, до полковника так и не дорос. Но ведь и заслуг перед Отечеством у меня не в пример меньше.

Министр обороны (закончивший тот же факультет и ту же военную кафедру, что и я, только пятью годами позже), а теперь уже и Дума увлечённо экспериментируют и с призывами, и с отсрочками; вот-вот учредят военную полицию, победят американцев в Иране, Чечню - в космосе и «солдатских матерей» - в зародыше. Конечно, у нас уже не Советская Армия, а её кадрированная пародия, однако тайная доктрина реформ остаётся неизменной: «От меня до следующего столба шагом марш!» И тайная дилемма: этих отмыть - или новых нарожать?

2006

Благодаря или вопреки?

Считается, будто Германия выигрывает все сражения, но в результате почему-то проигрывает все войны, тогда как с Великобританией дело обстоит ровно наоборот. Ещё парадоксальнее, однако же, историческая судьба России: выигрывая все войны, мы раз за разом ухитряемся проиграть мир. Даже не проиграть, а, по грубому слову Сталина, - просрать!

Именно о Сталине и о его роли в войне спорят сейчас с неожиданной для столь торжественной даты остротой и даже с надрывом. Спорят в терминах «благодаря» или «вопреки», ища не столько историческую, сколько актуальную и сегодня политическую правду. И тому есть несколько объяснений.

Во-первых, это, увы, последняя круглая дата, до которой удалось дожить ветеранам Победы, а значит, в дальнейшем спор утратит если не актуальность, то аутентичность. Во-вторых, нынешний юбилей окрашен в унизительные цвета: по-прежнему нестерпимо низкий уровень жизни победителей плюс (вернее - минус) «монетизация»; оскорбительное поведение недавних сателлитов и как минимум двусмысленное - партнёров по коалиции; череда антироссийских переворотов в ближнем зарубежье; угроза фактической утраты суверенитета в форме американского контроля над нашей ядерной энергетикой (и арест Адамова!); кровоточащая, а местами гноящаяся рана на Кавказе; несмолкающие разговоры о неминуемом распаде уже не СССР, а России. И неизвестно, доживёт ли до восьмидесятилетия Победы сама страна. В-третьих, фактор Путина... Распад СССР Путин назвал главной геополитической катастрофой века. И хотя слова эти подсказаны теми, кто ратует за продление президентских полномочий путём объединения России и Белоруссии, объективно они верны. Распадом СССР оказался обрушен существующий порядок вещей, а жить при складывающемся Новом Порядке (американский аналог Всемирного Рейха) не хочется не только западным антиглобалистам и восточным фундаменталистам. Но равновесие нарушено, мир стремительно становится однополюсным - это и есть геополитическая катастрофа, перед которой меркнут все остальные. Однако фактор Путина в нынешних спорах о Сталине этим не исчерпывается: одни обвиняют президента в том, что он уже стал или вот-вот станет новым Сталиным; другие упрекают в том, что до Сталина ему как до звёзд; а третьи (голоса их звучат пока негромко, но набирают силу) утверждают, будто действующий президент - единственная цивилизационная и политическая преграда на пути возвращающегося в великодержавно-шовинистической форме сталинизма. А сам президент не по-сталински, а скорей уж по-микояновски все пытается «пройти между капелек»...

Так благодаря Сталину мы выиграли войну или вопреки ему? Однозначного ответа нет. Войну выиграл - помимо массового героизма, многомиллионных потерь и чудовищных лишений (включая блокаду Ленинграда), но ни на мгновение не забывая о них, - **страх перед Сталиным!** Лютый страх, заставивший (а вернее, ежечасно и ежеминутно заставлявший) маршала Жукова и других военачальников воевать именно так, как они воевали, наркомов и директоров заводов - работать так и только так, как они работали, - по-сталински лютуя! Ни пудель, ни спаниель, ни бульдог, ни даже питбуль с волком

не справятся - и, воюя с волками (а точнее, в предвидении неизбежной схватки с волками), Сталин воспитал волкодавов. Превратил партию, превратил всю административно-командную систему (а с нею и всю страну) в волкодава, который боится не волка, а только собственного хозяина. Можно ли было выиграть войну по-другому? Никто не знает. Сталин выиграл её так.

(Кто-нибудь непременно возразит, что волкодав ничуть не лучше волка, а может, и хуже. И действительно, возражают. Но эту - заведомо провокационную, заведомо кощунственную и попросту непристойную - постановку вопроса мы здесь рассматривать не будем).

Сталин сумел внушить лютый страх и ближайшим соратникам, и согражданам, а вернее, подданным, которых он лишь однажды - и сам единственный раз смертельно испугавшись - назвал «братьями и сёстрами». Какими средствами он своего добился, перечислять лишний раз не будем; объективно они чудовищны и даже в самой своей чудовищности непомерно избыточны. Но добился.

Сталин внушил страх.

Страх выиграл войну.

Никто не знает, можно ли было выиграть её по-другому.

Мы выиграли её так.

А проиграли - и продолжаем проигрывать - мир. Мир - и міръ.

2005

Бойтесь данайцев...

В годы брежневского застоя некий литовец, протестуя против **порабощения** могучим СССР маленькой, но гордой прибалтийской республики, беспрепятственно пронёс в ленинградский Эрмитаж склянку с кислотой и облил рембрандтовскую «Данаю». Сильно пострадавшую картину восстановить не удалось; сегодняшняя «Даная», по сути дела, заново написана реставраторами, что, правда, тщательно замалчивается, а завеса молчания сама по себе служит причиной множества слухов.

Скажем, в романе «Адвокат» (и одноимённом телефильме) чрезвычайно осведомлённого петербургского писателя и публициста Андрея Константинова, возглавляющего, наряду с прочим, знаменитое «Агентство журналистских расследований», преступники борются за обладание эрмитажной «Данаей», из зала музея якобы давным-давно выкраденной и подменённой. Да и вообще весь Эрмитаж увешан и заставлен подделками и копиями, тогда как подлинники давным-давно в частных коллекциях, заявляет уголовный «авторитет» в романе. И в телефильме, в котором эту роль исполняет государственный человек Кирилл Лавров. А другой государственный человек - директор Эрмитажа Михаил Пиотровский - утверждает, будто выпуск телефильма «Адвокат» с клеветой на музей оказался элементом чёрного пиара перед какими-то, далеко не самыми главными, выборами. Так смыкается скандальный политический круг над беспечно раскрытым лоном белокурой Саскии, она же Даная. Сладострастному

Громовержцу это, впрочем, скорее всего без разницы.

Уничтожение «Данаи» при всей непростительности было, однако же, актом вандализма, а не терроризма. Никто не пострадал, а ведь ни один шедевр не стоит человеческой жизни, не правда ли? И армянина, устроившего примерно тогда же и по тем же мотивам взрыв в московском метро, повлекший за собой человеческие жертвы, мы осуждаем куда сильнее. И советское правосудие приговорило его к расстрелу, тогда как литовец был всего лишь (!) брошен в тюрьму на долгие годы.

Как бы ни относиться к смертной казни, такую логику следует понять и принять. И вспомнить о ней сейчас, когда политический терроризм и политический вандализм **вошли в моду** во всем христианском, да и мусульманском мире. Однозначно осудив, разумеется, обе практики. Но куда сложнее определиться с собственным отношением к третьей политической моде наших дней - так называемому **цветочному** или **бархатному терроризму.** Когда в политиков летят помидоры и яйца, когда их хлещут по физиономии букетами и надевают им на голову торты или осыпают безвредным порошком, как только что премьер-министра в британском парламенте.

Разумеется, в каждом отдельном случае это недоработка личной охраны (которая, увы, затем рьяно навёрстывает упущенное, избивая «цветочных террористов» перед тем как передать их официальным инстанциям), но речь о другом. Как относиться к самой практике «цветочного терроризма»? Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не стреляло и не взрывало (это один вариант). Если не оборвать ему руки, завтра он вместо яйца или яблока запустит в политика гранатой (второй вариант). Политик, как и любой из нас, имеет право на самозащиту (третий; о реализации этого права людьми обычными промолчим). Свободу (и у нас, и на Западе) уже задавили - вот и получайте за это тортом по морде (четвёртый). А есть ещё пятый, шестой - и до бесконечности...

Понятно, что «цветочный терроризм» представляет собой виртуальную разновидность **нецветочного.** И, в свою очередь, сам по себе поддаётся виртуализации. Скажем, объединение журналистов «Петербургская линия» в каждом номере одноимённой газеты публикует так называемый «фейс-торт» - то есть виртуально вмазывает по мордасам тому или иному политику. Мне, одному из соучредителей «ПЛ», это претит прежде всего эстетически, но мои коллеги меня не слушают. А вот как относиться к реальному «торту по морде», я не решил. Не решил даже, зависит ли, должна ли зависеть реакция на виртуальный теракт от отношения к личности и публичной деятельности пострадавшего. Но определяться пора: «цветочный терроризм» явно набирает обороты.

В записных книжках Ильи Ильфа есть рифмочка: «Бойтесь данайцев, приносящих яйца». Хорошим писателям (а у Ильфа этого статуса не отнимешь), как правило, бывает присущ дар предвидения.

2004

В поисках нового плацебо

Череду неудач и провалов, преследующих нашу страну, принято объяснять

слабостью политической власти - безыдейной, безвольной, внутренне противоречивой, во внешних проявлениях непоследовательной, сплошь и рядом коррумпированной или как минимум своекорыстной, а главное, так и остающейся - во всем, кроме наездов на бизнес и панической сдачи позиций в дипломатии, - сугубо виртуальной.

Однако не все так просто. И, справедливо критикуя коллективного Путина за неумение остановить системный кризис, смягчаемый лишь баснословными ценами на нефть, мы, по сути дела, требуем от него не просто компетентного и ответственного выполнения собственных обязанностей (как кажется нам самим), а **чуда.** И нарастающее разочарование в президенте - это обида не на государственного деятеля, почему-то оказавшегося недостойным собственного поста, а на **несостоявшегося чудотворца.**

«Болит? - сказано в старом анекдоте. - А чему вы удивляетесь, батенька? У вас же рак!» Разумеется, Путин обманул общие ожидания в том плане, что не вылечил Россию, а всего лишь на какое-то время приостановил развитие болезни - и эту ремиссию значительная часть общества поспешила принять за полное исцеление или хотя бы за предшествующий исцелению кризис, - но остаётся вопрос: а что это, собственно говоря, за болезнь? Если язва или бронхит, то да: доктор плохо старался! А если всё-таки нечто неизлечимое и вместе с тем на все сто процентов смертельное? Тогда надо не к врачу, а к бабке. Или в церковь. Но вместе с тем тогда уж и нечего пенять на врача: светило он или самозванец, роли не играет.

Самое простое истолкование нашей болезни предлагают историки, напоминающие о том, что распад империй всегда проходит несколько стадий. Распался Варшавский договор, распался СССР, распадается СНГ, на очереди распад России. Распад до какого-то критически минимального - молекулярного или даже атомарного - уровня, на котором она исчезнет окончательно - или же (бывает и так) начнётся новое собирание земель. Распад, неизбежно сопровождаемый и дополнительно ускоряемый всевозможными бедствиями...

Поначалу показалось, будто Путин возрождает государственность, а значит, приостанавливает дальнейший распад, но дело обернулось четырёхлетней мнимой ремиссией: они притворились, будто нас лечат, а мы - будто выздоравливаем. Но выздороветь было нельзя, и мы напрасно злимся на доктора за то, что нам прописали плацебо. А что с операцией он замешкался и, едва начав её, при виде крови принялся, чтобы не упасть в обморок, обмахиваться скальпелем, как веером, - так мы ведь все равно были **неоперабельны.**

Сегодняшняя политология, вероятно на уровне коллективного подсознания, обращается к медицинской терминологии и - вот вам характерный пример - **оперирует** ею. Что такое консерватизм, как не призыв к консервативному лечению: не пей, не кури, соблюдай диету, больше бывай на свежем воздухе? Что такое либерализм, как не поблажки смертельно больному: водка? Да хоть залейся! Но лучше всего - «Абсолют»! Курить? На здоровье! Но, чтобы не кашлять, лучше курить «Парламент»! Оттянись напоследок по полной программе! Что такое государственничество - во всем спектре вплоть до великодержавного шовинизма, - как не призыв лечиться самовнушением: я

здоров... я молод... я красив?.. Что такое, наконец, наша социал-демократия, как не предписание отправиться в хоспис?.. А у больного меж тем портится не только самочувствие, но и характер, он все с большей ненавистью посматривает на несостоявшегося кудесника в белом халате и вот-вот накинется на него с кулаками. И тот, предчувствуя «горчичную революцию», паникует. И заранее отстреливается полными пригоршнями плацебо.

Единственный серьёзный упрёк Путину заключается в том, что он не сотворил чуда, тогда как спасти нас способно только оно. Не сотворил - и уже не сотворит: это и есть главное открытие (и главное разочарование) второго срока; а все остальные ошибки и огрехи - лишь производные от внезапно (!) открывшегося клинического бессилия. Отсюда, кстати, и тоска по Сталину (кровавому чудотворцу), овладевающая массами, да и преследующее элиты желание умереть «в постели с чистыми простынями, голландскими, если можно» (Лорка). Отсюда и проблема Преемника, который должен оказаться филиппинским хилером, или индейским шаманом, или хоть белорусским коновалом, но непременно - лекарем-чудотворцем. Представителей традиционной медицины просят не беспокоиться.

2005

Война валют

Пятнадцатилетие падения Берлинской стены отметили все. Об очередном наступлении евро на доллар не написал разве что ленивый. Остаётся понять, как второе связано с первым.

Бычий тренд евро имеет множество макроэкономических и политических причин. Но мы будем говорить о причинах психологических - из области коллективного подсознания, определяющего и экономику, и политику. Напомнив для начала, что выгоды от укрепления (или ослабления) собственной валюты неоднозначны и что в прогнозах на среднесрочную перспективу - полный разброд: заголовки вроде «Обвал доллара» соседствуют, допустим, в Сети с «Обвалом евро» в соотношении 3:2 или даже 4:3.

Евро - общеевропейская валюта немецкого происхождения, что видно хотя бы из её номинальной стоимости в две бундесмарки. Евро - ключ к Объединённой Европе, изготовленный в немецкой мастерской.

Да и сама Объединённая Европа это, прежде всего, немецкий проект: Соединённые Штаты Германии и наконец-то добровольно примкнувшей к ней Франции - так это задумано. Недаром же Англия продолжает цепляться за фунт стерлингов.

После падения Берлинской стены и объединения двух Германий дальнейшая немецкая экспансия (мирная, разумеется) стала на европейском континенте неминуемой. Немцы оказались единственной нацией Старого Света, сохранившей (или заново набравшей) витальность, чтобы не сказать - пассионарность.

Немецкая модель плавильного котла в максимальной мере нейтрализует исламский фактор. Немецкие наука и техника лучше всего подготовлены к

непростому переходу в постиндустриальную фазу. И даже раздельное существование двух Германий не помешало ФРГ стать мотором и лидером всей Западной Европы (как, кстати, в своё время и ГДР - мотором и лидером Европы Восточной). Одним словом, сразу же после объединения Германии и ликвидации Варшавского договора в общеевропейскую повестку дня попал вопрос о «четвёртом рейхе». С человеческим лицом, понятно, - с лицом куда более приятным и, не в последнюю очередь, родным, нежели поднадоевшая европейцам физиономия Дяди Сэма. Не говоря уж о наетых ряшках преемников Дядюшки Джо... Но сначала нужно было «переварить» бывшую ГДР - и Германия приступила к этому, не жалея сил и средств и, в частности, существенно «уронив» бундесмарку.

Такое развитие событий не устраивало США, уже взявшие курс на однополюсный мир, управляемый исключительно из Вашингтона. Первая (а затем, конечно же, и вторая) война с Ираком, вмешательство в конфликты на территории распавшейся Югославии (в которой, кстати, основной валютой была бундесмарка) и, наконец, односторонняя война с Сербией в 1999 году напомнили европейцам (и прежде всего немцам), кто в доме хозяин. И нельзя сказать, чтобы немцы, да и французы, отнеслись к этому с излишним восторгом. Но реальных средств политического противостояния Вашингтону, не желающему слушать никаких возражений, у объединяющейся Европы не было и нет, тем более что «новые европейцы» поспешили присягнуть на верность США. В этих условиях евро стал валютой не только объединения, но и протеста, и тут же оброс множеством символических смыслов - как сам по себе, так и в курсовом соотношении с долларом.

Изначально заниженный (до уровня обвалившейся после объединения Германии бундесмарки х 2), но номинально все равно превосходящий доллар (1:1,15), евро опустился до 0.90 ещё в безналичной форме, а затем начал долгий - макроэкономически двусмысленный, но символически чрезвычайно важный - подъем к нынешним 1,30. Все более претендуя на роль даже не резервной, а второй мировой валюты. Но двух мировых валют в однополюсном мире быть не может: владение единственным печатным станком - важнейшая составляющая мирового господства. А ведь крушение доллара (чисто гипотетическое) низвело бы на уровень натурального хозяйства и саму Европу. Поэтому США наверняка постараются (не постояв, как всегда, за ценой) войну валют если уж не выиграть (это им невыгодно), то погасить, привязав евро к доллару на уровне примерного паритета и превратив его из протест ной валюты в идеологически нейтральную вроде канадского доллара. Ну а называться «европейский доллар» может и евро - союзника нельзя загонять в угол. И вряд ли Объединённая Германия (прошу прощения, Объединённая Европа) сумеет найти эффективные контраргументы.

2004

Время и место

Многажды процитированные слова Столыпина о великих потрясениях и великой России представляют собой классический образец ложного рассуждения. Великие государства, великие нации, да и великие исторические

деятели появляются только в ходе великих потрясений. И, не будем забывать, сами по себе столыпинские реформы были, под стать петровским, задуманы именно как великое потрясение, из которого стране предстояло в идеале выйти счастливо преображённой.

«У терпения есть границы, и границы терпения становятся государственными», - сказал западноевропейский поэт. Государственные границы неизменно бывают политы кровью. Мы клянёмся не отдавать ни пяди - и наши соседи клянутся в том же, но, в конце концов, кому-то приходится поступиться принципами. Государственные границы определяются не договорами сторон, а великими потрясениями, договорам предшествовавшими, и, разумеется, готовностью (или неготовностью) идти на дальнейшие жертвы. Включая, в иных случаях, международную обструкцию.

И точно так же дело обстоит в общественных отношениях. Исторический компромисс между трудом и капиталом, достигнутый в странах «золотого миллиарда», был плодом трёхсотлетней кровавой борьбы и оказался к середине XX века достигнут только на фоне советской угрозы - военной, экономической и не в последнюю очередь идеологической. Вот почему социал-демократические мечтания узника № 1 Ходорковского вызывают в лучшем случае незлую усмешку: ага, господа олигархи «семейного» и «питерского» розлива, так вы и отдадите хоть что-нибудь добровольно. Как же я тебе, бабушка, подам - где у меня ракетка, где мячик?

Великие потрясения, как правило, бывают связаны с войнами и/или революциями. Но ведь оранжевых, равно как и бархатных, революций не бывает. То есть они каждый раз оказываются не революцией, а её имитацией. Или перестают быть бархатными, перерождаясь в нечто непотребное и кровавое. Что мы и наблюдаем весь нынешний год из-за полупрозрачных границ.

Так что без новых великих потрясений нам все равно не обойтись. И за них - при всей любви российской власти к имитационным технологиям - вряд ли удастся выдать оранжевую революцию или тем более её доблестное предотвращение путин-югендом, не говоря уж о какой-нибудь новой предвыборной *маленькой победоносной войне.*

Великие потрясения, которые с большой долей уверенности можно прогнозировать сегодня, сугубо пессимистичны: цепь техногенных катастроф и стихийных бедствий на фоне социально-этнического взрыва на Кавказе и перманентно возобновляемого террористического нападения на города в центральной России рано или поздно обернётся коллапсом режима, неспособного адекватно ответить на множественный вызов. А ведь усомниться в этой неспособности нет ни оснований, ни повода. На военно-морском параде в городе на Неве элементарной шутихой чуть было не пустили ко дну флагман флотилии и, вызволяя его, врезались в два моста.

Складывающийся авторитарный режим, конечно же, вопреки клеветам, не тянет ни на итальянский фашизм, ни хотя бы на испанский. Его ближайшая аналогия - режим «чёрных полковников» в Греции. Которые однажды утром после тяжёлого, но все же локального потрясения (кипрская война) без оранжевых или каких бы то ни было других революций просто-напросто

растворились в воздухе. Или, выражаясь грубее, сделали ноги. Потрясение оказалось невеликим - и по его итогам государственное величие Грецию ожидать никак не могло. Да и отношения с турками не наладились. Но все же это демократическая, более или менее процветающая страна.

Справедливости ради надо отметить, что сценарий, описанный здесь как самореализующийся, фактически представляет собой подлинный план действий антипутинской и, с некоторым преувеличением, антироссийской стороны, тогда как мнимая угроза оранжевой революции и вполне возможные в обозримом будущем международные санкции против *дичающей России* - не более чем отвлекающие манёвры. Серьёзные аналитики давным-давно просчитали (а практики - взяли на вооружение): случайно пришедшие к власти в великой стране невеликие люди не выдержат испытания великими потрясениями. Которые остаётся отчасти создать, отчасти использовать и в обоих случаях усугубить до упора.

2005

Газовая атака переходного возраста

Россия нашла универсальный и по-своему справедливый способ воскреснуть в качестве «управляемо - демократической империи» (управляемой - по Путину и демократической - по Чубайсу): энергетический, прежде всего газовый, шантаж отложившихся территорий. Газовый шантаж не сегодня, так завтра обернётся газовой атакой; правда, в отличие от событий, разворачивавшихся на полях Первой мировой, газ не пустят, а, наоборот, отключат. С тем же, впрочем, объективно убийственным эффектом.

Логику Кремля легко понять и принять (и действительно её поддерживает большинство населения): хотите быть полностью независимыми, платите за энергоносители полную цену. *Кто вас ужинает, тот и танцует.* А не хотите быть «танцуемыми» (или, как минимум, танцуемыми именно этим партнёром) - рассчитывайтесь в ресторане сами или сидите голодными! Да ведь и вправду наши «танцуемые» ведут себя кое-как, уписывая за обе щеки дармовое угощенье и напропалую кокетничая с мужчинами за соседним столиком. Конкретные пацаны за такое вообще зарезали бы, а наши кремлёвские интеллигентики только тихо негодуют и предлагают рассчитаться за ужин «по-европейски».

На бытовом уровне напрашивается ещё одна аналогия. Любой родитель рано или поздно говорит своему отпрыску в переходном возрасте: мнение ты можешь иметь любое, а поступать должен, как я скажу. И не потому, что я тебя непременно умнее (может, это и не так), а потому, что я тебя кормлю! Вот станешь самостоятельным человеком, тогда и поступай как знаешь!

На политическом уровне - и в кричаще модных терминах - это означает, что у наших подвергшихся газовой атаке соседей отсутствует суверенная демократия. Буржуазной демократии - хоть ложкой ешь (особенно в Польше), а с суверенной как-то не очень. То есть или суверенитет, или газ. Или Конституция, или севрюга с хреном.

Причём во внешнюю (скорее, полувнешнюю) политику перенесён принцип, давным-давно возобладавший в политике внутренней. Золотое правило императора Тиберия: друзьям - всё, остальным - закон. Наше государство так же право в своих взаимоотношениях с Украиной, Грузией и, во вторую очередь, с Польшей, как и во взаимоотношениях с Гусинским и Ходорковским: заплатил налоги (вернул кредиты) - и спи спокойно. И нечего кивать на то, что другие (чуть ли не все остальные) не платят, не возвращают, качают газ и жгут электричество по льготной цене. Это друзья не платят! Не платят, зато танцуют topless исключительно для наших глаз. И делают, только свистни, все остальное. И мы не только не принуждаем их платить - мы им и сувениры дарим, по несколько миллиардов у. е. каждый!

Все это так, но тем не менее в целенаправленной государственной политике сквозит определённое недомыслие. Потому что принуждение к покорности (в том числе к профессиональной покорности) - одно, а принуждение к любви - другое. И дело даже не в том, что «насильно мил не будешь», - на эту народную благоглупость есть другая: «стерпится - слюбится». Дело в том, что мы сами не знаем, чего хотим - покорности или любви.

Строгий, но в своём праве родитель, наказывая сорванца сына, определённо хочет и того и другого. Первое ему причитается по биологической справедливости, а второе - по экономической. Но ведь украинцы - братский, а не сыновний народ, и логики «Я тебя породил, я тебя и убью» они, скорее всего, не поймут.

Две демократии - наша суверенная и украинская энергозависимая - ровесницы. И обе находятся в подростковом возрасте. В переходном возрасте - на переходе от известно чего неизвестно к чему. Покорности - газовым шантажом, перерастающим в газовую атаку, - от Украины добиться, наверное, можно (хотя не факт), любви - едва ли. А мы что, уже твёрдо решили, что можем обойтись без любви? Что одной покорности нам достаточно? Нет, не решили. Мы на самом деле вообще ничего не решили - мы мстим за непослушание, как мстили все тем же Гусинскому с Ходорковским. Мудрая это политика или нет, покажет время.

2005

Государственная аскеза

Объявлено о повышении пенсий - в среднем на сто рублей «с хвостиком» - и об увеличении зарплаты чиновникам высших категорий - «в разы». И там и тут сквозит мудрая государственная забота: пенсионеры должны жить достойно, то есть не пухнуть с голоду; чиновникам нужно платить прилично, чтобы у них не возникало соблазна брать взятки. Затрат из бюджета оба мероприятия потребуют одинаковых, ведь в результате реформы число министерств и ведомств возросло в полтора раза, и своё штатное расписание есть у каждого. А ещё имеются приравненные к федеральным министрам думцы... и прокурорские... и судейские... и силовые... Если уж бороться с коррупцией - то повсюду! И, что особенно приятно, вслед за зарплатами автоматически вырастут и пенсии, а это позволит добавить ещё несколько рубликов к среднему по

стране.

Один кремлёвский чиновник с похвалой отзывается о скромности другого: у того, мол, понятно, не пять миллионов (долларов, естественно), но и не пятьсот!

Прокурор области обкладывает все и вся двойным оброком: я за своё место заплатил, и эти бабки нужно отбить. Приближённый к власти политтехнолог признается: я сам без пяти минут олигарх. Замминистра, выйдя в отставку, покупает себе немножечко нефти. И что, все они, сев на ставку какого-нибудь мелкого московского маркетолога, разом одумаются? Или всё-таки аппетит приходит во время еды?

После всех повышений годовое жалованье министра едва потянет на какой-нибудь «брабус», а за бутылку коллекционного вина в ресторане ему придётся выложить месячную зарплату. Так что ж, ему вина не пить? На «Жигулях» ездить? А замначальнику его канцелярии обедать по выходным в «Макдональдсе»? А столоначальнику попроще остановить строительство на Рублёвке? А министерскому клерку попросить экономического убежища в Куршавеле или в Гоа? А прокурору в итальянских туфлях стушеваться перед адвокатом в туфлях ручной работы?

Мысль о том, что чиновникам нужно хорошо платить, чтобы они не воровали, стара как мир, но от этого не становится вернее. Хорошо - это сколько? Хорошо - это чтобы хватило на что? Или чтобы хватило на все сразу?

Пробовали у нас и другое: призвать во власть мультимиллионеров, чтобы они наконец послужили Отечеству. Но мультимиллионерам захотелось стать миллиардерами - и ведь стали! Декларацию о расходах отменили, а доходы у всех сами знаете какие - хочется прослезиться.

Государственная служба везде и повсюду, кроме заведомо прогнивших режимов, предполагает и подразумевает личную аскезу. Личную, групповую, коллективную, наконец, но не в последнюю очередь - государственную. Бедный, но честный сыщик ловит богатого вора, а защищает его богатый адвокат, и так - во всем. Во всем, а главное, сверху донизу. Главное - сверху! Аскеза насаждается сверху и подтверждается личным примером - иначе государство скорее рано, чем поздно, рассыпается.

Конечно, речь идёт о бедности относительной. В богатой стране бедный чиновник живёт получше, чем в бедной. Но в любой стране он беднее большинства сограждан. Он беден, значит, честен - и этим гордится! Он беден, значит, он вне подозрений. И суперпопулярному президенту страны, в которой десятки миллионов живут за чертой бедности, кататься нужно не на горных лыжах, а на коньках. Да и коньки - как в детстве - прикручивать к валенкам верёвочками.

Тогда и чиновникам зарплату повышать не надо будет: сами брать взятки остерегутся. Чай с сушками будут пить, а не в кабаках бюджетные деньги «пилить». А засидятся на службе за полночь - домой их доставят на служебной машине. И с утра заедут. Заболеют - подлечат. И отдыхать раз в год пошлют, а потом - на пенсию, но уж никак не более. Все остальное, как говорится, от лукавого.

Каков же подлинный смысл многократного повышения чиновничьих зарплат? Он не прост, а очень прост: речь идёт не о борьбе с коррупцией, а о легализации коррупционных доходов - когда тебе официально платят не сотни, а тысячи, существенно легче объяснить, откуда у тебя сотни тысяч. Но все же не миллионы, не сотни миллионов - те по-прежнему останутся на номерных счетах во всемирных офшорах.

2004

Досье на дублёнку

Небо дышит осенью, дело идёт к зиме, пора обновлять гардероб. Шуб мы давно не носим, в пальто холодно, в куртке бедно; средний класс выбирает дублёнки. Уже несколько лет телереклама рекомендует приобретать их в режиме нон-стоп, парадоксально подчёркивая, что ночью дешевле. Да ведь и дублёнка дублёнке рознь.

В политический гардероб дублёнки пока не входят; политики все реже показываются на люди, предпочитая перемещаться на иномарках с микроклиматом и непременно с охраной. Меж тем у остро дефицитных в советское время турецких тулупчиков славное правозащитное прошлое. Два десятилетия Лубянка боролась с дублёнкой и в 1991 году потерпела поражение. Правда, как выясняется, не окончательное.

В отечественной диссидне, разумеется, преобладали бессребреники. Но и бессребреникам надо кушать. Главным предарестным или предэмиграционным промыслом рядового диссидента, со службы уже уволенного, тогда как ожидание того или иного разрешения твоей участи растягивалось порой на годы, стало репетиторство. Но основным источником дохода были дублёнки.

Дублёнку привозил или, чаще, покупал в московской «Берёзке» иностранец. Радиокорреспондент, профессор-славист, обыкновенный агент ЦРУ или, допустим, экологически озабоченная фрилансерша из какой-нибудь Скандинавии. Дублёнку дарили, придя в гости к правозащитнику, после чего он сдавал её в комиссионный магазин и выручал изрядную сумму.

В джентльменский набор варяжского гостя входили, наряду с дублёнкой, нераспечатанные джинсы (несколько пар), суперкоротковолновый (13, 16 и 19 м) приёмник, тамиздатская литература и, естественно, виски. Но шотландский самогон, книги, приёмник и джинсы предназначались в основном для личного пользования, да и реализовывать их было бы хлопотно и опасно. А вот дублёнки со свистом улетали по полштуки за штуку, крепя правозащитный бюджет. Иной диссидент пробовал фарцевать - и его на этом тут же ловили, но большинство с показной законопослушностью сдавало дублёнки в комиссионку - и к ним было не подкопаться.

В девяностые в страну пришли свобода и Сорос, в 1992-м узаконили хождение доллара, правозащита легализовалась и обросла грантами. Ну и дублёнки перестали быть дефицитным товаром. Да и иностранец пошёл другой: он смотрел на тебя в упор жёсткими немигающими глазами и, прежде чем подмахнуть чек, требовал либо секретных сведений, либо отката. Антифашисты

вынужденно выбирали откат, тогда как экологи щедро делились сугубо научной информацией. За что их сажали, судили, оправдывали и награждали международными премиями. Пожалуй, только Григорий Явлинский получил (только что) премию, не побывав на нарах. Ну и, разумеется, Михаил Горбачёв - нобеля: чай, Форос не Лефортово.

В нулевые похолодало; и некогда обжёгшаяся на дублёнках Лубянка с новой ретивостью взялась за правозащитные организации. Или вот-вот возьмётся; во всяком случае, августейшая отмашка уже дана. У Лубянки теперь немало помощников: раньше стучали тайно, теперь, взяв пример с США, делают это в открытую. Во весь голос. Через средства массовой информации. Да ведь и впрямь, на вопрос: «Откуда деньги, Зин?» - у сегодняшних борцов за свободу чаще всего не находится вразумительного ответа: «Из тумбочки!» А кто их в эту тумбочку положил?

Другое дело, что за деньги в тумбочке сегодня сажать нельзя. Как тридцать лет назад - за дублёнку в комиссионке. Поэтому о деньгах спрашивают не «откуда», а «за что». И на этот вопрос сами же вопрошающие отвечают по аналогии: если нам платят (вариант: мы платим) за безупречное служение Отечеству, то тем, кто вставляет нам палки в колеса, платят, понятно, за прямо противоположное.

Это и так, и не так. Потому что среди зарубежных донаторов по-прежнему попадаются и подлинные профессора, и горячие финские парни, да и просто благородные люди. Другое дело (и тоже не слишком приятное), что едут они к нам как в чёрную Африку, но пёстрые евро и прочие побрякушки раздают совершенно бескорыстно.

И все же, будь я, допустим, членом общества «Мемориал» или «солдатской матерью» (дикая мысль, конечно, причём в обоих случаях), я бы попросил зарубежных партнёров вернуться к дублёнкам. Ночью дешевле. Идут холода. А против дублёнки приёма нет и у лома. Проверено многолетней практикой.

2004

Если бартер не катит

Постепенная ликвидация бартера, вытесняемого прямыми денежными выплатами, - основополагающий принцип политики естественных монополий и на внутреннем рынке, и на внешнем. А ведь политика - это концентрированная политэкономия, не правда ли? Но в реальной политике (международной) Россия и её предшественник СССР последние двадцать лет (с тех пор как покинул свой пост прославленный в качестве «мистера Нет» Андрей Громыко) ориентируются исключительно на бартер, терпя при этом одно поражение за другим, а главное, не одерживая ни одной хоть сколько-нибудь значимой победы. И у нас, и за рубежом сменяют один другого президенты, не говоря уж о министрах иностранных дел, а объективно позорная суть происходящего остаётся неизменной: политический бартер не катит. И внешняя политика выходит из очередного тупика только затем, чтобы зайти в новый.

А что такое политический бартер? Политика сбалансированных взаимных

уступок. Поясню свою мысль на далёком, казалось бы, от политики примере: в 1971 году в Одессе игрался матч претендентов на первенство мира по шахматам. Отношения между гроссмейстерами резко обострились - и на каком-то этапе было достигнуто примерно такое соглашение: гроссмейстер П. обязуется не пинать под столом ногою противника и вообще не раскачивать шахматный столик, если гроссмейстер К. обязуется не размешивать сахар в кофейной чашке так, чтобы горячие брызги летели в лицо конкуренту.

Этот бартер не покатил, матч прервали, но идею запомнили. И семь лет спустя в далёком Багио, где в матче за чемпионскую корону сошлись два К., к бартеру прибегли вновь: гроссмейстер К.-второй обязуется не сажать своего парапсихолога в зрительном зале ближе пятого ряда, если гроссмейстер К.-первый обязуется не надевать на партию зеркальные очки и не пускать ими солнечные зайчики в глаза сопернику.

Но и этот бартер не покатил. Во время решающей партии парапсихолог вновь появился в первом ряду, а в ответ на протесты противоположной стороны руководитель делегации К.-второго (полковник КГБ в отставке) заявил: предварительно достигнутое соглашение было джентльменским и соблюдать его обязаны только джентльмены - и применительно к джентльменам же...

Так вот, западные джентльмены джентльменских соглашений с нами не соблюдают и соблюдать не собираются. Более того, категорически отвергают саму философию джентльменских соглашений (политического бартера). Когда мы идём на уступки - распускаем Варшавский договор, соглашаемся на объединение Германии, выводим войска в чистое поле и так далее, - они соглашаются. А когда мы просим не принимать в НАТО хотя бы бывшие республики СССР, недоуменно пожимают плечами. Ведь если мы перестаём брызгаться кипящим кофе, это ещё не повод прекратить пинать нас под столом. Бартер не катит! И джентльменские соглашения соблюдают, только если они заключены с джентльменами.

В ВТО нас так и не приняли и, похоже, уже не примут; в «большую восьмёрку» приняли условно-досрочно (до первого правонарушения); да что там говорить, если до сих пор не отменена поправка Джексона-Вэника! Хуже того, есть подозрение, что, даже сдав, к примеру, Курилы, мы не получим по политическому бартеру ничего, кроме разве что кабальных и никому не нужных кредитов. И, разумеется, рукоплесканий. В виде, допустим, Нобелевской премии мира действующему президенту страны (что мы, впрочем, уже проходили). Сегодня конспирологи рассуждают о том, что, сдав предварительно обнадёженные Иран и ООП, мы в обмен получим карт-бланш на Кавказе, - и забывают, что означенного карт-бланша мы ждали по бартеру уже десятки раз и в ответ на совершенно иные уступки. Взять хоть ту же Югославию... Или Ирак...

Сбалансированных взаимных уступок в политике не бывает. Уступает тот, кто слабее. Не вообще слабее (иначе нам пришлось бы даже не уступить, а безоговорочно капитулировать), а в конкретной ситуации. Вокруг которой - и только вокруг которой - разгорается жёсткий торг. И слабейший в конце концов уступает. У Америки - и, шире, у Запада - свои уязвимые точки, у нас - свои. Спор должен идти о каждой из них в отдельности. Потому что - и двадцатилетний

опыт тому порукой - бартер не катит.

2006

За что раздербанили «Родину»

Хтоническое божество Сатурн пожирало свои детища, чтобы они - ибо именно таково было пророчество! - не пожрали его самого. Аналогичным образом распоряжается собственными порождениями Кремль: где дарованные было губерниям и республикам (кроме Чечни) вольности? Где всемогущество олигархов? Где политические партии - гайдаровская, черномырдинская, рыбкинская и, наконец, рогозинская?

Абсурдность обстоятельств, предшествовавших отставке Дмитрия Рогозина с поста председателя партии, очевидна: к региональным выборам, начиная с московских, под тем или иным предлогом не допускали одну из четырёх партий, представленных в парламенте всей страны! А ведь, раз уж президент у нас беспартийный, представительство в Думе Федерального Собрания - наивысшая из возможных степень легализации политической партии - и придирки судов и избиркомов на «низших этажах» просто-напросто не должны приниматься во внимание - до следующих выборов в Думу как минимум. Однако Сатурн сказал: «Надо!», и против этого «Надо!» не нашлось другого лома. Кроме вынужденной отставки Рогозина. Которая, разумеется, никого и ничего не спасёт: опыт показывает, что, начав дербанить, остановиться у нас не могут, не хотят или не умеют, а значит, на думских выборах (2007 года или досрочных) «Родину» и вовсе не включат в список для голосования. Как, кстати, и микропартии «из-под Березовского» и «как бы из-под Касьянова».

«Надо!» - а, собственно говоря, почему? Только ли потому, что Рогозин (вслед за ранее «нарушившим уговор с Кремлём» Глазьевым) отбился от рук - и создатели проекта на него, соответственно, осерчали? Нет, конечно же. «Родина» и впрямь затеяла опасную игру, а значит, стала или показалась хотя бы потенциально опасной. Первым после «старого мальчика» Лимонова (и в отличие от откровенно балаганного Жириновского и интернационалиста поневоле Зюганова) Рогозин предложил избирателю двуслойный пирог просвещённого патриотизма: из благолепного государственнического теста, но с острой ксенофобской начинкой.

И фокус не в том, что этот пирог пришёлся по вкусу ксенофобам. Не так уж много у нас ксенофобов; но в душе у каждого нет-нет да взыграет жгучая нелюбовь к «чужим» - ты сам её устыдишься, - и пусть этот повар (то бишь агрессивный национализм) будет готовить острые блюда, ты таких блюд **не ешь.** Другое дело, если острым окажется не само блюдо, а только **начинка!** Постный пирог с мясной начинкой - им **по неведению** можно полакомиться и в пост! Ну а уж внушить себе, будто сам не ведаешь, что творишь, - дело и вообще нехитрое.

Справедливости ради отметим, что в рогозинском ноу-хау почти нет лукавства. Строго говоря, это имперская идея в чистом виде: декларируемое и реализуемое на практике равенство наций и априори подразумеваемое недоверие ко всем, кроме титульной. То, что В. И. Ленин называл

великодержавным шовинизмом, - не такая уж и страшная по нынешним меркам болезнь. Но заразная. И Кремль спешит обнести «Родину» санитарным кордоном. Неужели боится распространения? Просвещённый патриотизм это всё-таки не птичий грипп!

Но ведь двуслойным пирогом потчует и себя, и нас сама власть! С одной стороны, ей хочется сымитировать состязательную природу собственной легитимности - то есть победить на выборах. С другой - низвести состязательность до такого уровня, чтобы её имитационная, хуже того - пародийная природа не вызывала сомнений ни у кого. Чтобы в президенты (как на последних выборах) баллотировался даже не Жириновский, а его личный телохранитель. В эту парадигму амбиции «Родины» - хоть глазьевской, хоть рогозинской (но не бабуринской) - не вписываются; вот поэтому её и дербанят.

Но есть и ещё одна причина. К президентским выборам, традиционно проводимым в форме выбора «меньшего зла», явно готовят на роль зла «большего» маргинальных ура-патриотов, чтобы подавить в их лице «зародыш фашизма». Подавить, но с каких позиций? Не с либеральных же! Либеральную позицию власти народ не поймёт и не примет. Давить «русский фашизм» президенту-преемнику (собственному) придётся с позиций просвещённого патриотизма.

Вот и надо заблаговременно расчистить рогозинскую поляну. Да и не так уж заблаговременно - сроки-то поджимают.

2006

«Здравствуйте, я Глеб Павловский!»

В одну из недавних суббот автор и ведущий программы «Реальная политика» изрядно напугал политически подкованную аудиторию НТВ мрачными прогнозами на 2006 год: две-три локальные войны неизбежны, причём одна из них - непременно с Грузией. Грузинское посольство выразило протест, как если бы речь шла об официальном демарше; 24 февраля Павловский не то чтобы взял свои слова обратно, но постарался свести дело к шутке: Саакашвили, мол, продолжает вредить своему патрону Бушу-младшему, разжигая ненужную республиканцам США войну на Кавказе; тема эта на сей раз едва промелькнула; однако осадок у многих остался удручающий. Мне, во всяком случае, оборвали телефон, приставая с расспросами о том, правда ли, что война и впрямь неизбежна. Успокаивал я людей (а заодно и объяснял ситуацию) примерно такими словами.

Павловский не Путин, это вы, я надеюсь, понимаете. Но Павловский и не голос Путина и даже не человек Путина, хотя, страшно важничая, старается казаться и тем и другим. Павловский - человек зам. главы Администрации президента, в том числе и по официальному статусу. Но и точку зрения зам. главы он угрозами по адресу Грузии не выразил. Вернее, не выразил точку зрения **своего** зам. главы.

В Кремле сложились две партии, возглавляемые двумя чиновниками в одинаковом ранге: и тот и другой являются заместителями главы

Администрации, о собственных политических пристрастиях которого, кстати, ничего не известно. Строго говоря, это единственные партии, которые есть сегодня в стране; единственные партии власти, во всяком случае. И вся реальная политика (как и называется программа Павловского) развивается в русле противоборства двух заместителей и стоящих за ними хозяйственно-политических группировок.

Противоборство идёт по всему спектру проблем, но главной из них, как всегда у нас, является, конечно же, вопрос о власти, иначе называемый «Проблемой-2008». У обеих группировок есть по нескольку вариантов решения проблемы: один заместитель, контролируя Думу, прорабатывает вариант парламентско-президентской республики и (про запас) вариант «Преемник», причём преемников «ведёт» на всякий случай троих сразу (как минимум). Другой заместитель нацелен - под тем или иным соусом - на третий срок Путина. Причём наиболее вероятным соусом представляется как раз «управляемая дестабилизация», не обязательно подразумевающая, но в принципе допускающая возможность «маленькой победоносной войны». (Между прочим, эта же группировка усиленно трудится сейчас над созданием и закреплением в обществе негативного образа министра обороны - самого вероятного из вероятных преемников, - разыгрывая карту трагедии рядового Сычева в подконтрольных СМИ).

Здесь, однако же, начинается самое интересное. Павловский - человек того зам. главы, который ратует за парламентско-президентскую республику (или за преемника), а вовсе не за «управляемую дестабилизацию»!

Что ж он лезет поперёк батьки в пекло, стращая публику якобы неизбежной войной с Грузией? А вот потому и лезет! Не поперёк своего батьки-заместителя, а поперёк чужого! То есть занимается политической провокацией.

Цель выступления Павловского - преждевременно раскрыть и вместе с тем довести до абсурда планы «чужого» зам. главы Администрации; раскрыть - чтобы сорвать или, по меньшей мере, существенно осложнить их исполнение, автоматически усилив тем самым позицию «своего». (Для симметрии отмечу, что, наряду с этим, автор «Реальной политики» усиленно трудится над закреплением уже созданного негативного образа действующего премьер-министра: в случае его снятия, новый премьер неизбежно будет осознаваться как преемник, а значит, и вероятность разрабатываемого противоположной стороной третьего срока заметно снизится).

Сорвать планы противника, преждевременно и в карикатурном виде (однако внешне - на полном серьёзе) огласив их, - таков был пафос некогда знаменитой «Версии № 2», в авторстве которой, если кто забыл, нехотя признался Павловский. То есть работодателя он с тех пор сменил, а почерк - нет, что и неудивительно, потому что почерк сменить труднее.

А будет ли война с Грузией? Я вам, извините, не Нострадамус.

2006

Зимняя сессия

Январь - время студенческих экзаменов. И не только студенческих... Год назад наша власть, слывшая до того «хорошисткой» (по оптимистическим оценкам) или «крепкой троечницей» (по средневзвешенным), ухитрилась зимнюю сессию завалить, схлопотав за «монетизацию» неуды и по политэкономии капитализма, и по политэкономии социализма, и по политологии пополам с социологией, и по демографии, и по географии, и по бухучету, да и просто по арифметике. Хотя все (или почти все) эти дисциплины традиционно считаются профилирующими не только в СПбГУ, но и на курсах усовершенствования в ФСБ.

А завалив сессию, власть запаниковала настолько, что чуть было не ушла в «академку», а то и вовсе - на все четыре стороны. Однако всё-таки не ушла, а «уйти её» в принудительном порядке ни у кого из тех, кто этого хотел, не получилось, хотя хотели многие; пересдала - уже весной - экзамены, ликвидировала «хвосты» и обошлась в итоге без отчислений из института. Без отчислений за неуспеваемость, по меньшей мере. Потому что ровно год спустя - перед началом нынешней зимней сессии - отчислили единственного на весь «поток» отличника. Чтобы не выеживался.

Второй этап «монетизации» начали, загодя запасясь шпаргалками и, главное, деньгами на непредвиденные расходы. Чтобы нашлось что вложить в зачётку, подсовывая её придирчивому экзаменатору. Чтобы никто, кроме разве что нацболов (но и на них найдётся управа), не взялся в канун птичьего гриппа за тухлое яйцо. И первая реакция экзаменующего электората и впрямь оказалась более или менее сносной: ну, подорожало тону, это... ну, третье, четвёртое, пятое и двадцать пятое... Да только нам не привыкать!

Но как приходится сдавать раздельно политэкономию капитализма и политэкономию социализма (а есть ещё «экономика переходного периода», на дрожжах которой растёт разве что сам Егор Гайдар), так и всеми правдами и неправдами нивелированная на внутреннем рынке «монетизация» обернулась на внешнем новой угрозой развесёлому студенческому житью-бытью: из института, положим, уже не исключат, а вот из «большой восьмёрки» - за милую душу. И станет она тем, чем ей и положено быть, - «большой семёркой».

«Монетизация» на внешнем рынке получила название «газовая война». У газовых войн, как известно, есть пренеприятная особенность: никогда не знаешь, в какую сторону подует ветер. И дует он зимой, похоже, всё-таки в нашу.

Триумфальная победа над Украиной, провозглашённая нашими «троечниками» и, естественно, подтверждённая малоросскими оппозиционерами, представляется все же крайне сомнительной. На данный момент мы подписали не договор, а протокол о намерениях (а в традициях украинской стороны - смягчение суровых договоров с Россией необязательностью их соблюдения) и тут же продолжили гнать по трубам дешёвый газ, окончательно закрыв глаза на то, что его вдобавок воруют, воровали и воровать будут. Впрочем, нам с вами от этого воровства и всей (нефте) газовой вакханалии не жарко и не холодно: миллионы наших сограждан, вложившие тринадцать лет назад недоброй памяти ваучеры в акции

«Газпрома», получают дивиденды в размере одного-двух рублей в год!

Спецоперация прикрытия - спешно развязанная газовая война с «семнадцатой республикой» бывшего СССР Болгарией - не избавляет от ощущения конфуза: на нас прикрикнули (Кондолиза Райс - публично, а президент Буш - грозным шёпотом) - и мы поджали хвост. И продолжаем топырить пальцы веером исключительно на внутреннем фронте.

А что касается «рыночной цены» на поставляемый монополистом газ, то, как справедливо подметил отличник Илларионов, она определяется не диктатом производителя и поставщика (и не совокупным платёжеспособным спросом), а только стоимостью альтернативных источников энергии на том или ином внутреннем рынке. За что его - в канун зимней сессии - и отчислили.

2006

...И о погоде

Поскольку главной политической новостью второй половины января чуть ли не официально предложено считать крещенские морозы, поговорим о погоде. О климате. О политическом климате, разумеется.

Каждая цивилизация формируется, учил Тойнби, как ответ на вызов. Как ответ на вызов природных условий прежде всего, главным из которых - особенно поначалу - является как раз климат. Тогда как о запасах нефти и газа (или об их отсутствии) возникающая цивилизация задумывается лишь в последнюю очередь. Традиционно считается, что северяне (вынужденно) трудолюбивее, а от этого злее (и, соответственно, воинственнее) южан и отличаются куда меньшим вкусом к неге, холе и всевозможным чувственным удовольствиям - одним словом, горячие финские парни, любящие водку, сауну и купание в Красном море. В этом контексте новая русская мода на Куршевель имеет выраженно провокационный и даже антицивилизационный характер: от добра добра не ищут. Улетаешь из России на юг за снегом - получи на родине по полной программе!

Напоминание о том, что Россию в 1812-м и СССР в 1941-м спасли морозы, греет душу, но вызывает недоуменный вопрос: а от чего нас спасают в 2006-м? Если от Горнолыжника на третий срок, то это едва ли. Скорее уместно задуматься над тем, что в последние пятнадцать лет Россию спасали не морозы, а ровно наоборот - их отсутствие. После январских холодов 1991 года и «павловского» обмена денег - на которых (и на котором) подорвался СССР, постреляв для виду в Риге и в Вильнюсе и напоследок, уже в августе, поскрипев танковыми гусеницами в Москве, - зимы стояли на диво тёплые. А вы только представьте себе крещенские сорокаградусные морозы в 1992-м, под мудрым руководством Гайдара, на фоне только что запущенных горе-реформ и под аккомпанемент ельцинских заверений в том, что дело пойдёт на поправку где-нибудь осенью! Или в 2000-м - через пару недель после новогодней «загогулины»! Или в любой другой год в промежутке!

В принципе, морозы дело нормальное. Не стихийное бедствие, в любом случае. Да ведь и стихийные бедствия, даже катастрофические, - дело в общем-

то, как это ни прискорбно, тоже нормальное. Цивилизация, учил Тойнби, умеет находить ответ на любые вызовы - или она прекращает существование именно как цивилизация. Какие же ответы мы за столько веков в суровом северном и столь же свирепом политическом климате нашли?

Надежда на милосердие Господне - ответ первый (в несколько кощунственном низовом варианте: бог не выдаст, свинья не съест). Надежда на пресловутый авось. Надежда на начальство.

С этого места, пожалуй, поподробнее. Надежда на начальство (приедет - разберётся), пусть и осложнённая недоверием к начальству промежуточному (по принципу: царь хороший, вот только бояре у него плохие), почему-то никогда не распространяется на самого государя. Даже в войну больше надеялись не на Сталина, а на Жукова. Даже в Армению на землетрясение летал не Горбачёв, а Рыжков (где и получил прозвище «плачущий большевик»). Последнее делегирование всенародных упований богопомазаннику обернулось 9 января 1905 года Кровавым воскресеньем.

Итак, в нашей цивилизации принято надеяться отчасти на Спасителя, отчасти - и куда в большей части - на Спасателя. На князя Пожарского, на фельдмаршала Кутузова, на генерала Шойгу. Сегодняшняя ситуация - далеко не столь катастрофическая, чтобы трубить об этом круглыми сутками во всех СМИ, - усугубляется паническими настроениями, а они, в свою очередь, вызваны тем, что в роли Спасателя на сей раз - по должности - выступает не просто Антиспасатель, но прямой Погубитель. И хотя этот погубитель на букву Ч. ничего ещё у себя в электроэнергетике не сгубил (за последние две недели, разумеется, - а не вообще ничего), никто не верит в то, что он сумеет, пересилив себя, удержаться от какой-нибудь пакости.

Ну а если уж пакостей приходится ждать от Спасателя, тогда и впрямь кранты. Конец света - во всех мыслимых и немыслимых смыслах этого словосочетания.

Цивилизация наша такова, что никаких других действий от властей, кроме воровства, взяточничества и т. п., в режиме нормального функционирования не ждёт - и ни на какие работы, кроме спасательных, в аварийной ситуации не надеется.

Такая вот цивилизация - интересно, в ответ на какой вызов она именно такою возникла?

2006

Как бы КПСС

Лет тридцать назад, в пору брежневского застоя, перевели у нас роман, разоблачающий подлинную суть буржуазных свобод и нравов. Действие происходило в банановой республике, президент которой в надежде на американские займы решил ввести в стране имитационную, сказали бы сегодня, демократию. А для начала - учредить оппозиционную собственному диктаторскому режиму партию. Но откуда взять оппозиционеров? Понятно, из тюрем! А если они не захотят, если вдруг упрутся? Тех, кто упрётся, - к стенке, а

остальных - в парламент!

Роман был переведён не с «латиноамериканского», а с немецкого; автор жил в ныне не существующей ГДР. И клеймил «банановый» образ жизни с оглядкой на цветущую восточногерманскую демократию: как бы многопартийная система, как бы свободные и честные выборы, на которых неизменно побеждает СЕПГ во главе с Эрихом Хонеккером. Изобилие как бы пива в пивных, как бы колбасы - в магазинах, как бы машин («трабантов») - на улицах. Как бы полная свобода вероисповедания - только все пасторы в незримых погонах. Как бы спортивные триумфы - на анаболиках и на допинге. Как бы нерушимая дружба - с СССР.

Любопытно, что как раз в те же годы служил в ГДР скромный выпускник юрфака ЛГУ, на которого эта как бы демократия в сочетании с как бы процветанием несомненно произвела сильное впечатление. Что и стало - уже для нашей страны - судьбоносным: ведь в итоге мы получили все вышеперечисленные прелести восточногерманской как бы жизни по полной программе. Кроме машин (они у нас настоящие, пусть чаще всего и подержанные) и многопартийности: партия у нас на самом деле одна, да и та - как бы. Как бы КПСС. Зато в ГДР была настоящая политическая полиция - знаменитая «Штази», - а наша ФСБ со всеми придатками и отпочкованиями, как ни крути, получается «как бы».

И вот наша как бы КПСС затевает размножение делением. Как бы расслышав мои призывы. Но я не болен манией величия - и понимаю, что призывы она расслышала не мои. Понятно, что подсказка: «Сделать полуторапартийную систему, как в Японии!» - вброшена из Кремля. Но ведь у нас, перефразируя Черномырдина, всегда так: хочешь, как в Японии, а получается, как в недоброй памяти ГДР.

Над внезапно прорезавшимся желанием «Медведя» обзавестись крыльями не посмеялся только ленивый. Да ведь и впрямь получается как-то по-дурацки: даже в рамках управляемой демократии о предполагаемом расколе следовало бы приличия ради объявить на съезде и подать его как инициативу широких партийных масс. Правда, о расколе речь не идёт, а только - о подзабытом с Горбачёвских времён *плюрализме мнений.* Но говорилось ещё тогда: «Плюрализм в одной голове - это шизофрения». Так одна голова у «Единой России» или нет? Вопрос можно переформулировать и так: есть у «Единой России» голова или нет? Ответ в обоих случаях будет одинаково уклончив: двух (а тем более трёх) голов у неё нет и не может быть по определению!

Причина уморительно смешного фальстарта как раз ясна: Путин намекнул, что пропустит третий срок, и у кукловодов тут же нарисовалась картинка по-гэдээровски благостных выборов-2008: как бы преемник слева, как бы преемник справа и настоящий преемник (на четыре месяца - потом возвращается Путин) в центре.

Хотя тут как раз возможны и варианты - кто из них настоящий преемник, а кто - как бы; тут есть предмет для торга и даже место для оглядки на умонастроения электората непосредственно перед как бы выборами.

Изюминка, разумеется, в том, что «чужих» в любом случае попросят не беспокоиться. Настоятельно так попросят. Задействовав, наряду с прочим, и как бы «Штази».

Меж тем в нашей как бы КПСС и на самом деле наличествуют, пусть и в окуклившемся виде, три партии. **Партия без лести преданных,** которых рекрутировал ещё Березовский, **партия номенклатурного реванша** (лужковско-примаковское «Отечество») и **партия чекистского передела** (люди в погонах). После монетизации новую силу набрал избавивший Москву от её наименее приглядных эксцессов Лужков - но его-то как бы преемником, а тем более - настоящим преемником не назначат. Как, впрочем, и Касьянова или Шойгу. И в результате все три как бы преемника непременно окажутся безликими антихаризматиками, и для «оживляжа» к президентской гонке все равно придётся подключить Жириновского. А он при таком раскладе может и выиграть, хотя (как говорилось про Зюганова в 1996-м) не успеет об этом узнать.

2005

Как по команде

Несколько лет назад по всей стране начали появляться плакаты «Смерть жидам!». Ничего особенного, казалось бы, - граффити подобного содержания «радуют глаз» с незапамятных времён, и никто на них не обращает внимания. Вот только эти плакаты, когда их стали срывать, оказались заминированными. Пострадали люди. И поднялась невероятная шумиха в СМИ.

А потом, не в последнюю очередь, «под это дело» приняли сомнительный во многих отношениях Закон о противодействии экстремизму. И плакаты - как по команде - пропали. И осталось неприятное ощущение, будто не только пропали, но и появились они тоже как по команде. Или просто по команде.

Потом принялись избивать иностранцев - и тоже как по команде. Иностранцев африканского, азиатского - и отдельно польского - происхождения. То есть били их (кроме поляков, с которыми как раз все понятно, - им мстили по указке сверху) наверняка и раньше. И может быть, в отдельных случаях тоже забивали насмерть. Страна у нас северная, нрав свирепый. В каждом городе, в каждом квартале, едва ли не в каждом дворе находятся пацаны (далеко не обязательно скинхеды), исповедующие принцип: «Чужие здесь не ходят». «Свои» это знают, «чужие» это знают, милиция это знает - и суд с прокуратурой, конечно, тоже, - и только СМИ с недавних пор бьют в колокол, делая вид, будто впервые услышали о повсеместно творящемся безобразии. И опять-таки - трудно отделаться от ощущения, будто внезапное прозрение СМИ наступило как по команде.

Бьют, кстати, и «лиц кавказской национальности», но здесь ситуация далеко не столь однозначна, потому что они, как правило, дают сдачи - и сплошь и рядом «с превышением пределов необходимой самообороны». А то и нападают первыми. Хотя, увы, нападают обычно одни, а расплачиваются за это совершенно другие.

С недавних пор бьют нацболов. Но с ними, как с теми же поляками, все ясно

- и они, подобно кавказцам, уже начинают давать отпор.

В конце года проходит фашистский марш (вернее, как бы фашистский), а вслед за ним - и как бы антифашистский. А в Питере антифашиста-грузина убивают на входе в крупнейший книжный магазин города.

Наконец, маньяк (а кто ж ещё?) врывается с ножом в московскую синагогу. Как по команде, его показывают метровые каналы - и тут же у него (и тоже как по команде) находятся подражатели и последователи. И поднимается крик в печатных и электронных СМИ. И, на всякий случай, опять бьют нацболов.

Дом веры - в принципе небезопасное место. Дом любой веры. Да и борьба за свои убеждения, каковы бы они ни были, - занятие традиционно рисковое. Рискуешь ты сам, но рано или поздно находятся желающие рискнуть - тобой!

Поджигатель рейхстага Маринус ван дер Люббе тоже был маньяком. И вдобавок антифашистом и коммунистом. Вот только пойти на дело его подбили провокаторы из нацистских спецслужб.

Судя по всему, реализуется, а вернее, обкатывается, проходя испытания в условиях, приближённых к полевым, сценарий управляемой дестабилизации. Которая отлично «рифмуется» с управляемой демократией - хотя бы тем, что затыкает рот её традиционно оголтелым противникам-либералам. И одновременно - даёт им лишний повод продемонстрировать собственный либерализм в форме благородного негодования пополам с вынужденной (выбираем меньшее из двух зол!) верноподданностью. Что они, собственно говоря, и делают.

Ровно сто лет назад такая разводка не покатила. Но, с другой стороны, по запоздалому признанию Бориса Савинкова: *знай я заранее, чем дело закончится, я бы с самого начала пошёл служить в Охранку.*

2006

Колбаса и свобода

В череду наспех учреждённых (возрождённых) или воровато отменённых праздников двадцатилетие перестройки как-то не вписывается. На пленуме ЦК не существующей ныне партии едва освоившийся в роли руководителя великой державы молодой и энергичный, невероятно говорливый генсек взялся за гуж и поначалу показался дюж и даже пригож. Хотя всего месяц спустя, со старта нелепой антиалкогольной кампании (ещё один юбилей, приходящийся на 15 мая), превратился в *минерального секретаря,* в *лимонадного Джо* и в *генсока,* а кое для кого раз навсегда стал *Меченым.* Пресловутый Апрельский пленум стал точкой бифуркации: страна рванулась в светлое будущее и с этого момента пошла вразнос.

Сейчас, задним числом, ошибки «архитекторов перестройки» видны невооружённым глазом, да и постыдное поведение её «прорабов» всем памятно. В воду сунулись, не только не зная брода, но и не понимая зачем. Сформулировали чуть позже лозунг: «Так жить нельзя!» - и полезли в воду топиться. Выплеснув вместе с ней младенца - невербализуемый положительный

смысл сгоряча, хотя вроде бы и на трезвую голову, затеянных реформ. Решив «преодолеть пропасть в два прыжка», как тогда выражались. Уже само по себе *ускорение* всех этих «бессмысленных суетливых движений» (такими словами Иммануил Кант описывает половой акт) означало начало конца. Самая оптимистическая интерпретация которого тут же вылилась в чеканную формулу: «Ломать - не строить!»

Ошибки перестройки имели фундаментальный характер, а ведь «ежели фундаментальную глупость заложишь в фундамент, сколько ни строй этажей, вылезет глупость наверх» (Гёте).

Во-первых, ухитрились не разгадать природу КПСС, которую сами же - ей и нам на беду - возглавили. КПСС была не политической партией парламентского или хотя бы вождистского типа, а несущей конструкцией. Государство и общество поддавались реформированию лишь в той мере, в которой можно было реформировать саму партию. И, конечно же, партстроительство следовало начать не снизу (чего, правда, так и не произошло) и не сбоку (то есть с «диванных партий»), а сверху - последовательно деля КПСС и разводя миллионные массы её активных членов по политическим фракциям и платформам. Упустив этот шанс, мы раз и навсегда лишились надежды на более или менее нормальный парламентаризм.

Во-вторых, частный сектор экономики следовало наоборот строить снизу и только снизу - и исключительно как дополнение к государственному. Сперва вроде бы так и начали - с кооперативных кафе, в которых было чудовищно дорого и невкусно, а спиртное не подавалось вовсе, - но тут же принялись «пилить» пароходства и автозаводы, леса и пушнину, чёрные, цветные и редкоземельные металлы, а главное - нефть и газ. Личную долю каждого в общенациональном богатстве определили в один ваучер, за ваучер пообещали две «Волги», а выдали - две бутылки водки. В сфере финансов ключевым словом стала *пирамида* - сначала частная, потом, естественно, государственная. И младший брат пирамиды - «напёрсток», в который нам предлагают играть до сих пор.

В-третьих, потерпев почётное поражение в холодной войне с Западом, обратились в не вытекающее из почётной природы поражения позорное бегство. Сдали всех, начиная с верных союзников. Бросили - и по-прежнему бросаем - все, во что вгроханы всенародные миллиарды. «Ах ты, дурилка картонная», - думает каждый очередной *друг Билл* про своего московского контрагента. А когда мы порой взбрыкиваем - это, с оглядкой на уже происшедшее и по-прежнему происходящее, выглядит ещё смехотворней.

Перестройка обернулась системным кризисом, а затем и всеобщим крахом. Её библейские плоды - колбаса и свобода - также весьма двусмысленны: сейчас, двадцать лет спустя, объевшимся колбасой не хватает свободы, а объевшимся свободой не хватает колбасы - все той же пресловутой колбасы за два двадцать. Свобода, похоже, скоро закончится, а колбаса так и не начнётся. Особенно если и ту и другую монетизируют. Что - применительно к свободе - уже идёт полным ходом.

Второй по значимости итог двадцатилетия: мы в цивилизационном смысле

отброшены назад - не на двадцатилетие, а навсегда. А главный итог подсказал польский остроумец: воистину нет такой бездны, куда не постучались бы откуда-нибудь снизу. Стучатся и к нам - потомки.

2006

Комбинация из двух сидельцев

Интервью полковника Квачкова газете «Завтра» - ещё одно звено в цепи загадочных событий, связанных с именем этого - в кавычках или без - патриота с безупречным послужным списком. Глумливый по отношению к объекту неудачного покушения и собственной роли в нем тон интервьюируемого - я говорю, что не участвовал в преступлении не потому, что не участвовал, а потому, что не считаю покушение на Чубайса преступлением; впрочем, я в этом деле и вправду не участвовал, иначе бы оно не завершилось неудачей, - больше всего напоминает реплику из пародии на давний роман-памфлет Всеволода Кочетова: «Скажи мне, отец, как на духу: был 1937 год, или это враги клевещут?» - «Не было, сынок, никакого 1937 года, не было, это враги клевещут... Но будет!»

Рассуждения полковника про Временный Оккупационный Режим (ВОР - так с незапамятных пор именовали его в той же газете «Завтра», но с какого-то времени прекратили), естественно, и неверны, и банальны. Оккупационный режим наверняка оказался бы более эффективным, да и куда менее коррумпированным, чем тот, что сложился у нас на деле. А что на деле сложился режим **компрадорский,** так с этим вроде бы никто и не спорит.

Вернёмся, однако, к цепи событий, начатой покушением на Чубайса. Моментальный выход следствия на преступников; задержание; сбор доказательной базы - не забудем и о благодарности «органам» из уст главного энергетика страны; предъявление обвинения; арест.

Помещение подозреваемого Квачкова в одну камеру с Ходорковским; выдвижение последнего в депутаты; отказ Квачкова включиться в предвыборную борьбу против сокамерника; согласие Квачкова баллотироваться по другому округу; регистрация кандидатом; интервью газете «Завтра».

Каждое из этих событий по отдельности столь маловероятно, что само по себе способно стать сенсацией. И уж подавно сенсационно «все меню». Но если попробовать вычленить самое невозможное, то им, разумеется, окажется совместное «сидение» с Ходорковским. Воля ваша, но таких совпадений не бывает!

А раз так, то вся история с интервью волей-неволей раскручивается в обратном направлении и поддаётся интерпретации в столь конспирологическом духе, что пришлось бы по вкусу и самому бредящему всемирным заговором полковнику. Которого, похоже, используют втёмную. Не очень понятно, правда, кто использует, поэтому назовём этого человека просто Куратором. И вообще, все, что будет изложено дальше, не более чем версия. Рабочая гипотеза, верить которой необязательно, особенно если вы в состоянии предложить столь же внутренне непротиворечивую собственную.

Итак, Куратор приказывает полковнику «припугнуть» Чубайса, который, не исключено, в курсе дела. Полковник «пугает» - и его, по наводке Куратора, «вяжут». И сажают в одну камеру с Ходорковским. И разыгрывают трехходовую комбинацию с довыборами в Думу, чтобы «раскрутить» полковника и сделать его по возможности соизмеримой с опальным олигархом общественной фигурой. А затем дать этой общественной фигуре высказаться - так, как она высказалась и собирается высказываться и впредь. А там, чем черт не шутит, и впрямь доизбрать Квачкова в Думу!

Для чего это нужно? Ну, не для нас с вами, это понятно. Или для нас с вами во вторую, бесконечно отстающую от первой, очередь. Нужно это для Запада (причём в одном наборе с ксенофобскими выходками против иностранных студентов и много чем ещё) - и нужно как страшилка. По формуле: если не Путин, то Квачков и те, кто стоит за Квачковым. По формуле: если Путин выпустит ядерный чемоданчик из рук, то его подхватит Квачков. А эта перспектива, знаете ли, будет пострашнее объединения с Белоруссией или там с Казахстаном - для вас же, зажравшиеся дураки, страшнее! Так что живенько прекратите качать права в качестве всемирных гарантов российской демократии, не то получите военный переворот со всеми вытекающими...

Ну а заодно невредно лишний раз обкатать идею всемирного заговора - и проверить реакцию широких масс. Потому что это вам **иного не дано,** а мы до последнего будем оперировать добрым десятком альтернатив. И недобрым десятком тоже.

Так, по-видимому, рассуждает таинственный Куратор. А как рассуждает Квачков, вы прочли в газете «Завтра».

2005

Крик души

А может, и впрямь отменить все и всяческие выборы? Вот взять - и отменить! Ведь ерунда какая-то получается. Противная ерунда.

Реальные возможности избирателя (да и избираемого) съёживаются, как шагреневая кожа; момент истины становится все яснее и недвусмысленнее: выбирать-то нам некого! Не не из кого (хотя и это тоже), а именно некого. Буквально. И персональные кандидаты - поголовно, и зарегистрированные партии - по всему спектру - ухитряются скомпрометировать себя (и друг друга) ещё на дальних подступах к вожделенной цели. А уж на ближних...

Есть, конечно, кандидат Против Всех, превращённый у нас в Питере в женщину со звучным иностранным именем Contra Omnes. Его (её) даже Конституционный суд разрешил. Но как-то, извините, непродуктивно.

В советское время на избирательных участках с утра торговали дефицитным пивом и бутербродами с остродефицитной колбасой. Торгуют и сейчас, но и колбасу, и пиво можно нынче купить повсюду. И будьте честны - не ставьте это в заслугу электоральной демократии!

«Родину» снимают с выборов в Мосгордуму за разжигание

межнациональной розни. По иску, извольте заметить, ЛДПР! Вот у нас, оказывается, где главные интернационалисты - в ЛДПР.

А фильмы Станислава Говорухина перед довыборами в Госдуму бесстыдно крутят по всем каналам. Да ладно бы только крутили! Заранее по многу дней рекламируют: вот, мол, великий фильм великого режиссёра - «Ворошиловский стрелок». Статья про этот фильм в Киноэнциклопедии написана как раз мною, и, готовя её, я внимательно изучил прессу. «Провалом» картину называли, и «чудовищным провалом» тоже, а вот «великим фильмом» - никто. Да и самого Говорухина великим режиссёром не называли, пока он баллотировался против Ельцина. А вот как стал баллотироваться против Шендеровича - тут же назвали.

Но не лучше и сам Шендерович. Обратился в суд. Снимите, говорит, Говорухина с пробега, иначе у нас в Университетском округе честной борьбы не получится. Демократ!

И писательница Мария Арбатова теперь в демократах. Только не в Объединённых, а в засланных. Как будто сами Объединённые не засланы на борьбу с мэрскими, а с яблони упали. Предварительно перепилив сук, на котором сидели долгие годы.

А полный разгул демократии в Чечне - тут тебе и «Яблоко», и СПС, и КПРФ! Странно ещё, что в тамошних выборах не участвуют «Солдатские матери» и Партия пенсионеров. Или всё-таки?

Ну а в «Единой России» свои выборы, внутрипартийные. Выбрали «правильный» цвет медведя. Нетравоядный. Одна беда - белый медведь питается человечиной. Когда она ему попадается. И рыбой. Но вся рыба ушла в норвежские территориальные воды.

Выборы и у СМИ: между Ивановым и Медведевым, между Сурковым и Сечиным, между министром культуры и начальником ФАККа. Но и тут хочется проголосовать против всех.

А ведь на носу президентские выборы! Два с половиной года всего! И нет ни одного кандидата! И в перспективе - ни в ближней, ни в дальней - не просматривается.

Выходит, выборы надо отменить. А президента назначить. Или определить по жребию. Потому что жребий слеп, а это означает, что нам может и повезти.

2005

Любите ли вы Путина, как люблю его я?

Вопрос любить или не любить Путина утратил актуальность уже четыре с половиной года назад, когда прошедшие огонь, воду и медные трубы деятельницы и, не в последнюю очередь, деятели искусств один за другим обнаружили в свежеиспечённом на тот момент премьер-министре неотразимую мужскую привлекательность. Любить!!!

Вопрос о том, как любить - страстно до сумасбродства, как пылкого любовника, или ровно и благодарно, как преданного и заботливого супруга, -

самой жизнью был снят с повестки дня ещё в начале первого президентского срока: ясно стало, что любить Путина можно (а раз можно, то и нужно!) и так и этак.

Как утверждают виноделы, качество хереса зависит от процесса хересования. Хересование бывает двух типов: длительное и интенсивное. Наилучшие результаты сулит сочетание длительности хересования с интенсивностью.

Длительная и интенсивная любовь к Путину, став нормой, не обернулась пустой проформой, но самым естественным образом пронизала все поры расцветшего в начале нового тысячелетия гражданского общества, одновременно и заблаговременно выпустив из него (из общества, а не из тысячелетия) весь пар в предусмотрительно не заткнутый предварительной цензурой свисток.

Масштабность свершений - сегодняшних, завтрашних и послезавтрашних - становится все очевидней. Однако новое торжество демократической законности и законопослушной демократии, каким обернулись только что завершившиеся президентские выборы, представляет собой - и новый вызов обществу. Отныне любить Путина - пусть и *по самое не могу* - уже мало. Отныне нам нужно любить его правильно!!! Любить за то - и только за то, - что и впрямь заслуживает всенародной любви.

Скажем, кое-кто любит Путина как гаранта Конституции, мужественно возложившего на себя нелёгкое бремя президентства ещё на один срок, с тем чтобы ровно через четыре года «сдать пост» мудро и тщательно подобранному преемнику.

Но это неправильная любовь - слишком земная, чтобы не сказать приземлённая. В сегодняшнем Путине надо увидеть и угадать творца новой Конституции, которая по праву будет называться Путинской, и полюбить его именно в этом качестве. Вот это будет правильная любовь - хотя бы потому, что, поклявшись любить, мы клянёмся любить навеки.

Собственно говоря, вопрос о том, как правильно любить Путина, и должен стать главным содержанием общественно-политической жизни в ближайшей и среднесрочной перспективе, способствуя тем самым, наряду со многим прочим, и становлению подлинной двухпартийной системы: Партия Правильно Любящих Путина приходит к власти, Партия Не Совсем Правильно Любящих Путина остаётся в конструктивной оппозиции и представляет собой кадровый резерв (иначе: засадный полк) демократии.

С удовлетворением отмечаем, что соответствующая дискуссия, начатая ещё прошлым летом двумя пламенными докладами (Станислава Белковского и Глеба Павловского), охватила все путинологическое сообщество и с помощью ТВ (как государственного, так, хочется подчеркнуть, и независимого) уже пронизала все недра и толщи подлинного путинолюбия.

Мы любим президента Путина за то, что он всех в сортире замочит, утверждают одни. Мы любим президента Путина за то, что он поможет нам (в смысле - не запретит) обустроить сортир, возражают другие. Мы любим

президента Путина за то, что он поможет нам (в смысле - не запретит) обустроить сортир, в котором всех замочит, вмешиваются третьи. Мы любим президента Путина за то, что он всех замочит в сортире, который поможет нам (в смысле - не запретит) обустроить, уточняют четвёртые. Мы любим президента Путина за то, что он, как Одиссей, проведёт наш корабль между Сциллой обустроенного сортира и Харибдой замоченного, - заранее ликует звезда Первого, который всегда Первый, Михаил Леонтьев, но на то он и телезвезда.

Сам Путин меж тем невозмутим и загадочен, как Джоконда. Вроде бы он никому не разрешает любить себя так, а не этак, но и не запрещает тоже. И ты прав, и ты прав, и ты тоже прав, и вообще премьер-министр у нас теперь из Внешторга, пусть и немножко силовик-налоговик, и своих он не тронет или хотя бы тронет в последнюю очередь, - радуются олигархи и любят Путина хотя бы за это. И задаривают яйцами Фаберже то ли государство, то ли православную церковь, и складывают все яйца в одну корзину, так сказать, под единый серп.

«Чтобы извести еврея, нужен другой еврей», - вычитывает у Нормана Мейлера интеллигент патриотической ориентации и любит Путина за то, что тот, должно быть, тоже читал «Американскую мечту» в моем переводе с карандашом и взял данный афоризм на заметку. А уж за что любят Путина разведчики с контрразведчиками, они не признаются и на перекрёстном допросе.

Правильно любит Путина нефть - и держит на себя правильную цену. Правильно любит Путина Запад - за то, что он говорит по-немецки. Правильно любит Путина председатель Совета Федерации Миронов - потому что он все делает правильно (Путин, понятно, а не Миронов; хотя в каком-то смысле и Миронов тоже). Правильно любит Путина избиратель, предоставляя ему карт-бланш. А все остальные?

Ну, избирательное право-то у нас всеобщее, равное и тайное. И демократические традиции не хуже, чем в исторических цитаделях капитализма. «Одну кандидатуру оставьте, а все остальные вычеркните», - значилось в бюллетене ещё при советской власти. А то там «остальные» были!

Да и вообще, какая разница? Много ли их у нас - остальных? И потом - они ведь не сидят сложа руки. Вчерашние политологи и политтехнологи, обозреватели и подозреватели, советологи и кремленологи, наконец, путинологи - они нынче всей оравой впали в близкий к религиозному (а может, и просто религиозный - чем черт не шутит) пафос путиностроительства и путиноискательства.

Больше, правда, ищут, чем строят. Да и не то ищут. Или не там. Но не в этом дело. Они стараются. Они любят своего президента и хотят любить его правильно, но не знают как. А сам он загадочен, как Джоконда. И если подаёт знаки, то заведомо никому не ясные, друг дружке противоречащие, а то и взаимоисключающие.

Вот почему любить Путина легко, бесконечно легко, а любить его правильно - трудно, невероятно трудно. Но не будем впадать в уныние. Времени на то, чтобы научиться правильно любить Путина, у нас немерено, а уж запасов самой

любви - тем более. Любви к президенту в стране даже больше, чем нефти. Хотя нет; это я сам, похоже, чуть перебрал в не совсем правильной любви к нему: не больше, а ровно столько же.

2006

Минеральная революция

Двадцать лет назад началась перестройка, и ровно месяц спустя - сразу же по завершении празднования сорокалетия Победы - антиалкогольная кампания. И ту и другую мы худо-бедно выстояли, перескочив через пропасть даже не в два прыжка, как стало модно выражаться в те годы, а каким-то чисто бэтменовским зигзагом - перекрестившись, зажмурившись и спиной вперёд, стилем фосбюри, хотя ни рекордсменов, ни суперменов среди нас, увы, не было и быть не могло. Были, правда, самозваные пророки и прорабы (прорабы перестройки!) - но прорабы из них получились точно такие же, как пророки.

Антиалкогольная кампания не только совпала по времени с перестройкой, но и скомпрометировала её буквально со старта. *Генсок* или *минеральный секретарь* ЦК КПСС, как тут же прозвали М. С. Горбачёва, мог сколько угодно пугать молодостью, говорливостью и напором склеротических коллег по Политбюро и чаровать теми же уникальными для руководителя советской страны качествами Запад; люди здравомыслящие (а постоянное употребление алкоголя в умеренных дозах резко обостряет интеллект) понимали: начав с такой фундаментальной ошибки, как борьба с основной доходной статьёй бюджета, она же - главная особенность национальной охоты и загадка русской души в одном флаконе (из-под «Настойки овса»), власть непременно наделает новых, столь же нелепых, чудовищных и в конечном счёте самоубийственных.

Вспомним ещё раз Гёте: «Ежели краеугольную глупость заложишь в фундамент, сколько ни строй этажей, вылезет глупость наверх». Так что «минеральная революция» - по аналогии с нынешними цветочно-цитрусовыми в сопредельных государствах, её во многом копирующими, - была изначально обречена на провал. В отличие от форсированной модернизации, которую, беспощадно расстреляв собственных говорунов, тогда же затеяли в Китае.

Перестройка и антиалкогольная кампания шли рука об руку долгие годы. Минеральная революция не заладилась хотя бы из-за отсутствия в стране соков и газировки. Хорошо помню оптимистические таблички, украсившие безнадёжно запертые киоски и будки жарким летом 1985-го: «Квас заказан». Именно так! Не «Кваса нет», не «Ушла на базу», а «Квас заказан». Водки уже не было, сахар раскупили, не дожидаясь ягод, дрожжи шли на вес золота, и умельцы заменяли их отвратительной томатной пастой молдавского производства, - а заказанный квас все никак не могли подвезти.

Открылись кооперативные ресторанчики (первый в Питере - на углу Фонтанки и Гороховой), кормили в них плохо, дорого, а спиртного не подавали вовсе. Такси встали - торговать водкой стало выгодней, чем развозить пассажиров, до ближайшего «пьяного угла» каждый мог добраться пешком, - а кваса как не было, так и не было.

Навострившись обналичивать безнал, предприятия купили у будущих олигархов, которые тогда выдавали себя за комсомольских работников, допотопные компьютеры и примитивную множительную технику - и принялись печатать фальшивые талоны на водку. В судьбоносные августовские ночи 1991 года перепился ГКЧП, не ударили в грязь лицом и защитники Белого дома - и те и другие со страху. И в результате угодили мордой в салат - и те и другие.

Запомнился и такой эпизод минеральной революции: перед Съездом народных депутатов предстал тогдашний премьер-министр Н. И. Рыжков. Мне не удаётся свести бездефицитный бюджет, поведал собравшимся плачущий большевик, как его тогда называли. Необходимо поднять цены на табак и пиво. Депутаты, затопав ногами и засвистев, прогнали его с трибуны и в бездефицитном бюджете, разумеется, отказали. Его преемник Павлов тяжело пил и сам, о Ельцине замнём для ясности, а Егор Тимурович Гайдар называл себя со товарищи командой камикадзе. Может, в Японии камикадзе садятся за штурвал самолёта трезвыми, только мы живём не в Японии.

Антиалкогольная кампания закончилась именно тем, чем и должна была, - палёной водкой в немереных количествах, пивом, клеем и другими «синтетическими наркотиками». Кваса так и не завезли никуда, кроме деликатесных лавок и duty free, да и пить его как-то в лом. Перестройка, двадцатилетнюю годовщину которой мы нынче празднуем, закончилась точно так же.

2005

Наши новые меритократы

Строго говоря, Общественную палату на отечественный манер придумал ещё М. С. Горбачёв. Только он тогда не знал, что она так называется.

Произошло это при подготовке к Первому съезду народных депутатов СССР. Когда, наряду с прямым (и альтернативным) избранием делегатов, в дело пошли и «сотня» от КПСС, и «десятки» от крупных общественных организаций, и «единицы» от каких-нибудь филателистов с конькобежцами: целая Общественная палата в семьсот с лишним душ в рамках полуторатысячного съезда!

Горбачёвская идея заключалась в том, чтобы, совместив демократию охлократического оттенка, возникающую в результате прямых выборов, если они разражаются как гром среди ясного неба, с **меритократией** (то есть, буквально, с властью достойных, с властью людей, обладающих известностью и неоспоримыми заслугами в той или иной области человеческой деятельности), создать работоспособную конструкцию, обладающую определённым потенциалом для дальнейшей демократизации общества: охлократия + меритократия = демократия. Хотел как лучше, а получилось известно как.

И всё же Общественная палата по-Горбачёвски и впрямь обладала демократическим потенциалом - взять хотя бы наделавшую шуму историю включения-невключения А. Д. Сахарова в «академическую» квоту. К тому же «общественники», попав на съезд, становились полноправными его делегатами.

Чего, увы, не скажешь про формируемую сейчас Общественную палату при президенте страны - реализуется идея сугубо монархическая (разумеется, квазимонархическая, по схеме президент = царь) как по замыслу, так и по исполнению.

Да ведь и впрямь цветущая сложность общественной жизни представлена в палате не то чтобы однобоко, но как-то, знаете ли, предвзято. Вглядитесь в список первой трети: кто в нём не состоит в «Единой России»? Нет, не спешите с частными опровержениями, позвольте переформулировать вопрос: «Кто из этих сорока с лишним человек отказался бы вступить в „Единую Россию", будь ему оказана подобная честь?» - и вы убедитесь в справедливости вышесказанного. А что, вторую треть они сами наберут из Лимонова с Каспаровым и иже с теми? Как бы не так! А две трети общими усилиями наберут сплошных еретиков и раскольников в третью, последнюю, треть из регионов?

Вот и получим Общественную палату из того же, по слову Шекспира, вещества, что и Думу с Совфедом. И превратится она - тут наши новые «общественники» вспомнят о своих прямых обязанностях по основной профессии - в очередную лоббистскую структуру. Алина Кабаева попросит на гимнастику, Валерий Фадеев - на журналистику, доктор Рошаль - на педиатрию, и так далее. Люди всё достойные - меритократы - и просить будут не для себя, а на дело. Перед глазами - пример депутата Мосгордумы стихотворца Евгения Бунимовича, при котором в столице бурным ключом забила напрочь исчезнувшая было поэтическая жизнь.

Дурного в этом, естественно, нет. Хорошего - немного, но, обладая изрядным оптимизмом, его ростки разглядеть можно. Потому что у каждого из «общественников» будет иметься определённая обратная связь - пусть не с обществом, но с тем сегментом общества, который он - при всей заранее заданной благонадёжности, чтобы не сказать верноподданности палаты, - представляет. Пусть и по щучьему велению президента, но представляет. Тогда как Дума - в особенности формируемая исключительно по партийным спискам - не представляет никого и обратную связь поддерживает исключительно со Старой площадью.

По сути дела, создание Общественной палаты - ещё один шаг в сторону формирования корпоративного государства. И не исключено, что именно сюда из чисто бутафорской Думы постепенно перетечёт главное, а именно - формирование социальной составляющей бюджета. Особенно если «общественники» в дальнейшем сумеют пролоббировать и телетрансляцию собственных заседаний.

Вы скажете, что так не бывает? Согласен. Но и по-другому у нас не бывает тоже.

2005

Не умеешь - не берись

Налицо парадоксальная политическая ситуация: власть, отдадим ей должное, раз за разом проваливает всё, за что берётся, тогда как оппозиция

столь же последовательно и неуклонно проваливает любые попытки перманентными провалами властей в собственных интересах (не говоря уж об интересах страны) воспользоваться. Проваливает **институционально -** и это как раз понятно: оппозицию согнали с думской трибуны и запугали в субъектах федерации, - но проваливает и **эмоционально,** не умея поднять массы на протест даже в тех случаях, когда они и сами рвутся в бескровный бой.

Не зря же чуть ли не самыми серьёзными оппозиционерами слывут сегодня нацболы - они хоть что-то делают. Но лимоновцев у нас (вместе с сочувствующими) пятнадцать тысяч, а, допустим, «яблочников» - восемьдесят тысяч плюс четыре миллиона голосов на выборах. Не говоря уж о коммунистах. Что делают они? Или, поставим вопрос жёстче, как ухитряются они вести себя так, чтобы оставить многомиллионные массы безучастными? Не равнодушными - народ раздражён властью, лгущей внаглую, держа его не столько за дурака, сколько за лоха, - но именно безучастными, то есть не принимающими участия в акциях и не подхватывающими призывы? И не в призывах ли как раз дело? «Вали Путина!», «Даёшь демократию!», «Свободу Ходорковскому!» - что ещё? Ах да, отмена льгот - но протест против неё - и только против неё - оказался всё же более или менее массовым. А как обстоит дело с остальными требованиями оппозиции?

Власть мы, так или иначе (всеми правдами и неправдами), выбрали. Может быть, в самый последний раз - и любые выборы, а не только губернаторские, скоро отменят, - но выбрали. Выбрали вслепую, не связав ни обязательствами, ни какого бы то ни было рода императивным мандатом. Мы предоставили ей карт-бланш. Мы развязали ей руки. Короткие руки, но тем не менее развязали. Поэтому любые претензии к тому, что она делает, представляются беспочвенными - и на демонстрации выходят горстки людей. Что хочет, то и делает. Мы выбрали не программу, а человека. И даже не человека, а телекартинку.

Но это не значит, что нам надо (и можно) почивать на развалинах. И ждать, пока за нами придут, хотя, скорее всего, разумеется, не придут никогда. Власти дан карт-бланш на действия - но никак не на бездействие, никак не на имитацию действий. И если провозгласила она, например, желание устранить выбранных губернаторов и вожаков чеченского сепаратизма **в одной связке,** то мы вправе спросить у неё: где голова Басаева? Где удары по базам в сопредельных государствах? Где упрощённое судопроизводство? Где, если уж на то пошло, взятые в заложники семьи террористов?

И кстати, - власть ведь за язык никто не тянул - где рост ВВП? Где обуздание инфляции? Где конвертируемость рубля? Где выгоды от подписания Киотского протокола? И от передачи Китаю стратегически важных клочков земли? И от мучительно пробиваемого вступления в ВТО? И от сумасшедшего роста цен на нефть?

Мы выбрали власть. И предоставили ей тем самым - в отечественной традиции - карт-бланш. Теперь она вольна делать что хочет. Но **делать.** И делать **умеючи.** А **не умеешь - не берись.** Похоже, главная беда нашей власти в том, что она **взялась не умеючи.** И поэтому скорее рано, чем поздно, будет

просто-напросто сметена Историей. А вовсе не реликтовой демшизой и отогнанными от пиршественного стола либералами. Но не пора ли и самим so-called оппозиционерам взяться за ум? Не пора ли научиться требовать от управления **качество** - и, только убедившись в его фатальном отсутствии, взывать к переменам? Потому что лишь такие призывы и будут расслышаны теми, кто нынче безучастен, хотя и не равнодушен.

Протестовать надо не против курса, избранного властью якобы во спасение государства Российского, а против её катастрофической неспособности выдержать собственный курс. Да, судя по всему, и любой другой. Надо протестовать, пока неумёхи не довели дело до подлинной катастрофы.

Правда, и такой протест не выведет на площади хотя бы десятки тысяч - не то время. Но подхватят его - на свой до поры до времени безмолвный лад - десятки миллионов.

2006

О государевой службе

Переходный период от социализма к феодализму (через межеумочный капитализм) сопровождается у нас множеством подстановок и подмен. Так, в частности, обстоит дело и с госслужбой. Государственная она или государева? Это ведь большая разница. И не суть, какая из них лучше, какая хуже; они разные - и функционируют тоже по-разному.

Государственного служащего контролирует гражданское общество. Как и государственную службу в целом. Он получает приличное вознаграждение, имеет определённые привилегии и обеспеченное будущее. Выполняет обязанности, опираясь на существующее законодательство, а если не справляется, его отправляют в отставку. В противоположном случае он медленно поспешая растёт по служебной лестнице и уходит в предписанном возрасте на пенсию.

Государев человек живёт куда веселее. Он вооружается большой ложкой и гребёт под себя лопатой. На общество ему наплевать, на закон - тем более. Он помнит изречение римского императора: «Друзьям - всё, остальным - закон» - и стремится оставаться «другом» своему государю. Или как минимум преданность имитирует. Он ни за что не отвечает - вся ответственность лежит на верховном правителе страны. И если ему приходится уйти - он просто пересаживается из кресла в кресло, на заранее заготовленное тёплое местечко. А если не заготовил такого впрок, ему подбирают. И всё же государев человек сплошь и рядом оказывается эффективным работником. Почему?

Ответ не прост, а очень прост: потому что в случае провала его не отправляют в отставку (отправляют, бывает, по другим причинам) - ему рубят голову. Не обязательно, конечно, рубят, но могут и отрубить - и он не забывает об этом ни на мгновенье. Он вертится. Он прилагает сверхусилия. Он знает, что голова его принадлежит государю - и тот может отсечь её когда вздумается. Отсечь, имея на то основания или нет. Поступая так, государь не обязан объяснять, за что и почему. У них негласный, но освящённый тысячелетней

традицией уговор: ты живёшь весело, но голова твоя принадлежит мне, и я могу распорядиться ею (а заодно и головами твоих близких, а заодно и твоим имуществом) как мне заблагорассудится. Но, конечно, ты должен исходить из предположения, что проживёшь дольше, если будешь работать лучше.

И государев человек работает. Барахтается лягушкой в молоке. Прилагает сверхусилия. Распространяет те же правила и принципы на собственных подчинённых, а те - на своих. И государственная машина худо-бедно (а то и не худо! а то и не бедно!) функционирует. Так было дело при Петре. Так - при Сталине. Так - при любом абсолютном властителе, заботящемся о стране и о подданных (а как он понимает свою «заботу» и их интересы - вопрос отдельный).

Не симпатично? А кто говорит, что симпатично? Важно понять, что функционирует госмашина так и только так. И в нарушении этого правила сбоит, а затем и разваливается (как произошло в СССР в результате «водяного перемирия», заключённого после смерти Сталина и казни Берия). Если это нам не нравится, надо создавать гражданское общество - только не на словах, а на деле. Хотя и не понятно как. А если мы по-другому не умеем, то с государевыми людьми надо обращаться так, как вели себя с ними настоящие (а не виртуальные) государи!

Сибаритствующая элита - это ещё куда ни шло, хотя ничего хорошего нет и в ней. Но сибаритствующая власть, сибаритствующая бюрократия, сибаритствующая опричнина, которым всё как с гуся вода, - это национальная катастрофа. Государев человек служит государству (а значит, и государю), только пока осознаёт, что в любую секунду может потерять всё. Не пост, не деньги и уж подавно не августейшее доверие - а всё до последнего. В связи с недавней чередой трагедий заговорили о возможных отставках, а говорить надо - о трибуналах! Тем более что в стране война. А трибуналы непременно окажутся «басманными» и беспрекословно выполнят государеву волю. Была бы воля.

Нет, я не призываю к казням и расправам. Останемся гуманистами. Истолкуем всё вышесказанное в переносном смысле. Но сложившаяся у нас система иначе работать не будет. И, кстати говоря, уже не работает.

2004

Оборонительный рубеж на болоте

Политическое безвременье, похоже, заканчивается. Судя по всему, нас ждёт осеннее наступление Кремля. Наступать будут на партию-2008 (здесь подразумевается не почти одноимённый комитет, успевший благополучно почить в бозе, а все, кто питает надежду на мало-мальски честные альтернативные выборы в установленный законом срок), причём наступать - ногами. И наступят в конце концов, как водится, на те же грабли. Но для начала - на нас с вами.

Когда одни наступают, противоположная сторона отступает, упирается или, чем чёрт не шутит, переходит в контратаку. С контратакой (цветной революцией) при нынешних ценах на нефть, не говоря уж обо всём прочем, явно ничего не получится. Отступать некуда - разве что в Общественную палату, но

туда неконструктивную оппозицию (а конструктивен у нас единственно *одобрямс)* тоже не позовут. Остаётся упереться, использовав рельеф местности. Окопаться. А если рельеф представляет собой бескрайнюю русскую равнину, то отступить хотя бы до холмов (высот!) и строить оборонительные рубежи уже там. Но оппозиция окапывается на болоте, где рытьё траншей и оборудование длительных огневых точек затруднены по определению.

Такова, например, попытка доизбрать в Думу Михаила Ходорковского. Имитация попытки. Потому что понятно: а) к выборам его не допустят; б) выборов он не выиграет; в) даже выиграв выборы, не будет утверждён мандатной комиссией Думы; г) даже получив мандат, будет тут же лишён депутатской неприкосновенности. Зато Кремль сумеет - и не раз - объяснить населению, что оппозиция и оппозиционная пресса руководствуются принципом: «кто меня ужинает, тот и танцует». Даже если угощающий ужином сам держит сухую голодовку.

Таков и исподволь формируемый блок «экологов» с «солдатскими матерями» и с НБП. Или, может быть, «матери», не пуская сыновей в армию, благословят их пойти в нацболы - а значит, почти неизбежно, и в камеру? Или «экологи», безусловно существующие на деньги Запада и жалующиеся на вечную нехватку средств, захотят поделиться ими с Лимоновым? Или сама НБП, обладающая серьёзным массовым потенциалом, заменит в своём названии большевиков на «Бел-луну»?

Таков и «поход эпигонов», то есть, прошу прощения, эпигонок - Марии Гайдар и Жанны Немцовой - во власть. Чушь собачья, конечно, пустое сотрясение воздуха - но для самой либеральной идеи явление убийственное. И эти-то люди (имею в виду отцов отечественной демократии) критикуют тенденцию к пожизненной власти и к квазимонархическому престолонаследованию! Рассуждая в кругу семьи: пусть эти идиоты играют в футбол, а мы будем играть на скрипочке. И Маша, надув фамильные щёки, заявит интервьюеру: «Я не Ксюша Собчак!» Да раз пошла такая пьянка, то пусть лучше будет Ксюша.

Естественный оборонительный рубеж оппозиции - предстоящая в новом году отмена льгот по ЖКХ. А если эту отмену отложат, провернув сначала какие-нибудь досрочные псевдовыборы, или «скомпенсируют» по январско-февральскому образцу-2005, то практически неизбежен в этом случае взлёт инфляции до неприемлемого уровня. В очередную годовщину системного кризиса-1998 уместно вспомнить, что тогдашний дефолт был обусловлен не только бездарностью и/или нечистоплотностью Киндерсюрприза и тех, кто делил с ним власть, но, прежде всего, сумасшедшими расходами, прямыми и косвенными, на операцию по повторному избранию Ельцина в 1996-м.

Оппозиции нужно сейчас не победить (это невозможно), а выжить. А для этого, повторяю, - упереться. Добровольно отступить ещё на несколько шагов - и упереться, используя рельеф местности. И упираться до тех пор, пока оппозицию - в ухудшившихся для властей (и, увы, для страны) обстоятельствах - не признают... нет, не победительницей, но договороспособной стороной. Пока не легализуют в качестве оппозиции, а не того, чем она кажется и что она, к

сожалению, представляет собой сегодня. Но для этого ей прежде всего нужно выжить.

А окапываясь на болоте, как происходит сейчас, она не выживет. Тем более что Кремль - для перестраховки и в силу собственного неумения вести диалог иначе - будет наступать на неё ногами.

2005

Отсроченное время

Считается, что мальчики рождаются к войне. А девочки, выходит, к миру? Возьму на себя смелость утверждать, что девочки на всём постсоветском пространстве рождаются к демократии. К неторопливой, отсроченной (стихотворение и сборник замечательной поэтессы называются «Verstundete Zeit» - «Отсроченное время»), бесконечно запаздывающей, но всё равно - демократии. Азербайджан - это исключение.

Речь, разумеется, не обо всех девочках, а только о тех, что рождаются в Первых Семействах. И родились они, строго говоря, не на лоскутном постсоветском пространстве, а на до поры до времени едином советском. Родились, когда их отцы знать не знали, что станут когда-нибудь Первыми Лицами суверенных государств. Один боролся с коррупцией в Грузии, другой строил дома в Свердловске (и только когда эти дома начали с пугающей регулярностью падать, его перебросили на Москву), третий и четвёртый читали лекции в среднеазиатских университетах, пятый всерьёз подумывал о карьере питерского таксиста, шестой искоренял мову как пережиток национализма, и так далее.

И у всех как на грех рождались исключительно дочери. Но рождались они не на грех, а во благо отсроченного торжества демократии.

Особенно наглядно - как всё отечественное - это видно на зарубежном (естественно, американском) примере. Клинтон - демократ, и у него дочь. Буш не демократ, а республиканец, и у него тоже дочь, но главное, у него есть отец! Считается, что Америкой до сих пор правит Буш-старший, - и США воюют. А демократией там, конечно, пахнет, но этот запах постепенно, но неумолимо выветривается.

Проблема преемника - больной вопрос не только в России, но и во всём СНГ. Зятья не годятся хотя бы потому, что мужа дочери отец традиционно недолюбливает (и тот платит ему взаимностью). Женщин у нас до сих пор нет даже в губернаторах - В. И. Матвиенко это даже не исключение, а эксперимент; причём аналогичный американский эксперимент провалился, уйдя под воду вместе с Новым Орлеаном, - губернатор штата Луизиана тоже представительница прекрасного пола, - ураганов в Петербурге не бывает, а вот наводнения... Конечно, опыт Анны Иоанновны, Елизаветы и Екатерины в известной мере обнадёживает, но все они приходили к власти на штыках, которым нынче просто неоткуда взяться. Да и не может отец, планируя судьбу дочери (и страны), учить её «делать жизнь» с боевитых императриц.

Строго говоря, однажды такая ситуация чуть было не сложилась в новой

России. Умные и дальновидные люди говорили Борису Николаевичу, что преемницей нужно назначить Татьяну Борисовну, а остальное, мол, дело техники. Но ещё более умные, хотя гораздо менее дальновидные настойчиво предложили другую кандидатуру.

Злопыхатели, проплаченные украденными у народа деньгами, утверждают, кивая на Калигулу, будто в сенат можно сегодня провести и Лабрадора Кони. Отчасти с ними следует согласиться: в сенат можно. Особенно от Тывы. Но вот в президенты или предсовмины парламентско-президентской республики - извините. Здесь нужны другие политтехнологии, а главное, другие кандидатуры. Пусть и окажутся они, не исключено, такими, что мы ещё пожалеем о том, что не выбрали Кони.

И всё же бог хранит постсоветскую демократию, посылая нашим вождям исключительно дочерей. А если сына - то такого, как у Виктора Ющенко, - и это, скорее всего, знак того, что и дни героя оранжевой революции на президентском поприще сочтены. Сыновья и у батьки Лукашенко, но он-то как раз будет наследовать самому себе ещё лет двадцать, если не тридцать.

А если сыновей у тебя нет и дочерям власть не передать (а на постороннего человека положиться нельзя тем более), это означает, что в стране рано или поздно наступит демократия.

Рано или поздно. Рано или поздно. Рано или поздно.

Ну, чего-чего, а терпения нам не занимать!

2006

Пломбированный вагон оранжевой революции

Президент сделал важное политическое заявление о недопустимости зарубежного финансирования оппозиционной деятельности любого рода. Обратившись, однако же, не к сидящему на саудовской подкормке Шамилю Басаеву, который его всё равно не послушался бы, а к ручным московским правозащитникам, то есть - по доброй традиции отечественных спецслужб - затеяв поиски не там, где потерял, а под фонарём, потому что под фонарём светлее. Потому что именно туда - под станционный фонарь - должен к 2008 году прибыть вагон с оранжевым Лениным и серо-буро-малиновым Парвусом. Президент предостерёг: в привокзальный сортир из пломбированного на немецкие деньги вагона спешить не след.

Политический смысл заявления однозначен. С юридическим сложнее: у нас ведь разрешено всё, что не запрещено, а зарубежное финансирование - штука достаточно диверсифицированная, чтобы обойти любые запреты. Допустим, пломбированный вагон решат «зарядить» Березовский, Гусинский и Невзлин. Находящиеся в розыске, но не осуждённые (а ведь заочное осуждение у нас отменено), и значит, исходя из презумпции невиновности, точно такие же полноправные граждане России, как мы с вами и как сам президент. Зарубежное это будет финансирование или нет? И как быть - по закону, а не по понятиям - с принадлежащими им СМИ? А заодно уж - и со СМИ, принадлежащими украинским олигархам Рабиновичу и Роднянскому? Не говоря уж о каких-нибудь

«Ведомостях» и гламурной франшизе во всём диапазоне от «Бурды» до «Плейбоя». Что, «Плейбой» не может стать булыжником в руках у восставшего олигархата? Ещё как может!

К тому же президент наложил эмбарго на зарубежное финансирование не оппозиционной деятельности, а политической, что представляет собой существенное расширение темы. С одной стороны, под запрет подпадают иностранные спонсоры «Единой России» и «Партии жизни», буде такие имеются или в обозримом будущем появятся, а с другой - и как раз поэтому адресат заявления избран правильно, - окорочены все правозащитные и экологические организации, ибо они объективно льют воду на мельницу невербализованного врага. «Солдатские матери» в меру сил разваливают армию, экологи - ядерную промышленность, Партия пенсионеров непомерными требованиями разгоняет маховик инфляции, феминистки требуют введения половой квоты в Думе (хорошо хоть не в спецслужбах), правозащитники борются исключительно за Ходорковского и загодя готовятся взять под крыло Касьянова. Конечно, в пломбированный вагон эту мелочь пузатую не взяли бы, но организовать овацию человеку с броневика она вполне в состоянии. Особенно если ей заплатят и за овацию, и - отдельно - за дружную явку в час «Ч» на Финляндский вокзал.

Намёк президента необходимо понять правильно и объёмно: будут сажать. За неуплату налогов, за чёрный нал, а в легко экстраполируемом идеале - за шпионаж и измену Родине. Потому что кто платит, тот и заказывает музыку, а если платит Запад, то те, кому платят, становятся агентами влияния, иначе говоря, агентурой. Эта песня - про агентов влияния, - подобно государственному гимну, лишь до поры до времени звучит без слов.

Сажать будут, как водится, равноудаленно, то есть избирательно. Лимонова - за зарубежные литературные гонорары, Каспарова - за шахматные призы, Явлинского или Глазьева - за лекции в западных университетах: шах и мат!.. Хотя понятно, что их-то как раз посадят в последнюю очередь - отзвуки президентского заявления «пройдут Карфагеном» по среднему и низовому звеньям оппозиционного движения любого рода и толка, где эти самые доллары, фунты, евро и пиастры самым бездарным образом проедаются-пропиваются или просто-напросто разворовываются. Ловя шпионов, государевы люди очистят авгиевы конюшни политической оппозиции от стяжателей, и этот подвиг Геракла растянется не на один год.

А пломбированный вагон прибудет не с Запада, а с Востока, не в Петербург, а в Москву, не на Финляндский вокзал, а на Курский и вместо Ленина с Парвусом окажется начинён тротилом.

2005

Про то, как не срослось

Ровно пятнадцать лет назад член Верховного Совета СССР Анатолий Собчак был избран депутатом и сразу же - председателем демократического Ленсовета. Год спустя стал мэром, переименовал город, организовал героический отпор ГКЧП и катастрофическую даже по российским меркам питерскую разруху, рекрутировав во власть сегодняшних «силовиков», «юристов» и «экономистов» и

затеяв «свободную экономическую зону». Провёл Игры Доброго Толи. Подружился с Ростроповичем и Киркоровым. После пяти лет в мэрах не пробился в губернаторы, сенсационно проиграв выборы самому безликому из собственных подчинённых. Подвергся антикоррупционным преследованиям, под угрозой ареста слёг в больницу, а затем бежал во Францию. Триумфально вернувшись уже при Путине, держался гоголем, однако провалился на думских выборах и буквально накануне высокого назначения (получив соответствующие заверения и успев похвастаться ими) скоропостижно скончался при так и остающихся непроясненными обстоятельствах. Его вдова - сенатор от республики Тыва, а дочь - светская львица и вечная героиня скандальной хроники.

Сегодняшняя власть чтит память петербургского мэра, но отнюдь не насаждает его культ. Её оппоненты - и былые приверженцы первого мэра Питера - недоуменно разводят руками: как же, мол, так вышло, что ученики и выдвиженцы демократа Собчака проводят демонтаж демократических институтов, зажимают СМИ, усердно «строят» чужой бизнес и вдвойне усердно строят собственный? Как вышло, что «предатель» и чуть ли не «убийца» Яковлев до сих пор в министрах? А ещё один враг (и бывший соратник) мэра, автор «Собчачьего сердца» Юрий Шутов, который год сидя в тюрьме по обвинению в организации банды киллеров, ухитряется издавать «разоблачительную» газету и раз за разом избираться в питерский ЗакС?

Все эти вопросы любопытны, но, пожалуй, не релевантны. Собчак был, разумеется, не демократом, а демагогом и входил - наряду и наравне с Жириновским, Артёмом Тарасовым, Германом Стерлиговым, Сергеем Мавроди, «генералом» Димой Якубовским и др. и пр. - в когорту искателей приключений, решивших половить рыбку в мутной воде всесоюзного развала и поначалу поймавших было, вот только в руках не удержавших. А с чисто декоративной ролью «при власти» ленинградский профессор права и член КПСС с 1987 г. (раньше не брали), в отличие от вождя ЛДПР, смириться не захотел.

Однако в ту же когорту входили и те, кого сегодня называют олигархами. И, если отвлечься от откровенно опереточных персонажей типа того же Тарасова, Собчак оказался первым «удалившимся в изгнание» во избежание ареста (ну, был ещё такой Станкевич, но это уж совсем семечки) - вот только вёл он себя там не по-березозски или невзлински шумно, а тихо преподавал в Сорбонне, да и миллиардов у него, естественно, не было. Разве что если считать на рубли - да и то до деноминации. Не было не в последнюю очередь потому что, «решая вопросы», Собчак принимал к оплате и прямую лесть: чем грубее и беззастенчивее, тем вернее. Стиль большого хапка оставался ему недоступен, да и в моду вошёл по-настоящему лишь в 1996-м - как раз когда Анатолий Александрович утратил власть.

В 1989 году, когда первый секретарь ленинградского обкома КПСС Соловьёв проиграл выборы на Съезд народных депутатов, его по тогдашним Горбачёвским правилам сменил на посту Гидаспов, опытный и успешный хозяйственник, но слабый публичный политик. И буквально в те же дни начался политический взлёт «молодого коммуниста» Собчака, вышедшего из партии куда позже, вслед за Ельциным. И похоже, Горбачёв (после Фороса и уже на правах английской

королевы предложивший Собчаку пост союзного премьера; у того хватило ума отказаться) с Гидасповым промахнулся: первым секретарём надо было назначить Собчака - и он занялся бы тем, что умел, - демагогией. И, не исключено, вытащил бы КПСС из трясины идеологического безволия, в которую та угодила. Тогда как Гидаспов, выбери мы его председателем Ленсовета, наверняка вытянул бы городское хозяйство.

Но всё стряслось как стряслось. И Собчак лежит в могиле по соседству с Галиной Старовойтовой, нашим лишь чудом не состоявшимся министром обороны, а бравый ветеран Гидаспов недавно совершил подвиг: увидел утопающего ребёнка, нырнул в ледяную Неву и спас! Он бы и город спас. Вот только ни у него, ни у Собчака, ни у нас с вами не срослось.

2005

Пространство свободы

Когда речь заходит о двухпартийной системе, сразу же вспоминается классическая шутка: «У нас две партии: одна у власти, другая в тюрьме». Шутка, актуальная и сейчас, но всё же всего лишь шутка.

Российский аналог двухпартийной системы - двоевластье. Не две «партии власти», а именно двоевластье. Два фактически равноправных (не обязательно легитимных) субъекта власти, вокруг которых группируются приверженцы и - внимание! - между которыми возникает в иных условиях не существующее пространство свободы. И просто свободы, и ленинской «свободы от». В частности, и свободы от необходимости делать выбор между двумя властями. Свободы не идти ни во власть, ни в тюрьму.

Традиционным примером двоевластья (оно же, на иной взгляд, и безвластье) служат весна-лето 1917-го: Временное правительство и Советы. И действительно, пространство свободы было тогда, вопреки условиям военного времени, чрезвычайно обширно. Недавнее празднование Дня России напомнило ещё об одном периоде двоевластья: Горбачёв и Ельцин. А приговор Ходорковскому - о Ельцине и олигархах. А очередная перепродажа «Известий» - о Ельцине и Съезде народных депутатов, «из-под которого» вынырнула в недолгую независимость газета Голембиовского. А новые античубайсовские инвективы Лужкова - о противостоянии, условно говоря, «Единства» и «Отечества».

Двоевластье способствует возникновению пространства свободы (а конец двоевластья означает сужение этого поля вплоть до полного исчезновения) не только на общенациональном уровне, но и на губернском. Мы в Питере пережили несколько периодов «губернского двоевластья»: между обкомом КПСС и Ленсоветом, между Петросоветом и мэром, между мэром и будущим губернатором (Собчак - Яковлев) между губернатором и полномочным представителем президента (Черкесов, потом Матвиенко). Двоевластье возникает и на ведомственном уровне, особенно при нынешней структуре правительства: чтобы ограничиться одним примером, кинематографисты не знают, к чьим ногам припадать - Михаила Швыдкого или Александра Голутвы. Двоевластья нет и не может быть лишь в корпоративной практике: здесь

руководитель - царь и бог, а единственная свобода рядового члена корпорации заключается в возможности покинуть её ряды; рассматривая государство как корпорацию (вслед за Бенито Муссолини), многие стремятся раз и навсегда извести российское двоевластье и вытолкнуть несогласных в эмиграцию или всё в ту же тюрьму. Но двоевластье, преодолённое в одной форме, тут же возобновляется в другой; пространство свободы приобретает причудливые, а то и фантасмагорические очертания, однако же всякий раз восстанавливается. Юрьев день теоретически отменён, но суровость закона смягчается необязательностью его соблюдения.

Двоевластье ни в коем случае нельзя путать с разделением властей; в том же противостоянии Ельцина с Хасбулатовым это было всего лишь ситуативное совпадение. Разделение властей конституционно, а двоевластье - нет, но вновь и вновь воспроизводится именно двоевластье. Наделение президента страны полномочиями абсолютного монарха представляло собой, скорее всего, неосознанную попытку вознести его над двоевластьем, однако столь неестественному в отечественной традиции повороту событий воспротивилась сама природа - и сначала Ельцин, а затем Путин царствуют по принципу «левая рука не ведает, что творит правая», а вернее, конечно, сами являются субъектами не власти, а двоевластья.

Конечно, обыкновенный гражданин (он же избиратель, хотя эта его функция неумолимо сходит на нет) лишён в таких условиях подлинного политического выбора. Но и от обязанности время от времени делать выбор он избавлен тоже. В возникающем благодаря такому положению вещей пространстве свободы (в разные времена разном - от кухонного шёпота до уличного протеста) сформировалась и продолжает существовать отечественная интеллигенция: люди, способные в условиях вечного двоевластья думать, но фактически лишённые возможности претворять свои мысли в дела; латентный политический класс, в отсутствие реальной демократии и легальных возможностей за неё бороться внеположный обоим неизменно антагонистическим субъектам власти.

2005

Прощание, запрещающее печаль

Политическое время не совпадает с календарным и течёт повсюду по-разному. Принято, скажем, считать, что XIX век начался 14 июля 1789 года со штурма Бастилии, а закончился всеобщей мобилизацией в августе 1914-го, тогда как XXI ведёт отсчёт не с всесветского празднования миллениума, а с атаки на башни Всемирного торгового центра. На Западе история закончилась и время остановилось со вступлением в постиндустриальную эру, тогда как на Востоке бурный экономический рост, идущий уже несколько десятилетий, прекрасно уживается с отрицанием линейного течения времени и каждые двенадцать лет всё начинается сначала. В нашей стране - то ли Евразии, то ли Азиопе - время течёт по-разному в Москве и в провинции, на Урале и за Уралом, в Петербурге и во Владивостоке - и восставленная в двухмерном пространстве вертикаль переворачивается в трёхмерном и теряет малейший смысл в четырёхмерном.

Политический год нынче заканчивается, а точнее, испускает дух

одновременно с календарным. Мы прощаемся с выборами губернаторов и независимых депутатов, прощаемся с льготами незащищённым слоям населения, прощаемся с почитанием Конституции и того события, которое - при всей своей неоднозначности - знаменовало прорыв России в Новое Время. Мы прощаемся с иллюзиями об удвоении ВВП, о социально ориентированной внутренней политике и хоть в какой-то мере эффективной внешней. Мы прощаемся с американским другом, украинским братом и прижитым на стороне абхазским сыном. Мы прощаемся с Амуром и готовимся проститься с Курилами.

Мы простились с Ахмадом Кадыровым и не сподобились проститься с Шамилем Басаевым. Зато простились с Яндарбиевым - правда, как-то нескладно.

Это был високосный год с Олимпиадой (с надеждами на выигрыш которой мы простились тоже) и с именинами Касьяна 29 февраля - и примерно тогда же мы простились с премьером Касьяновым. Справедливо было его пресловутое прозвище или нет, но барьер в 2 % отката новое трёхуровневое правительство преодолело играючи. Да никто и не жалуется, потому что один пожаловался - и сидит в тюрьме, и «вытащил» свои 98 % только в американском суде, под юрисдикцию которого Верхняя Вольта с ракетами пока не подпадает.

Ракеты, впрочем, в заканчивающемся году вели себя капризно: то отказывались взлетать, то демонстративно летели в противоположную сторону. С муляжами получалось получше, а со штабными учениями - просто здорово. Наши доблестные спецслужбы предотвратили восемьсот терактов и проворонили всего семь, а наша славная сборная по футболу сумела забить португальцам один мяч.

Мы окончательно простились со знаменитыми тележурналистами, сослав их в печатные СМИ, и с рекламой пива «по ящику» в дневное и вечернее время. Мы собираемся проститься с Академией наук и со стационарными театрами. Мы простились с Государственной премией, введя взамен Сверхгосударственную, и вот-вот разберёмся с «Триумфом», «Букером», «Никой» и «Нобелевкой», потому что наш последний нобелевский лауреат (не по литературе, понятно) ведёт себя кое-как.

Мы простились с верой в доллар; правда, в рубль не поверили и проститься с долларами поэтому не спешим. А с воспрянувшей было верой в рубль нам помог проститься банковский кризис. И с верой в банки - тоже.

Мы простились с демократической оппозицией, вожди которой ведут себя, как герой кинофильма «Шестое чувство» в исполнении Брюса Уиллиса, не догадывающийся, что его никто не видит и не слышит. А не видят и не слышат его, потому что он умер.

В конце года один из журналов провёл опрос на тему, кого сегодня можно назвать совестью нации. Лучше всех ответил Жириновский: коллективной совестью нации является Государственная Дума. Впрочем, вот-вот сформируют Общественную палату при президенте - та окажется ещё совестливей.

Образ уходящего года - всё тот же Жирик: вызванный в Питер свидетелем на процесс по делу об убийстве Старовойтовой, он посещает её могилку, взламывает жалкую ограду, выпивает и закусывает, выкидывает пластмассовый

стаканчик на соседнюю могилу - А. А. Собчака, - кладёт туда же цветочки и с гордо поднятой головой едет в суд.

Символ года - уже упомянутый матч с Португалией. Или Беслан - на ваш выбор. Или политический спецназ на Майдане Незалежности.

Пессимисты пугают: будет ещё хуже. Оптимисты ликуют: хуже быть не может, значит, будет лучше! Реалисты говорят: год как год, что календарный, что политический.

2004

С особым цинизмом

Вынесенные в заголовок слова - обертон заканчивающегося года. Политического года - но не только политического.

С особым цинизмом отправили в отставку небезуспешного премьер-министра Касьянова и провозгласили его преемника Фрадкова человеком, само имя которого ясно покажет всей стране, в каком направлении ей предстоит развиваться.

С особым цинизмом отменили льготы наименее защищённым слоям населения, посулив взамен призрачные выплаты.

С особым цинизмом упразднили выборность губернаторов и думские выборы по одномандатным округам под предлогом борьбы с терроризмом.

С особым цинизмом объявили о нескольких сотнях предотвращённых терактов и о куда меньшем числе школьников, взятых в заложники в Беслане.

С особым цинизмом жестоко покарали за «цветочный терроризм» мальчишек-нацболов.

С особым цинизмом воевали весь год с учёными, выдавая их за шпионов, и с ветеринарами, принимая их за наркоторговцев.

С особым цинизмом вместо Басаева ликвидировали Яндарбиева.

С особым цинизмом, провалив запуски боевых ракет, отрапортовали об успешном запуске муляжей.

С особым цинизмом добивали «ЮКОС» и провели в конце года притворный аукцион по «Юганскнефтегазу».

С особым цинизмом сдали Абашидзе с Аджарией и устроили «мандариновую блокаду» дружественной Абхазии.

С особым цинизмом подтолкнули к гражданской войне Украину.

С особым цинизмом весь год безуспешно втирали очки Западу и контрпродуктивно уступали деньги и землю Востоку.

С особым цинизмом расправились с неугодными тележурналистами и руководителями печатных СМИ, пригрозили театрам, творческим союзам и даже Академии наук, замахнулись на свободу слова в Сети.

С особым цинизмом решили учредить Общественную палату, формируемую президентом страны.

С особым цинизмом переименовали 7 ноября в 4...

Конечно, адекватно реагирует на особый цинизм властей и общество - пусть скорее стихийно, чем сознательно. С особым цинизмом капиталы бегут за рубеж и капиталисты - вслед за ними. С особым цинизмом каждый тащит всё, что плохо лежит, уклоняется от любой повинности, начиная с уплаты налогов, игнорирует заранее фальсифицированные выборы и смотрит вместо новостей сериалы. Снятые, разумеется, тоже с особым цинизмом.

Самое же прискорбное в том, что особый цинизм свидетельствует о полном и безысходном бессилии. О бессилии низов и о бессилии верхов. Власть пошла вразнос, а нам словно бы всё равно. Мы настолько беспомощны, что нам всё равно. Мы заражены (и вооружены) особым цинизмом. Но и власть вооружена сегодня единственно тем же. И эта главная (и тоже единственная) государственная тайна окончательно стала в заканчивающемся году секретом полишинеля.

2004

Системная ошибка социологии

Социологическим опросам присуща системная ошибка: уличные интервьюеры, а это, как правило, студентки или их хлипкие однокурсники, побаиваются обращаться к людям брутальной внешности, хмурым дядькам и заряженным внутренней агрессией тёткам, в результате чего мнение недоброй половины населения не учитывается и так называемая репрезентативная выборка перестаёт отвечать своему названию. В число традиционных полутора тысяч респондентов попадают чуть ли не исключительно люди приветливые, заведомо безобидные или ещё более робкие, чем сами интервьюеры. Меж тем именно на результаты подобных опросов ориентируются политики - и всякий раз удивляются, попадая впросак, хотя удивляться тут вроде бы нечему.

Хуже, однако, другое: та же системная ошибка просматривается в деятельности спецслужб, прежде всего ориентированных на контрразведку. Они опять-таки ищут не там, где потеряли, а под фонарём, потому что там светлее. И, не в последнюю очередь, безопаснее. Внедряются не в террористические формирования и преступные группировки, а к безобидным нацболам или на кухонные девичьи посиделки. Ловят не диверсантов, а шпионов, потому что последние не оказывают сопротивления при аресте. Правда, и шпиона поймать трудно и хлопотно, а уж довести дело до суда тем более. Главная же загвоздка в том, что шпионы предпочитают держаться в тени, а контрразведчикам комфортабельнее, да и просто привычнее под фонарём. А шпионов под фонарём не водится - там разве что учёные, поддерживающие открытые контакты с Западом. Или с Востоком. Вот их-то и выдают за шпионов наши мюллеры и айсманы, часть которых и сама, не исключено, уже успела податься в «ихние» штирлицы.

После физиков, химиков и, понятно, экологов наши мюллеры ухитрились

добраться как раз до социологов. С весны вяло тлеет дело известного петербургского учёного Ольги Цепиловой, проводящей социологические исследования в атомградах. Работу группы Цепиловой со всегдашней щедростью финансирует Российская академия наук: «в поле», как, впрочем, и «дома», в академическом институте, социологи получают где-то по полторы тысячи в месяц. «Долларов или евро?» - решили уточнить у Цепиловой на допросе. И взяли тайм-аут, услышав в ответ: «Рублей!»

Тайм-аут взяли, но фельетон, грубо извращающий фактическую сторону дела, опубликовать под оперативным псевдонимом в одной из центральных газет не поленились. Пустили «наружку», организовали «прослушку», несколько раз провели на квартире негласный обыск. Спасибо ещё, ничего не подбросили - ни наркотиков, ни взрывчатки, - а иметь дело с обогащённым ураном, похоже, робеют. Впрочем, ещё не вечер - и «разработка» наверняка будет продолжена.

Будут, разумеется, продолжены и научные исследования. Дело Цепиловой получило шумную огласку до ареста - и это наших мюллеров, скорее всего, остановит. Люди они склада негероического - иначе ловили бы не социологов, а мышей. И не в Питере, а на Кавказе.

Хотя вот и в Питере за это время отравили чуть было не состоявшегося «разводящего» по делу «ЮКОСа» - бизнесмена, владельца охранного агентства и, по слухам, личного друга президента страны Романа Цепова. Цепов и Цепилова почти однофамильцы, и досье на них должны храниться рядышком. Вот только загадочным и, по некоторым оценкам, зловещим Цеповым и солями тяжёлого металла, которыми он был отравлен, заниматься страшно, а простодушной Цепиловой - нет. Лимоновым легко, а Басаевым трудно. Зато можно требовать для лимоновцев по суду таких сроков, что мало не показалось бы и самому Басаеву!

Колонку эту, как басню, хочется закончить моралью: не доверяй, политик, социологам - ни результатам опросов, ни протоколам допросов. Ох, не тех они опрашивают, но и когда их самих допрашивают, то допрашивают явно не тех!

2004

Сказано - сделано

Ровно десять лет назад - в канун думских и в близком преддверии президентских выборов - в нашей стране началась полномасштабная антикоммунистическая истерия. «Независимые» (в основном «гусинские») СМИ неистовствовали; «во всём виноватый» Чубайс отмалчивался; семибанкирщина, ещё толком не сформировавшись, была готова к историческому компромиссу с КПРФ; армия увязла в Чечне; рубль тяжелел вопреки тому, что цены на нефть падали; обнищавшая интеллигенция, по-прежнему почитая Гайдара, прислушивалась к Явлинскому, несущему всегдашнюю ахинею; в президенты рвались Святослав Фёдоров и Станислав Говорухин; Коржаков ещё не писал мемуаров; политтехнологи из вчерашних демократов, вместо Герцена, будили генерала Лебедя и только начинали осваивать чёрный кремлёвский нал в коробках из-под ксерокса.

Спокойствие сохранял - по временам приходя в сознание - только Ельцин, сразу же заявивший, что коммунистов к власти он не допустит ни в коем случае, и подкрепивший эти слова ужасающим, если вдуматься, афоризмом: «Победа коммуниста на президентских выборах означает гражданскую войну». Потому что гражданскую войну, выходит, собирался в случае поражения развязать сам Ельцин.

(Подлинную цену его умению «не допускать» мы узнали через два года без малого: «Девальвации я не допущу!» - прозвучало из президентских уст ровно за два дня до дефолта. Кстати, в книге Ельцина «Марафон» это обещание переврано ещё несусветнее: «Инфляции я не допущу!» Но тогда, десять лет назад, всё равно всё было очень серьёзно и очень страшно).

И вот то же самое «Не допущу!» звучит из уст второго президента России - в принципиально ином, хотя столь же оптимистическом, контексте и в совершенно новом смысле. Президент пообещал ни в коем случае не допустить дестабилизации в процессе окончательного решения проблемы-2008, причём само решение не оглашено и, скорее всего, ещё не выбрано. Однако дестабилизации не будет ни в коем случае. Её не допустят. Её не допустит Путин. У нас есть Путин - и он её не допустит. Подобно тому, как Ельцин - отдадим ему должное - так и не допустил коммунистов к власти, хотя Зюганов в 1996 году набрал, похоже, свои 51% уже в первом туре.

Президент Путин впервые пообещал не допустить дестабилизации, выступая перед голландскими бизнесменами. Чтобы эти буратины спокойно несли свои денежки на нефтяные и газовые поля. То есть его слова приобрели характер государственной гарантии зарубежным инвесторам. И, надо полагать, так и будут истолкованы на Западе. Грамотно вложись (на сленге сильных мира сего) - и не суетись под клиентом.

Однако о том, что он не допустит дестабилизации, Путин сказал в рамках более широких рассуждений о нежелательности изменения Конституции в сторону третьего президентского срока. То есть на третий срок идти нельзя, если не будет дестабилизации, допустить которую не просто нельзя, а нельзя ни в коем случае. А если появится опасность дестабилизации, если возникнет альтернатива - дестабилизация или третий срок, - что тогда?

Другое дело, что никакой дестабилизации и впрямь не предвидится - не при Ельцине-95, чай, живём. Той живности, что нынче водится в пруду, - ископаемым демократам, головастикам-нацболам, скинам с панками - лодку не раскачать. Да и вообще - лодку можно раскачать, только находясь в самой лодке.

Но для того чтобы президент сдержал слово, дестабилизации надо не допустить. Неуправляемой дестабилизации, если уж договаривать до конца. А как её не допустить, если отсутствует даже угроза дестабилизации? И куда смотрят наши органы, если угрозы дестабилизации они не видят?

А вот туда и смотрят. Её, миленькую, и видят. И президента слушают - им положено. И слушаются - у них дисциплина. И даже по ненаписанному умеют читать между строк.

Так что страна может спать спокойно, только если она называется

Голландией.

2005

Существенные факторы

Что общего у трёх-с-половиной-часовой пресс-конференции президента страны с назойливой рекламой некоего порошкового бульона по всем метровым телеканалам сразу? На первый взгляд ничего. Но только на первый.

Нахваливая президентскую пресс-конференцию, новостники и политаналитики в один голос именуют её рекордной по продолжительности и говорят о неизбежном включении в *Книгу* Гиннесса. А хорошенькая моделька, в образе офисной секретарши нахваливающая порошковый бульон, называет его «самым горячим».

Совершенно очевидно, что в число существенных, да и сущностных характеристик порошкового бульона входят доброкачественность, питательность (калорийность), вкусовые и ароматические ощущения (как пишут порой на упаковке - «со вкусом говядины»), предположительное отсутствие вредных добавок, срок годности и т. д., но никак не температура воды, которой его заливают. Заливать его нужно крутым кипятком - иначе он просто не растворится, - а уж как потом пить, дело вкуса.

Совершенно очевидно, что в число существенных характеристик президентской пресс-конференции входят искренность, открытость, содержательность, хладнокровие и бесстрашие при ответах на трудные вопросы, не в последнюю очередь сенсационность, но никак не продолжительность, рекордная или нет.

Нахваливающая бульон моделька обращается к нему как к мужчине, с сексуальной хрипотцой в голосе восклицая: «Ты мой самый горячий!» Эротические обертоны прозвучали и на президентской пресс-конференции «от имени всех блондинок»: «Как вам удаётся оставаться таким красивым?»

«Все мы не красавцы», - вынес когда-то в название книги советский прозаик. Все мы не красавцы - и президенты тоже. Хотя некоторые из нас (и из них) всё же красавцы (а в Индии, в Пакистане и на Филиппинах президентами были даже красавицы), но это опять-таки не сущностная характеристика - и даже не очень существенная. Писаные красавцы, допустим,

Билл Клинтон и Фидель Кастро, но мы их любим (или не любим) отнюдь не за это.

Красавец Клинтон - демократически избранный президент демократической страны - проработал в Белом доме два срока с огромным успехом, и, бесконечно превосходя популярностью и несостоявшегося преемника-демократа, и победившего на выборах соперника-республиканца, безропотно подчинился Конституции, предписавшей ему уйти в отставку. А красавец Кастро, доведший и без того нищую страну до ручки, и коммунистом-то себя провозгласил (и остаётся им до сих пор) только потому, что в коммунистических странах пожизненного правителя не принято называть диктатором. И это-то и есть

сущностная характеристика и. если угодно, существенная разница между двумя красавцами. Тогда как амурные похождения обоих президентов как раз более или менее сопоставимы.

О том, что каждый свой шаг (и пресс-конференцию в том числе) наша власть обставляет как спецоперацию, известно всем. Это оправдано «генетически» (имею в виду генезис самой власти) и до недавних пор было оправдано прагматически. Власть играла на перехват инициативы - у олигархов, у губернаторов, у парламентских партий, у либеральных СМИ, у политически не оформленной оппозиции. Играла - и выиграла по всем статьям. Получив в результате ручных олигархов, назначаемых губернаторов, квалифицированное большинство в парламенте, лояльные СМИ и насмерть перепуганных правозащитников. Теперь между ней и народом никого нет (кроме бутафорской Общественной палаты и утратившего былую строптивость Конституционного суда) - а значит, прагматическое оправдание перманентных и показательных спецопераций безвозвратно утеряно. Власть уже **может** (ей ничего больше не грозит) и уже **обязана** говорить с нами по существу, не только не вешая лапшу на уши, но и непременно сообщая нам что-нибудь и впрямь важное - не про температуру бульона, а про вкус. **Может** и **обязана,** но не хочет.

2006

Тайные герои России

Михаил Ходорковский и Анатолий Чубайс - главные ньюсмейкеры последних недель. И хотя более серьёзное сходство между «нефтяником» и «электриком» пока отсутствует, как говорится, чем чёрт не шутит. Раз уж декларировавшая принцип «равноудаленности» и обязавшаяся действовать «без гнева и пристрастия» власть фактически взяла на вооружение совершенно другой лозунг: «Пусть будет стыдно тому, кто об этом плохо подумает!» Стыдно нам, конечно, не станет, но и ей, судя по всему, тоже.

Приговор Ходорковскому встречен обществом с поразительным равнодушием. В отличие от разгрома «ЮКОСа» и в особенности скандальной истории с «Юганскнефтегазом», и впрямь возмутивших едва ли не каждого. И дело не в конкретной вине (или отсутствии таковой) самого богатого в недавнем прошлом человека России, не в злорадстве, не в зависти и уж подавно не в юдофобии. Приговор Ходорковскому - правый или неправый - так же естествен (а значит, не столько по Гегелю, сколько по Льву Толстому, и справедлив), как финальный аккорд в судьбе многих его соратников и соперников по бизнесу, покоящихся под многопудовыми мраморными плитами на престижных кладбищах или просто-напросто прикопанных где-нибудь в лесочке. Или - если отступить ещё дальше в прошлое - как расстрел валютчиков в хрущёвские времена по статье с применением обратной силы.

Естествен с той, понятно, оптимистической разницей, что жизнь Ходорковского этим приговором не заканчивается - и политическая жизнь, как кое-кто надеется, тоже. И хотя не стоит придавать особого значения голосам журналистов и целых изданий, «круто поднявшихся» на помощи арестованному магнату и прочащих ему поэтому чуть ли не президентское кресло, сам он

вправе с известной долей уверенности надеяться, что ещё не вечер. То есть, может, уже и вечер, может, ночь - но стопроцентной гарантии нет. Стопроцентная гарантия - это из гранатомёта, да и то если не промахнёшься.

Так почему же отсутствует хотя бы сочувствие? Здесь уместно - разумеется, не называя Ходорковского вором и, уж конечно, не утверждая, будто он является единственным, или главным, или хотя бы одним из самых удачливых воров в стране, - вспомнить повсеместно распространённую формулу «Вор должен сидеть в тюрьме». Братья Вайнеры вложили её в уста Жеглова - Высоцкого, и поэтому она приобрела оттенок милицейской, прежде всего, мудрости. Но ведь вор должен сидеть в тюрьме и по воровскому закону! То есть не то чтобы вор из кожи вон лез попасть в тюрьму как можно скорее, но пребывание в заключении для него столь же достойное и осмысленное (а значит, и справедливое) существование, как жизнь на воле. Больше того, всегда аморальное и подчас бесконечно жестокое обращение с «терпилами» вор оправдывает тем, что его истинный дом - тюрьма. Триединство воли, тюрьмы и смерти (то есть одинаково бесстрастное приятие и того, и другого, и, если уж так ляжет карта, третьего) развязывает ему руки и превращает - по сравнению с «терпилами» - в сверхчеловека.

Именно так, и только так, и вели себя по отношению к простым смертным тайные и явные герои эпохи первоначального накопления капитала! Вчерашние мэнээсы и комса (и только во вторую очередь - вчерашние фарцовщики и их нечистые на руку кураторы из спецслужб), они, пойдя в бизнес и поначалу назвавшись кооператорами, приняли если не воровской закон, то воровскую философию, в которой главенствуют презрение к «терпилам», воля, тюрьма и пуля. Они знали, что их будут убивать, - и убьют, если смогут, - и что им придётся убивать в ответ, в предупреждение и в острастку. Они знали, что их будут сажать, - и им придётся откупаться, а если это почему-то не получится - идти в зону. Их были сотни, и тысячи, и сотни тысяч - и самые победоносные из них стали олигархами. Стали олигархами, по известному определению, те коммерсы, которые оказались круче бандитов. Круче - потому что ещё беспощаднее!

Ну а другие мальчики того же розлива (разве что более «домашние») пошли в реформаторы. И самым отмороженным среди реформаторов - круче олигархов! - оказался Чубайс. А мы с вами так и остались «терпилами», с равной опаской относящимися и к «сыщикам», и к «ворам», и с одинаковым равнодушием встречающими самые драматические перепады и переломы их судеб.

2005

Третий ГКЧП?

Чёртова дюжина лет - 1991-2004 - тоже как-никак юбилей, и пресловутому августовскому путчу он подходит как никакой другой. И хотя политический цугцванг - кто вынужден сделать ход, тот и проигрывает, - складывался с тех пор неоднократно, именно та заполошно-сумасбродная попытка переворота (или контрпереворота) оказалась в конечном счёте решающей. ГКЧП проиграл, но что было бы, возьми он верх? Не что было бы тогда - в первые недели и месяцы

после переворота, - а как выглядела бы наша страна сейчас, ровно тринадцать лет спустя?

На политическом уровне в стране функционировал бы авторитарный режим с псевдодемократической витриной полуторапартийной системы: КПСС у власти, ЛДПР (Жириновский, напомню, поддержал ГКЧП) - при власти. Фактически бразды правления держали бы спецслужбы, делегировав в генсеки и президенты выходца из собственных недр. Но не майора или подполковника, а как минимум генерал-полковника. Электронные СМИ оставались бы государственными, бумажные - частными (но с государственными эмиссарами, они же комиссары, в крупнотиражных), к Сети подступались бы, но - русский политический сыск запрягает медленно - не знали, как подступиться. За неимением оппозиции боролись бы с порнографией, понимая под таковой прежде всего инакомыслие.

Во внешней политике дружили бы с НАТО и США, постепенно сдавая им одну позицию за другой. Позволили бы отделиться Прибалтике (по Закону о выходе из СССР), а вот Кавказ наглухо запер бы командующий объединённым Северо-Кавказским и Закавказским округом генерал Дудаев. В Средней Азии правили бы московские особисты, зато премьер-министром всего Союза был бы Назарбаев.

Неприватизированная «нефтянка» работала бы на ВПК, ВПК - на экспорт, экспорт - на импорт товаров народного потребления. Впрочем, «поднялся» бы и отечественный малый бизнес: предприимчивые люди, которых мы сегодня называем олигархами, лишившись возможности «вертикального» развития, вынужденно перешли бы на «горизонтальное» и, саккумулировав нерастраченную злость, разобрались с братками. И заново сдружились бы со своими былыми кураторами из «органов». За доллары всё ещё сажали бы, но «чеки» приобретались бы на каждом углу за рубли. В Центробанке хозяйничал бы Геращенко, и дорос БЫ до парторга Борис Федоров.

Землю роздали бы на приусадебные участки горожанам. Но кое-где процветали бы и крупные совхозы - и их славил бы одумавшийся «фермер» Черниченко. Антиалкогольная кампания постепенно сошла бы на нет, а пивная - не началась вовсе.

Армия (кроме Ракетно-космических и десантных войск) разлагалась бы в отсутствие вербализированного противника, а Церковь - держалась с истинно христианской скромностью. Спортсмены выигрывали бы все мировые первенства, кроме теннисных и футбольных. Никита Михалков и Алексей Герман снимали бы эпопеи к 60-летию Победы, причём Герман не успевал БЫ к сроку. Чиновники сохранили бы привилегии, льготники - льготы, врачи - здравоохранение, учителя - образование, учёные - науку.

За границу ездили бы по путёвке «Интуриста», но без ограничений. Иностранцев, напротив, пускали бы к нам крайне выборочно. Эмиграция была бы свободной - но только по этническому признаку. Так и оставались бы три налога: подоходный, НА бездетность и неформальный «абиссинский» (за должность).

Политтехнологи, политконсультанты и младореформаторы занимались бы

розничной торговлей, ресторанным делом и - в Нижнем - обыгрывали в карты заезжих «лохов». Старовойтова оставалась бы жива и боролась за освобождение Новодворской. В Ленинграде один из помощников занявшегося по завершении «хождения во власть» юридической практикой по жилищным вопросам мэра осуществил бы давнее желание, сев за баранку государственного таксомотора. Лозунг «Москва для москвичей» был бы реализован прежде всего в политическом смысле. Пенсионеры союзного значения Горбачёв и Ельцин ездили бы на «москвичах», председатель Мосгорисполкома - на «Юрии Долгоруком».

Лучше было бы или хуже? Похоже или не очень? «Третьим ГКЧП» назвал приход Путина к власти Александр Зиновьев. Погорячился, конечно. Третьим ГКЧП стало бы, не исключено, президентство Примакова, а Путин - он только пугает. За что мы его, собственно говоря, и любим.

Или не любим? Но вот ГКЧП мы не любим определённо - а почему? Наверное, в силу его - но тогда мы ещё не знали такого слова - виртуальности.

2004

Три сюжета

Месяца полтора назад в Питере прикрыли одну из сетей магазинов музыкальной и видеопродукции. Особенность этой в общем-то штатной ситуации заключалась вот в чём: намертво заколоченные двери магазинов не безмолвствовали. На каждой из них красовалась надпись: «Мы стали жертвой рейдерского налёта». Указывалось, кстати, и имя налётчика, а точнее, название фирмы - некоего товарищества, специализирующегося на борьбе с пиратством.

Товарищество это, едва возникнув, сделало сетям предложение, от которого невозможно отказаться: закупить у него доморощенные лицензионные марки и наклеить их на всю продукцию - как изначально лицензированную, так и откровенно пиратскую. То есть под видом борьбы с видеопиратством в Питере вознамерились ввести частный акциз на него. Вознамерились - и ввели.

Понятно, что такая инициатива могла исходить единственно от людей в форме (или только что снявших форму) - и владельцы чуть ли не всех торговых сетей покорно подписались на это безобразие. А владельцы двух - заупрямились. И одну из этих двух тут же прикрыли. Правда, в товариществе утверждают, будто они не имели к «рейдерскому налёту» никакого отношения. Просто так совпало.

Сейчас магазины опальной сети вновь раскрыли двери. И пиратская продукция по-прежнему в свободной продаже. Вот только подорожала она (а вместе с ней почему-то и лицензионная) в среднем на сто рублей за диск. И, скажем, главный бич легального видеобизнеса - видеосборники типа «10 фильмов на одном DVD» - стоят теперь двести рублей вместо ста. И вряд ли, ой, вряд ли, лишняя сотня уходит к легальным держателям прав, а не оседает в чёрной кассе означенного товарищества.

Начавшаяся в столице и окрестностях борьба с игорным бизнесом, скорее всего, завершится точно так же. То есть просто-напросто подорожает «крыша» (ведь и закрытую было сеть видеомагазинов кто-то, понятно, с самого начала

«крышевал»). Но здесь имеются любопытные тонкости. Если депутаты Думы и впрямь взяли 50 миллионов у. е. за «хороший» закон, а в итоге примут «плохой», то на языке пресловутых «грузинских воров в законе» это будет даже не разводкой, а самым настоящим кидаловом. А за кидалово в этой среде принято убивать. А депутатов от какой, интересно, партии ворам имело смысл «греть»? По всему получается, что от «правящей». Так что, если президент не сменит антиигорный гнев на милость, то многим «говорящим (и сильно радующимся) головам» из ящика говорить осталось уже недолго. Потому что лоб у них намазан зелёнкой.

Разумеется, никаких «игорных» убийств не будет (будут, увы, другие), не будет и никаких драконовских мер против казино и «однoруких бандитов» (а что мешает сломать к чертям собачьим именно игральные автоматы, разоряющие и сводящие с ума и без того нищее население?) - а появится (или окрепнет) какое-нибудь очередное товарищество по борьбе за «правильный игорный бизнес». И потихоньку на рынки и на вокзалы вернутся наперсточники, каталы, кидалы и прочий рабочий люд, в очередной раз - правда, уже на новых условиях - договорившись с людом служивым.

И вообще всё не так страшно, как кажется. Буквально на днях, спеша в информационное агентство «РосБалт» на конференцию, посвящённую борьбе за знаменитый «Дом Зингера» (сама эта борьба вполне могла бы стать одним из сюжетов данной колонки или темой отдельного криминально-политического исследования), я голоснул обшарпанной допотопной «тройке», за рулём которой сидел маленький, старый, невероятно дикого вида грузин.

Дикого, как выяснилось, не только вида, но и нрава: совершенно не зная города (он спросил у меня, где можно переехать Невский) и почти не зная русского языка, нарушая все писаные и неписаные правила движения, он отчаянно материл из открытого бокового окна водителей оттирающих нас (а ему всю дорогу казалось, будто нас оттирают) иномарок - а те лишь пугливо втягивали голову в плечи. Что (равно как и безразличие гаишников к нашей сумасшедшей поездке) стало для меня приятным сюрпризом.

В особняк на Конногвардейском бульваре я, проехав по Литейному, Невскому и Малой Морской, мимо «Ас-тории», Исаакия и, страшно сказать, будущего Конституционного суда, поспел вовремя. И с благодарностью протянул старому абреку всё те же сто рублей.

2006

Формула третьего срока

Формула третьего президентского срока (с перерывом в один), на возможность которого наконец-то намекнул и сам В. В. Путин, поразительным образом совпадает со считалкой пресловутого ельцинского референдума-1993: «Да-Да-Нет-Да». На смену президенту «Да-Да» приходит президент «Нет», а потом возвращается «Да» или, может быть, даже «Да-Да». Хотя на практике представить себе такое, разумеется, трудно.

То есть представить-то как раз просто, а вот жить при промежуточном

президенте «Нет» - избави бог! Как опять-таки говорилось и писалось при Ельцине - но уже в 1996-м. Зная нравы нашей бюрократии, можно с уверенностью утверждать, что вся государственная машина просто-напросто остановится; Совмин и Администрация президента войдут в клинч, цена любого хозяйственно-политического вопроса (включая назначения губернаторов) возрастёт в разы, спецслужбы перегрызутся, а армия перестанет подчиняться кому бы то ни было. И всё это - на четыре года, на протяжении которых мало не покажется никому.

С другой стороны, изменение Конституции в пользу непрерывного двенадцати- или шестнадцатилетнего правления предпочтительнее только на первый взгляд. И не потому, что не поймёт Запад (он-то как раз поймёт - особенно если бросить ему ещё пару-тройку сочных кусков), а потому что Несменяемый, как мы за пять лет успели заметить, тяготеет и к несменяемости высшей правящей касты (кроме, понятно, тех, кто не предан лично), а засидевшаяся во власти каста несменяемых при всех своих государственнических, а то и имперских установках за десять-двенадцать лет растащит страну по брёвнышку. Строго говоря, процесс пошёл - и можно только догадываться, какие масштабы и формы он примет к тому году, на который назначено удвоение валового продукта. Так что в конечном счёте разницы в положении дел при президенте «Нет» и президенте «Да-Да-Да» не просматривается. • А с третьей стороны, вы же не верите, что Путин уйдёт? Или, допустим, проиграет честные президентские выборы Гарри Каспарову? Да и в саму возможность честных выборов... Но и буржуазная революция у нас невозможна хотя бы потому, что уже случилась в 1991 году, а она, в отличие от почтальона, никогда не приходит дважды. Термидор - он и есть термидор: революционная лава остывает, а ситуация застывает.

Итак, уходить Путину в 2008-м на четыре года нельзя. Оставаться ещё как минимум на четыре тоже нельзя. Необходимо уйти, соблюдя политес, месяца на четыре. На такой срок, бывает, наше правительство объявляет итальянскую забастовку при смене премьера, не говоря уж об имитации административной реформы; на такой срок в европейской части страны наступают холода - но ничего, перезимовать можно.

Значит, президент «Нет» должен и впрямь появиться - под видом преемника (разыграть эту карту с вынужденно критиканствующим соперником всё же не рискнут), - но ненадолго. Месяца на четыре с момента инаугурации до заявления об отставке, допустим, по состоянию здоровья; а то и вовсе без повода - как ушёл тот же Ельцин. О разгуле чеченского терроризма вспоминать не хочется - мы ведь пишем не конспирологический сценарий, а политтехнологический; хотя, конечно же, и рокового покушения нельзя исключить на все сто процентов - как не предусмотренный кукловодами несчастный случай или как эксцесс исполнителя. Человек не только смертен, но и внезапно смертен...

Так или иначе, не успев наломать дров и не развалив самим фактом своего существования в качестве альтернативного субъекта высшей власти безмолвствующую страну, президент «Нет» уходит в отставку к началу 2009-го. И во второе воскресенье марта того же года страна на конституционных

основаниях в третий раз выбирает президента «Да»... Такой сценарий, кстати, уже озвучил в одной из «аналитических» телепрограмм наш вещий плевака Жириновский.

Бред, скажете вы... Разумеется. Но разве не точно такой же была бы ваша реакция полгода назад, скажи вам кто-нибудь, что крупнейшую нефтедобывающую компанию страны приобретёт группа так и не установленных физических лиц, зарегистрировавшаяся в пивной?.. Это, доложу я вам, не бред - это почерк. И - когда к этим каракулям приноровишься - вполне удобочитаемый. Только нужно, как заповедал Брехт, не смотреть, а видеть.

2006

Чувство глубокого удовлетворения

С чувством глубокого удовлетворения восприняла общественность домашнюю нулевую ничью в ответном матче с Португалией. Позорный счёт 1:7 в гостях самым неизъяснимым образом оказался забыт; призрачные - после ничьей - шансы на попадание в главный турнир ни с того ни с сего объявлены чуть ли не стопроцентными; а напоминать о неоднократно провозглашённой решимости «умереть, но выиграть» всей Россией у московского «Динамо», усиленного двумя-тремя игроками «Бенфики», - и вовсе дурной тон.

С чувством глубокого удовлетворения восприняла общественность и очередной провал отечественного кинематографа на международном фестивале. Победы на Московском и Сочинском всё же больше похожи на нулевую домашнюю ничью с производителями портвейна. Причём и не снискавший наград фильм снят на футбольную тему. И опять-таки мгновенно забыты якобы имевшие место километровые очереди к кассе венецианского кинотеатра, двенадцатиминутная овация в зале, «Золотой лев», можно сказать, в руках и разве что синица в небе. Зато можно всласть порассуждать о заговоре международного жюри и об очередном недооценённом шедевре от кинематографической династии Германов. Как и об умении тренера сборной собрать под её знамёна лучшие силы и настроить их на отчаянную борьбу.

Чувство глубокого удовлетворения, подобно зависти, бывает «белым» и «чёрным». Чёрное удовлетворение отчётливее всего проявляется в международных делах. С чувством глубокого удовлетворения встретили мы и ураган «Катрина», и неспособность американцев грамотно отреагировать на стихийное бедствие. Ну нет у бездарных янки не только Сёмина с отцом и сыном Германами, но и министра Шойгу! И даже пятьдесят миллиардов долларов президент Буш вынужден просить у конгресса. А вот у нас сто миллиардов, внезапно потребовавшиеся президенту Путину на спецоперацию «Союз с Белоруссией», оказывается, заранее заложены в бюджет. Правда, не долларов, а рублей, - но доллар падает, рубль растёт, и скоро они сравняются!

С чувством глубокого удовлетворения восприняла общественность и сам старт спецоперации «Союз с Белоруссией». Потому что стало ясно: президент сдержит слово не нарушать Конституцию; он просто-напросто отменит её вместе со страной, подпадающей под её юрисдикцию. Это очень по-ельцински - а значит, должно глубоко удовлетворить либералов, тогда как

государственники непременно будут удовлетворены и по определению, и по потребностям!

С чувством глубокого удовлетворения воспринято, впрочем, и возвращение получившего тяжёлую травму Ельцина на родину. Кремлёвские врачи лучше итальянских - примерно на столько же, на сколько наша сборная сильнее португальской, а рубль - крепче доллара. И в рамках спецоперации «Союз с Белоруссией» участковым терапевтам в разы повысят зарплату.

С чувством глубокого удовлетворения восприняла общественность и новую, пусть и бескровную, жатву «оранжевой революции» на Майдане. В Украине, уверяют аборигены, особенно хороши фруктовые соки - но только из произрастающих там плодов. А апельсиновый сок, якобы натуральный, как и у нас, гонят из привозного порошка.

Чувство глубокого удовлетворения периодически охватывает не только сервильные электронные СМИ, но и относительно независимые печатные и сетевые. Которые у нас (отмечу этот факт с чувством глубокого удовлетворения) ещё кое-где попадаются (причём не только с поличным). И все независимые СМИ с чувством глубокого удовлетворения восприняли решение Михаила Ходорковского пойти, пусть и не своими ногами, в Думу. Б ответ на что Роман Абрамович наверняка своими ногами выйдет на поле в стартовом составе «Челси». Потому что хозяин - барин. И, осознавая этот факт, хозяин испытывает чувство глубокого удовлетворения. Да и холопы тоже.

Чувство глубокого удовлетворения является у нас едва ли не главной национальной особенностью. Не зря же философ порассуждал о вечно бабьем в русской душе, а поэт и вовсе назвал Русь женою. Вот только кто у этой жены муж - Путин или Шойгу? Или, не к ночи будь помянут, Швыдкой? Или, откуда ни возьмись, Лукашенко? В некоторых странах, например в Непале, принято многомужие, но мы всё-таки не там сделаны. И не так.

2005

Чуточка

Интеллигентский страх перед стукачами остался вроде бы в прошлом. Да и перед прослушкой кухонных и телефонных разговоров. Во-первых, бояться нечего, да и некого, если ты не олигарх, террорист или ветеринар. Во-вторых, разве не высказываемся мы в печати ещё резче и определённее, чем в кулуарах? Нас, конечно, никто не слышит - но это уж вопрос отдельный. Не слышат даже те, кто нас «слушает».

И тем не менее все не то чтобы построились (строятся всё же другие), но как-то подобрались. Ударились в напускную конструктивность или, наоборот, в интуитивную иносказательность. Кроме самых отмороженных, естественно, но на них уже, как в былые времена, косятся: что это ты так раскукарекался, петушок? Не на Запад ли намылился? А для нас это, знаешь ли, Родина! И говорить мы хотим по-русски, пусть, раз уж на то пошло, и вполправды, и вчетвертьправды, и на эзоповом языке!

При тирании расцветает метафора, это общеизвестно. Но что расцветает

при псевдотирании? Когда нет страха, а только опаска, и единственной официально провозглашённой диктатурой является диктатура закона. Неизменно трактуемого в пользу того, кто больше занесёт в судейскую комнату. Если туда, понятно, не позвонят.

Один хитрован вывел в брежневские годы формулу поведения порядочного человека: делать всё, что дозволено, и чуточку сверх того. Но дозволено у нас всё, что не запрещено, не правда ли? А не запрещено у нас до сих пор практически ничто, кроме заведомо криминальных деяний, на которые мы с вами столь же заведомо не способны.

Почему же мы делаем (говорим, пишем) даже не то, что дозволено, но чуточку менее того? И эта «чуточка» разрастается темпами, каких не может набрать ВВП. Она съела телевидение, доедает крупнотиражную прессу, вот-вот возьмётся за малотиражную. Она пускает метастазы в мозг нации, который и без того-то был сами знаете чем. Она оборачивается законами, чуточку ограничивающими гражданские права и чуточку ущемляющими социальные.

Конечно, «работникам идеологического фронта» свойственно угадывать волю властей предержащих. Свойственно в том числе и на генетическом уровне. А самые весёлые и находчивые эту волю - как правило, задним числом - формулируют. Да и вообще соглашаться с властями легко и приятно - как говорить правду. А если нелегко и неприятно, то власть вознаградит тебя за моральные терзания, полностью скомпенсировав их, и даже чуточку сверх того.

Монетизирует - это уж как минимум. А главное, тебе и впредь нечего будет бояться.

Чего хочет власть? Конкретизируем вопрос: чего хочет власть от думающей и пишущей братии? Чтобы она прекратила писать (и думать) - это, пожалуй, вряд ли. Чтобы пресса рукоплескала власти? Если власть у нас вменяема, то и сама знает, что рукоплескать ей не за что. Совершенно очевидно, что все премьеры прошлого года режиссёру-постановщику явно не удались. Не говоря уж о премьер-министрах... Овации прозвучали бы оскорбительнее любого свиста. Впрочем, в некоторых странах развитой демократии именно свистом в зале принято выражать восхищение и восторг.

Власть хочет от нас опаски. Осторожной оглядки. Хочет, чтобы мы держали себя (и друг друга) за руки. Не держали даже - придерживали. И может быть, самую чуточку сверх того.

Президент дважды повторил гарнизонную шутку о мужчине, который должен настаивать, и женщине, которая обязана сопротивляться, применив её к взаимоотношениям прессы и власти. Кто у нас мужчина, кто женщина? И почему мы уже расслабились и тщетно пытаемся получить удовольствие? И давно получили бы - вот только самой чуточки не хватает.

2005

Игра в ящик

Бремя серых

25 января 2006 года прошёл конкурс на федеральную частоту и великое множество региональных. Победил Пятый канал (то есть телерадиовещательная компания «Петербург») - это было предрешено. Город Путина будет в обозримом будущем вещать на всю страну - прерогатива, утраченная городом Ленина и Петра при Ельцине.

Произошла утрата, кстати, при презабавных обстоятельствах: пожаловав в 1997 году в Питер, первый президент России созвал Гранина с покойным академиком Лихачёвым, Пиотровского с Гергиевым, Розенбаума с Андреем Петровым и - под телекамеры - провозгласил Петербург «культурной столицей России». И, сразу же по возвращении в Москву, отобрал у культурной столицы федеральную кнопку - и передал её как раз каналу «Культура». Питерское телевидение, впрочем, влачило к этому сроку столь жалкое существование, что потери бойца федеральный отряд не заметил. А всероссийский телезритель - тем более.

Но «были ж схватки боевые? Да, говорят, ещё какие!» В годы перестройки двое людей с говорящими фамилиями - Правдюк и Куркова - принесли Пятому всесоюзную (поначалу) славу. По градам и весям прокатилось многочасовое «Пятое колесо», чугунной поступью Командора (вернее, провокатора, под Командора косящего) прошёл Александр Невзоров, тихой сапой прокрался Сергей Шолохов, фаллическим символом восстал во весь экран Кирилл Набутов - и вытащил за умную еврейскую головку доктора Щеглова; молода и хороша собой была Светлана Сорокина, гомерически смешны - Стоянов с Олейниковым и Собчак с Нарусовой... Иных уж нет, а те далече - всё это постепенно скукожилось до неприлично провинциальных размеров или перебралось в столицу, или и то и другое сразу. Поэтому и позор с «Культурой» культурная столица пережила без психических потрясений. Тем более что Правдюка с Курковой перебросили как раз на «Культуру».

Помимо **реального** телевидения - в прошлом, в настоящем (о нём дальше) и в легко предсказуемом будущем - существует, разумеется, телевидение **идеальное.** То, каким Пятому как главному питерскому каналу **надлежало** стать, чтобы соответствовать культурному коду города. Впрочем, вопрос об идеальном телевидении упирается в проблему **идеального Петербурга,** точнее даже - в проблему **идеальной судьбы** для Петербурга, и в зависимости от разного видения этой судьбы подходы, естественно, заметно разнятся.

Сторонники возвращения нашему городу столичного (имперского) статуса хотели бы видеть Пятый имперским каналом: этаким Суперпервым плюс Супервторой и Супер-НТВ с Супер-«Звездой» в придачу. Державное величие, ночное неприличие и «мыльно»-викторинное безразличие посерёдке. И - чтоб лучшие силы! И, понятно, за колоссальные деньги. Сумеречный дозор, триумфально идущий на смену Ночному и Дневному, - белые ночи в Большом доме на Литейном, 4-6... Этого, разумеется, не может быть, потому что не может быть никогда: Москву, вопреки «Дневному дозору», не взорвёшь, а двух телестолиц (да и двух столиц) налогоплательщику не выдержать: Боливар превратится даже не в Росинанта, а в коня вещего Олега.

Автономисты - умонастроение, в городе довольно распространённое, - скорее всего, сами не понимают, чего хотят. Помню, как отклонил приглашение видного представителя данной формации (тогда он ещё работал на Пятом канале) принять участие в передаче, посвящённой внешней политике России. «Смешно и нелепо обсуждать внешнюю политику России на городском канале», - сказал я ему.

Просветители, чересчур буквально воспринимающие идею «культурной столицы России», хотели бы, вернув каналу всероссийскую кнопку, развернуть его в культурную и/или культурно-развлекательную сторону. Но Петербург не **культурная столица,** а в лучшем случае - **музейная.** И столица **телемыла,** но этот статус - со стрельбой и погонями по дворам Петроградской стороны в окрестностях «Ленфильма» - мы вот-вот утратим.

Отличительная черта нашего города, на мой взгляд, - не «столичность», и не «культурность», и даже не «автономность» (хотя на неё это как раз похоже), а **самодостаточность.** Самодостаточность, не подразумевающая, однако же, отдельного от остальной России существования. Здесь в любой области профессиональной деятельности можно дорасти, условно говоря, до звания «чемпион Петербурга» - и вот оно-то как раз и оказывается достаточным (а значит, самодостаточным). Хорошо быть чемпионом страны, ещё лучше - чемпионом мира, но и чемпион Петербурга - это, знаете ли, фигура.

Самодостаточность города подразумевает как основополагающий принцип и полную самодостаточность городского телевидения. Вот смотрю Пятый - и ничего мне больше не надо. Вот работаю на Пятом - и ничем ты меня в столицу не переманишь. Так самодостаточны в нашем городе музеи, часть театров, тот же «Лён-фильм», Пулковская обсерватория, ряд оборонных предприятий. А вот телевидения такого у нас нет. Нет - и, похоже, не будет.

При мэре Собчаке Пятый был мэрским, а при губернаторе Яковлеве стал - практически теми же силами - губернаторским. Впрочем, во второй половине второго срока Яковлева (который ему не суждено было досидеть до конца) в городе сложилось двоевластие: губернатор работал, а представитель президента (сперва Черкесов, потом Матвиенко) вставлял ему палки в колёса; и Пятый, оставаясь на прогубернаторских позициях, начал проявлять сильно красящий телевидение любого ранга политический плюрализм. Оставаясь, правда, во всех отношениях (кроме недурного кинопоказа и прямых трансляций «Зенита») откровенно убогим.

Новый губернатор В. И. Матвиенко разобралась с Пятым не по-детски. Определив на роль телевизионного Вольтера личного фельдфебеля - выпускницу Института физкультуры Марину Фокину (предыдущий руководитель Пятого Ирина Тёткина как тень следует за вновь и вновь перемещаемым - в вице-премьеры, на Кавказ, в министры - отставным губернатором в роли пресс-секретаря), проведя на канале кадровую чистку по идейно-политическим соображениям, выданным, впрочем, за сугубо профессиональные, и, главное, найдя - в бюджете города и вокруг - немалые деньги на обновление, омоложение и прочие приятные хотя бы на слух вещи. После беспримерной рекламной шумихи (опять-таки за счёт налогоплательщика) обновлённое

телевидение стартовало без малого два года назад.

Трудно сказать, кому принадлежит идея вернуть Пятый во всероссийский эфир. Важнее другое: идеи такого рода, будучи разок *подброшены* (по слову М. С. Горбачёва), живут дальше собственной жизнью - и негамлетовский вопрос «А кому это нужно?» остаётся без ответа. Путину это определённо не нужно, Матвиенко - тем более; петербуржцам (рейтинг Пятого в родном городе 4 %) всё равно; а Россия покупает кота в мешке - старого, серого, облезлого, беззубого, беспородного и мышей (кроме всё новых и новых инвестиций) по вышеозначенным причинам не ловящего... Однако слово произнесено, идея вброшена - и прямо у нас на глазах превращается (сказали бы социологи) в *самосбывающийся прогноз.* Бабки подкинула «Северсталь» - в добровольно-принудительном порядке выкупившая пакет акций, принадлежавший городу, - а «пилить» их на Пятом определённо умеют. Ничего другого не умеют, а вот бабки «пилить» - за милую душу.

Прежде чем поведать о **контенте** и **кадровом составе** обновлённого Пятого, расскажу в этой связи одну историю. В процессе обновления на канале решено было обзавестись наисовременной *ньюсрум.* Заказали её (и проплатили) якобы в Лондоне, а получили - из Киева! Нет, ничего оранжевого, ничего персонального, только бизнес. *Ньюсрум,* кстати, оказалась выполнена в кричаще красных тонах и была тут же переименована горожанами в Комнату ужаса.

Никакого ужаса, правда, не воспоследовало - разве что ежедневная и чуть ли не ежечасная демонстрация сериала «Челюсти» с губернатором в титульной роли.

То есть это был, конечно, ужас, но, как в анекдоте, не ужас-ужас! В кроваво-красной гамме (её, кстати, несколько пригасили) на канале восторжествовала беспросветная серость - и сразу, уже в который раз, выяснилось: это Бремя Белых нести тяжело, а Бремя Серых (как говорить правду, по Булгакову, хотя как раз правдой здесь и не пахнет) - легко и приятно. Городской канал на «троечку» с твёрдым, как штык, рейтингом в 4 % и умением лизать по самые гланды власть имущих - это, в конце концов, норма. В том понимании норма, которое вложил в это слово Владимир Сорокин, но тем не менее.

Обновлённый Пятый - телевидение выражение областное (тем нелепее идея транслировать его на Москву и регионы), озабоченное единственно тем, чтобы во всех смыслах угодить своему губернатору. Еженедельную политическую программу принялся вести выписанный с районного (!) московского телевидения аксакал Игорь Фесуненко; еженедельное обозрение новостей культуры - малограмотный и косноязычный журналист Илья Стогофф; околотворческие реликты - превратившиеся именно в реликты ещё на период «Пятого колеса» - вновь извлёк на поверхность из *культурного слоя* переквалифицировавшийся из школьных учителей в учителя жизни Лев Лурье; утреннее вещание, целиком и полностью посвящённое рекламе дурного кофе, парадоксальным образом наводит зрителя на классическую мысль: «Утром выпил - день свободен»; на канале завели своего рода «Будку гласности» - некий уличный микрофон, к которому под видом случайных прохожих подпускают одних и тех же прикормленных политологов местного розлива; кинопоказ так и остался

неплохим; а вот матчи «Зенита», кроме домашних, начали показывать в записи - и уже после демонстрации в прямом эфире по другим каналам.

«Зенит» у нас, впрочем, по-прежнему любят. Пятый канал - нет. Правда, и всеобщее возмущение обновлённым обликом канала, спровоцированное завышенными ожиданиями в связи с беспримерной рекламной артподготовкой, постепенно сошло на нет; интеллигентные петербуржцы - обитатели культурной столицы! - довольно быстро сообразили: **если тебе не нравится канал, можно просто-напросто переключиться с Пятого на любой другой...**

Эта возможность вот-вот появится и у всероссийского зрителя.

2006

Война мышей и лягушек

Телесюжет недели - двойной (с интервалом в тридцать пять лет) юбилей нобелевских лауреатов по литературе - Михаила Шолохова и Иосифа Бродского. Телесюжет получился мультимедийным - с подключением радио, Сети и печатных СМИ, - но тон задали, безусловно, метровые каналы. Кроме разве что Пятого, невозмутимо гнавшего в прайм-тайм два старых сериала подряд - «Нож в облаках» и «На острие ножа», - сами названия которых, впрочем, поневоле ассоциировались с боевыми действиями, развернувшимися по преимуществу на Первом и на «Культуре». Правда, и боевые действия носили своеобразный характер; очередная литературная война мышей и лягушек разворачивалась следующим образом: мыши поносили Шолохова, тогда как лягушки славили Бродского. И победителя было предугадать нетрудно.

Показали (деваться некуда!) - как бы в пользу Шолохова - «Тихий Дон» и «Поднятую целину». Но, с другой стороны, показали Якова Гордина, Александра Кушнера, Владимира Уфлянда, Людмилу Штерн - и Григорий Мелехов со своей Аксиньей против них не фурычат! Деду Щукарю - по самоопределению, *с переду костистому, с заду говнистому,* - мастерски противопоставили отощавшего на старости в отсутствие туркменбашистских пельменей Евгения Рейна. Показали (в «Прогулках с Бродским») Венецию - и растёрли ею станицу Вешенскую в степную пыль. Почему-то постеснялись показать главное питерское ноу-хау нынешней весны: **кабинет Бродского в Музее Ахматовой!** Трудно сказать, подселение это или символическое подзахоронение - но в традиции города коммуналок и ужасающей тесноты на кладбищах вполне вписывается и то и другое.

Мыши атаковали Шолохова (в телефильмах «Писатель и вождь. Шолохов и Сталин. Шолохов и Хрущёв», «Чёрное солнце Михаила Шолохова» и «Загадки Шолохова») сразу по трём направлениям: во-первых, «Тихий Дон» написал не он (а кто? Пушкин? - *В. Т).;* во-вторых, всё написанное самим Шолоховым постыдно бездарно и служит укреплению сталинизма с хрущевизмом и примкнувшим к ним путинизмом; в-третьих, и сам писатель был лизоблюдом и редкой сволочью.

Лягушки славили Бродского главным образом за то, что он не брезговал брать их на руки и, наоборот, брезговал отрывать им лапки и головы. Здравствующий нобелевский лауреат по литературе Александр Солженицын,

успевший заранее оспорить авторство «Тихого Дона» и наличие у Бродского поэтического дара, в пылу борьбы хранил трагический нейтралитет, потому что сегодняшним мнением патриарха отечественной словесности на сей раз просто-напросто позабыли поинтересоваться. Оно и не мудрено: и мыши, и лягушки не могут простить Солженицыну откровенно антисемитских «Двухсот лет вместе». Думаю, Александр Исаевич, разобиженный демонстративным невниманием в день двойного юбилея, тут же величаво возьмётся за третий том!

Мыши показали, как выступает Шолохов на Съезде писателей, клеймя Синявского и Даниэля, а лягушки - как, сидя за столиком в кафе, читает стихи Бродский. Но этот раунд закончился, по-моему, вничью: один выступает, а другой декламирует одинаково вдохновенно! В обоих случаях чувствуется сильный дар риторического по преимуществу происхождения и недюжинное остроумие на прочной национальной основе.

Конечно, телезритель ждал, когда же мыши с лягушками сойдутся в честном бою, но этого так и не произошло: на экране, как у ещё одного изрядно подзабытого классика, *erste Kolonne marschierte* в том же направлении, что и *zweite,* так что столкнуться лоб в лоб им было трудно.

И всё же такое столкновение приключилось, однако осталось за кадром, хотя и не укрылось от беспристрастного взгляда вашего телеобозревателя: глупые питерские лягушки ничтоже сумняшеся решили выдвинуть на нобелевскую премию по литературе одну из своих рядов - *поэтическую соперницу Бродского,* - тогда как осмотрительные московские мыши, не желая смешить Стокгольм, ответили им: «Перетопчетесь!» Однако лягушки не сдались и, подкатившись к Чубайсу, развели РАО «ЕЭС» на общенациональную премию «Поэт» (50 тысяч долларов), которую нашей страдалице, умнице и красавице присудят буквально на днях - в хорошо взвешенном жюри на каждую мышь приходится по пять лягушек, и каждая умеет сбивать молоко в сметану...

После чего лягушку-поэта ещё раз (и ещё не раз!) покажут по ящику. **Вместо Шолохова? Нет, вместо Бродского!**

А кого покажут вместо Шолохова? Литературных наследников у него нет и не предвидится, да и литературных друзей не осталось: сплошные недоброжелатели, а то и просто враги. А вот у Бродского врагов нет - но при таких друзьях, как у него, надобность во врагах отпадает.

2005

Всё утопить

Есть анекдот про успешную реформу в психиатрической лечебнице. «Нам построили бассейн, - похваляются пациенты. - Теперь мы круглыми сутками плаваем, ныряем, прыгаем с трамплина и с вышки. Но это ещё не всё! Если мы будем хорошо себя вести, в бассейн пустят воду...»

К преображению Пятого канала эта жестокая шутка имеет отношение двоякое. Во-первых, нам несколько месяцев подряд внушали, будто бассейн строится и вот-вот будет построен, и предлагали возликовать (читай: начать вести себя хорошо) заранее. Причём происходило это в стилистике и, скорее

всего, по смете масштабной выборной кампании - губернаторской как минимум. И опять-таки это были хорошо знакомые петербуржцам **выборы без выборов:** какие-то дяденьки и тётеньки в сугубо келейной суматохе решали свои проблемы, поощряли *верных,* карали и отлучали неверных или не совсем верных, пристраивали на освобождающиеся места родных человечков, пилили бюджетные (то есть наши с вами) деньги, производили *рокировочки,* местами переходящие в *загогулины,* портили внешний и виртуальный облик города назойливой саморекламой, ожидая от нас лишь одного - чтобы мы поддержали их, *проголосовав рейтингом.* Впрочем, воды в бассейне не было, экран оставался тёмен, нам в очередной раз навязывали кота в мешке, и мы терпеливо ждали открытия канала, символически приуроченного ко Дню дурака. Или ко Дню городского сумасшедшего?

Во-вторых, когда Пятый наконец стартовал, моментально выяснилось, что воду не пустили и в тот бассейн, в котором бултыхаются сами телевизионщики. Похоже, и воздух тоже: выпученные глаза, пунцовые щёки, судорожно разинутый рот - всё это классические признаки асфиксии, меж тем большинство, как их прославляла заранее внешняя реклама, *новых лиц города* выглядит в эфире Пятого именно так, да и сама телекартинка решена в стилистике «Этюда в багровых тонах» или «Рассказа о семи повешенных».

Воду не пустили, а кувыркаться в эфире по восемнадцать часов в сутки велели - вот они и кувыркаются. Плавают, ныряют, прыгают с трамплина и с вышки. Изображая, как заповедано кураторами и идеологами канала, **социальный оптимизм.** В наших условиях целиком и полностью оборачивающийся самым неутешительным диагнозом. Впрочем, они не сумасшедшие - они только прикидываются; прикидываются жизнерадостными сумасшедшими. И жизнерадостность, в отличие от сумасшествия, у них неподдельная: бассейн пуст, но из чёрной кассы бежит живительный ручеёк.

Руководители и кураторы Пятого не скрывают амбиций: подлинно петербургский, а значит, и подлинно культурный канал после модернизации должен не только завоевать сердца жителей города и области, но и - скорее рано, чем поздно, - вернуться во всероссийский эфир. Дело, понятно, за политической волей, а уж о качестве мы позаботимся!

Концепция обновлённого канала заключается, наряду с прочим, в резком омоложении аудитории; ведь уже долгие годы «Питер» смотрят почти исключительно пенсионеры, а главной «фишкой» канала является размещённый в правом нижнем углу экрана градусник. По задумке Пятый должен стать развлекательным и интеллигентным, острым и честным, сугубо городским и имеющим федеральное звучание, творчески и коммерчески успешным, политически ни от кого не зависящим проектом... Именно ради этого руководство канала без колебаний поменяло на переправе большинство программ и телеперсон - и лишь в самый последний момент не решилось расстаться с пресловутым градусником.

Есть, правда, и конспирологическая точка зрения на метаморфозу Пятого. Её в разговоре с автором этих строк изложил единственный, пожалуй, петербургский телекорифей всероссийского масштаба. На его взгляд,

проводится двухходовая комбинация по *недружественному поглощению* канала: сперва нынешнее руководство сознательно и последовательно разваливает Пятый, проводя предпродажную подготовку со знаком минус, а уж потом как лист перед травой над зданием на Чапыгина, 6, встаёт настоящий хозяин, он же стратегический инвестор. Многое мешало поверить в это - и прежде всего тот факт, что разваливать на Пятом в общем-то уже нечего. Следовало, как минимум, дождаться начала обновлённого вещания.

И мы его дождались... Новые лица канала оказались как на подбор страшненькими; итоги всенародного кастинга (допустим для смеха, действительно честного, а не в кругу родных и близких) бросили в полынью экрана целый выводок гадких утят, которым если и суждено превратиться в прекрасных лебедей, то явно не в этой жизни.

Волнуясь в прямом эфире, они забывают включить звук, а уж когда включают... Нет, я понимаю, что картавость, шепелявость и прочие дефекты речи можно будет смикшировать, обратившись к логопеду... Что при активном запасе в несколько сотен слов рано или поздно научишься произносить их правильно... Что определённой корректировке поддаётся даже вестибулярный аппарат... Не понимаю я другого: откуда они взялись на экране и что там делают?

Ведут новостные выпуски? Кстати, по субботам и воскресеньям никаких «Новостей» в Питере не предлагается и не предполагается. Участвуют в кулинарных и юмористических (с закадровым смехом) передачах? Ассистируют извлечённому из платяного шкафа перестроечной поры Игорю Фесуненко в еженедельной итоговой политической программе? Комментируют старые фильмы (1 апреля показали «Красную жару» и «9 1/2 недель»)? Впотьмах обжимаются в шоу «Любовь слепа»? Ну разве что впотьмах... Изображают «культурную жизнь культурной столицы» под началом у не плачущего, а теперь уже и не пьющего мачо Стогоффа? Подманивают к экрану молодёжную аудиторию? Ну-ну...

«Христос своими грехами искупил наши крёстные муки», - оговаривается на Пасху корреспондент Пятого. Это, конечно, прикол, но у Мэла Гибсона вышло круче. Не говоря уж о Мартине Скорсезе... Страшно, истинно сатанински шевелит ушами Сергей Шелин, которому, как известно, лучше жевать, чем говорить, - и веди он юмористическую передачу, ему цены бы не было. Но он ведёт политическую - и цену свою (вполне, впрочем, традиционную) прекрасно знает... Фесуненко работал в Москве (и продолжает! Не бросать же ради сомнительной питерской авантюры насиженное, пусть и незавидное место) даже не на дециметровом канале, а на районном. В петербургском эфире он выглядит старым узбекским хлопководом, у которого в столичной суете отняли пудовую дыню. Дыни жалко, но у чужих людей принято улыбаться - вот он и улыбается...

День на Пятом начинается передачей «Утро в большом городе», которую честнее было бы назвать так: «Утром выпил - день свободен». Нет, я понимаю, что молодые ведущие не пьют с утра ничего, кроме растворимого кофе самых дурных сортов, который они заодно и рекламируют, - но казённый оптимизм, с

которым им предписано держаться (да так, чтобы это выглядело неформально!), оборачивается беспричинным весельем крепко выпивших или хорошо обдолбанных идиотов. Тем более что радоваться в Питере с утра абсолютно нечему - разве что пробкам на дорогах, по-прежнему разорванной линии метро и многократному повышению тарифов на доказываемые услуги. А уж гости утренней студии... Да у них на лбу написано, что привезли их на Чапыгина, 6, если не **из** вытрезвителя, то вместо.

Новости на протяжении всего (буднего) дня подаются с обескураживающей аполитичностью и вроде бы объективностью. Смысл этой объективности понятен: до выборов как минимум четыре года и не известно, не отменят ли их вообще, - так почему бы, пока суд да дело, не поиграть в беспристрастность? Как будто это горе-телевидение способно просуществовать четыре года! У Фесуненко воскресным вечером - четвертьчасовой сюжет о предполагаемом открытии в Тбилиси памятника Анатолию Собчаку. Попробовал бы он показать такое в спальном районе Москвы - живо лишился бы лужковской надбавки к пенсии!

Реалити-шоу «Любовь слепа» - худшее в своём роде из идущих по всем семнадцати принимаемым в Питере каналам. «Всё за улыбку» - худшая юмористическая программа. «Неделя в большом городе» - худшее обозрение новостей культуры. «Сейчас» и «Главное» - худшие политические программы. Пятый непоправимо и безнадёжно проигрывает не только метровым каналам, с которыми вознамерился было потягаться, но и дециметровым, но даже региональным «окнам» на тех же дециметровых. Это именно что районное телевидение - причём из самого бедного и глухого района во всей депрессивно-дотационной области...

Смотреть на Пятом можно разве что «Футбол в зените» - здесь оптимизм пока приходится впору, но благодарить за это следует не канал, а «Зенит». И о «Зените» - как о единственном своём достижении - говорят во всех передачах Пятого независимо от профиля и специфики. Так, может, вместо Марины Фокиной руководство каналом нужно доверить Петржеле?

Нет, впрочем, худа без добра. Прослышав о том, что реформаторы Пятого собираются убрать с экрана градусник, таковым поспешили обзавестись на канале «СТО» - и теперь сравнение двух градусников (и третьего, за окном) явно не в пользу старо-нового, сиречь *обновлённого...* Вопреки декларируемому оптимизму, он явно висит в тени.

Первым фильмом, показанным обновлённым Пятым при открытии в День дурака, оказались «Маленькие трагедии». В одной из которых, как вы помните, речь идёт о корабле, скользящем по морской глади, экипаж и пассажиры которого, да и груз в некотором роде напоминают сегодняшних обитателей здания на Чапыгина, 6 (включая в этот список чумных председателей, «проклятых жидов, почтенных Соломонов», одержимых социальным оптимизмом Мефистофелей, русалок, Альберов и Сальери):

Корабль испанский трёхмачтовый,

Пристать в Голландию готовый:

На нём мерзавцев сотни три,

Две обезьяны, бочки злата,

Да груз богатый шоколата,

Да модная болезнь (Реалити-шоу? Или всё-таки верноподданничество? - *В. Т).*: она

Недавно вам подарена.

Услышав такой перечень, Фауст с отвращением произносит: «Всё утопить». Впрочем, возобладай на испанском трехмачтовике тот же дух социального оптимизма, что и на Пятом канале, этот не подлежащий отмене или обжалованию приговор был бы воспринят с энтузиазмом: «Мы хорошо себя ведём - и за это в наш бассейн наконец пустили воду!»

Зиждители

В одном из выпусков телепередачи «К барьеру!» сошлись (в сугубо платоническом смысле) единокровная сестра петербургской демократии (отец у них общий, а матери всё же, хочется верить, разные) Ксюша Собчак и косоротый депутат Мосгордумы, обвинивший нашу общую маленькую любимицу, как одну из ведущих реалити-шоу «Дом», в «сутенёрстве» и «сводничестве» и подавший соответствующую жалобу в прокуратуру. С логикой у депутата не очень, с юридической подготовкой (кажется, кандидат наук) - тем более: обвинять следовало бы не Ксюшу, а создателей шоу, да и по другой формулировке той же статьи УК, а именно - за «притонодержательство». То, что участники шоу строят не дом (и даже не дом-2), а именно притон, ясно и ежу. Ясно, правда, и другое: подобное доносительство столь же отвратительно и ничуть не менее пошло, чем само строительство «Дома», да и всех прочих «домов» на нашем ТВ. Речь у нас пойдёт, однако же, о другом.

Отвергая предъявленные ей обвинения, достойная дочь знаменитого демагога из Бухары и сенатора от Тывы заявила буквально следующее: «Я **пришла на передачу работать!** Я **пришла созидать!»** - и вот об этом-то созидании мы и поговорим. Не конкретно о Ксюше Собчак (перед созиданием «Дома» закончившей зачем-то за счёт налогоплательщика МГИМО), а о телевизионных созидателях как таковых. Хотя вообще-то «созидатель» - слово не только устаревшее, но и стилистически неточное. Крепче - всё с тем же церковнославянским акцентом - было бы **«зиждитель».** Хотя акцент у наших созидателей - они же зиждители, - как правило, совершенно иной.

Созидают они почему-то исключительно ниже пояса. Хотя как раз автор книги «Вопрос ниже пояса» Дмитрий Циликин на телевидении не удержался. Возможно, именно потому, что говорил с голубого экрана не о наболевшем, а о культуре. Зато другие - настоящие - зиждители гарцуют в ящике годами из вечера в вечер или, как наш питерский Поц Моисеевич, из ночи в ночь. Один держит сеть борделей по всей Москве, другой - магазины «Интим», третий - педофил, четвёртый - вуайерист, пятый, шестой и седьмой - «люди лунного света», обучающие технике супружеского секса унылых гетеросексуалов; все получают свою копейку за правильную экспертную оценку порнографической

видеопродукции Пряника, изобретя ради этого термин «жёсткая эротика», и борются друг с дружкой за звание главного сексолога страны. Звание, правда, пока не учреждённое, но его вот-вот - простите мне этот скоромный каламбур - введут. Потому что если есть в стране главный кардиолог и главный эпидемиолог, как же обойтись без главного сексолога?

Славные люди - и (мы, в отличие от московского депутата, не кровожадны) совершенно не обязательно показывать их по ящику в передачах типа «Из зала суда». Но уж в других-то передачах их нельзя показывать и подавно! Пусть занимаются созиданием у себя в «Он-клиниках» и «Интимах», не говоря уж о более привычных для зиждителей данного типа общественных уборных. Пусть проводят экспертную оценку не видеофильмов, а медикаментов - начиная с того, на котором подорвался наш бывший мэр.

Но ведь и передачи из зала суда ничуть не лучше! В роли зиждителей здесь выступают бездарные московские адвокаты (и один питерский), регулярно проигрывающие в настоящем суде все дела, хоть и обдирающие клиентов как липку - ладно бы одного Ходорковского, но и, допустим, несчастных жертв «Норд-Оста»; в своей откровенной профессиональной беспомощности с экрана политиканствующие, «басманное» и «мещанское» правосудие обличающие, генпрокурору чуть ли не физической расправой грозящие падвы-резники и труновы-астаховы, потому что властей они не боятся (и правильно делают!), а с бандитами всегда можно договориться. Наряду с сексологическим просвещением, мы получаем с голубого экрана по полной программе юридическое, но хрен редьки не слаще или, чтобы подчеркнуть созидательный (в телевизионном смысле) характер обсуждаемой темы, оба луя в одну цену.

Третий луй - телесозидание в области высоких искусств. «Алло, это прачечная?» - «Херачечная! Это Министерство культуры!» Старый похабник Ерофеев на «Культуре» и молодой Убогофф на Пятом. Таня и Дуня на НТВ (хотя «Школу пустословия» - дунь и плюнь! - вроде бы закрывают). Шелудивый Швыдкой в шоколаде! Дарья Донцова с Татьяной Устиновой на СТС! Стихи Иосифа Бродского в исполнении Сергея Юрского и Михаила Козакова! (Плюс телеинтервью Козакова: «Бродский запрещал мне читать свои стихи» - и правильно делал!) Подсохший, как сопля, превратившаяся в козявку, Михаил Задорнов с жалобой на цензурные гонения на одном канале - и он же ещё в соку и всё с той же жалобой на другом! И Жириновский - он то поёт, то пляшет, то требует узаконить многожёнство и разрешить ношение оружия - он созидает!

Почему-то считается, будто политическая аналитика у нас на телевидении в последние годы напрочь отсутствует. Но это, поверьте, не так: созидание и здесь идёт полным ходом. У Лужкова есть Пушков, у Путина - Познер, у Матвиенко - Фесуненко. Впрочем, у Путина есть ещё Леонтьев, есть тот же Соловьев со своей пуговицей Дантеса и вот-вот появится иновещание во главе с двадцатипятилетней зиждительницей Симонян. Видимо, со всегдашним успехом будем готовить оранжевую революцию в Турции, с тем чтобы реализовать давнюю мечту петербургских фундаменталистов. Да и тот же Жирик... Одним словом, на телевидении, как в «греческом зале», есть всё. И - как опять-таки в турецкой гостинице - по системе «всё включено». Ну, и схвачено, разумеется,

тоже всё.

И ведь спроси у них - у питерского проктоаналити-ка или у московского сифилитика, у горе-адвоката и политренегата, у юмориста и замминистра, у актёра и сутенёра, у провокатора и у резонёра, - зачем они пришли на телевидение и почему не уходят, все как один ответят подобно Ксюше Собчак, что пришли **созидать.** А почему не уходят? А потому что с телевидения вообще не уходят, во всяком случае добровольно. Там интересно, там весело, там в режиме нон-стоп строят дом, неизменно оборачивающийся Содомом.

2005

Мания мессианства

Переключая ночные каналы, то и дело натыкаюсь на университетского однокашника. Отчаянно жестикулируя и вдохновенно гримасничая, он несёт одержимым бессонницей какую-то ахинею.

Поначалу я думал, что передача юмористическая, а мой приятель кого-то из осатаневших в прайм-тайм сатириков (если не всех сразу) пародирует, чтобы не сказать высмеивает. Но пару раз прислушался.

Нет, написавший в молодости несколько превосходных рассказов и местами забавные «Легенды Невского проспекта» Михаил Веллер серьёзен, предельно серьёзен. Потому-то так и кривляется, что очень, ну просто очень волнуется. Он ведь учит людей. Учит главному. Он проповедует.

Проповедует в основном банальщину - лошади едят овёс, Волга впадает в Каспийское море, чай надо пить горячим, а водку - холодной, - но с таким пылом, что абракадаброй звучат в его плюющихся устах даже эти прописные истины.

Стульев не ломает (бережёт, должно быть, студийное имущество), но Александра Македонского великим человеком титулует постоянно. И что солнце русской поэзии закатилось, истерически выкликает тоже. И что дважды два четыре, обещает в следующей передаче окончательно доказать.

И, наткнувшись после Веллера на соседнем канале (а подчас и на том же) на жуликовато-бесноватого пожилого левантийца, именующего себя Министром Любви России, поневоле принимаешь его за неглупого или, самое меньшее, вменяемого собеседника.

Правда, этот морок через минуту-другую рассеивается: один учит жизни правильной, другой - половой; обоим следовало бы основательно почистить фонтан, разумеется предварительно заткнув. Но не могут.

Проповедовать можно разное (строго говоря, что угодно), но заканчивается это всегда одинаково: благодарные слушатели миссионера съедают. Не потому, что вкусный, а исключительно ради того, чтобы он наконец замолчал. В древней Иудее каннибализм не практиковался, и пророков там просто побивали камнями.

Побивали - в смысле забивали насмерть. Да и как иначе? Вот приходит, допустим, Иеремия в город Энск. Дерьмо, говорит, городишко, и люди дерьмо, одно хорошо: скоро вам всем кабздец. Приходит в другой город - и говорит то

же самое. В третий - та же история. В четвёртый, в пятый, в шестой... Пока не побьют камнями. Не просто побьют (бьют-то его в каждом), а типа забьют насмерть. Иеремия, впрочем, обижался на Господа: хочу, мол, льстить людям, а Ты заставляешь меня говорить им сплошные гадости. Но Иеремия - исключение из общего библейского правила.

Сегодня проповедуют в основном хорошее: пей чай горячим, держи болт стоячим - и будешь счастлив. Не надо никого догонять - ни Америку, ни Португалию, - нам и так хорошо - заповедал недавно Егор Гайдар. Вот только бы с евреями разобраться или лучше сразу разъехаться - согласился с ним Солженицын. И с Путиным - поддакнул из Лондона Березовский... Важно, что всё это подаётся не как частные мнения частных людей, но именно и только как проповедь - с маниакальной жестикуляцией по Михаилу Веллеру и виртуальной эякуляцией по Льву Щеглову. Как последняя истина в высшей инстанции. Как самая последняя в наивысшей.

Как самая последняя и вместе с тем самая безопасная. Вот начал на старости лет нести чушь Лев Толстой - и его чуть было не отлучили от церкви (в конце концов была принята более мягкая формула: «отрешили»), а кто отрешит - хотя бы от телеэкрана - Эдуарда Радзинского? Кому из наших горе-проповедников что-нибудь - и за что - грозит?

Однажды, в доме творчества «Переделкино», я услышал под окном знакомый тогда всем россиянам визгливый голос с причмокиванием и, выглянув, понял, что, метко уронив с подоконника цельнометаллическую пишущую машинку «Олимпия», смогу в библейском смысле побить автора гайдаровской реформы, - но ведь не уронил же! И никто, что также весьма характерно, ни раньше, ни позже не уронил! Главная беда наших пророков любого калибра, качества и окраса вовсе не болтливость, а безнаказанность и как следствие безответственность. (Похоже, эту статью внимательно изучил полковник Квачков). Один шестидесятилетний Эдичка отдувается за весь писательский (да и политический) цех.

Нет, я, понятно, не за аресты; да и не проповедуют наши пророки ничего, за что их можно было бы арестовать при любом режиме, кроме сталинского (а при Сталине можно было арестовать ни за что). Я за то, чтобы работающих с акробатической сеткой - и даже в таких условиях не отрываясь от земли ни на пядь - проповедников проводить по единственно достойному их ведомству: юмористическому. Сравнивать Березовского с Веллером, Солженицына (увы) - со Щегловым, Григория Явлинского - с Евгением Петросяном или, скорее, с Кларой Новиковой, и так далее. Помня при этом, что каждый из фигурантов данной статьи в своём прямом деле неплох или был неплох, пока не сбился на **безопасное мессианство,** которое если и отличается от безопасного секса, то явно не в лучшую сторону. Примерно как автор регулярной телепередачи «Всё о жизни» от Министра Любви России...

2004

Мимо «МиМ»

О том, что телефильм «Мастер и Маргарита» провалился, не написал только

ленивый. Самый знаменитый отечественный роман XX века в телеверсии Владимира Бортко понравился разве что литературному многостаночнику Дмитрию Быкову, у которого при раблезианском аппетите столь же колоссальные проблемы со вкусом, и - вполне предсказуемо - *главной булгаковедке* страны, члену Президентского совета при Ельцине и, если не ошибаюсь, Общественной палаты при Путине Мариэтте Чудаковой. Никого не ввёл в заблуждение и сумасшедший рейтинг премьерного телепоказа - на уровне «Аншлага», «Кривого зеркала» и Пугачёвой с Галкиным: что-что, а зомбировать Второй канал умеет ничуть не хуже Первого, *Который Всегда Первый.* К тому же показанный в прайм-тайм фильм смотрели всё-таки в основном урывками: кто первые две серии, а потом уж сразу десятую, кто третью с четвёртой, кто ещё как. Потому что смотреть его было скучно.

Перечислены уже и основные «проколы» и «ляпы»: сановные театральные старцы в ролях сорокалетнего прокуратора и самого Воланда - вопреки смыслу образа, но по вполне понятным биологическим соображениям - трясутся на экране за собственную жизнь, а вовсе не распоряжаются чужими, и власть их - от кесаря и от дьявола - выглядит поэтому откровенной бутафорией. Не смешон, но смехотворен плюшевый Кот Бегемот. Невесть откуда взялся Берия в исполнении Валентина Гафта. Плоха и вторична Москва тридцатых - но и Иерусалим тридцатых (первого века) ничуть не лучше. Внешне похожий на Михаила Булгакова артист Галибин в роли Мастера почему-то говорит голосом Сергея Безрукова. Отсутствуют спецэффекты - а те, что наличествуют, буквально вопиют о том, что пятимиллионный (в долларах) бюджет хорошо «попилен» на сторону. Телефильм в целом театрален и кажется непомерно затянутым телеспектаклем, в котором актёры - талантливые и не очень - механически воспроизводят булгаковский текст (романа всё-таки, а не пьесы), теряя по дороге всю его прелесть и очарование. Список достоинств телевизионной Маргариты исчерпывается хорошей фигурой второй свежести. Абдулов играет подвыпившего бомжа, а Филиппенко и вовсе играть нечего. И так далее.

Добавлю несколько личных наблюдений. В заставке каждой серии центурион Крысобой умерщвляет распятого Безрукова копьём Лонгина - и тут же **с креста скатывается отрубленная голова Берлиоза. (**В сетевой публикации данной статьи **Крысобой** был назван **Зверобоем**. В читательской почте (85 возмущённых писем и 20 восхищённых) на эту описку указали двое**).** Бал у Сатаны распадается на две части: вторая целиком и полностью слизана с тайной оргии из фильма Стэнли Кубрика «Широко закрытые глаза» (умники со Второго показали этот фильм ночью по окончании одной из серий «МиМ»), тогда как первая воспроизводит стилистику не новорусской даже, а обкомовской баньки с податливыми комсомолками и раздухарившимися коммунистическими начальниками. Отсутствует искромётность, отсутствует фантасмагоричность, отсутствует сумасшедший темп, на котором держится, не впадая в лоскутность, яркий во всей своей пошлости роман Булгакова.

На котором, кстати, здесь самое время задержаться. Начав, пожалуй, с забавного вывода, сделанного либеральным (потому что он получает деньги у олигархов) и верноподданным (потому что защиту от фашистов он ищет

единственно у Путина) публицистом Леонидом Радзиховским. Дебютировав как булгаковед по свежим следам телесериала, Радзиховский констатировал: **«МиМ» - это «Сатанинские стихи» по-русски!**

Ну что не по-еврейски, это как раз понятно. Как истинный русский писатель Михаил Афанасьевич «малый народ», мягко говоря, недолюбливал. Наш земляк Михаил Золотоносов (феноменальный специалист по анальному юмору, причём, похоже, наследственный, - золотоносов, как и золотарей, не след путать с ювелирами, которых встарь именовали золотых дел мастерами), совсем недавно - уже на правах телекритика - введший в обиход аббревиатуру **ГВН** (Главная Весть Недели), именно на примере Булгакова и его романа разработал теорию **СРА** (Субкультуры Русского Антисемитизма) и прямо обвинил писателя в черносотенстве.

В двадцатые-тридцатые годы прошлого века евреев во власти, в силовых структурах и в идеологической обслуге режима (включая литературу и кинематограф) было процентов семьдесят-восемьдесят. Впоследствии Сталин их отовсюду (кроме литературы и искусства) вычистил - и Булгаков любил Сталина, в частности, и за это. *Погляди, Лена,* - говорил он своей Маргарите, разворачивая свежий номер «Правды» году где-нибудь в 1937-м, - *и этот жидок оказался врагом народа! И этот! И даже этот! А я ведь так и знал! Я всё знал заранее!* Соответствующие записи раскопала и - поначалу вполголоса, на коллегии специалистов, - обнародовала, ужаснувшись, но не смутившись, как раз Чудакова.

Еврейским писателям (а других считай что не было) жилось при Сталине не только хорошо, но и богато. Очень богато. А Булгаков (как Александр Семёнович Кушнер, по слову Довлатова) *тоже любил конвертируемую валюту.* Червонцы - и чтобы они не превращались в осенние листья. Облигации ТОРГСИНа (торговля с иностранцами; поэтому-то «иностранцем» оказался и Воланд). Но ему почти ничего, вопреки украинскому происхождению (и поговорке «где пройдёт хохол, жиду искать нечего»), не доставалось: жиды всегда и всюду шли первыми! Жиды и полужидки. Приехав из Одессы, а то и вовсе из Жмеринки, они захватили литературную Москву, оставив киевского врача практически на бобах. *У меня кривое ружьё,* - жаловался Маргарите Мастер. - *Я целюсь, я стреляю - и промахиваюсь! И все призы достаются другим. Ну, этим...*

И тут Булгаков решил сделать ход конём, написав **атеистический роман об Иисусе Христе!** Про еврея Христа - чтобы евреям во власти понравилось, но атеистический - чтобы им понравилось тем более! И написал! И назвал **«Понтий Пилат»!** А как отреагировали евреи? Формулировку отказа находим в тексте «МиМ» - в отповеди Берлиоза Ивану Бездомному: ты написал, что Христос не был Богом, а на самом деле никакого Христа просто-напросто не было!

Этот отказ погубил Мастера. Ну, погубить, положим, не погубил, но изрядно озлобил. И он решил написать - уже без надежды на публикацию, «в стол» - памфлет против литературных евреев. Затеял, сказали бы сегодня, виртуальный погром. В отместку за устроенную ему профессиональную обструкцию, но тем не менее. «Не расстреливал несчастных по темницам», греха на душу не брал (да и возможности не имел), а «расстрелять пархатых на страницах» - самое милое

дело!

Милое, но (как опять-таки сказали бы сегодня) не релевантное. Оно конечно, Пилат жестоко отмстил иудеям за Сергея Безрукова, пообещал отмстить - и отмстил! Но где взять в Москве Пилата? *Где-где - в Кремле! Троцкого уже выгнал, Каменева с Зиновьевым гнобит, за остальных не сегодня-завтра возьмётся - и мало, хочется верить, не покажется никому! Кроме самого Мастера, которого кремлёвский Воланд распознал, оценил (а значит, втайне и полюбил) - и вот-вот осыплет скромными, но заслуженными щедротами. Сталин, конечно, дьявол, но такой, который творит добро. Он лучше Бога - их Бога! На него, родимого, вся надежда.*

Ну и, понятно, любовь. Большое чувство. К генеральше. Но Воланд поймёт: кровь, говорит он, значит очень многое. Королевская кровь? Ну да в художественной прозе нельзя обойтись без гипербол.

Таковы три пласта романа (следует признать, мастерски сплавленные воедино): изумительно стилизованный **протороман «Понтий Пилат»** в традиции Жюля Ренана, Леонида Андреева, Анатоля Франса и (не будем забывать) Ивана Бездомного; невыносимо слащавая **любовная линия,** но тут и впрямь любовь, а значит, медицина бессильна; и **виртуальный разгром литературно-артистической Москвы,** трактовать который как ужасающе серьёзный еврейский погром или как фантастически смешной «капустник» - дело выбора, определяемого вкусом и, не в последнюю очередь, пресловутым *голосом крови.* Заговорившим, например, в том же Радзиховском - вот ему и примерещились в безобидном «МиМ» «Сатанинские стихи» и полковник Квачков с кошачьей головой Чубайса во рту.

Литературное отмщение «в стол» психологические проблемы решило, а финансовые не решило. И Булгаков вознамерился воспеть Воланда ещё раз - уже в открытую и без каких бы то ни было аллегорий. И написал пьесу «Батум» - о юности Сталина, но Сталину она не понравилась, и он распорядился снять «Батум» с постановки. После чего Мастеру (исповедовал он применительно к собственному творчеству принцип «один раз - не пидарас» или нет, в данном случае не имеет значения) оставалось только лечь и умереть. И он лёг и умер. А Маргарита дожила до «оттепели» и пробила, пусть и в усечённом виде, публикацию «МиМ» в журнале «Москва». Ну а всё остальное вы знаете.

По недоразумению воспринятый в шестидесятые годы прошлого века как антисоветский (и воспринимавшийся так ещё четверть века) роман - великолепный и чудовищный, ослепительно-пошлый, бесконечно циничный и вместе с тем бесконечно наивный, гордо-заискивающий и трусливо-мстительный, прославляющий абсолютную тиранию как единственное снадобье против всеобщей несправедливости с выраженно левантийским лицом - массовый читатель заглатывает, как «солянку мясную сборную» в дешёвой забегаловке, - горячо! остро! вкусно!.. А потом, когда начинает подташнивать, ломает себе голову: что же это я за гадость съел?

Съел - и ладно. Горячо было, остро, вкусно - вот и хорошо. А желудок-то у тебя лужёный. Особенно смолоду. Вот почему «МиМ» превратился прежде всего в юношеское чтение - и вот-вот превратится в подростковое.

А телефильм Бортко не горяч, а чуть тёпл. Не остёр, а пресен. Не вкусен, а в лучшем случае не противен.

Плюс из просроченных продуктов (см. выше) сварганен. Плюс подан и сервирован с такой пышностью, словно речь идёт о черепаховом супе в Виндзоре при дворе Елизаветы Великой. Плюс про него известно, что он влетел в пять миллионов долларов.

Как влетел, так и вылетит. В желудке, сказал бы всё тот же специалист по анальному юмору, не задержится. И был бы прав.

2005

Не пей вина, Гертруда! После водки

Летней порой отдыхают не только телепроизводители, но и телеобозреватели. И отдыхают они, естественно, у голубого экрана. В моём случае это оказался гостиничный «Филипс», принимающий двадцать один канал. Дело было в Коктебеле, за окном плескались белые стринги в Чёрном море, мадера в пластмассовых стаканчиках, стихи Максимилиана Волошина и прочее софт порно. Мой ящик вещал по-киевски, по-московски, по CNN-овски и почему-то по-тель-авивски. Не было только Пятого - ни тебе «Утром выпил - день свободен», ни «Школы для дураков», ни «Сейчас о Главной» и «Главной за неделю», ни остального чапыгинского, чересчур чапыгинского эксклюзива, от которого я таким образом отдыхал тоже. Да и он - в лице Льва Фесуненковича Убогоффа - от меня.

Страшно сказать, но саму губернатора мне в «краю коньяков», отдающих портвейном, за неполные семнадцать суток показали только однажды, да и то - из Калининграда. Причём не то простодушные, не то, наоборот, коварные политтехнологи с поразительной бестактностью вложили в уста Валентине Ивановне вопрос о палёной водке, отвечая на который президент мягко пожурил петербургскую резидентуру, да и всю региональную номенклатуру, в результате чего уже вроде бы решённый вопрос о вице-премьерстве госпожи дегустатора в очередной раз подзавис. Впрочем, президент наш подобен дельфийскому оракулу, речения его темны и туманны, а попытки отыскать в них признаки высшей государственной мудрости подобны поискам чёрной кошки в тёмной комнате и остаются безуспешными главным образом по той же причине.

Изюминкой коктебельского телепакета оказался канал «Эхо», он же RTTv, то есть «независимое телевидение» от господина Гусинского, вещающее хоть в основном из Москвы, но исключительно на заграницу. Вещающее в трёх режимах: старые сериалы и ток-шоу, свежие новости и хронически «говорящие головы». Плюс, разумеется, реклама - и, вопреки ей, общее ощущение катастрофического недофинансирования. Зато Максим Ноткин (задающий вопросы своему бывшему начальнику и главному терминатору неподцензурных СМИ Евгению Киселёву); зато Андрей Клеймёнов; зато, страшно сказать, посыпавший лысую голову нафталином пополам с детским тальком Матвей Ганапольский!.. Полное дежавю, а вернее, дежавю и абзац (тоже полный) в одном флаконе: «то самое» НТВ, только сдувшееся, если не вовсе сдохшее, - и, как снулая рыба, как раз с «говорящей головы» и загнившее. Апофеоз

новостного вещания - пятиминутный репортаж с дня рождения Михаила Ходорковского.

Праздник этот отмечали у тюремной стены. Человек сорок-пятьдесят стариков и старух (правозащитники Людмила Алексеева и Сергей Адамович Ковалёв плюс клака) пьют, поют и пляшут, а дирижирует всей честной компанией Гарри Каспаров - он тут хоть и младший, но всё равно за главного. Поют революционную в сложившихся обстоятельствах песню: «К сожаленью, день рожденья только раз в году». А лет этих, напомню, по приговору суда осталось ещё не то семь, не то восемь. Если, конечно, Каспаров не загрузит апельсины бочками, как братья Карамазовы, и не употребит их на дело оранжевой революции, но это как раз вряд ли.

Украинское телевидение пока плюралистичнее - и двухдневную драку депутатов Рады показали все каналы. В зале заседаний однопалатного парламента остающиеся в конституционном меньшинстве коммунисты двое суток били капиталистов, не давая им проголосовать за вступление в ВТО. И, в конце концов прорвавшись в президиум, выдернули из председательского кресла ихнего Грызлова (зовут его Литвином, и он ни рыба ни мясо - социалист). Зюгановцам бы освоить такую тактику! Или хотя бы рогозинцам! Причём не дожидаясь сурковской отмашки и не надеясь на сечинскую.

Украинское телевидение необычайно красит *мова* - мягкая, певучая, по-хорошему приземлённая и в самой своей приземлённости чрезвычайно возвышенная. Вот попробуйте произнести по-русски: «Пиво любит банку» - выйдет ерунда. А скажите, вернее, выдохните: *Пыво кохает баньку!* - с нарастающим логическим ударением на все три слова - и получится превосходная реклама баночного пива. Бессмысленная, конечно, да и фактически неверная - потому что на самом деле пыво кохает не *баньку,* а как раз **баньку,** да ещё тараньку и барабульку, - но на редкость душевная.

Хотя, с другой стороны, пиво без водки - деньги на ветер. А водка у нас, по авторитетному свидетельству Валентины Ивановны Матвиенко, палёная. И это, увы, возвращает вашего обозревателя с небес на землю, из Коктебеля в Петербург, к родным осинам, шалманам и, не в последнюю очередь, баранам. *Ревенон а нон мутон (*Вернёмся к нашим баранам - фр)., - говорю я, хищно приглядываясь к пятой кнопке, что в переводе со старофранцузского означает: «Иду на вы!» И фронтовые сто грамм для храбрости. Плюс послеотпускные двести.

2005

Непоротое телевидение

Над НТВ в очередной раз сгустились тучи. Отставка Бориса Йордана с обоих постов (в «Газпром-Медиа» и на самом телеканале) чревата очередной *зачисткой* многострадального НТВ-юрта. Зачисткой, как и в прошлые разы, многопрофильной: одни уйдут сами, других «уйдёт» новое начальство, третьи придут на канал, четвёртые туда, не исключено, вернутся, пятые, шестые, седьмые и так далее (абсолютное большинство) «перестроятся на марше», а кто-то, хочется верить, исхитрится, шевеля обрубком эзопова языка, и продолжит

гнуть прежнюю линию. Какую именно? Вот в этом-то и имеет смысл разобраться.

Аббревиатуру НТВ как только не расшифровывали! Я бы предложил свою версию: **Непоротое Телевидение.** Одно-два поколения непоротых дворян - и получаются декабристы. Так в новой истории. А в новейшей - поколения, по свидетельству одного из нынешних руководителей и безусловного «лица» НТВ Леонида Парфёнова, сменяются куда чаще, чем прежде. Раз в десять лет, утверждает он, - а на мой взгляд, так ещё быстрее. Правда, декабристов не получается, дворян - если отвлечься от шутовских титулов, мода на которые, кстати, уже миновала, - тоже. Видно, что-то не так - или с людьми, или с поркой. Я, пожалуй, склоняюсь ко второй версии.

Потому что то же НТВ, разумеется, не является Непоротым Телевидением - так оно себя всего-навсего **позиционирует.** С самого начала позиционирует - с ветхозаветных раннеельцинских времён, когда существовало оно всего по несколько часов в день на питерской кнопке, и мог, например, в программу «Времечко» позвонить с ехидным вопросом кто угодно, а президент России потом возмущался: это, мол, Хасбулатов звонит, я узнал его голос...

И когда клали людей Гусинского «мордой в снег» за якобы инициированный союзником и патроном тогдашнего НТВ Лужковым «чёрный вторник». И когда киселёвские «Итоги» влияли на политическую жизнь в стране (и когда в стране и впрямь была политическая жизнь!), а сам Киселёв, презрительно прищурившись, глядел в заставке на кремлёвские стены и входил в двадцатку самых влиятельных политиков (!) России, а его начальника Малашенко и вовсе прочили то в премьер-министры, то в руководители президентской администрации...

И шли по НТВ отличные фильмы, и сидел развалясь на кушетке Артемий Троицкий, а в ночи на субботу и воскресенье гнали мягкое порно, не говоря уж о скандальном «Последнем искушении Христа»...

Декларируя и демонстрируя непоротость, канал годами поддерживал вечно опального Явлинского, с тем чтобы лишь в самый последний миг вильнуть в нужную сторону и «проголосовать сердцем» за Ельцина - и получить за правильный выбор всё обещанное и даже чуточку сверх того.

НТВ было первым частным метровым каналом и формально остаётся таковым до сих пор. Частное телевидение означало, наряду с прочим, колоссальные зарплаты, гонорары, кредиты и прочие бытовые блага (сейчас всё подравнялось - да как бы и вовсе не переменилось в противоположную сторону). Сюда было чем заманивать - и сюда переманили на тот момент действительно лучших. Не *непоротых дворян* (откуда им было взяться - и *испоротым,* и *дворянам?),* но людей, с профессиональным и личным энтузиазмом променявших привычный короткий и строгий поводок на длинный и мягкий - на такой длинный и такой мягкий, что о его наличии можно было практически не вспоминать. Хотя забывать о нём тоже, разумеется, не следовало.

У классического - Киселёвского - НТВ было два грехопадения (если не считать осени 1993 года, но тогда, похоже, выбор и впрямь был сделан сердцем): в 1995-1996 - когда оно по команде Гусинского безоговорочно и

бесстыдно поддержало ползущего, пусть и приплясывая, на второй срок Ельцина *{испоротые* демонстрировали тогда худшие образцы агитпропа; была создана виртуальная реальность, в которой, и только в которой, и мог одержать победу недействующий президент, - и лишь «Куклы» Шендеровича имели пусть и опосредованное отношение к действительности, да и то поневоле, потому что вынуждены были её пародировать), и в 1999-2000 - когда канал вступил в борьбу с идущим во власть Путиным и сделал это опять-таки по манию Гусинского, чего-то там недополучившего и недоделившего.

Частное телевидение (пользующееся, однако же, льготным тарифом, наряду и наравне с государственными каналами) превратилось, по сути дела, в оппозиционную партию - в единственную оппозиционную партию, принадлежащую одному человеку и - скорее слепо, чем зряче, - выполняющую его волю!.. Выиграть они не могли, поражения признать не захотели - и со всей неизбежностью последовала зачистка, получившая известность как *спор хозяйствующих субъектов.*

Подробности и перипетии этой зачистки, сплошь и рядом душераздирающие, ещё слишком свежи в памяти; подлинные мотивы и логика поведения важнейших фигурантов, напротив, остаются во многом непроясненными; остановимся поэтому на итогах.

Из звёзд первой величины канал покинули Киселёв, Сорокина и Шендерович; не без колебаний решили остаться - и выросли в начальство - Миткова и Парфёнов. ТВ-6, а затем и ТВС трясло и продолжает трясти как снаружи, так, по-видимому, и изнутри; у ушедшей с Евгением Киселёвым команды не столько упало качество (хотя имеет место и это), сколько перестали все эти люди и программы попадать в тон обществу - не только пропутинскому большинству, но и интеллектуальному меньшинству.

Имитировать *непоротость* им, конечно, легче, чем «оппортунистам», а вот что касается значимости... Киселёва прежде всего интересует собственная - и своей программы - значимость, но приход Путина к власти и три года его правления означают (я уже не раз писал об этом) вовсе не конец демократии или там свободы слова - не было у нас ни демократии, ни свободы слова, - а конец политики как таковой. И какая же может быть значимость у политических журналистов и программ в отсутствие политики?

На НТВ получилось по-другому. Американский гражданин Йордан, пришедший к руководству каналом при более чем сомнительных обстоятельствах, начал строить по-настоящему непоротое телевидение - в частности, вероятно, и потому, что плетью в Америке орудуют не руководители любого ранга (как до сих пор у нас), а исключительно ковбои.

Программа Леонида Парфёнова «Намедни» в обновлённом виде, придя на смену «Итогам», отразила и ярко запечатлела вышеупомянутую смерть политики, причём сделано это оказалось в ироническом, но вместе с тем оптимистическом ключе: смерть политики в гуще жизни! Новостные программы НТВ как минимум не уступают своим аналогам на ТВС, превосходя все остальные каналы. Йордану помогли (или он помог себе сам) с сериалами и играми, Миткова обновила имидж, - одним словом, НТВ стало (или стало выглядеть)

настолько настоящим, настолько насущным и, не в последнюю очередь, настолько **непоротым,** насколько это в нынешних условиях в нашей стране возможно. Парадоксально, но факт.

Остальное вы знаете. А чего не знаете, скоро увидите по ящику. Если вам - да и мне самому - не расхочется его включать.

2006

Нос. Три шага в цензурном бреду

Средь бела дня позвонили незнакомым и чрезвычайно взволнованным девичьим голосом. Театральный режиссёр и актриса театра и кино Светлана Свирко сообщила, что её новый спектакль не то вот-вот закроют, не то уже закрыли, и попросила непременно посмотреть представление, которое может оказаться последним, нынче же вечером. Дело происходило в июле, и на вечер у меня определённо были другие планы.

- А зачем я должен его посмотреть?

- Чтобы объяснить мне, за что его закрывают.

- А что это за спектакль?

- «Нос», по Гоголю.

- Так у вас, наверное, Нос похож на Путина. За это и закрывают.

- Нет, что вы!

Благородство, как известно, обязывает. Перед походом в театр я просмотрел прессу. Вот что писали о спектакле в петербургской версии журнала «Time Out»:

«НОС»

Режиссёр: Светлана Свирко.

В ролях: Игорь Бессчастнов, Татьяна Калашникова, Вячеслав Карпов.

Гоголевская история о человеке, потерявшем нос, бродила по Театру сатиры два года. Пока не совпали обстоятельства и пространственно-временные ориентиры всех членов творческой группы. Теперь режиссёр и инсценировщик Светлана Свирко готова представить свою версию «Носа». Живя в такой стране, как Россия, творческому человеку трудно не писать о её порядках и гражданах. Где ещё, как не здесь, бесшабашная свобода волшебным образом соединяется с жёсткими ограничениями, а логика плавно перетекает в абсурд? Почва плодородная. Свирко (у которой уже был опыт общения с абсурдом - спектакль «Случай №» по Хармсу) затеяла сатирический памфлет о стране, которая «вечно наступает на грабли». Гоголевское «зеркало, на которое нечего пенять», начистили затем, чтобы отражать в нём современные рожи. Ответов на злободневные вопросы спектакль, может, и не даст, но показать облик нынешней России собирается.

Особенность постановки в том, что сатирическое здесь не сводится к простому высмеиванию и обличению. Гоголь, по словам Свирко, «обладал

гениальной способностью обращать сатиру в поэзию». Вот и спектакль должен стать поэтическим и красивым. Способствовать этому призваны близкая к цирковой сценография Дарьи Мухиной, музыка Алексея Кузнецова, оригинальный вокал (хормейстер - Ольга Тихомирова) и неповторимая пластика, придуманная специально для каждого персонажа Валерием Звёздочкиным. Заглянем правде в свирепые глаза, ведь «Нос» определённо обещает быть смешным и острым.

Светлана Свирко и впрямь оказалась молодой женщиной, а небольшой зал Театра сатиры на Васильевском был переполнен. Публика по ходу спектакля смеялась, а по его окончании аплодировала долго и гулко. И, разумеется, Нос был похож на Путина! Один из трёх Носов, задействованных в спектакле, если быть точным, - но как раз тот, парадный портрет которого торжественно спускали на сцену с колосников под музыку Глиэра, представляющую собой подлинный гимн Петербурга. Ну и естественные аллюзии на самодержавную власть, взятничающее чиновничество и мелкотравчатое пресмыкательство перед городовым. И вообще, Нос у Гоголя это, как принято считать, не совсем нос и даже совсем не нос. А главреж Театра сатиры человек, мягко говоря, пожилой - и лишней головной боли ему не нужно.

Так или примерно так я сказал Светлане, когда она позвонила мне поблагодарить за помощь. Помощь, как пояснила она, действенную: обнаружив меня в зале, её начальство переполошилось, а по окончании спектакля заверило режиссёра в том, что «Нос» из репертуара ни в коем случае исключён не будет, более того, откроет афишу сразу же по окончании летнего отпуска. Я поневоле удивился собственному могуществу, но за режиссёра порадовался. И счёл всю эту историю исчерпанной.

Режиссёр Свирко обратилась ко мне, человеку нетеатральному, не исключено, потому, что у меня «лёгкая рука». Во всяком случае, так считается. За некоторое время до истории с «Носом» я первым написал о прокатном запрете кинофильма Ильи Хржановского «4» (по сценарию Владимира Сорокина) - и фильм в прокат всё-таки выпустили. Правда, не после (и не вследствие) моей статьи, а в результате его триумфального шествия по европейским кинофестивалям, но тем не менее.

История с этим фильмом, снятым отчасти на государственные деньги, отчасти на спонсорские, тоже получилась прелюбопытной. Официальная претензия к режиссёру заключалась в том, что фильм вышел на сорок минут длиннее оговорённого в предварительных условиях. Вот эти сорок минут Хржановскому и предложили вырезать. Уделив особое внимание злоупотреблению натурализмом в форме пьяного старушечьего стриптиза и сквернословием. Ну и кое-чему другому тоже...

На мой взгляд, дело заключалось как раз в **другом.** А именно вот в чём: в одной из начальных сцен фильма персонаж, выдающий себя за сотрудника кремлёвской охраны (а на деле являющийся оптовым торговцем мясом), отвечая на вопросы случайных собутыльников, утверждает, что президент у нас - нет, не пьёт, а вот супруга его... «Но он же не настоящий сотрудник! Он же всё выдумывает!» - возмущался в баре петербургского Дома кино молодой

режиссёр.

- А вот представьте себе, - со старческой мудростью возразил ему я, - что именно этот фрагмент прокручивают Путину. Или Сечину. Или хотя бы Суркову. Кто прокручивает? Министр культуры в борьбе со Швыдким. Сам Швыдкой в борьбе с Голутвой. Кто угодно. Вот, мол, какое кино снимают у нас на народные денежки! Поэтому вам и говорят: уберите лишние сорок минут. А на деле надо убрать всего две...

Но молодые люди из хороших кинематографических семейств (Илья сын знаменитого аниматора) бывают и максималистами. И бывает, их максимализм торжествует. Как и произошло в случае с фильмом «4». А вот судьба спектакля «Нос» сложилась печальнее.

В начале ноября мне позвонили с REN-TB и попросили принять участие в съёмках сюжета, посвящённого полному и окончательному запрету «Носа», увы, уже - вопреки июльским заверениям - состоявшемуся. В сюжете мне отводилась роль комментатора, рассуждающего о цензуре вообще и о самоцензуре в частности. Благо, опыт советских десятилетий подсказывает, что самоцензура, или, как её ещё называют, **внутренняя редактура,** куда страшнее. «Лишь бы о нас плохо не подумали!» - и каждый начальничек, сидя на своём шестке, отрубает любимой собачке малюсенький кусочек хвоста. «А раз так, то пропади оно всё пропадом!» - думает селекционер - и выращивает собаку бесхвостой. И тогда ей - по малюсенькому такому кусочку - начинают отрубать лапки.

Обо всём этом я и сказал в сюжете REN-TB. Упомянув, наряду со спектаклем «Нос», и фильм «4» как единственный по сей день известный мне пример вмешательства цензора (внешнего или внутреннего) в творчество современных художников. И подчеркнув решающую роль в этом вопросе нашего собственного страха - внутреннего редактора, не выдавленного по капле раба.

Вы будете смеяться, но сюжет в эфир не выпустили. Не только мой монолог, но и сюжет про запрет спектакля «Нос» вообще.

Так что в следующий раз, когда меня пригласят поговорить на аналогичную тему, я расскажу не о двух случаях самоцензуры, а о трёх.

2005

Осеннее построение телевидения

В обывательском представлении пресловутая борьба за рейтинг сводится к конкуренции одних аналитических программ с другими, игр с играми, «мыла» с «мылом», кинокартин с кинокартинами и так далее. То есть к конкуренции контента. И по осени каждый уважающий себя канал должен предложить нечто новое. А если старое - то непременно высококачественное или хорошо забытое. А главное, чтобы было лучше, чем у ближайшего соседа. У соседа по рейтингу и по целевой аудитории. И точь-в-точь в то же время. Всё это взятое вместе называется **контрпрограммированием.**

Это и так, и не так. Потому что качество контента волнует руководство каналов лишь во вторую очередь. Даже в третью, если вспомнить, что

решающим фактором благополучного существования канала является приток рекламы, а реклама нынче приходит на канал (или уходит оттуда) лишь по тайной отмашке властей. Но в первую очередь (или, с учётом вышесказанного, во вторую) канал обязан предъявить по осени грамотно выстроенную сетку вещания. Или, на профессиональном сленге, - **линейку.** Здесь зарыта собака, здесь ключ от квартиры, где деньги лежат, здесь сокровища Аладдина и доблести телевизионного паладина.

Само по себе слово «линейка» наводит на милые сердцу воспоминания. Лето, пионерлагерь, торжественное построение на поляне, звонкий горн, подъём флага... Вот вышел на линейку **Первый** отряд, вот **Второй.** Чем они отличаются друг от друга, так сразу и не поймёшь, - и борются они в развесёлой лагерной жизни по всем направлениям и фронтам лишь промеж собою и называют это, понятно, контрпрограммированием. И это ведь не просто безупречно воспитанные подростки (по ночам они, правда, шалят и крутят у себя в палате порнушку, но им можно, им это прощают), а будущие вожатые, будущие инструктора, будущие воспитатели и, чем чёрт не шутит, лауреаты и депутаты - одним словом, кадровый резерв Партии. А Партия у нас как была, так и остаётся одна.

Вот **Третий** отряд, некогда созданный как экспериментальный, но и теперь слывущий самым ярким, самым талантливым и вместе с тем самым хулиганистым. Не зря же тут то и дело меняют воспитателей - и самые озорные давным-давно присмирели. А яркие и талантливые разбрелись кто куда. Тем более что улучшенное питание и дополнительный муз- и спортинвентарь - главные фишки былого эксперимента - перестали быть эксклюзивом Третьего: начальство признало этот разрыв нецелесообразным и подравняло условия с особым упором на Первый и на Второй.

Вот **Четвёртый.** Здесь собраны футболисты, хоккеисты и прочие теннисисты. Настолько увлечённые мячом, шайбой и мячиком, что гоняют их круглыми сутками. Впрочем, круглосуточная жизнь кипит с недавних пор во всём лагере - и остаётся загадкой, когда эти пионеры спят. Взять хотя бы того гадкого мальчика лет шестидесяти, который сильно после полуночи принимается нести унылую похабщину и несёт её до рассвета.

Вот **Пятый** отряд. Его, впрочем, на торжественное построение до поры до времени не пускают, и соревнуется он исключительно с самим собой. Неизменно рапортуя по инстанции, что всё у него тип-топ. Здесь заикаются утром, писают в постель ночью и, давясь, едят под одеялом варёную сгущёнку в тихий час. Но у Пятого могучая воспитательница - единственная в своём роде - и спортивного вида вожатая, так что своих задохликов они никому в обиду не дадут. Ни обритого налысо толстяка, ни похожего на жука местного умника, ни раз и навсегда расшибшего себе голову о штангу бразильских ворот переростка... Разве что переведут куда-нибудь с повышением саму воспитательницу или поймают за руку вожатую - но поди поймай, поди догони выпускницу Института физкультуры!

В **Шестом** и **Седьмом** музицируют. Музицируют как умеют. Но отряды эти пользуются бешеной популярностью, и попасть туда - особенно на все три смены

(это называется **горячей** или **жёсткой ротацией) -** можно только за очень большие деньги. Конкурируют они тоже исключительно друг с дружкой.

А вот **Восьмому** и **Девятому** подобное самоограничение чуждо. Здесь играют - в салочки, в жмурки, в бутылочку, - строят *«Содом»* и *«Содом-2»,* именуют вожатых - *зажатыми* (спать, спать по палатам пионерам и зажатым!), хотя те, наоборот, взять хоть дочь петербургского мэра, предельно раскованны; смотрят кино, устраивают завалинку на ситкоме и невинно кокетничают с прекрасной няней. На торжественное построение их пускают, но они ленятся - кто снять крест, кто надеть трусы.

У **Десятого** нынче большие неприятности. Здесь собрались очкарики, и привыкли они вести вольготную жизнь под крылом у еврейской воспитательницы, которую все в отряде называют *Мамой.* И вдруг Мама вышла замуж - да не за иностранного бизнесмена, как объявила заранее, а за туземного мордоворота-купца! Причём есть подозрение, что купец он только согласно *легенде,* а по основной профессии, как у нас с некоторых пор водится, *силовик.* Впрочем, еврейским мамам не привыкать брать в ежовые рукавицы и скручивать в бараний рог силовиков - не только отставных, но и действующих! Даже песня на эту тему сочинена: «За что ж вы Клима Ворошилова?» - и так далее.

Есть ещё отряды с **Одиннадцатого** по **Восемнадцатый** - но там собралась такая мелюзга, что на линейку её выводят, а говорить о ней всё равно нечего. Пусть сперва подрастут!

В нынешнем сезоне лагерь ожидают большие перемены. Начиная с Начальника. То есть Начальник как раз останется прежним, а вот сам лагерь, по слухам, объединится с другим, соседним. Скорее формально, но всё же объединится. И белорусские пацаны, привыкшие к чистоте в лагере и вообще к чисто лагерной дисциплине, покажут нашим избалованным городским подросткам кузькину мать. Такое вот ожидает нас всех контрпрограммирование.

В Первом и во Втором по этому поводу уже ликуют, в Десятом негодуют, в Третьем присматриваются, в Пятом наступил тихий час, а остальным - и на белорусов, и на самого Начальника забить болт! Хотя и забивание болта может оказаться началом исправительно-трудового воспитания.

В нашем лагере стартует новый сезон. Просим всех - или почти всех - на линейку!

2005

Проверка на швыдкость

«Школа злословия» перешла на НТВ с канала «Культура» - или, как его, с оглядкой на куратора неизящных искусств Михаила Швыдкого, именуют, с *Культурки* - и, несомненно, в значительной мере сохраняет ауру, колорит и приоритеты места происхождения.

Критики передачи утверждают, будто, перебравшись с канала на канал, она потеряла формат, но это не так.

Потеряно другое: общаясь на «Культуре» с людьми яркими, но не

сановными, соведущие не стеснялись говорить им гадости в глаза и особенно за глаза. Теперь же, наедине с «генералами от...» (от политики, от искусства, от спорта) - а ведь других персонажей метровому каналу не надо, - Авдотья с Татьяной не то чтобы оробели, но начали проявлять разумную осмотрительность. То есть вместо гадостей принялись говорить замаскированные под гадости комплименты. Тогда как собственно гадости - а без них этих дам в передаче, да и самой передачи просто не было бы - отныне адресованы третьим лицам. Известным, но, разумеется, не сановным.

Зачем, например, как в рецензируемом выпуске за 26 марта, в разговоре с пианистом Николаем Петровым поминать генерала Макашова? А поминая, называть его исключительно *тварью?* И отвлекаться от *твари* только затем, чтобы упрекнуть всё отечественное искусство в неинтеллигентности и, главное, невоспитанности?

И кстати уж об интеллигентности. И знающий четыре иностранных языка Петров, и обе соведущие путались в падежах, видах и временах, жарко дискутировали на тему о том, входит ли Новый Завет в Священное Писание, где именно в Каноне расположены Десять Заповедей и включена ли в Декалог максима «Подставь другую щёку», а внучка советского графа, некогда получившего именно по щеке от Осипа Мандельштама, даже употребила мудрёное слово *контаминация.* Правда, невпопад.

Говорить комплименты под видом гадостей занятие непростое, в чём-то даже, да простят меня обе дамы, *перверзное.* Законопослушного при любой власти и активно угодливого в ельцинскую пору Петрова «Школа злословия» превратила чуть ли не в диссидента, поставив ему в вину один-единственный грех: пианист, оказывается, приобрёл *до кучи* квартиру генсека (и руководителя КГБ) Андропова. До кучи - потому что жить в ней не стал. «Разве вы, жертва режима и ярый противник советской власти, любите КГБ?» - кокетничая, вопрошали дамы. Но бравый клавишник вывернулся: *советскую власть он не любит, а КГБ с ФСБ* - вы будете смеяться, - *таки да, любит!* Потому что люди там, как и всюду, бывают разные. И одного кагэбэшника - правда, отставного (вот только в отставку они не уходят) - Петров любит особенно. И, как говаривал уже не любимый ветреным виртуозом Ельцин, вы этого человека знаете!

Петров вошёл в раж, принявшись, по своему обыкновению, нести по кочкам попсу. Попсу *в ящике.* И можно понять почему. Ему бы хотелось, чтобы по телевизору звучала серьёзная фортепьянная музыка - и только она. И надо полагать, в исполнении одного-единственного пианиста. Но это справедливое требование имеет в устах Петрова прозрачную субъективную мотивацию, что **злоязычницам** следовало бы, по логике жанра, подчеркнуть. Или хотя бы сформулировать как гипотезу - с тем, чтобы тут же её возмущённо отбросить. Однако у них хватило осторожности промолчать. Оттоптались взамен на двух художниках - Глазунове и Шилове. Но где имение, а где наводнение? При чём тут Шилов?.. Впрочем, гость передачи и соведущие разошлись вполне довольные сами собой и друг другом. **Культурка - она и есть культурка, Чайковского ты исполняешь или Фляркovского.**

Та же культурка и то же самодовольство - причём ещё менее обоснованное -

сквозят в питерской передаче, которая так и называется: «Культурный слой». Семидесятилетние уроды вспоминают о том, как кружили головы и разбивали сердца, пятидесятилетние бездари - о том, как ходили в литературный кружок Дворца пионеров; похожий на жука ведущий с важным видом изрекает косноязычные банальности; все пьют *маленький двойной,* ходят в «Сайгон», читают «Звезду», поют Хвоста, дружат или спят с Довлатовым. Гадостей здесь не говорят, но само по себе зрелище вызывает гадливость, как КВН, в котором сборная морга схлестнулась бы с командой лепрозория - и в результате победила дружба. Жаль, Швыдкой не смотрит Пятый канал - ему бы понравилось.

2005

Сладкая парочка

Истинные звёзды сегодняшнего телевидения - Ксения Собчак и Владимир Жириновский. *Самая завидная невеста страны* (Первый канал) - и вечный муж обездоленных и оскорблённых. Большеротая уродка, слывущая писаной красавицей, - и старый еврей, перед каждыми выборами истерически радеющий за русский народ. Папина дочь, в которой больше, правда, от мамы, - и отец собственного заместителя по парламентской фракции. Ксения Анатольевна, по горькому слову Виктора Шендеровича, компрометирует саму идею демократии в нашей стране как её зримый, чересчур зримый плод, тогда как Владимир Вольфович компрометирует буквально всё, о чём говорит и даже умалчивает. *Однозначно!* Ксения ненавидит Анастасию Волочкову (о чём на НТВ снят целый сериал), а Вольфович грозится, придя к власти, повесить Дмитрия Рогозина. К власти он, правда, придёт не раньше, чем мисс Собчак станет примой Большого театра, хотя, конечно, чем чёрт не шутит. Я и про власть, и про Большой.

Ксения телешоу ведёт, Вольфович шоу всякий раз устраивает. Хотя, пожалуй, уже не всякий, а через раз.

Бывает, его приглашают в «серьёзные» аналитические программы (скажем, к Пушкову в «Постскриптум» или в «Вести недели») - и он ведёт себя соответственно аналитиком. Аналитику плеваться ни в оппонента, ни в публику не положено - вот он и не плюётся. Рассуждает о президентских выборах - и предлагает себя в зиц-президенты 2008-2012: между Путиным и Путиным. Даже четыре года ему не нужны: так, месячишко-другой в Кремле перекантоваться - и хватит. Рогозина повесить и в физиономию Бушу лишний раз плюнуть. Хотя в 2008-м президентом в Америке будет уже не Буш.

Ксения, напротив, уже с трудом сдерживает слюну. И всё равно депутат - от той же рогозинской «Родины» - выходит с совместного с нею эфира («Неделя» на REN-TB) как оплёванный. Она на него ещё и в суд подаст - за клевету! Клевета, вообще говоря, не дело частного обвинения, но у неё и в суде всё схвачено! Хорошо бы их с Жириновским поженить и отправить с дипломатической миссией на родину Рабиндраната Тагора!

Характерно, что оба в телеэфире уже запели. Жириновский давно, Собчак недавно. Кто из них составит конкуренцию Верке Сердючке, сказать пока трудно. Шансы опять-таки есть у обоих.

Отдельный вопрос, почему телезвездами стали именно эти двое. Причём именно сейчас - когда нет выборов ни в России, ни в Петербурге, а телевидение борется с антисемитизмом и порнографией. Неужели не понятно, что сладкая парочка, вкупе и порознь (хотя вкупе они вроде бы на экране ещё не мелькали), низкопробна и попросту непристойна, а с точки зрения даже не слишком оголтелого юдофоба, более чем *виктимна?* У нас что, сатириков мало - хоть бы и в губернаторах? Или размалёванных девиц в подтанцовке? Некому соврать народу, кроме Жириновского? Некому схамить с экрана, кроме как рослой молодой хабалке в «юбочке из плюша» с не то украденными, не то, наоборот, подаренными брильянтами на 600 000 у. е.?

А знаете, наверное, таки да, некому. Политики коротки и неказисты, как жизнь эстрадного артиста. Красавицы заняты по основному назначению на самых дальних подступах к вожделенному ТВ. А главное, и те и другие не нравятся одному-единственному человеку, угодить которому, вещая по двадцать, а то и по двадцать четыре часа в сутки, стремится метровое и мечтает дециметровое телевидение.

А Ксения Собчак ему нравится?!!

А Владимир Жириновский?!!

Или как истинный разведчик, определяя их в круглосуточный эфир, он проводит непостижную уму многоходовую спецоперацию? Истинная цель которой - в выработке у населения рвотного рефлекса на телесигнал и, может быть, даже на невключенный *ящик?*

Но если так, как он собирается баллотироваться на третий срок?

Ах да, я забыл, третий срок он пропустит. Тогда всё и впрямь становится на свои места.

2005

Стилистические разногласия как политическое кредо

«У меня с советской властью разногласия прежде всего стилистические» - так формулировал своё кредо знаменитый политический диссидент. И отсидел за эти разногласия в лагере, и вынужденно эмигрировал во Францию. И в памятном октябре 1993-го оказался одним из немногих интеллектуалов, безоговорочно осудивших расстрел парламента, проведённый под предлогом «спасения демократии». Покоробивший его, не исключено, прежде всего эстетически: ельцинский путч был не только и не столько антиконституционен, сколько главным образом некрасив. Низок и некрасив - этика и эстетика неизменно гуляют рука об руку.

О стилистических разногласиях с властью - сперва ельцинской, потом путинской (да и Киселевской - на НТВ) - ведёт речь и знаменитый тележурналист, только что отлучённый от всероссийского экрана. С той только разницей, что разногласия Андрея Синявского представляли собой **вызов,** тогда как разногласия Леонида Парфёнова несомненно являются **ответом** (в терминологии Тойнби). Причём ответом пассивным, ответом в существенной

мере эскапистским. Можно протестовать против войны, а можно уклоняться от призыва в армию. Парфёнов избрал вторую тактику, но сделал это столь демонстративно и не в последнюю очередь блистательно, что его ответ начал с какого-то момента восприниматься как вызов.

Вызов власти бросили на самом деле другие. (Мы абстрагируемся сейчас от серьёзности и мотивов этого вызова). И, не будучи в состоянии обрушиться на режим - не говоря уж о том, чтобы обрушить режим, - частью которого являются и являлись, сосредоточили огонь на его «вторичных половых признаках», - допустим, на гимне. Текст которого плох для них тем, что он якобы сталинский, тоталитарный и так далее. Тогда как для Парфёнова он наверняка плох ужасающим качеством виршей.

Бросающие вызов изобличают власть в зловещих делах и планах, но это не срабатывает. А почему не срабатывает - потому ли, что не соответствует действительности, или потому, что мы не хотим им верить, - это уж вопрос отдельный. Отвечающий на вызов власти Парфёнов задаёт вопрос: если ты такая великая и ужасная, то как это проявляется стилистически? Если был (поверим исследователю) **стиль Сталин,** то где **стиль Путин?** А ведь если стиль это человек, то отсутствие стиля означает отсутствие человека! Последнее положение не формулируется, но подразумевается.

И не только это. **В отсутствие стиля Путин** поневоле ставшая после закрытия «Итогов» в какой-то мере и политической программа «Намедни» последовательно формировала в еженедельных выпусках модус поведения (политического хотя бы в силу декларированной аполитичности в том числе), который можно и должно, конечно, назвать **стилем Парфенов,** но который в силу вышеизложенного неизбежно стал и **стилем анти-Путин.** Заставив, в частности, вспомнить о том, что цинизм, как минимум, не хуже лицемерия, а гедонизм не означает всеядности. К тому же Парфенов не столько перенял у Путина, сколько параллельно с ним открыл золотое правило успеха: чем меньше публику мы любим, тем легче нравимся мы ей. Власть восприняла стилистическую насмешку как политическую опасность и пресекла её со всегдашней неуклюжестью.

Власть почуяла и пресекла, а «свободолюбивые» правые... Если бы наши правые не были такими, каковы они есть, - они кинулись бы сейчас к Парфёнову на поклон (а вовсе не к экс-премьеру Касьянову) и сделали его лидером - а главное, лицом - обновляемой или вновь создаваемой партии.

Потому что ответ сегодня эффективнее вызова, уклонение от призыва важнее антимилитаристских маршей, борьба за права человека начинается с себя самого и на себе же заканчивается. Потому что Парфенов во всех этих отношениях преуспел больше всех, потому что он создал стиль - а стиль это единственное, чего нет и никогда не появится у (прошу прощения за каламбур) «Единства».

Но наши правые так не поступят - они ведь такие чудаки, что и на конкурсе чудаков заняли бы второе место. А почему не первое? Потому что чудаки. И Парфёнова они отпустят (читай: выпихнут) на государственное телевидение. И он пойдёт. Да и что ему остаётся?

Потому что и на срочной службе в армии человек со стилем не пропадёт.

2004

Столик на сатирика

Одна из июльских передач «Культурной революции» была посвящена Михаилу Жванецкому. Тема дискуссии формулировалась так: **Является ли Жванецкий единственным ныне здравствующим сатириком? (или, может быть, есть и другие?)** Меж тем недавно отпраздновавший собственное семидесятилетие в ходе изнурительного телемарафона на всех центральных каналах единственный сатирик Земли Русской вот-вот прибудет в наш город и выступит в ресторане. Рекламные растяжки на улицах призывают просвещённую публику заранее заказывать столики на бесстрашного обличителя в ресторане «Палкинъ». Кухня ожидается русская и французская - на ваш выбор. Самые отчаянные, откушав и отсмеявшись, смогут поиграть в казино.

Дискуссию вёл, как всегда, Швыдкой - министр, ставший собственным замом, что само по себе сильно смахивает на *шутку юмора.* В роли защитника Жванецкого выступал прилетевший погостить из Нью-Йорка композитор Журбин, тогда как на роль адвоката дьявола был приглашён писатель и публицист Дмитрий Быков. Он и рискнул сделать крамольное заявление: Жванецкий вообще не сатирик, потому что сатира всегда направлена против власти и опасна в первую очередь для своего автора. А Жванецкому никогда ничего не грозило, кроме мелких разборок с не в меру ретивым фининспектором.

Строго говоря, это не совсем так. Сатирик может быть и придворным - своего монарха он славит, а клеймит чужого. Но это действительно редкое и счастливое исключение. Сатириков привязывают к позорному столбу, как Дефо, объявляют сумасшедшими, как Свифта, бьют палками, как Вольтера, сажают в тюрьму, как Синявского с Даниэлем, приговаривают к бессудной казни, как Рушди. Иногда они, как Брехт от Гитлера или кинорежиссёр Мур от Буша, удирают за рубеж - и высмеивают *прогнивший режим* уже оттуда. Да и вообще сатира далеко не всегда бывает политической.

Отличает её и превращает в то, чем она является, - значительность (а значит, и потенциальная опасность) объекта. Ни на тёщу, ни на торговца раками (большими, но вчера) сатиру не пишут. На непосредственного начальника - да, пожалуй. Но чаще всего - на Первое Лицо. На Господа Бога (или на ту или иную конфессию). На целый народ (желательно на собственный). На, страшно сказать, всё человечество, уличая его в мыслимых и немыслимых пороках.

Причём классическую сатиру (в отличие от зубоскальства, переходящего в злопыхательство) характеризует наличие у сатирика чёткого положительного идеала, лишь в противопоставлении которому и подлежит осмеянию высмеиваемый предмет. Жванецкого тут, по слову Ахматовой, сказанному не о нём, *не стояло.*

Кто же такой Жванецкий? Автор-исполнитель (поначалу только автор) эстрадных миниатюр - и никак не более. Конферансье. Правда, столь талантливый - этого не отнимешь, - что его конферанс из прокладки между

музыкальными номерами (у слова «прокладка», если кто забыл, имеется и такое значение) превращается в самостоятельный номер, затмевает остальные номера и в конце концов отменяет их. Обещая зрителю и слушателю острое удовольствие - утробный смех. А если вы, заказав столик в ресторане и закусывая «Вдову Клико» маринованным грибочком, пропустите какую-нибудь хохму мимо ушей, Жванецкий нетерпеливо сделает вам ручкой: в этом месте нужно смеяться!

В советское время у эстрадных миниатюр Жванецкого был привкус запрещённого плода. То есть никто их, понятно, не запрещал, но на всякий случай несколько попридерживал. Тогда было много такого: не запрещённого, но придержанного - от «полочных» кинокартин до рижских шпрот, которые выкидывали в продажу только в конце месяца или, чаще, выдавали в праздничном продуктовом наборе.

В наши дни власть над умами захватило телевидение. А власть над телевидением - едва ли не наравне с Аллой Пугачевой и Региной Дубовицкой - захватил Жванецкий. На пару, впрочем, с Задорновым - и особой разницы между этими «сатириками» не просматривается. Но миниатюры Жванецкого издали многотомным собранием сочинений. Читать их невозможно - но публика расхватала. Как расхватывает она всё, что на регулярной основе показывают *по ящику.* Как валом валит она на спродюсированный Первым каналом и бесстыдно рекламируемый аж в программе «Время» вурдалачий «Ночной дозор». Как пьёт пиво, в которое отечественные производители подмешивают ингредиент, вызывающий органическое привыкание.

Единственный сатирик Земли Русской...

Самое забавное в том, что никто из участников дискуссии, пылких апологетов и робких хулителей Жванецкого, не назвал имени ныне здравствующего писателя, которого по праву можно охарактеризовать именно так. Звучали имена Войновича, Шендеровича, Аксёнова, покойного Горина - все, но только не это.

Меж тем единственным ныне здравствующим отечественным сатириком можно и нужно назвать Александра Исаевича Солженицына. Чем больше неточностей, передержек, подтасовок, прямых ошибок (взять хотя бы якобы имевшее место убийство Сталиным Кирова и Горького) обнаруживают исследователи в «Архипелаге ГУЛАГ», тем очевиднее становится его сатирическая сущность, да и бесспорная гениальность самой сатиры. А многие главы романа «В круге первом»! А «Ленин в Цюрихе»! Больше того, недавно изданное и вызвавшее бурные нарекания затронутой стороны двухтомное сочинение «Двести лет вместе» также представляет собой не историческое исследование, а сатирический памфлет.

Разумеется, памфлет неудачный, по меньшей мере далеко не такой удачный, как «ГУЛАГ». Но показательна и причина писательской неудачи: сочиняя сатиру на взрывоопасную тему, Солженицын чересчур «зажался». Подобно импульсивному шахматисту, который сидит, подложив под зад руки, чтобы сгоряча не схватиться не за ту «деревяшку», сатирик Солженицын в юдофобской сатире переосторожничал - и она оказалась лишена прежде

присущего ему блеска. А сатира, лишённая блеска, это даже не полсатиры... Но тем не менее... *В Девятом корпусе тоже перемены: отправили в отставку Рабиновича, назначили Абрамовича* - это как, историческое исследование или сатира?

Сатирик Солженицын изобличил первые лица страны и само государственное устройство. Изобличил с оглядкой на чёткий положительный идеал патриархальной (пусть и выдуманной им лично) Руси. Сочиняя в СССР и публикуя на Западе сатиры, он рисковал жизнью. И эти сатиры, в отличие от подлинно исторических сочинений, не вызвавших особой реакции, перевернули мир!

Так кто там у нас, вы говорите, единственный сатирик? Жванецкий?

Вот и закажите на него столик в дорогом ресторане. А если нет денег, то тоже не беда: льготы на бесплатное телевидение у нас пока никто не отнял.

2004

Телевизионный фон эффективной политики

В телепередаче «К барьеру!» сошлись два знаменитых политтехнолога - Белковский и Павловский, - при всей антагонистичности сливающиеся в общественном сознании, как десятилетие назад - Гусинский и Березовский.

Внешние различия (тоже, впрочем, не слишком броские) лишь подчёркивают внутреннее сходство теледуэлянтов: двуединство граничит с симбиозом; вопрос, кто первый сказал «Э!» - Бобчинский или Добчинский, - стоит с гоголевской остротой, и, ответив на него: «Первым сказал „Э!" господин Белкопавловский», мы не рискуем ошибиться.

Белкопавловский то и дело ищет нос майора Ковалёва, поминает «брата Пушкина», манипулирует мёртвыми душами избирателей и претендует на роль ревизора едва ли не в каждом кремлёвском спектакле: запугивает купцов и почтмейстера, берёт взаймы без отдачи, флиртует с аудиторией, норовит недоплатить коллективному Осипу... О деньгах и о Гоголе много говорилось и в обсуждаемой телепередаче: Павловский наседал, Белковский проседал под тяжестью золотых гирь от господина Паниковского, имя которого помянуто в данном контексте тоже не всуе.

Само по себе слово «политтехнолог» - как автодефиниция - Белкопавловскому, однако, не нравится. Никаких - по определению сомнительных - технологий! Его единственное ноу-хау - державный ум. Павловский числит себя *политконсультантом,* а Белковский предпочитает говорить об *экспертном сообществе,* в котором ему отведена роль философа и даже где-то писателя. Да ведь и впрямь политтехнология как профессия сродни игре в напёрсток: главное, вовремя перепрятать шарик и убедить публику в том, что он находился там с самого начала. И разумеется, при случае тебе может потребоваться силовая поддержка.

Амплуа философа и писателя Белковского - истину царям с улыбкой говорить. И об олигархах, и вообще. Прислушаются - хорошо (для страны), а если

им не надо, то и нам не надо. Во всяком случае, таков его публичный образ.

Миссия политконсультанта Павловского сложнее и в каком-то смысле трагичнее. Он взял на себя труд объяснять широкой публике и более того - одухотворять! - любые решения высшей власти, в том числе и заведомо ошибочные, чтобы не сказать хуже.

Грубо говоря, Белковский подсказывает хозяину Лабрадора: «Что-то собачка беспокоится, не время ли вывести её на прогулку?» Его советом пренебрегают, и тут вступается Павловский: «Какая замечательная собачка! Видит, что на улице дождик, что хозяин вернулся усталый, что по телевизору интересная передача... Позвольте, а где у вас тряпочка?»

Но всё-таки господин Белкопавловский прежде всего политтехнолог. Эффективный политтехнолог. И недавно сразился с самим собой на президентских выборах в Украине, чему, собственно говоря, и была посвящена передача «К барьеру!».

Белковский, работая на Ющенко и, прежде всего, на Тимошенко, выиграл; Павловский наоборот. Но как посмел патриот и державник Белковский выступить против интересов России? А вот так и посмел: он советовал вывести собачку на прогулку, но его не послушались. Тогда как Павловский винит во всём заоконный ливень, устроенный злобными метеоинсургентами из США, с пониманием относится к усталости трудящегося по двадцать четыре часа в сутки хозяина и уверяет, будто паркет после протирки тряпкой засверкает ещё ярче... На самом деле лукавят или недодумывают оба: их украинский поединок закончился вничью, причём со счётом 0:0, однако в дело вмешались непредвиденные обстоятельства.

Расклад голосов на украинских выборах был 50:50. Плюс взаимоуничтожающийся административный ресурс и пренебрежимо малое влияние политтехнологий. **Победу Ющенко обеспечил Беслан!** В нынешней Украине царит культ семьи и, прежде всего, культ детства - и трагические последствия бездарного (если не просто преступного) штурма школы буквально заставили колеблющихся на тот момент украинцев шарахнуться в противоположную от России сторону. Шарахнулись, понятно, не все, а процентов пять - но этого как раз и хватило. **Выбрали не Ющенко, а анти-Путина** - и не потому, что Путин агитировал за Януковича, а потому, что Путин допустил Беслан. Всё это зафиксировано украинскими социологами и осознаётся украинской общественностью - и невдомёк только господину Белкопавловскому. Политконсультанту, философу и писателю.

2005

Шарашка и зона

Зимняя олимпиада сериалов, на наших глазах развернувшаяся на метровых телеканалах, принесла сенсационную победу «Зоне» (НТВ), не только завоевавшей «золото» живого зрительского внимания, но и установившей «рекорд», причём двойной сразу: сначала её запретили «по просьбам трудящихся», а потом - как раз под Туринское столпотворение - триумфально

вернули в ночной эфир.

Примечательно это и потому, что «Зону» смотрит мужская половозрелая и полная сил аудитория, тяготеющая к силовому единоборству и зимним видам спорта, а вовсе не к мыльной опере. А тут - надо же! - серьёзные дядьки подсели на «мыло». И категорически требуют продолжения, хотя другие серьёзные дядьки уже выразили готовность прислушаться к «просьбам трудящихся».

Такого на нашем телевидении ещё не было - да и не только на телевидении. Партия жизни имеет один процент, Партия автолюбителей не покатила, Партия любителей пива и вовсе сгинула в мутной пене дней - а вот не учредить ли к ближайшим выборам Партию зоны? Тем более что и с кандидатурой председателя партии затруднений вроде бы не возникнет.

Деликатность триумфа «Зоны» усугубляется и тем, что в числе (заслуженно или нет) побеждённых оказалось долгожданное солженицынско-панфиловское детище «В круге первом», вызвавшее при премьерном показе - как чуть ли не всё, связанное с именем великого старца, - лишь почтительно-сдержанную зевоту. Непритязательная (без громких имён и явно на медные деньги снятая) «Зона» переиграла знаменитую «Шарашку» по всем статьям, кроме разве что 58-й! К чему бы это? А главное, почему?

Некогда прославленный «Новый мир» (в котором до сих пор печатается и сам нобелевский лауреат) уже лет пятнадцать едва ли не в каждом номере ставит вопрос в одной-единственной плоскости: достаточно ли мы хороши, чтобы суметь возвыситься в глубину и углубиться в высоту равнобожественного солженицынского дерзания? Это, конечно же, превосходно обоснованное сомнение, однако критику поневоле приходится действовать на свой страх и риск.

Немногие узники ГУЛАГа дожили до наших дней, скажет кто-нибудь, - а Зона пропустила и пропускает через себя миллионы. И попадают в Зону (за редчайшими исключениями) всё-таки не из дипкорпуса, не из высшего офицерского состава и не с университетской кафедры - и философских диспутов в застенке, соответственно, не ведут. Не ведут, не вели и прислушиваться к ним не станут, даже «откинувшись», - пусть и озвучены эти споры подлинной *dream-team* отечественного кино. Да и про Сталина - хоть так, хоть сяк, хоть наперекосяк - всем давно остозвездило. Трудно им там, на шарашке, - поверим на слово, - **а кому легко?**

Это, однако же, полправды, а может, и четверть правды. Потому что, с одной стороны, роману Солженицына (и всему его творчеству в целом) присущи, не скажу недостатки, но особенности, сводящие возможность успешной экранизации - даже в условиях мобилизации лучших сил и средств - к исчезающее малой величине. А с другой, как раз «Зона» во всей своей непритязательности - и, строго говоря, не свободная от натяжек и передержек - эти особенности солженицынского письма (скрупулёзно, слишком скрупулёзно воссозданные Глебом Панфиловым) более чем контрастно высвечивает.

О проблеме «Круга-99» уже написано. То есть о том, что в основу экранизации (в отличие от театральной инсценировки Любимова) положена

полная версия романа, опубликованная позднее «журнальной» (то есть предназначенной для публикации в «Новом мире» Твардовского, напечатанной, однако, не там, а на Западе и широко разошедшейся по советской стране в самиздате). Сюжет романа строится на телефонном звонке Иннокентия Володина - поступке однозначно благородном в «журнальной» версии и чудовищно двусмысленном в «полной» (а значит, и в экранизации), где преуспевающий советский дипломат сообщает американцам о том, что русские вот-вот похитят у них секрет атомной бомбы! То есть встаёт на путь государственной измены.

Мысль о том, что такому государству, как СССР, не изменить нельзя, чрезвычайно дорога Солженицыну. Сравни, скажем, «Архипелаг ГУЛАГ», том третий. Но пример в данном случае выбран, мягко говоря, не самый удачный. Потому что именно ядерный паритет предотвратил мировую войну во второй половине прошлого века. И - да, без кражи американских военных секретов это не обошлось (и супруги Розенберг были казнены за это на электрическом стуле). И создание советской атомной бомбы - в шарашках и полушарашках - курировал лично Берия. Но нет никаких сомнений в том, что, обладай американцы ядерным оружием в одностороннем порядке, они его - против нас с вами - и применили бы. И стёрли бы трехсотмиллионное население нашей тогдашней страны в порошок, заодно избавив его и от ужасов «преступного режима».

Солженицын когда-то думал иначе. Он и в Америку-то так рвался, будучи уверен в том, что советские танки не сегодня-завтра прокатятся по всей Европе и раздавят героического борца с режимом многопудовыми гусеницами в заранее облюбованной им Норвегии, потому что «Дракон не выбрасывает из пасти дважды» (из книги мемуаров «Угодило зёрнышко меж двух жерновов»). Да и роман «В круге первом» не только написан, но и прочитан тридцать с лишним лет назад. А вот телефильм по нему мы смотрим (а в большинстве своём и не смотрим) сегодня!

И тот, кто всё-таки смотрит, поневоле приходит к непредусмотренным создателями сериала выводам. Да, таких изменников, как Володин, надо выявлять и обезвреживать! И - да, в деле обезвреживания надо пользоваться новейшими достижениями науки и техники. И если вольнонаёмные учёные ленятся или терзаются нравственными сомнениями, то - да, надо создавать шарашки, надо шантажировать интеллигентных специалистов этапом и зоной. И - да, чтобы не либеральничали директора и генералы, сажать, а лучше сразу расстреливать надо в случае малейшего сбоя даже генералов. И - да, никто, кроме Сталина, на такое не решится. А если так, то выбирая между уничтожением нашей страны в пламени Хиросимы и таким чудовищем, как Сталин, - мы голосуем за Сталина!

Конечно, до логического конца эту цепочку рассуждений доводят немногие. А вот ощущение, что тебе вешают лапшу на уши и гонят туфту, возникает едва ли не у каждого. И только под воздействием неоспоримого солженицынского величия трансформируется (по принципу замещения) в почтительную скуку. И сериал не смотрят - или смотрят бездумно (как привыкли смотреть мыльные оперы) - и слава богу, что дело обстоит именно так. Потому что - исходя из

вышесказанного - перед нами апологетика сталинизма и Сталина.

Это, разумеется, изъян, причём изъян пагубный, однако ещё существеннее вскользь упомянутые нами ранее особенности солженицынского письма. В творчестве писателя на равных уживаются два начала - сатирическое и соцреалистическое. В первую очередь, он, конечно, сатирик - и блистательнее всего выступает в жанре памфлета: антисоветского («Архипелаг...»), антиленинского («Ленин в Цюрихе») и антисемитского («Двести лет вместе»; последний пример, впрочем, наименее показателен, так как здесь - особенно в томе первом - писатель явно осторожничал). Сатирические, чисто памфлетные страницы великолепны и в «Круге...» - это ряд вставных новелл и вся линия, связанная со Сталиным.

Но Солженицын и соцреалист: он укрупняет и идеализирует положительные персонажи (начиная, естественно, с alter ego), он «лакирует» их и всё с ними связанное, он выдаёт единичное за типическое, точь-в-точь как Горький - в пресловутой «Матери» (которую, кстати, экранизировал тот же Панфилов), он создаёт свой аналог «Кубанских казаков», не уступающий первоисточнику ни художественной убедительностью, ни жизненной достоверностью. И Панфилов идёт за ним след в след. И снимает «Кубанских казаков» в тюремной части сериала. И снимает чаплинского «Диктатора» в кремлёвской части сериала. Превосходно снимает и то, и другое. Но столкновение антисоветской сатиры со стопроцентно советской «лакировкой действительности» приводит к взаимоуничтожению. И над обуглившимися километрами киноплёнки в воздухе вырастает карикатурный «гриб».

В романе, строго говоря, дело обстоит точно так же - но роман прочитан давным-давно, а сериал профессионально отсмотрен сегодня. Снять по «Кругу...» сильное кино можно, наверное, и сейчас - но только «вольно переведя» его на язык современных реалий и проблем. Тогда как Панфилов «перевёл» его не буквально, а буквалистски - правда, не «с листа», а по памяти, - по впечатлениям от первого прочтения тридцатилетней давности (по впечатлениям, напомню, от «журнальной» редакции).

И в заключение, опять «Зона». Что же есть в ней такое, чего так отчаянно не хватает панфиловскому телефильму и роману, по которому он снят? Есть чело**вековая неоднозначность** подавляющего большинства персонажей: в одно мгновенье героев, в другое - мерзавцев, в третье - героев и мерзавцев одновременно; есть достоверность предлагаемых обстоятельств (поверх сюжетных и специфически «мыльных» натяжек); есть, наконец, подкупивший как минимум мужское население страны лейтмотив не двуединства даже, а полной гомогенности Воли и Зоны: люди живут и умирают и здесь и там, причём живут и умирают по одним и тем же правилам - по труднопереносимым (а кому легко?) правилам, ни к юридическим законам, ни к воровским «понятиям», ни уж подавно к библейским заповедям не сводящимся.

Любопытно и горько - хотя в каком-то смысле отрадно, - что и этот актуализированный создателями «Зоны» лейтмотив впервые прозвучал в творчестве Солженицына.

2006

Эксцесс исполнителя

Вышедшая несколько месяцев назад книга Виктора Шендеровича «Здесь было НТВ» (идеалистическая и в какой-то мере героическая версия общеизвестных событий, проанализированных, в частности, и в нашей статье «Непоротое телевидение») держится в списке бестселлеров и то и дело допечатывается. Сейчас она, конечно, пойдёт ещё бойче, а Шендерович, похоже, засядет за новую. И называться она будет «Здесь было ТВС»...

О Бурбонах, на иноземных штыках вернувшихся во Францию после падения Наполеона, с разочарованием говорили: они никому не простили и ничему не научились. Виктор Шендерович в этом смысле самый «бурбонистый» из классической когорты НТВ (а затем и ТВС). Просто поразительно, как этот остроумный (а значит, и умный; остроумных дураков не бывает), талантливый и обаятельный человек раз за разом оказывается не в состоянии ухватить суть происходящего и, несомненно, искренне негодует, столкнувшись с очередными лишениями. Или «лишениями»? Нет, всё-таки обойдёмся без кавычек: отлучение от эфира для человека, подсевшего на телеиглу, это и впрямь несчастье; а если это не так, пусть меня поправят лучшие питерские журналисты, как раз в эти дни изгоняемые с городского и «оконного» телевидения.

«Кто нас обидит, тот трёх дней не проживёт», - отчеканил кремлёвский мечтатель. Но на самом деле он, пожалуй, имел в виду кое-что другое: тараканов истребить нельзя, но можно зато сильно осложнить им условия существования. Вот и усложняет: и в Лондоне, и в Чечне, и с орденом за заслуги четвёртой степени на груди (потому что мэр Москвы большего якобы не заслуживает), и на голубом экране.

Шендерович начинал со сценариев к «Куклам». Не ко всем; писал он эти сценарии то ли через неделю, то ли через две; но с самого начала смотреть можно (и нужно!) было только «Куклы» по сценариям Шендеровича. И смотрели - если не всей страной, то всей ***образованщиной,*** это уж точно.

«Куклы» Шендеровича (перелицовки классических сюжетов, чаще всего рифмованные) были, строго говоря, не слишком оригинальны. Ещё в начале перестройки гремел спектакль «Сосо, или Чёрный человек» по пьесе в стихах напрочь забытого нынче Виктора Коркия: «Все говорят: нет правды на земле, но правды нет и выше - здесь, в Кремле!»; нечто похожее сочинял (правда, бездарно) и даже показывал по ящику Константин Боровой; да и жив был ещё - и шевелил эзоповым языком - учитель и первооткрыватель Шендеровича Григорий Горин.

Но Шендерович не просто острил - он дерзил. Дерзил и «жадною толпой стоящим у трона», и самому царю-батюшке Борису Николаевичу. Дерзил по манию владельца НТВ Гусинского (который не решил ещё тогда, кого он будет поддерживать на президентских выборах 1996 года), дерзил на деньги Гусинского, но сам этого, похоже, не понимал. Стилистика тогдашнего царствования дозволяла вакансию придворного шута - и такой шут у Ельцина одно время был, и звали его пресс-секретарь Вячеслав Костиков, - но главный шут, в каковые моментально выбился Шендерович, получал жалованье не в

кремлёвской бухгалтерии.

То есть, разумеется, всё-таки в кремлёвской (потому что от Кремля кормился Гусинский), но через такое количество посредников, что об этом можно было при сильном желании забыть.

И Шендерович забыл. А остальное НТВ (по свистку Гусинского) сделало *зрячий выбор сердцем.* Обернувшийся почему-то правильным. Проголосовало - и не проиграло. И обличитель, не прекращая дерзить, оказался в команде победителей. То есть команда, в которой он числился, объективно играя против неё, одержала победу. Выглядело это, конечно, несколько кощунственно - но стилистика царствования дозволяла. И Шендерович начал собственную «паразитическую» программу «Итого», пародирующую (и, естественно, в какой-то мере отменяющую) становящиеся всё более холуйскими киселёвские «Итоги».

А потом Гусинский (а с ним и НТВ) сделал выбор неправильный. Сделал ставку на Примакова с Лужковым (и с Яковлевым, посланным нынче в Министерство на три буквы - ЖКХ). И выдвинул на остриё атаки - или контратаки - сперва Киселёва, а потом, когда тот против Доренко не потянул, всё того же Шендеровича. И наш герой самозабвенно принялся *мочить в сортире* будущего президента страны, именуя его, наряду с прочим, *крошкой Цахесом...* Три дня он после этого прожил (на голубом экране), прожил три года, прожил даже четыре, а вот на пятый его «скушали».

И я убеждён в том, что именно из-за Шендеровича скушали заодно и *последнее прибежище негодяя* - канал ТВС.

Киселёва сломили, а значит, могли и простить (хотя, по Оруэллу, ослушника сперва ломают, а потом всё-таки уничтожают); простодушный - или заигравшийся - Шендерович остановиться уже не мог, и программа «Бесплатный сыр» дышала прежней непримиримостью и беспощадностью. По существу, это был **эксцесс исполнителя** - человек, вошедший в раж, принимается крушить всё вокруг. Но эксцессом исполнителя стала и расправа над ТВС ради устранения одного-единственного Шендеровича. Впрочем, этот - властей - эксцесс опять-таки вполне в стилистике нынешнего царствования.

«У меня с властью расхождения чисто стилистические», - сказал когда-то Андрей Синявский. Что не помешало ему отсидеть за эти разногласия семь лет в тюрьме. Стилистические расхождения с властью сегодня ненаказуемы; наказуема борьба с нею; правда, и борьба эта кажется в нынешних условиях прежде всего стилистически безвкусной.

Лозунг эпохи: *если тебя насилуют, расслабься и попробуй получить удовольствие* (так, кстати, ведёт себя и само государство во внешней политике: США насилуют, а мы - пока безуспешно - получаем удовольствие). Это лозунг № 1, но есть и № 2: *не хочешь, чтобы тебя насиловали, не подставляйся.*

Программа «Бесплатный сыр» оказалась в первую очередь безвкусной, а во вторую - логически вытекающую из первой - бездарной; бездарным, а главное, нежизнеспособным был и весь проект ТВС; его даже не жалко - жалко всех нас, не в первый и, боюсь, не в последний раз подпавших под главный лозунг эпохи. Я имею в виду, конечно, лозунг № 1.

А жалко ли Шендеровича?

Не думаю. Человек стал за годы дерзкого шутовства при Ельцине и безнадёжной борьбы против Путина богат и знаменит. Заслуженно знаменит: он и впрямь чертовски одарён. Пишет книги, разъезжает с концертами, по его пьесам ставят спектакли. Его зовут баллотироваться в Государственную думу - правда, от партии покойного Юшенкова. Бороться ему теперь надо с двумя Михаилами (Жванецким и Задорновым), а вовсе не с Владимиром Владимировичем, но ведь и с самого начала его конкурентами были именно они, а не Владимир Владимирович. Вот только тогда они не считали его конкурентом. А теперь их не считает конкурентами сам Шендерович - и, наверное, тоже правильно.

А с властью бороться не надо, хотя бы ради того, чтобы не подпасть под очередной эксцесс исполнителя. **Она сама себя сборет.** Иначе в нашей стране не бывает.

Ненатуралы

Бей своих - спасай Россию

Фильм Дмитрия Месхиева «Свои», удостоенный прошлым летом главного приза на Московском международном кинофестивале, вышел в прокат 11 ноября - всего через пару недель после скандального съезда кинематографистов, закончившегося полной победой Никиты Михалкова над Еленой Цыплаковой и разгромом «московской оппозиции» как таковой.

Да и куда им! Бассейн в срамной сауне, исподтишка оборудованной старыми сладострастниками в тёмных недрах Дома кино, Никита Сергеевич играючи наполнит чёрной икрой - да не астраханской, а бери выше - иранской - и сам же в один богатырский присест большой ложкой выкушает! С двумя-тремя прихлебателями, оставив две-три тысячи остальных томиться в сухой финской бане.

И хотя имя Месхиева фигурировало в недлинных списках «претендентов на престол» (один за другим взявших самоотвод), а сам он принадлежит к «питерской школе», с не утомлённым властью сибирским брадобреем тоже враждующей, понятно, что Гран-при михалковского фестиваля ни чужому, ни случайному человеку обломиться не может. Чужие там, среди своих, не ходят. Разве что перевербованные чужие - но какие они после перевербовки чужие? Фильм так и называется - «СВОИ», а в английских субтитрах - и вовсе «US», то есть «МЫ». И трактует, естественно, тему предательства - на материале Великой Отечественной, что, впрочем, тоже естественно.

Условные фашисты нападают на условных красноармейцев в условном городке и берут их в плен. Трусливого политрука (Сергей Гармаш), успевшего сжечь партбилет и переодеться в штатское, истерично-бесстрашного еврея (Константин Хабенский), простого русского парня из здешних мест (молодой малоизвестный актёр Михаил Евланов), да и многих других безымянных. Один из которых, правда, тут же принимается шантажировать еврея Лившица

разоблачением - и политрук хладнокровно ликвидирует потенциального доносчика михалковской бритвой. После чего первые трое совершают побег и находят пристанище в справном хозяйстве у отца молодого солдата из местных - и непростая история начинает разворачиваться. Не прост, прежде всего, сам отец (украинский актёр и бывший министр культуры Богдан Ступка) - раскулаченный и сосланный в Сибирь, он бежал оттуда, по поддельным документам вернулся на родину, в сорок лет женился, настругал троих детей (сына и двух дочерей - по срокам, правда, с коллективизацией не сходится, да и не надо!), схоронил молодую жену, а с приходом немцев оказался назначен сельским старостой. Как наиболее пострадавший при Советах и вместе с тем самый толковый среди сельчан.

В тихом селе под оккупантами кипят не столько шекспировские, сколько достоевские страсти. Могучий старец Ступка не настолько всё же могуч, чтобы сделать ребёнка новой сожительнице, а той хочется стать матерью - и вот он скрепя сердце и скрипя зубами отправляет её в баньку (далась нашим кинематографистам банька - см. выше и ниже!) к беглецам. Еврей ослабел, ему бы книжку почитать (в доме у Ступки находится только Библия), а не бабу попарить - она парит его сама, но безрезультатно, - а вот политрука дважды просить не приходится. В той же баньке парит невесту (родную сестру сожительницы отца) сын Ступки, а она, бесстыдница, успела в его отсутствие спутаться с полицмейстером (Фёдор Бондарчук). То есть при немцах он полицмейстер, а при советской власти был председателем сельсовета, так что ничто михалковское фильму «Свои» не чуждо. С возвращением жениха (о котором, разумеется, сразу же узнаёт всё село, особенно после того, как изнурённый еврей заваливает здорового, как бугай, полицая) добрая девушка даёт Бондарчуку-младшему полный отлуп, а он в отместку берёт в заложницы дочерей Ступки. Предлагая, впрочем, и компромисс: Ступка сдаёт двоих беглецов и уступает невесту сына полицмейстеру, за что тот освобождает дочерей и выправляет документы их брату. Но Ступка рассуждает по-другому: полицмейстера нужно завалить, после чего дочерей можно будет просто-напросто выкупить.

Разгорается небольшая войнушка. Трое беглецов под началом сельского старосты уничтожают всех местных полицаев, на равных сражаются с полуротой вермахта (в этом бою героически гибнет Лившиц), после чего убивают наконец полицмейстера. Ступке хочется заодно застрелить и политрука (сталинскую сволочь, так сказать, да и разового любовника собственной сожительницы), но в предпоследний момент становится западло - и он просто-напросто прогоняет Гармаша. На фронт! А в последний - говорит сыну: «Иди защищай Родину!» Жалко, Никита Михалков не дружит (ещё не дружит) с политиком Дмитрием Рогозиным - не то бы они на этом месте расплакались в дважды три ручья.

Дмитрий Месхиев - режиссёр, несомненно, талантливый, но очень неровный. Фильм «Свои» (пусть и удостоенный Гран-при) для художника его уровня очевидный - и позорный - провал. Провал художественный (ничто, кроме игры Ступки, не выдерживает критики), провал этический (спекуляция на теме войны в примитивно-перестроечном её понимании) и провал прагматический (если не считать Гран-при самоцелью): Месхиеву захотелось поведать новую правду, а

поведал он вместо этого старую ложь.

Эстетика фильма восходит к «Эдипу-царю» Пазолини, чернушкой «Окраине» десятилетней давности и псевдовоенным фильмам двух Германов - старшенького и младшенького, хотя «Проверка на дорогах» сделана куда крепче, достоверней и, не в последнюю очередь, чище. Пафос «Так о войне раньше не снимали!» оказывается ошибочным сразу в обоих изводах: не снимали, потому что не умели, и не снимали, потому что запрещали (вариант: клали картину на «полку»).

Умели - лучше: Лариса Шепитько с «Восхождением» или Жалакявичюс с «Никто не хотел умирать». Запрещали? Но ленту, в финале которой гитлеровский староста, истребив полроты захватчиков, велит сыну идти сражаться за Родину и дальше (в Красную армию, естественно), выпустил бы в широкий прокат и пресловутый Ермаш. Вырезав политрука или, вернее, велев переделать его в снабженцы - что правда, то правда. Но так оно, может, вышло бы и впрямь убедительнее.

Кино бывает фестивальным или жанровым - по идее. Первое берёт призы, второе - собирает в прокате миллионы. Гран-при михалковского фестиваля фильм «Свои» уже взял и теперь выходит в широкий прокат. Выходит в прокат невсамделишный - в широкий прокат при пустых залах. Но и премию он получил, мягко говоря, ненастоящую. Настоящей на том фестивале, и на недавнем скандальном съезде, да и в фильме «Сибирский цирюльник», если уж на то пошло, была только чёрная икра - потому что не из Астрахани, а из Ирана.

Да и иранское кино на международной арене уже несколько лет как берёт верх над российским. Зато **на берегах Десны и Тосны гвардейцы наши победоносны:** иначе говоря, наши кинематографические Де Тревили и Д'Артаньяны побеждать умеют только **своих.** Поэтому (и чтобы не заканчивать статью на минорной ноте) название нового фильма Месхиева следует признать бесспорной удачей. Имеющей, кстати (удача, как и само название), солидную предысторию.

2004

Запрет - дело тонкое

Главное литературное событие ноября 2005-го - полный и окончательный запрет НБП. Почему литературное, а не политическое? Потому что политики у нас нет, не было и в обозримом будущем не предвидится. А почему главное? Потому что и литературная наша жизнь событиями небогата.

Партия эта, запрещённая или нет, имеет сугубо литературное происхождение. И не только потому, что её отцом-основателем и бессменным руководителем является знаменитый писатель. По сути дела, НБП - литературный проект, в основу которого положены «Семнадцать мгновений весны», сочинения Камю и Сартра, публицистика Льва Троцкого (первоклассный, кстати, был литератор!), мемуары Че, стихи Мао, блюзовые речитативы Натальи Медведевой, харьковская полемика Лимонова с Милославским и, естественно, Фёдор Михайлович Достоевский. «Бесы»!

Великий этот роман имеет уникальное свойство: разя всякий раз без промаха, он каждые десять лет избирает себе новую жертву. По замыслу Достоевского, это террористы-нигилисты (народовольцы) и, во вторую очередь, прекраснодушные болтуны-либералы потом роман запретили как антисоветский, потом - уже в застойную пору - будущие антикоммунисты Карякин («Россия, ты сдурела!») с Сараскиной мастерски перевели стрелки на маоистов, а в перестройку - они же - сперва на Сталина и в конце концов всё-таки - на дедушку Ильича с актуальным тогда намёком на Хасбулатова. Но конец концов (он же полный абзац) настал в историческом времени, а вовсе не в литературном. И жизнь романа «Бесы» продолжается!

Можно, конечно, порассуждать на тему о том, на кого сильнее смахивает «Эдичка» - на Ставрогина или на Верховенского-младшего (а если на Верховенского, то кого же нам записать в Ставрогины - уж не самого ли Солженицына?), но это будет беспредметный разговор. Куда полезнее перечитать «Бесов» как сатирическую энциклопедию отечественного бесовства, которое совершенно не обязательно имеет революционный, террористический или нигилистический характер.

Сегодня «Бесы» - это роман о растленной, коррумпированной и недееспособной власти. И вместе с тем - о власти на редкость самодовольной (хотя внутренне не уверенной в себе) и падкой на лесть, на чём её, собственно, и подлавливает Петруша Верховенский. О власти тупой, дикой и невежественной, но изо всех неуклюжих сил пытающейся прослыть просвещённой. О власти, на губернском уровне функционирующей в двух ипостасях - как административная и как олигархическая (потому что чем не олигарх - богатая городская помещица, держащая в вечном услужении говорливого либерала?). Плюс продажная полиция, плюс выполняющий «заказы» криминалитет. И только в последнюю очередь революционеры-подпольщики - или, по Достоевскому, собственно бесы. **Бесы, порождаемые совокупным бесовством элит.**

Я совершенно запутался, признаётся один из персонажей романа. Начав со всеобщей свободы, я прихожу к поголовному рабству. Хотел как лучше, а получилось у него как всегда.

Центральная сцена в «Бесах», перечитанных сегодня, - «литературная кадриль»: приём у губернатора (точнее, у губернаторши), заканчивающийся безобразным скандалом с полнейшим саморазоблачением действующих лиц и всеобщим городским пожаром.

На язык наших дней эту сцену можно «перевести» так: устроили в Колонном зале концерт в честь учреждения Общественной палаты, а на сцену - под видом актёров - прорвались нацболы. И началась паника. И власть сделала себе публичное харакири.

В реальности ничего такого, разумеется, не произойдёт. Актёров пригласят проверенных: споют Пугачёва (член Палаты) с Вишневской и Розенбаумом, спляшут Волочкова с Моисеевым, тёплое слово скажет Никита Сергеевич Михалков (который при экранизации «Бесов» был бы изумительно хорош в роли писателя Кармазинова) - и мы знаем человека, который ему ответит. Шендеровича, как он и боится, скормят Хрюну со Степаном, Говорухина выберут,

Машу Гайдар выдадут за Василия Якименко... Нацболов вот уже запретили - и это, повторю для самых умных, - главная литературная новость месяца.

Хотя бы потому, что и сам запрет останется исключительно на бумаге.

2005

Кинофестиваль класса «Х»

Итак, решено: международный кинофестиваль «Золотой ангел» пройдёт в Петербурге на Дворцовой площади в июле 2006 года, начавшись на следующий день по завершении саммита «большой восьмёрки», с которым будет связан не только календарно и территориально, но и, так сказать, идейно. Дело в том, что «Золотой ангел» претендует на статус фестиваля класса «А» - и, по-видимому, получит его.

Однако тот же статус уже вроде бы имеет Московский международный, а в одной стране может проводиться лишь один фестиваль класса «А», поэтому непонятно, как быть: отказать «Петербургу», понизить «Москву» или сделать для кинематографической России исключение? Есть и четвёртое решение (и к нему наверняка склонятся): обойтись почётным титулованием. Точь-в-точь как обстоит дело с российским членством в «большой семёрке»: её переименовали в «восьмёрку» не в связи с вступлением России в содружество экономически наиболее развитых стран Запада (где мы, а где Запад?), а исключительно для услаждения нашего слуха. А раз возможно условное членство в «большой семёрке», то почему бы не быть в России двум фестивалям условного класса «А»? Тем более что и Московскому международному, на котором с пугающей частотой побеждают посредственные отечественные ленты, класс «А» присвоен условно - в порядке почётного титулования.

Не все это понимают. И главное, этого не понимает отец-возобновитель Московского Никита Сергеевич Михалков. Или, как минимум, не понимал, пока президент-петербуржец не заехал поздравить его с шестидесятилетием.

Комичную ненужность не столько второго (петербургского), сколько двух практически одинаковых фестивалей сразу, к тому же плавно перетекающих один в другой по срокам, подчёркивает и выбор Андрея Кончаловского (родного брата Никиты Сергеевича, если кто запамятовал) на роль «лица» петербургского фестиваля (должность и, не исключено, должностной оклад «лица» в настоящее время лишь уточняются). Поневоле вспоминается гафтовская эпиграмма на знаменитое семейство. Дополнительный комизм вносит в ситуацию и тот факт, что «лицо» «Золотого ангела» (фестиваля класса «А») известно на Западе как режиссёр фильмов категории «Б», а у нас, в России, как автор эротических мемуаров и неутомимый пожиратель - прямо на телеэкране - витаминов и прочих препаратов от доктора Поллинга. В итоге Кончаловский после мучительных колебаний отказался - и «лицом» фестиваля стал Дмитрий Месхиев.

Впрочем, директором «Золотого ангела» назначат француза - симптоматично, но отнюдь не сенсационно: ведь важнейшие футбольные матчи у нас уже вовсю судят забугорные рефери. И взяток пока не берут - присматриваются.

Идею «Золотого ангела» встретили не то чтобы в штыки, но неоднозначно. В том числе и в Питере. За проведение фестиваля высказываются, согласно опросам, от 7 до 18 % горожан, против - около 70 %. Но дело, понятно, не в рядовых горожанах.

Проведению кинофестиваля на Дворцовой площади поначалу резко воспротивился главный городской олигарх от культуры, директор Эрмитажа Михаил Пиотровский. Он же, впрочем, предложил и компромиссное решение: киногородок возводится не на мостовой вокруг Александрийского столпа, а во внутренних дворах Зимнего дворца и исторического Генерального штаба. Правда, как этот компромисс разрешит сакраментальную проблему отсутствия на намечаемом пиршестве духа общественных туалетов (а именно она оказалась в центре развернувшейся дискуссии), сказать трудно. Вспоминаю, во что превратилось белой ночью на праздновании трёхсотлетия города, на котором, кстати, торговали исключительно пивом, всё пространство от Адмиралтейства до музея-квартиры Пушкина...

Пиотровского уговорили, а Александра Сокурова - нет. Лауреат отечественных и хронически незадачливый участник зарубежных кинофестивалей справедливо предполагает, что в родном городе его фильмы не соберут не только Дворцовой площади, но и собачьей площадки. Как и ленты обоих Германов, отца и сына, которые, впрочем (Германы, а не ленты), в вопросе о «Золотом ангеле» демонстрируют выдержку, граничащую с мазохизмом. Фестиваль горячо поддерживает Владимир Бортко - уж на «Мастера»-то с «Маргаритой» пивная публика соберётся, - а остальные питерские режиссёры взяли драматическую паузу.

Петербург - столица отечественного телемыла, родина «Ментов», колыбель «Адвоката» и «Идиота». И разумеется - «Брата» и «Особенностей национальной охоты». Но Балабанов, Рогожкин и их общий продюсер Сельянов пока по отношению к «Золотому ангелу» не определились.

В Петербурге проводится довольно много кинофестивалей. Это и «Фестиваль фестивалей» (проводимый без конкурса, исключительно для широкой публики), и «Послание к человеку» (фестиваль неигрового кино, который, очевидно, вольётся в «Золотого ангела» как одна из его программ), и «Чистые грёзы», они же «Дебоширфест» (в меру хулиганистый контрфестиваль, на котором, как правило, побеждают параллелыцики); в пригородной Гатчине проходит фестиваль «Кино и литература», а в недалёком Выборге - «Окно в Европу». В Петербурге есть Дом кино, созданная год назад ассоциация кинокритики и возобновлённый тогда же изданием журнал «Сеанс». В Петербурге есть несколько мультиплексов, залы которых заполняются в первый день показа и потом по субботам.

Чего в Петербурге нет, так это хорошо обеспеченной тусовки в несколько десятков тысяч человек, ежевечерне как по команде отправляющейся туда, куда ей прикажет журнал «Афиша». Меж тем наличие подобной тусовки - необходимое условие для проведения если не кинофестиваля класса «А» как такового, то кинофестиваля класса «А» в специфически российском понимании этого слова. И если уж в Москве, где такая тусовка имеется, фестиваль из года в

год разве что не проваливается (и неизменно проваливаются в прокате фильмы-лауреаты), то не такая же - или ещё худшая - судьба ждёт и «Золотой ангел»? И что по этому поводу думает инициатор «Золотого ангела» Марк Рудинштейн? Неужели ему застила глаза «хорошая ревность» и «белая зависть» к Никите Михалкову? Или он, по-салтыковщедрински, одержим идеей сжечь град Глупов - и выстроить рядом другой, точь-в-точь такой же?

Чужая душа потёмки. И что думает Рудинштейн, мы не знаем. Но предположить можем. Тем более что подобные мысли вполне вписываются в более широкий контекст - и не только в плане патриотически-верноподданнического переведения на Петербург всех мыслимых и немыслимых стрелок (недаром же «Золотого ангела» горячо поддерживает губернатор Матвиенко). В город на Неве сейчас идут деньги, большие деньги, и ожидаются очень большие (почему и как это происходит - предмет отдельного разговора). В городе - на московские, как правило, средства - открываются всё новые рестораны, бутики, антикварные и ювелирные магазины; открываются в количестве, обрекающем их на работу в убыток, если не в полный прогар. Такое, правда, в несколько более карикатурной форме происходило и раньше, но тогда дело заключалось в элементарном отмывании денег. Сейчас другое: предприниматели «метят место», ожидая, пока не подтянется круто «поднявшийся» на шальных деньгах посетитель и покупатель. Та самая хорошо обеспеченная тусовка, которой в Петербурге ещё только предстоит возникнуть. И кстати, возникнув, она, как прогнозируется, проявит куда более высокие духовные запросы, чем уже существующая столичная. Не зря же, наряду и наравне с продуктовыми универсамами, в городе появляются (и опять-таки на московские деньги) книжные. И, наряду с «ИКЕА», - мультиплексы.

В эту же картину вписывается и эвентуальный замысел Рудинштейна: даёшь фестиваль сегодня, а публика подтянется завтра! Причём это будет более интеллигентная публика, чем в Москве, а значит, и Петербургский международный автоматически окажется лучше Московского.

Не фестивальный у нас город, правда; не праздничный; даже в праздные дни не праздничный. Но этого Рудинштейн как раз не знает (да и откуда?), а если и знает, то вознамерился преодолеть.

Что ж, флаг ему в руки. Триколор. С завёрнутым в него ангелом с Александрийского столпа и Адмиралтейской иглой в придачу.

2006

Корифей косноязычия

Полувековую годовщину смерти нашего знаменитого земляка Михаила Лозинского (1886-1955) отметили весьма скромно. Лишь штатный обозреватель «Свободы» Иван Толстой пригласил в эфир собственных сестёр-писательниц Татьяну и Наталью: все трое Толстых дружно нахваливали великого поэта-переводчика, благо он (как и Алексей Николаевич Толстой, которого они любят меньше) приходится им родным дедом. Наталья Толстая пришла в студию с мужем - переводчиком Игнатием Ивановским - и тот песни не испортил тоже.

Но ведь и впрямь: «глыбы стихов высочайшей пробы» (Блок)! «Переводчик выше Жуковского» (Гумилёв)! «Ни единой банальной рифмы на все пять актов пьесы в стихах» (сущий вздор, разумеется; но вздор из августейших уст Ахматовой)! «Божественная комедия»,

«Гамлет», Лопе де Вега и много чего ещё. Глубочайшая эрудиция, отменное знание языков, виртуозное владение стихом, фантастическая трудоспособность в сочетании с исключительной добросовестностью. Бесспорная человеческая порядочность, в невегетарианские десятилетия сталинизма автоматически обретающая статус личного благородства.

Что на противоположной чаше весов? Полупрезрительный отзыв Пастернака в переписке с шекспироведом Морозовым; хотя в глаза великий поэт переводчика-конкурента как раз нахваливал: я бы, мол, не взялся за «Гамлета», знай я заранее, что и вы... Мелкая месть питерских диоскуров - талантливого Донского и мастеровитого Корнеева, пресмыкавшихся перед Лозинским при жизни и сразу же после его кончины принявшихся заменять его переводы своими. Пастернака они, правда, тоже заменяли, едва его имя после истории с «Доктором Живаго» начало вызывать ужас у редакторов, хотя, впрочем, и не у всех... Сегодняшнее почтительное забвение, когда ни у кого, кроме внучат, не находится для *переводчика выше Жуковского* доброго слова.

Пастернак - главный и, бесспорно, победительный соперник Лозинского - был на поприще перевода халтурщиком. Гениальным, но халтурщиком. Кормил большую семью, *выгоняя* (по собственному признанию) до восьмисот строк в день. Переводил как бог на душу положит - порой вдохновенно, порой чудовищно; едва разогнавшись, сразу же включал, сказали бы сегодня, автопилот. Лозинский, напротив, был не только виртуозен, но и концептуален, он неизменно ставил перед собой высокие творческие задачи (формулируя их заранее) и циклопическими усилиями решал их с невероятным блеском. И получалась у него едва ли не всякий раз какая-то ерунда.

Потому что Лозинский был буквалистом. Перевод, внушал он, в тёмных местах подлинника и сам должен быть тёмен, причём желательно темнотой того же оттенка и той же интенсивности. Переводя с английского, слова в котором короче русских, Лозинский вместо того, чтобы, оставив главное, решительно выбросить второстепенное, сознательно пользовался трехбуквенными (не матерными, разумеется) синонимами: писал не «битва», а «бой», не «замок», а «дом», не «судьба», а «рок» - в результате чего речь (сценическая в особенности) начинала звучать вычурно, а главное, непроизносимо. Его перевод того же «Гамлета» цитатоспособен, но цитировать «Гамлета» можно и на языке оригинала, а вот на театре ставят исключительно перевод Пастернака.

Маленький образчик стиля. «Кто там идёт? Горацио?» - спрашивает Гамлет. «А *piece of him!»* (то есть «часть его»; в том смысле, что идёт только бренное тело, тогда как душа странствует где-то вдали), - каламбурит в ответ учёный гуманист. На русский эту шутку вполне можно перевести репликой «Отчасти!». А что отвечает Горацио у Лозинского? «Кусок его!» Что ж, английское слово *piece* можно перевести и так, но представьте себе, как эта реплика прозвучала бы со сцены.

Художественный перевод бывает **буквалистским** или **вольным.** Так принято считать. На самом деле есть и третий тип перевода - «мастерский», который я предпочитаю называть **техникой равномерного ухудшения оригинала.** Вольный перевод (Пастернака, Гинзбурга, отчасти Маршака, хотя он работал на грани вольного и «мастерского») предназначен читателю. Буквалистский - тешит тщеславие переводчика, но и только. Однако буквалистский перевод плох не только тем, что неудобочитаем; сама его буквалистичность иллюзорна - одни и те же слова тянут за собой на разных языках разные ассоциации; одни и те же синтаксические конструкции естественны для одного языка и ненатуральны в другом; да и вообще перевод всякий раз производится не с языка на язык, а из культуры в культуру. Буквалистский перевод претендует на окончательность и единственность, которых нет и быть не может: оригинал, независимо от его качества, всегда феноменален и сингулярен, а перевод неизменно и вынужденно дополнителен и вариативен. Буквалистский перевод - это заведомо тупиковый путь. А Михаил Лозинский (наряду с начисто забытым Шенгели) был корифеем именно буквалистского перевода.

В сегодняшней издательской практике буквализм отвергнут, хотя и не от хорошей жизни. «Главное, чтобы живенько звучало по-русски!» - думает издатель и даёт соответствующую установку переводчику. В оригинал первый даже не заглядывает, а второй смотрит через строку. Низкая, чтобы не сказать нулевая, квалификация обоих позволяет им найти общий язык. В том числе и со стремительно теряющим навык серьёзного погружения в текст читателем.

Правда, у кое-кого из нынешних переводчиков имеется установка на «плохой» (то есть как раз буквалистский) перевод - и тоже в соответствии с читательскими запросами. Потому что значительная часть «серьёзных читателей» *(кусок их,* - сказал бы Шекспир в переводе Лозинского) считает, что сквозь «сырой», заведомо неуклюжий перевод можно разглядеть оригинал, а сквозь литературно обработанный - нельзя. И такие читатели готовы терпеть косноязычие, лишь бы сквозь него интерактивно продраться к подлиннику. Сыграть с ним в «Эрудит», а то и в «Mortal Combat». Дело облегчается тем, что переводят у нас главным образом с английского, а как раз английский эта часть читателей более или менее знает. Им поэтому и ошибки переводчика (который тоже знает английский более или менее) выискивать и высмеивать интересно. Выискивать - не заглядывая в оригинал, вот насколько прозрачен должен быть «сырой» перевод! И, увы, бывает.

Михаил Лозинский, разумеется, имел в виду не это. Он считал себя хранителем высокого жреческого огня. И конечно же таковым являлся. Вот только поклонялся не тому богу - и поэтому проиграл по всем статьям «атеисту» и халтурщику Пастернаку.

А потом Вавилонская башня пала, и люди разучились понимать друг друга. И переводить разучились тоже - хотя и не прекратили.

2005

Ленинград. Из университетского альбома

Ленинград - город, как известно, маленький. А Петербург тем более. А уж выпускники ЛГУ (СПбГУ) и подавно все друг друга знают. Ну, через одного. То есть любой выпускник университета лично знает любого другого или, в крайнем случае, у них имеется общий знакомый - и опять-таки из числа выпускников.

Мы сидим в компании на квартире у однокашника. Возвращается с работы его жена. Приводит с собой сослуживца. «Знакомьтесь, ребята, это мой коллега доцент Собчак!»

Моя добрая приятельница учится на экономическом в одной группе с Андреем Илларионовым и Алексеем Кудриным. Один из них, рассказывает она теперь, в студенческие годы блистал, а другой был тихим зубрилой.

А вот я сам на заседании секции в Союзе писателей «громлю» перевод с фарси, сделанный двадцатипятилетним (на тот момент) Иваном Стеблиным-Каменским. Нынешним летом его не «переизбрали» деканом восточного факультета за то, что Стеблин разгласил прессе «государственную тайну». Но потом - и как раз из-за всё той же тайны - «передумали», потому что факультет, на котором учатся дочери Путина, должен возглавлять академик РАН - и альтернативы ему не найти.

С президентом я разминулся годами и факультетами, но, поступив на филфак ЛГУ с разрядом по классической борьбе, с огорчением узнал, что на спорткафедре культивируют только самбо.

«Дубы, дубы - а посредине ёлочка», что это такое? Правильный университетский ответ: «Новый год на военной кафедре!» Из филфаковских русистов на военной кафедре лепили артиллеристов, а из студентов языковых отделений - военных переводчиков. «Салям-алейкум, товарищи студенты!» - приветствовал кафедральный майор выстроившихся в шеренгу арабистов. И не тогда ли студент английского отделения Сергей Иванов надумал это издевательство над действующей армией отменить?

Один из университетских стихотворцев сочинил поэму про *alma mater* - и назвал её «Пальма матери»!

Меж тем на восточном факультете (и на историческом) читал лекции легендарный Гумилёв. А у нас на филфаке - легендарный Пропп. Читали оба, впрочем, плохо - и посещаемость у них была никакая.

В университете ценились не столько учёные, сколько лекторы. Артистические рассказчики или, наоборот, заикающиеся вольнодумцы. Время от времени то на одном факультете, то на другом «раскрывали» какую-нибудь «антисоветскую» организацию - одних сажали, других всего-навсего исключали, третьим давали защитить диплом, но отправляли в большое плавание с «волчьим билетом».

В ГРУ и прочие любопытные организации нас, старшекурсников, вербовали регулярно - и мы столь же регулярно отказывались. Правда, не все. «Стучать» друг на дружку было не принято, и даже завербованные уже в сексоты, выпивая с однокашниками, успокаивали их чем-нибудь вроде: «Я работаю только по иностранцам». С иностранцами водились и фарцовщики (а фарцевала если не

половина университета, то четверть), но сексоты не «стучали» и на фарцу, потому что та с ними делилась. Так, на раннем этапе, зарождался грядущий союз спецслужб и большого бизнеса - крышевание или, бери выше, олигархат. Наведение мостов облегчалось тем, что и спекулянты, и стукачи делали карьеру по комсомольской линии.

Впрочем, во власть в ЛГУ не готовили. На то имелись особые институты и институции, да и Ленинград в то труднопредставимое время (1934-1999) и сам пребывал в опале. Здесь, однако же, формировались городские (как начнут говорить позднее) элиты. Кадровый резерв науки и культуры. Науки и гуманитарной, и естественной - но в обоих случаях сугубо академической. Потому что к практической деятельности лучше готовили в других вузах города: в Политехе, в Техноложке, в Военмехе, в Финэке, в Горном, в Торговом, даже в Педагогическом. Однако «корочки» ЛГУ ценились, как никакие другие, - и поступить в университет (не говоря уж о том, чтобы закончить его) было чрезвычайно престижно.

И чрезвычайно трудно. Если ты, конечно, шёл не по блату. И не обладал трудовым стажем или не подавал документы в приёмную комиссию, уже отслужив в армии. Но в армии тогда служили три года, а на флоте - и все четыре, - и великовозрастные дядьки среди безусых юнцов терялись и чаще всего просто-напросто спивались. А поскольку все эти ограничения (и многие другие, неписаные, - скажем, предпочтение юношам перед девушками, ленинградцам перед иногородними; еврейская квота) распространялись только на дневное отделение, то самая занятная публика подбиралась на вечернем и заочном. Взяток за поступление в университет не брали года так до 1990-го; разве что абитуриенты с Кавказа порой подкупали преподавателей ресторанной щедростью.

(Читая в последние годы спецкурс и ведя спецсеминар на филфаке, я взираю на своих студентов и главным образом студенток с недоумением. Откуда на факультете взялись такие? Честно поступить они - ни по знаниям, ни по способностям - не могли. За деньги или по знакомству - тоже: нет и не может быть ни у них, ни у их родителей ни таких денег, ни таких знакомств. А вот пойди ж ты! Хотя, с другой стороны, и толковые среди них попадаются - правда, в исчезающее малом количестве).

Главной кузницей сегодняшних кадров стал, понятно, юрфак. Менее очевидно другое: большинство так называемых «однокашников и сослуживцев» - в первую очередь сослуживцы, тогда как однокашниками их можно назвать лишь с большой натяжкой. Потому что юрфак они заканчивали вечерний или заочный и без отрыва от службы. И вместо дзюдо на спорткафедре и обязательной педагогической практики у них были силовые задержания и - хорошо если не третьей степени - многочасовые допросы. С ними за партой сидели девочки, днём работавшие секретарями в суде (с соответствующей справкой они поступали вне конкурса), - сейчас эти девочки стали судьями!

Ленинград всегда был самодостаточным городом. Карьеру уезжали делать в Москву, но, как правило, не могли «вписаться», потому что вечно оглядывались на оставшихся в родном городе (во второй столице!), сохраняли двойную

лояльность, и она сковывала. Москва для уроженца города на Неве означала шаг не столько вверх, сколько в сторону. Необходимый, жизненно важный - но в сторону. И лелеемая иными выпускниками ЛГУ и прочих питерских вузов идея перенести столицу в Петербург кажется - во всём своём безумии - весьма естественной. Во всяком случае, в этом безумии есть своя логика. «Подбрасывают» и компромиссное решение - провозгласить столицей Государства Российского Стрельну.

Из Стрельны, кстати, рукой подать до Петергофа, в который когда-то предполагалось перевести весь университет, превратив этот городок в кампус, однако реализация идеи растянулась на долгие десятилетия и сейчас, похоже, просто похерена.

Ленинградский университет никогда не соревновался с Московским, словно бы следуя формуле Эйнштейна: «Вас оскорбит результат спора со мной, а меня - сам факт такого спора». Весь мир всегда знал, что Московский университет лучше, и весь Ленинград знал, что он не годится нашему и в подмётки!

Не так давно я получил чрезвычайно лестное предложение стать фигурантом альбома «Знаменитые выпускники СПбГУ» (так значилось в присланном формуляре, вышел он впоследствии под названием «Именитые выпускники СПбГУ») и оказаться таким образом под одной обложкой аж с президентом страны. Но одолела скромность: какая из меня - на общем фоне выпускников - знаменитость или хотя бы именитость! Тем более что предложение было подкреплено уведомлением о добровольном взносе фигуранта на задуманное издание. Правда, и сам взнос был, под стать мне, скромен: от $500...

2005

Маска профессора Мориарти

За пару лет до начала Второй мировой войны невозмутимые британские шерлоковеды и яростные североамериканские холмсианцы оказались потрясены и вместе с тем польщены: в очередную «актуальную научную дискуссию» - на сей раз на тему о том, какой исторический или, может быть, литературный персонаж скрывается под маской зловещего профессора Мориарти, - вмешался действующий президент США. В личном письме на имя председателя клуба шерлоковедов Франклин Делано Рузвельт признался в пылкой привязанности к творчеству сэра Артура Конан Дойла и выдвинул собственную гипотезу по сути международных дебатов. «Мориарти это Ватсон!» - безапелляционно бросил в лицо всему паранаучному сообществу политический гений тридцатых-сороковых прошлого века.

Глупость этого утверждения была очевидна. Даже не глупость, а глубоко угнездившееся сумасшествие. Милейший доктор Ватсон с его «лукавым юмором» (как Шерлок Холмс саркастически именовал самые идиотские выходки и высказывания своего хроникёра) должен был, оказывается, по мысли Рузвельта, время от времени перевоплощаться в короля интернационального преступного мира - и именно в таком качестве, вступив однажды в личную схватку со своим кумиром, сбросить его в водопад... Да и потом - после

чудесного воскресения Холмса - остаться вопреки всему его другом, помощником и компаньоном... И шерлоковеды с холмсианцами торопливо свернули дискуссию, лишь бы не обсуждать столь невероятную чушь. Но ведь и полемизировать с президентом США им было не с руки, а главное, не по чину.

Гипотеза ФДР и впрямь безумна. Но в этом безумии есть система. Особенно если принять во внимание её политический и карьерный генезис. Кому, как не президенту одной из (на тот момент) самых могущественных держав - и, безусловно, самой демократической из них, - дано было знать: главный источник опасности - в собственном «ближнем кругу» (и чем ближе, тем смертоносней); Германию и Японию можно победить в ходе затяжной мировой войны, а вот с интеллектуально ограниченным и антихаризматически безликим приверженцем рано или поздно придётся сойтись и сплестись в смертельной схватке над бездной.

Именно в таком (а вернее, только в обуреваемом такими мыслями) мозгу могла родиться мысль о том, что доктор Ватсон и профессор Мориарти - это, по самому крупному счёту, одно и то же. Дошёл в своих размышлениях до той же точки и вождь другого могущественного государства - увы, далеко не столь демократического, - И. В. Сталин. И провёл превентивную чистку окружения: по первому кругу, потом по второму; затеял было по третьему, но просто-напросто не успел. А ФДР отправил отчаянное послание (по сути дела, вопль о помощи) председателю клуба шерлоковедов!

И не ошибся. Его собственный доктор Ватсон оказался как раз профессором Мориарти, правда под именем Гарри Трумена. Хотя что-то подсказывает мне, что, взывая к тени Холмса, мастерски владевшего, наряду с прочим, изобретённой сэром Артуром борьбой «баритсу», парализованный демократическими устоями президент имел в виду не Трумена, а Даллеса. Или, может быть, генерала Макартура? Или, скорее всего, их всех сразу.

И последнее. Через четыре года (полный электоральный срок по нашим смиренным меркам) после падения в бездну Холмс воскрес. По настоятельному требованию читающей публики, как говорил сэр Артур, тогда как злые языки называли другую причину: все остальные литературные проекты Конан Дойла с треском проваливались. Так или иначе, Холмс воскрес, а публика и впрямь возликовала. И лишь один внимательный читатель (на сей раз не президент США, а сугубо частное лицо) обратился к писателю с таким посланием: «Меня, как и миллионы Ваших поклонников, радует тот факт, что Шерлок Холмс не разбился в бездне и вновь вернулся к профессиональной деятельности. Но результаты этой деятельности показывают, что он там всё же очень сильно ударился».

2006

На развалинах литературной страны

7 июня 2005 года в Доме актёра прошла презентация сборника памяти Владимира Аллоя. В этот день знаменитому издателю, добровольно ушедшему из жизни 7 января 2001-го, должно было исполниться 60 лет. Одновременно с мемориальным сборником вышел и седьмой номер культурно-исторического

альманаха «Диаспора», продолжаемого изданием вдовой Аллоя Татьяной Притыкиной (при жизни Владимира Ефимовича увидел свет лишь первый выпуск). Обе книги вышли в учреждённом самим Аллоем петербургско-парижском издательстве «Феникс-Atheneum», прославившемся прежде всего двадцатью пятью томами «Минувшего», а также альманахами «Лица», «Звенья», переводными трудами по истории и экономике, сборниками малоизвестных, но замечательных поэтов (назову хотя бы Валентина Бобрецова) и журналом «Постскриптум».

Уроженец нашего города, Аллой в середине семидесятых эмигрировал в Париж, где работал одно время директором издательства «YMCA-Press», а затем основал собственное. Вернувшись в начале девяностых в Россию - сначала в Москву, потом в Питер, - он со всегдашней энергией включился в литературную и издательскую жизнь обеих столиц, привнеся в неё начисто отсутствующие здесь или в лучшем случае напрочь забытые профессиональные и нравственные стандарты, за что его, естественно, и возненавидели вечные троечники, с началом перестройки объявившие себя круглыми отличниками и кандидатами в медалисты. «Хулиган» и «прогульщик» Аллой с блеском делал то, что лишь с превеликим скрипом получалось у них, да и начал раньше - и успел уйти так далеко, что догнать его представлялось немыслимым. Поэтому его надо было замолчать, ему надо было устроить обструкцию и объявить негласный бойкот, необходимо было сделать вид, будто никакого Аллоя не существует. Задачу усложнял тот факт, что Аллой был широко известен и повсеместно признан на Западе, куда как раз и устремлялись взгляды, а главное, тянулись руки его завистников; он открывал ногой двери, куда они стучались, выдавая себя за внучатых племянников *Бродсковлатова;* он получал многотысячные гранты там, где они клянчили хоть сотенку детишкам на молочишко; он был красив, обаятелен, щедр, а они неказисты, ничтожны и скаредны. Задачу облегчал тот факт, что нравственный максималист Аллой всякий раз ухитрялся рассориться с сильными мира сего (сперва - того, западного, а потом и этого, постсоветского) - с Солженицыным, с Соросом и так далее. Задачу облегчала и гордость Аллоя, не позволявшая ему доказывать победительную правоту; ожидание (разумеется, тщетное), что её, как нечто само собой разумеющееся, признают другие. Как сказал великий физик: я никогда не спорю, потому что моих оппонентов унизил бы результат, а меня - сам факт спора. «Не обольщайтесь - никакого третейского суда не будет!» - нагло бросили Аллою в Париже, ну а в Петербурге не пояснили хотя бы этого.

Патриот России, и прежде всего русской литературы, Аллой уехал из чудовищной, но насквозь литературной страны - СССР - и вернулся на развалины, в постсоветское пространство, столь же, хотя и по-другому, чудовищное и катастрофически теряющее собственную литературность. Тиражи издаваемых им книг съёжились с пятидесяти тысяч до одной (да и эту одну приходилось теперь в основном раздаривать); поэты, писатели и филологи перестали собирать залы (а собирали их отныне лишь пародисты и попса); Россия, по слову того же Солженицына, оказалась *в обвале* - и каждый принялся спасаться по-своему. Многолетние друзья и соратники по борьбе с уже рухнувшим режимом стремительно наели толстые ряшки, разворовывая

последнее, для чего им пришлось подружиться уже с сегодняшними властями; завистливые троечники объявили себя «национальным достоянием» и с переменным успехом принялись толкать свой сомнительный товар за бугор; человек без бумажки вновь был объявлен букашкой - и бумажками, корочками (и, конечно, куриными окорочками) поспешил обзавестись чуть ли не каждый, - а Аллой так и оставался одиночкой, оставался индивидуалистом хотя бы потому, что в отличие от многих и многих был яркой индивидуальностью. Книги выходили - уже на копеечные гранты - и оставались невостребованными или в лучшем случае востребованными несколькими сотнями не пожелавших или не сумевших сбиться в агрессивные стайки одиночек. Литература ушла из жизни, а жизнь из литературы, и в «ворованном воздухе свободы» всё отчётливее пахло газом. Нет, ещё не гексогеном, но оттого ничуть не менее ядовитым. Аллой написал об этом в мемуарах (они опубликованы в мемориальном сборнике) - и вызывающе назвал их «Записками аутсайдера».

Нет, одинок он не был. Не создав ни литературоведческой школы, ни тем более политической партии (хотя соответствующими задатками, на мой взгляд, обладал), он собрал у себя в издательстве горстку приверженцев, практически - семью, и остался верен ей (как и почти все они ему) до конца. И страшно переживал раннюю смерть своего ближайшего сподвижника - директора «Феникса» Александра Добкина. И выпустил сборник его памяти. И сам, перед уходом из жизни, обеспечил сотрудников издательства из личных средств.

Ещё у него были друзья молодости - «банная компания» - киношники, журналисты. И пара-тройка американских профессоров. И - в Париже - Мария Васильевна Розанова. И покойный Хвост. И в Петербурге - Евгений Прицкер и (хотя трудно найти более непохожего на Аллоя человека) членкор РАН Александр Васильевич Лавров. Но были и те, к кому вполне применимы слова другого русского парижанина - Бердяева: «Чем дольше живёшь, тем меньше остаётся людей, с которыми раскланиваешься». Что ж, Аллой жил не слишком долго, но очень страстно...

Я тоже дружил с ним - не с самого знакомства в середине девяностых, но где-то с 97-го, и началось это с сакраментального: «Против кого дружим?», хотя вскоре переросло эти рамки. Поверьте, нам было против кого дружить! И всё же с годами выяснилось, что дружим мы не «против кого», а «против чего», - происходящее вокруг нас, да и в нас самих, не устраивало обоих по многим (и во многом совпадающим) параметрам, и «кадровый вопрос», вопреки распространённому заблуждению (которое, впрочем, разделяли и мы с Аллоем), играет в этом неприятии далеко не главную роль. Жизнь (а вовсе не поэзия) - «пресволочнейшая штуковина», хотя для тех, кто сызмала дышал воздухом самой литературной на свете страны, жизнь и поэзия - одно и то же.

2006

"На Сенной били бабу кнутом"

После торжественного празднования семидесятилетия товарища Сталина в Москве был открыт музей подарков вождю, и подарки эти оказались один другого нелепей. Сейчас, по завершении острой фазы трёхсотлетия, впору

открывать музей подарков городу на Неве, и место ему, скорее всего, должно найтись на городской свалке. Все эти, прости господи, статуи (с ударением на предпоследний слог), башни-прибабашни, Ладожский вокзал, морская *президенция* отставного подполковника и прочие прелести.

В музее подарков городу должен быть предусмотрен и литературный раздел - куда же, как не на свалку, следует отправить едва ли не всю титулатуру предъюбилейной продукции книжных издательств города? И не забыть бы вывесить в рамочке на видном месте текст городского гимна... И портреты маслом в парадной форме Даниила Александровича Гранина, Александра Семёновича Кушнера и Масяни. А рядом - рядком - расставить все вышедшие в финал проекты памятника Бродскому. И всего Шемякина, литературная природа творчества которого очевидна. И высеченный во мраморе девиз «зоолетия»: «Пи-пи... Питер!», многажды выслушанный автором этих строк в памятную ночь повторного штурма Зимнего. И - на отдельном стенде - городские литературные журналы «Звезду» и «Неву», лишь по нехватке средств ещё не перешедшие на ежемесячный выход в рулонном формате на двухслойной бумаге. И полузапрещенного ныне Игоря Северянина с программными строчками: «Валентина, Валентина, плутоглазая чертовка, ты чаруйную поэму превратила в жалкий бред»... На такой пир духа наверняка слетелось бы вороньё со всего Северо-Запада, не говоря уж о главах зарубежных государств.

И, напротив, белой вороной выглядела бы в литературном разделе прелестная книжица «Доска, или Встречи на Сенной», выпущенная к юбилею города информационно-издательским агентством «Лик», задуманная, сочинённая и представленная в «Бродячей собаке» в состоянии весёлого алкогольного опьянения двумя небезызвестными петербургскими литераторами Геннадием Григорьевым и Сергеем Носовым. Первый сочинил поэму-быль (или небыль? По городу гуляет и противоположная версия изложенных в поэме событий) «Доска», а второй её с пародийной учёностью прокомментировал.

Однажды Сергей Носов, живущий как раз на Сенной, попрощался с юными московскими редактрисами (предварительно распив с ними по рюмочке) и уже дошёл было до дому, как вдруг отключился. И пришёл в себя, только услышав писк мобилы в кармане. «Где тебя *носит}*» - невольно скаламбурив, спросила у Носова жена Виолетта. И действительно, где? Носов огляделся по сторонам и увидел опричь себя только тучи. В отключке он каким-то образом забрался на Александрийский столп к ангелу... Это подлинная история, и она вполне могла бы стать сюжетом поэмы, но стала другая.

Однажды Геннадий Григорьев решил прокатиться по лестничным перилам, свалился (или, как он утверждает, я его столкнул) и сломал себе основание черепа и позвоночник. «Жить не будет», - сказали врачи в больнице Эрисмана. Через две недели его выгнали из больницы за то, что, напившись пьяным, он гонял на крыше мяч с футболистом из основного состава «Зенита» (у того, правда, была сломана нога, да и вообще с тех пор прошло тридцать с чем-то лет). Это тоже подлинная история, но не ей суждено было лечь в основу поэмы, открывшей новую книжную серию «Петербургские лики нашего времени».

А в поэме речь идёт вот о чём: Сергей Носов покупает у бомжа сперва рог («Орлы, вам не нужны рога?» - спрашивает тот в тексте поэмы), а затем и мраморную доску, имеющую предположительно какое-то отношение к Пушкину. Эту доску Носов, Григорьев, питерский поэт Алексей Ахматов и человек по фамилии Хасид втюхивают городской администрации - и её торжественно водружают на якобы подобающее место. В книгу включён и благодарственный адрес Государственного музея городской скульптуры: «Доска, выполненная из бронзы по проекту ск. Гликмана Г. Д., была установлена на фасаде здания железнодорожной станции „Новая деревня" в 1955 г. Доска была похищена в 1995-1996 гг. неустановленными лицами, 31.05.99 - обнаружена Носовым С. А. на Сенном рынке при попытке продажи. Переданная доска будет установлена на первоначальном месте».

Обратите внимание на дату передачи - за неделю до пушкинского юбилея, также носившего выраженно зоологический характер. Ученейший комментатор Носов - человек безупречной репутации, а блистательный стихотворец Григорьев смущённо отвергает любые предположения о том, что сам же «в 1995-1996 гг.» означенную доску и скоммуниздил. Обижается и Ахматов, когда ему, силачу, говорят, что хиляк Григорьев доску в одиночестве даже не приподнял бы. Но не будем мешать работе следственных органов.

Поэма «Доска» написана по заказу (Григорьеву пообещали за неё 100 долларов) и, естественно, левой ногой; правда, даже левой ногой Григорьев пишет лучше, чем подавляющее большинство питерских стихотворцев - правой рукою. Написана в подражание, в стиле и в силу Давида Самойлова, о чём я, не выходя из зала на презентации, сложил двустишие: «Такой ямбический ликбезик мог сочинить Самойлов Дезик». Но давайте лучше почитаем Григорьева:

Гуляет Кушнер набережной Мойки, гуляет Нестеровский на помойке. (Его стихов я, правда, не читал). А много раньше - Блок и Городецкий, так те гулять любили в Сестрорецке, а Пушкин Летний сад предпочитал. Гуляет Пригов в скверике столичном, а Ширали во дворике больничном. И, наслаждаясь светом и весной, не выбирая розовые кущи, а в самой что ни есть народной гуще мы с Носовым гуляем по Сенной.

Поэма хороша, хотя местами вторична: так, например, мысль, выраженную в строке «он - Топоров - Белинский наших дней», не озвучивал разве что ленивый. Хорош и носовский комментарий, полный *лукавого юмора,* какой Шерлок Холмс приписывал доктору Ватсону. Мило и иронично оформление; особо хороша шутка, вынесенная на заднюю сторону обложки: непревзойдённый мастер курьёзного искусства *анаграммы,* то есть, если угодно, *анаграмматист* Григорьев назван здесь *«аННаграМистом высшей категории».* Смысл шутки в том, что анаграмма как раз и зиждется на перестановке букв в одном отдельно взятом слове. Не скажу вам, как у Григорьева дела обстоят с АННАМИ, а как с ГРАММАМИ - вы наверняка уже догадались сами.

Настоящее веселье начинается, когда гости уже разъехались. Написанная между двумя юбилеями (пушкинским и города) кулуарная поэма - наш ответ не столько Чемберлену (или там Бушу), сколько официозной глупости и чуши (тоже, знаете ли, умею в рифму), обрушивающейся и проливающейся на нас сверху - до

юбилея, во время и после. Хорошо смеётся тот, кто смеётся в своей компании.

2003

На смерть магистра игры

Практически в один день ушли замечательный английский писатель Джон Фаулз и выдающийся отечественный учёный Михаил Гаспаров. В нынешней - англоцентричной - литературной ситуации первая утрата может показаться более тяжкой, хотя пик популярности Фаулза в нашей стране уже позади. Однако подобное впечатление ошибочно: Фаулз умер, но дело его - сложно-психологический и, в идеале, хорошо переведённый британский роман - живёт. Со смертью же Гаспарова уходит эпоха. Эпоха советской гуманитарной науки, понимаемой как высокое - хотя и не без некоторого лукавства - служение, и в этом смысле смерть на «отменённое» 7 ноября приобретает символическое значение.

До Гаспарова ушли Сергей Аверинцев и Юрий Лотман. С некоторыми оговорками в ту же когорту можно включить Ефима Эткинда, Натана Эйдельмана, Алексея Зверева, кого-то ещё - но их тоже нет. Живы, конечно, Вячеслав Всеволодович Иванов и мой однофамилец Владимир Топоров (ушедший через три недели после Гаспарова) - но их влияние никогда не было определяющим. Выдающиеся учёные - пожалуй, но - в отличие от перечисленных выше - никак не властители дум.

Самое поразительное в ушедших властителях - то, что занимались они, строго говоря, ерундой. Придумал «идею» и «структуру», чтобы не говорить о «форме» и «содержании» (а значит, со всей неизбежностью, и о «социалистическом реализме»), Лотман. Популяризировал поэтический перевод Эткинд и американскую прозу - Зверев. Занимательной историософией прославился Эйдельман. Изучал творчество Вячеслава Иванова (другого) и ранневизантийскую литературу, переводил целыми книгами Священное Писание - публикуя как памятники древней поэзии в Библиотеке всемирной литературы - и сочинял беспомощные стихи Аверинцев. Занимался древнегреческой басней, «обсчитывал» русское стихосложение (и обсчитал его всё), издавал символистов, переводил стихи прозой и публиковал «записи и выписки» Гаспаров.

Конечно, Аверинцев и Гаспаров были великими эрудитами. В отличие от полузнайки Эткинда и лишь понаслышке знакомого с современными ему течениями западной мысли Лотмана (о чём, в частности, не скрывая сожаления, отдающего презрением, говорил в Петербурге Умберто Эко). Один как медиевист, другой как античник, оба были вполне на международном уровне - хотя, возможно, и не более того. А главное, где мы, а где античность с медиевистикой?

Два главных труда академика Гаспарова, наряду с присущей им монументальностью, поражают ненужностью. «Метрический репертуар русского стихосложения» (то есть частотный словарь стихотворных размеров) ничего не объясняет, ничего не доказывает, а только - если ему поверить - всё бесконечно запутывает. Потому что на девять десятых (если не больше) поэт пишет чужими

размерами, даже чужими ритмами - и значение имеют лишь то, как написаны 6-7 главных стихотворений, определяющих его творческую индивидуальность. Иногда даже одно - как «Ворон» у Эдгара По.

Скажем, одно из открытий, сделанных Гаспаровым в работе над русской метрикой (и то, которым он гордился особо), заключается вот в чём: оказывается, мы напрасно думали, будто трёхсложные размеры - конёк Н. А. Некрасова. Гаспаров доказал, что пользовался он ими не чаще, чем Пушкин. Доказал, «обсчитав» всего Некрасова и, соответственно, всего Пушкина. Но какой смысл в этом открытии - да и открытие ли это, - если Некрасов стал первым, кто написал трехсложником все свои главные стихотворения?

Перевод стихов - допустим, немецкого экспрессиониста Георга Гейма - прозой представляет собой ещё одно гаспаровское ноу-хау. Сперва он ещё в рифму перевёл вагантов, получилось точнее, чем у Льва Гинзбурга, только запомнили все и даже запели исключительно Гинзбурга. Прозой переводят стихи во Франции, прозой делают подстрочники не знающим языка оригинала поэтам с тем, чтобы они потом всё «перелопатили» в рифму; у Гаспарова как раз и получались подстрочники, но их печатали, рассматривая как шалость гения, и деланно восхищались, а Гаспаров верил льстецам - и переводил прозой дальше... Я бы мог продолжить этот перечень, распространив его на труды и дни Аверинцева, но здесь не стану.

Хорошими лекторами не был никто из них: тот же Гаспаров заикался, Аверинцев мямлил, Зверев через слово говорил: «значит, вот». И делами они занимались не запрещёнными, в самом худшем случае - полуразрешенными, так что политических коннотаций во власти над умами не было или почти не было. А сама по себе власть была... И я прекрасно помню восторг, охвативший меня, студента, при чтении первых книг Аверинцева и Гаспарова - и боюсь перечитать их, боюсь даже раскрыть. *Когда мы были молодые и чушь прекрасную несли...* Не только несли - но и благоговейно воспринимали.

Всем героям этой статьи была присуща особая аура; она-то и превращала их во властителей дум в советское время. Потому что казалось: именно оно, советское время, заставляет их заниматься той ерундой, которой они занимаются, а вот не будь её, вот провались она в тартарары - они бы *взорлили!* Как писал тот же Эткинд, поэтический перевод расцвёл в СССР, потому что евреев не пускали в генералы и в дипломаты. Ни Аверинцев, ни Гаспаров евреями не были, да и вообще Эткинд всегда писал чепуху, но тем не менее. Это был тот же уговор интеллигенции с самой собою, который дал жизнь анекдоту о листках белой бумаги, разбрасываемых в качестве антисоветских листовок: зачем что-то писать, когда всё ясно и так? Если тебе всё ясно и так, ты ничего не пишешь, а смельчаком и гением считаешь того, кто пишет про американский роман или древнегреческую басню. Потому что на самом деле он пишет совсем другое... Это была «игра в бисер», описанная Германом Гессе, хотя рядовые участники воспринимали её как игру в солдатики, как игру в «потешные полки», которые рано или поздно возьмут власть и безжалостно подавят стрелецкий бунт.

В девяностые былым властителям дум представился шанс показать себя не

такими, каковы они были, но какими восхищённому общественному взору казались. И, увы, кое-кто из них этим шансом не пренебрёг. Прежде всего, Аверинцев, сильно подружившийся с новой властью, подписавший позорное групповое письмо Ельцину с призывом утопить в крови «бунтарей-1993» и затем, разочаровавшись, удалившийся в добровольную эмиграцию в Австрию.

А вот Гаспаров остался тем, кем был, и продолжил с печальной невозмутимостью заниматься тем же, что и раньше. На мой вкус - ерундой, но столь проникновенно и последовательно, столь - не побоюсь этого слова - аристократично, что сами занятия эти следует рассматривать как «игру в бисер», причём не в России, а в Касталии. Впрочем, для Магистра Игры - всегда и везде Касталия. А Гаспаров был тем, кем он был, - не полководцем, не гением, не учёным, а Магистром Игры - последним Магистром великой Кастальской Игры.

2005

Нас деспот встречает прохладой

Связь политического и полового инакомыслия, которую мы рассмотрели на примере Ивана Баркова, прослеживается в жизни и творчестве Дмитрия Шостаковича, раздавленного психологически и чуть было не уничтоженного физически по выходе в «Правде» статьи «Сумбур вместо музыки», которую то ли написал, то ли надиктовал лично Сталин. В подвергшейся поношениям опере «Леди Макбет Мценского уезда» недоучившегося семинариста возмутила прежде всего разнузданная оргиастическая стихия животной страсти; даже не дослушав оперу до конца, Сталин в гневе покинул зал. И сказал соратникам (в пересказе Михаила Булгакова): «Я не люблю давить на чужие мнения, я не буду говорить, что, по-моему, это какофония, сумбур в музыке, а попрошу товарищей высказать совершенно самостоятельно свои мнения».

Хотя, конечно же, наряду с личным вкусом в такой оценке, не говоря уж о последовавших оргвыводах, сквозила твёрдая политическая воля. Сталин укреплял советскую семью, изживая половую распущенность революционных и нэповских лет, - запретил аборты, осложнил процедуру развода, вернул в обиход уничижительное понятие «незаконнорождённый». Секс в СССР ещё был, но его предстояло (как и многое другое) искоренить.

К тому же Сталин «укрощал искусства», строил (и «строил») творческие союзы, осыпая неслыханными милостями мастеров культуры («На свои советские гонорары я могу каждый день покупать по дому», - хвастался, например, Алексей Толстой), а восторженно принятая в Европе и в США музыка Шостаковича обеспечивала «молодому Моцарту», как его тогда называли, неслыханную и, разумеется, недопустимую независимость. Да ведь и правила вести огонь по штабам (или, в терминологии современного маркетинга, «атаковать точку силы») никто не отменял - и Сталин был в этом плане несравненным стратегом. Рубку леса (при которой летят щепки) он начинал с самого могучего - или самого красивого - дерева.

Об этом идёт речь в только что вышедшей книге американского музыковеда Соломона Волкова «Шостакович и Сталин: художник и царь». Ключевой фрагмент опубликован и в августовском номере журнала «Знамя» (увы, как это

теперь почему-то принято, книжная публикация опередила журнальную).

Оперу Шостакович закончил в 1932 году, Сталин прослушал её в январе 1936-го, статья «Сумбур вместо музыки», в которой высмеивалась «купеческая похотливость», увидела свет несколько дней спустя. И уже 6 февраля последовал новый удар: статья «Балетная фальшь» о балете Шостаковича «Светлый ручей». Уже шедшие в Ленинграде, где жил 29-летний композитор, аресты затронули его родных и близких; круг неумолимо сужался; Шостаковича ждало физическое уничтожение. Этого, однако же, не произошло: едва ли не в последнее мгновенье Воланд даровал Мастеру покой. Или, как пишет Волков, принял за основу взаимоотношения между «личным цензором» Пушкина Николаем I и поэтом. Подыграл Сталину и сам Шостакович: с готовностью приняв на себя (а затем и вжившись в неё) роль юродивого - того самого юродивого, прочитав про которого в объективно возмутительном и крамольном «Борисе Годунове», решил смилостивиться над Пушкиным Николай.

Ситуация вообще-то сложилась парадоксальная, даже гротескная. За Шостаковича заступался Запад. За Шостаковича просил маршал Тухачевский. Письмо в защиту Шостаковича Сталину написал (но не отправил) Горький. Не отправил - но не беда: за Горьким шпионили так, что каждое сказанное или написанное им слово становилось известно вождю буквально назавтра. Мнение Сталина как некомпетентное и, хуже того, смехотворное осудили в частных разговорах многие музыканты - и тут же настучали друг на друга.

Сам Сталин любил музыку Шостаковича для кино - в особенности песню «Нас утро встречает прохладой», что, правда, не помешало ему уничтожить автора слов - поэта Бориса Корнилова - и подвергнуть издевательствам жену Корнилова поэтессу Ольгу Берггольц. Но уж так он мыслил: Пастернака пощадил - за замечательные переводы современных грузинских поэтов, а самих этих поэтов пустил в расход. Вечно опальному Булгакову даровал покой, а приближённого ко двору Бабеля стёр в лагерную пыль. Кроме того (и, может быть, прежде всего), Сталин любил делать мастерам искусств «предложения, от которых невозможно отказаться». Иногда - на уровне анекдота, как в приведённой в книге Волкова истории с любимцем вождя тенором Козловским, от которого на одной из пирушек партийные бонзы потребовали исполнения народных песен. Сталин предоставил певцу полную свободу выбора и сделал это следующим образом: «Зачем нажимать на товарища Козловского? Пусть он исполнит то, что сам желает. А желает он исполнить арию Ленского из оперы Чайковского „Евгений Онегин"».

А вот от Шостаковича Сталин потребовал именно народных песен. И не выслушал, но фактически получил отказ. Впоследствии «народные песни» по воле вождя сочинил Арам Хачатурян - и Шостакович прозвал его «взбесившимся рахат-лукумом». От Шостаковича Сталин потребовал предоставления ему на предварительный просмотр («Твоим цензором буду я!») новых оперных либретто - и во избежание этого Шостакович не написал больше (вернее, не завершил) ни единой оперы. В симфонической же музыке Шостаковича - в «музыке, пришедшей на смену сумбуру», - при всём её трагизме, зазвучали сатирические, издевательские нотки (юродивому дозволительно), зашевелился эзопов язык,

обозначился крамольный кукиш в кармане.

До самой смерти Сталина Шостакович так и остался для вождя «трудновоспитуемым», но хотя бы подлежащим перевоспитанию не в исправительно-трудовом лагере. А сам Шостакович? Сталина он, в отличие от большинства обласканных вождём и, увы, от большинства уничтоженных, ненавидел. Ненавидел и сам советский строй - о чём наговорил целую книгу всё тому же Волкову, тайно вывезшему её на Запад. Но главное, наверное, не в этом - светлое моцартианское и тёмное «достоевское» начало, не столько сосуществовавшие, сколько отчаянно боровшиеся друг с дружкой в творчестве композитора, после вмешательства вождя перераспределились самым непредсказуемым образом.

Моцартианские простота и ясность, которых требовал Сталин (и которые критика приписывала прежде всего его, сталинскому, стилю) не возобладали, но, напротив, ушли на периферию творчества. Шостакович - чем дальше, тем очевиднее - превратился в Достоевского от музыки, только Достоевского безрелигиозного, а оттого особенно безнадёжного. Другое дело, что битый (если не полностью разбитый) композитор освоил технику музыкального иносказания примерно по такой схеме; *О господи, как же я ненавижу этого палача... этого изверга... этого деспота... О господи, как же я ненавижу Гитлера!*

А большего от него уже и не требовали.

И разумеется, «биологическая» любовная линия, как определил самую суть «Леди Макбет Мценского уезда» Сергей Эйзенштейн, она же «предельно цинично себя обнаружившая чувственность» из музыки Шостаковича ушла навсегда. Секса-то у нас уже не было.

2004

Нацболь

Несколько лет назад директор Российского ПЕН-клуба Александр Ткаченко опубликовал художественно-документальную книгу под названием «Футболь». Обсуждая эту дурость в печати, я, помнится, предложил переименовать заодно и возглавляемую г-ном Ткаченко организацию в ПЕНЬ-клуб. Ан вот, пригодилось.

Потому что нацболь - это и боль за нацию, и национальное большинство, и межнациональные трения, и, разумеется, нацболы. Цвет нации (в самооценке) или, если угодно, дурной цвет нации, но ни в коем случае не пустоцвет.

Про нацболов пишут сейчас все, кто пишет прозу. Ну через одного, а упоминает или подразумевает их всё равно каждый. Причём со знанием дела - каждый пятый. С завистью или с восхищением - каждый третий. С недоумением, перерастающим в интерес; с интересом, упирающимся в недоумение; изредка - со злобой. Но пишут, но сочиняют художественную прозу и сами нацболы, действующие и бывшие, - пишут сквозь боль, и кровь, и невидимые миру слёзы. И сопли не жуют, а знай наматывают на невидимый миру кулак.

У ПЕН-клуба с нацболами как раз не заладилось. За эпизодически пописывающую стишки драгдилершу заступились, безосновательно

провозгласив её великолепной поэтессой, а от без пяти минут великого писателя демонстративно отвернулись, сочтя его схваченным с поличным торговцем оружием - то есть заранее согласившись с не нашедшими подтверждения в приговоре суда выводами следствия. Но это так, к слову.

Первыми о нацболах (с плохо сдерживаемым отвращением и явно понаслышке) написали Гаррос-Евдокимов в романе «(Голово)ломка». С тем, чтобы уже в «Серой слизи» выйти практически на те же антибуржуазные позиции - только без присущего лимоновцам пафоса агрессивного делания. Того самого делания, которое неизбежно оборачивается уголовно наказуемым действием, а на взгляд самих делателей - деянием и жертвенным подвигом. Рижские соавторы, подобно персонажу «Современной идиллии» Салтыкова-Щедрина, резонно рассудили, что по-нонешнему лучше будет *годить.* И только в третьем романе - «Фактор фуры» - догадались: если народ на дух не переносит своих бунтарей, то его рано или поздно подчиняют своей воле чужие.

Есть своя литература и у скинхедов - «Скины. Русь пробуждается» Нестерова и «Солдаты армии трэш» Лялина. А вот функционер молодёжной «Родины» Шаргунов дышит под Рогозина, а пишет под Лимонова.

Екатеринбуржец Диа Диникин («Бесы-2»), нижегородец Захар Прилепин («Санькя»), москвичка Наталья Ключарёва («Россия: общий вагон»), петербурженки Ксения Венглинская и Наталья Курчатова («Лето по Даниилу Андреевичу») и многие-многие другие пишут, напротив, не под Лимонова, а про него. Он в нацбольской прозе важный, но далеко не главный герой. Если политическое движение «Нацболы без Лимонова» заведомо маргинально (маргинально вдвойне!) и откровенно фашизоидно, то в литературе вымечтанный безлимоновцами внутрипартийный переворот уже произошёл: движение нарастает и развивается само по себе. В ключевом для этой прозы произведении - прилепинском «Саньке» (критик Данилкин уже успел сравнить его с горьковской «Матерью») - вождь поднявшей безнадёжное всероссийское восстание партии сидит за решёткой и не принимает ни практического, ни идейного участия в кровавой вселенской смуте.

Нацболы исповедуют и реализуют на практике «бархатный» или «цветочный» террор. Певцы во стане русских воинов, слагая своего коллективно-эпического «Хорста Весселя», идут дальше: на страницах прозы революция выплёскивается на улицы буйно, пьяно и смрадно; слезинки невинных младенцев заведомо не принимаются в расчёт; власть, отвратительная, как руки брадобрея (одна, с бритвой, - к горлу, другая, тремя пальцами, - за щёку), мстит по-библейски - семьдесят семь раз и в столь же превосходящем размере, - но инициирует насилие не она. Инициируют его сами эти ребята - умные, начитанные, неплохо, а то и талантливо рассуждающие и - глядите-ка - пишущие. А ещё - резкие, дерзкие, то раскованные, то закомплексованные, но неизменно крутые. Над истинно нацбольской прозой веет дух культового фильма чуть ли не полувековой давности - «Пепла и алмаза».

За что и против чего боролся Мачек в исполнении Збигнева Цыбульского, как раз понятно. За подлинную независимость Польши против сначала

немецких, а потом советских оккупантов и их местных пособников. На стороне последних (фильм, не будем забывать, вышел в прокат в социалистической Польше, а затем и в СССР) тоже была своя правда. Правда большинства - по природе своей не столько агрессивно-послушного, сколько традиционно оппортунистического.

Против кого и чего борются нацболы, как раз неясно. Ну, если отвлечься от предполагаемого притеснения русских в Латвии - эта овчинка явно не стоит кровавой выделки. Против «прогнившего режима»? Ну-ну. В романе Сергея Доренко «2008» ставший в результате вооружённого восстания президентом Лимонов назначает премьер-министром Ходорковского - и Россию тут же оккупируют американцы. Но Доренко не нацбол, а нацболы, на свой помидорно-яичный, на свой «бархатный» лад, борются и против США. Читая нацбольскую прозу, осознаёшь, что борются они против самой жизни, после каждого исторического катаклизма воровато и вместе с тем бесстыдно принимающей привычно оппортунистическую, хотя порой и объективно непривычную позу. Борются не столько за революцию (цели которой видят как в тумане, а неизбежные эксцессы и жертвы осознают весьма остро), сколько против перманентного термидора. Борются, по сути дела, за право умереть насильственной смертью!

Мне как-то не хочется анализировать исторические прецеденты; да и статью вы читаете не политическую, а литературно-критическую. Мощный творческий импульс - коллективная воля к смерти - пронизывает современную русскую прозу, исходя из раскалённого нацбольского ядра. Одни играют (и, бывает, заигрываются), другие подстраиваются или подделываются под модное веяние, третьи гибнут всерьёз. И пишут об этом тоже всерьёз. И они-то, естественно, и задают тон.

2006

«Наш удел в этой жизни офсайт»

9 мая 2005 года исполнилось шестьдесят лет петербургскому поэту Виктору Ширали. Личный юбилей, совпав с общенациональным, обернулся скромным вечером в Музее Достоевского - на поэтической площадке, памятной прежде всего по «Клубу-81», в котором Виктор Гейдарович - как, впрочем, практически всюду - когда-то поучаствовал, но не прижился. Его всю жизнь любили женщины и не любили мужчины; его стихи - в авторском исполнении - нравились всем, но, перенесённые на бумагу, выглядели партитурой, а читать по нотам умеют, увы, немногие: поэтический слух куда большая редкость, чем слух музыкальный.

Ещё Ширали любили знаменитости - независимо от пола и возраста. Любили баловни удачи, заранее угадывая в нём и родню, и ровню. И он любил этих баловней - и посвящал им невнятные, как всё у него, но изумительные стихи. А вот с удачей не срослось.

Шестидесятилетие - по нынешним литературным меркам - юбилей пусть и не первый, но ещё вполне оптимистический. Бодрячки-стихотворцы живут и по семьдесят! И по восемьдесят! Живут и пишут! Живут - те, что на виду, - хорошо, а пишут плохо. Живут вкусно, а пишут пусто.

Ширали живёт и пишет в ежедневном и ежечасном ожидании смерти: он то призывает её, то удивляется (но никогда не радуется) очередной отсрочке. Правда, недоброжелатель непременно отметил бы, что в таком режиме поэт живёт уже сорок лет.

Переживая жизнь мою,

Добейся, милая, удачи,

Засмейся там, где я не плачу,

Пой громко там, где я пою

Вполголоса,

Где напеваю.

Моё молчанье просвисти

И лучше вовсе пропусти

То место, где я умираю.

(«Романс», 1969)

Смерть пришла, но оказалась не биологической и не творческой, а сугубо профессиональной: о Ширали забыли. «Заслуженно забытый Ширали», - написал о нём сорокалетний поэт-графоман, с переменным успехом выдающий себя за независимого литературного критика. Забыли настолько, что вычеркнули - и из живой поэзии, и из её поминальных списков. Забыли даже ровесники, пребывающие ныне в некоторой, скорее анекдотического свойства, моде. Ширали пишет, его печатают, но печатают исключительно питерские «толстяки» - а это ведь равнозначно свидетельству о литературной смерти.

Ширали выпускает книги - прекрасные книги, остающиеся, естественно, незамеченными. К шестидесятилетию издал полное собрание стихотворений - «Поэзии глухое торжество» - с парадным до пародийности предисловием некоего Г. И. Биневича и с иллюстрациями работы известных художников. Пристойным на сегодня тиражом в 500 экземпляров. Для тех, кто умеет читать по нотам или готов притвориться, будто умеет.

У забвения - или, как пишет сам Ширали, у пожизненного офсайта - немало причин, и не все они сводятся к комплексу Сальери, обуревающему собратьев по поэтическому цеху. То есть офсайт, конечно, организован искусственно, но судейский свисток звучит правомерно. Яркий представитель семидесятников (так называемого «задержанного поколения») и коренной петербуржец, влюблённый в свой город, Ширали по типу дарования и способу его реализации принадлежит скорее к московской «эстрадной поэзии» пятидесятых-шестидесятых прошлого века, которая и сама пребывает нынче в глухом, незаслуженно глухом забвении - семидесятилетних (с хвостиком) безобидных и по-своему красивых павлинов, её олицетворяющих, высмеивают даже те, кто десятилетиями кормился у них из рук. «Тихая лирика» (то есть воплощённая посредственность) плюс политическая ирония плюс внимание западных славистов плюс непременная (чаще всего задним числом приписываемая) дружба с покойным Бродским - такова сегодняшняя формула поэтического

успеха, бесспорная смехотворность которого ничуть не отменяет того факта, что Ширали отказано даже в нём. Евгению Евтушенко с Андреем Вознесенским тоже свистят, но этот свист означает: «Пошли вон с поля! Без вас веселее!», а судейский свисток, доносящийся до слуха Ширали (и неслышный публике, как и сам поэт), звучит приговором: «Ты вне игры!»

Но ведь когда «эстрадники» были «в игре» - и действительно собирали стадионы, - а «тихие лирики» за смешные деньги получали «выступления» в библиотеках и школах, Виктора Ширали тоже не было - ни там, ни тут. Он читал в мастерских у художников (уже умерших или уехавших), в любительских театрах, просто - в компании. Читал, чтобы произвести впечатление, выпить, поесть и переспать на халяву, - такие уж у него были стимулы. Но читал, каждый раз умирая всерьёз и рождая себя заново на глазах у ошеломлённой публики - и профессионально подкованной, и случайной. И тогда его было слышно - наравне и наряду ещё с двумя-тремя питерскими поэтами. А те, кому по таланту (вернее, по отсутствию оного) положено помалкивать, - помалкивали или раскрывали рот беззвучно, как рыбы. Но с годами, с десятилетиями - убийственными даже для подлинного дарования - они вырвались на газон и принялись при пустых трибунах носиться по полю как угорелые. И объявили Ширали вне игры. Мяча им, правда, так и не дали, но им его и не надо.

Однако не всё так безнадёжно. То немногое актуальное, что происходит сегодня в поэзии, - рэп прежде всего - предугадано и предвосхищено Ширали. Сами рэперы этого, разумеется, не знают, а Ширали ничего не знает про рэп и рэперов, но тем не менее. Танатос и Эрос как два единственных источника вдохновения, исступлённое - на разрыв аорты - чтение, джазовый принцип формирования перетекающих друг во друга текстов и сиюминутность повода - всё это от него. Этот тип поэзии востребован - в той минимальной мере, в какой сегодня вообще востребована поэзия.

В полном собрании стихотворений значительное место занимают стихи самых последних лет - «стихи из матрацной могилы», как именовал соответствующий этап своего творчества Генрих Гейне. Замечательно хорош написанный в 90-е цикл «К Ларисе Олеговне». Пустоваты 80-е. И конечно же великолепны 60-е-70-е - пора раннего, но сразу же полного поэтического расцвета: «Сад», «Любитель», «Джазовая композиция», чуть ли не всё подряд. «Что сказать мне о жизни? Что оказалась длинной», - написал себе на сорокалетие Бродский. «Ах, в нищете мне уютней. / Скорей не уютней - привычней», - на свой невнятный лад усмехнулся в канун собственного шестидесятилетия Ширали.

2006

Ненатуралы

Девочка Маша написала роман про девочку Машу. В романе девочка Маша приходит в гости и говорит: «Я - писательница!» Тогда как публика взирает на неё, а затем и внемлет ей с трепетом и благоговением.

- Так не пойдёт, - сказал я девочке Маше. - Это не жизненно. Люди стесняются собственного писательства и без малейшего пиетета относятся к

чужому. Такую, с позволения сказать, писательницу люди моментально подняли бы на смех.

- Какие люди?

- Нормальные. Натуралы.

Этого девочка Маша в толк взять не может. Потому что она-то как раз ненатурал. Или ненатуралка; не знаю, как правильнее. И общается, в основном, со своими. И посвящает им стихи (точнее, стихопрозу) и романы. И они ею самой и её творчеством и впрямь восхищаются. И, кстати, не зря: и славная она, и талантливая, и даже, на наш натуральный взгляд, хорошенькая. Но главное, у них, у ненатуралов, идёт интенсивная духовная жизнь: всё читают, всё знают, за всем следят; всем, в том числе и новым, живо интересуются. У нас - всё в прошлом (и самая читающая страна тоже), а у них - сплошная литературная кадриль, перманентно переходящая в гей-парад.

Захиревшую было во второй половине прошлого века англоязычную литературную жизнь сильно расцветили представители нацменьшинств - от Владимира Набокова и Салмана Рушди до какого-нибудь безымянного нобелеата с берегов Карибского моря. У нас этот рудник выработан «литературой народов СССР»; отечественная словесность прирастает разве что Уралом и простирающейся за ним Сибирью. А ещё - и, пожалуй, ничуть не в меньшей мере - меньшинствами сексуальными. Только мы этого (и того, и другого) до поры до времени не замечаем.

Гомосексуальная *тема* теснит гетеросексуальную на клубном уровне и нехотя выдаёт себя за неё в театре, в кинематографе и на телевидении. А вот в литературе всё сложнее и, не в последнюю очередь, потаеннее. Хотя ключевой вопрос остаётся неизменным: воспринимать ли творчество *людей лунного света* как особую субкультуру или рассматривать его в общекультурном контексте без оглядки на сексуальные предпочтения того или иного «творца» (которые к тому же могут быть вызывающе декларируемыми; нескрываемыми, но и не выпячиваемыми; известными лишь в узком кругу; скрытыми; латентными; наконец, напускными)?

Причём граница всякий раз зыбка, критерии, как минимум, двусмысленны, творческие результаты амбивалентны, и многое происходит (да и воспринимается), скорее, «по умолчанию».

Упомяну в этой связи две книги, вышедшие уже в перестройку, - «Другой Петербург» и «Другую любовь». Автор первой - известный искусствовед, укрывшийся под красноречивым псевдонимом К. Ротиков, - никогда не таил, но и не афишировал собственной голубизны. Автор второй - не менее известный археолог - был осуждён за мужеложство в 1981 году и впоследствии долгие годы утверждал, будто стал жертвой политических репрессий. Что отчасти было верно: гомосексуалистов у нас тогда сажали, как нынче олигархов, - крайне избирательно и не столько по факту, сколько «по совокупности».

Любопытнее, однако, другое. В начале 90-х археолог опубликовал серию очерков о нравах Зоны, изобразив себя невинно пострадавшим натуралом, доросшим в тюрьме и в лагере сначала до «углового», а потом и до

«смотрящего»! «Гони ты старого... (пару слов пропущу), всё он врёт, я сам знаю нескольких студентов и аспирантов, которых этот „научный руководитель" испортил», - безуспешно внушал я простоватому завотделом публицистики журнала «Нева»... Но годы шли, ситуация в стране менялась, и всё тот же археолог приволок в «Неву» более достоверные мемуары (напечатать их постеснялись), а затем выпустил и «Другую любовь», причём под собственным именем.

Запад успел пройти весь этот курс наук в XX веке - но премудрости не набрался и он. Кого, собственно, любит Сван? Да и Гумберт Гумберт? Какой Америке адресована «Другая страна» Болдуина - чёрной или розово-голубой? За что расстреляли Лорку - цыгана-гомосексуалиста-антифашиста? Уистен Хью Оден адресовал любовную лирику грамматически-бесполому *you* (девять лет назад я выпустил его «Собранные стихотворения» в своём переводе - и специфическую критику по своему адресу, начиная со статьи некоего *Петухова,* читаю - как правило, почему-то в «Русском журнале» - до сих пор). Создателей новейшего фильма «Капоте» гомосексуализм титульного персонажа (и знаменитого писателя, автора «Хладнокровного убийства») волнует куда больше, чем преступление, которое он расследует.

Зарубежных ненатуралов мы теперь, впрочем, печатаем. Бывает, и массовыми тиражами - взять хоть Артуро Переса-Реверте. А отечественных (тех, кто не мимикрирует) - ни в какую!

Был у меня однажды разговор с завотделом прозы журнала «Звезда» покойным Михаилом Паниным. «Хочешь, Миша, в журнал отличный, без дураков, роман о любви? - Хочу!!! - Но там мальчик любит мальчиков. - Тьфу!!!» Роман этот - «...и финн» Алексея Ильянена (действительно превосходный) - вышел через пару лет в издательстве «для своих» и тиражом, увы, тоже «для своих». Есть такие издательства - скажем, в Твери - и периодические издания - допустим, «Митин журнал».

Работая в коммерческом, но амбициозном издательстве, я выпустил «Тридцать интервью» Ярослава Могутина и роман «Я тебя люблю, и я тебя тоже нет» Сони Адлер. Яркие интервью со знаменитостями (в основном, голубыми) «внебрачного сына Эдички», как он себя когда-то именовал, продавались плохо, а вот сочная книга сорокалетней красноярской бисексуалки улетела со свистом! На встрече с питерскими читательницами Соня была беспощадно раскритикована за «клеветническую пропаганду мата и промискуитета» как имманентных качеств *тусы* и восторженно увезена собственными хулительницами в ночной клуб. Успев при этом пообщаться с прозаиками Сергеем Коровиным, Павлом Крусановым, Сергеем Носовым и Ильёй Стоговым и даже положив глаз на одного из них.

А вот девочку Машу Ленину я издать не смог. И вовсе не из-за фальшивой сцены с писательницей. Её восторженную прозу и стихопрозу (вроде «Песен Мальдорора» Лотреамона) амбициозное, но при этом коммерческое издательство «Лимбус Пресс» не потянуло. Девочка Маша издала себя сама - уже двумя книгами, - и обе вышли в издательстве «Геликон Плюс» у Житинского, то есть были выпущены за свой счёт необъявленным, но явно

гомеопатическим тиражом. В одной собрана проза, во второй (хронологически - в первой) - стихопроза.

Ну, стихопроза это и впрямь, по нашим грехам, для гурманов. Но проза-то - дилогия «Пора в раю» **ЧУДО** как хороша! Одна и та же история рассказывается дважды: юной лесбиянкой, живущей в платоническом браке с гомосексуалистом («Селена Троянская»), и наоборот («Сердце Максима»). Рассказывается методом «перевёрнутых светильников»: возвышенно о телесном и с ироническим заземлением о духовном. Неужели эта воистину изящная словесность действительно никому, кроме «своих», не интересна и не нужна?

А Фолкнер нужен? А Кортасар нужен? А Хаймито фон Додерер нужен?

Я не сравниваю. Я называю навскидку сложно пишущих о любви натуралов.

Выпустив гей-парадиз («Пора в раю»), девочка Маша собралась на гей-парад. Расписывает по электронной почте перипетии борьбы с «сатрапами». Против общего врага помирилась даже с Дебрянской. Меня, однако, сильнее тревожит другой марш-бросок, из маргинальной литературы в магистральную, - вернее, принципиальная неосуществимость, даже несбыточность такого броска.

Или отсутствие магистральной литературы как таковой, да и магистральной дороги в литературе тоже. Все мы, знаете ли, живём на обочине.

2006

Позвонили, ошарашили, ужаснули..

Позвонили, ошарашили, ужаснули: умерла Наташа Медведева... Потом пошли подтверждения: сюжеты в телеэфире, некрологи в прессе. Слава Натальи Медведевой, при жизни всё же не признанной или, во всяком случае, невероятно недооценённой, стремительно начала набирать подобающие очертания и масштабы. Но для этого ей потребовалось умереть. Уснуть - и не проснуться. И так вот, не проснувшись, стать знаменитой.

Многое препятствовало более чем заслуженному ею прижизненному успеху. Препятствовало как раз то же самое, что этот успех, казалось бы, должно было гарантировать, - не просто дар, причём ослепительный дар, но целая россыпь ярких разнонаправленных талантов, друг дружку дополняющих и многократно усиливающих, но вместе с тем внимание публики - ленивой, инертной, подслеповатой - только рассеивающих. Многие из нас, обладая одной-единственной искрой божьей, ухитряются раздуть из неё пожизненный, а то и посмертный костёр; это, знаете ли, чрезвычайно ценное, хотя и не вполне почтенное качество: способность дуть и дуть на свою единственную искру. Наталья Медведева этой способностью не обладала или пренебрегала - она пылала сама, пылали её стихи, проза, песни, её эссе в «Лимонке», подписанные псевдонимом Марго Фюрер, её собственного дизайна концертные платья, её безумно блистательные и блистательно безумные находки и замыслы.

Однажды Наташу позвали на Первый канал - вести суперпопулярную нынче передачу «Слабое звено». Счастливый в своей подловатости план авторов передачи - публичное унижение людей и постоянную провокацию на обмен

взаимными оскорблениями - Наталья Медведева просекла с пол-оборота. «Отлично! Я буду выступать в садомазохистском прикиде», - воскликнула она - и вести передачу поручили синхронной пловчихе.

Наталья Медведева родилась и до пятнадцати лет прожила в нашем городе. Регулярно бывала в «Сайгоне», хотя там я её не помню. Да и никто из старых «сайгонцев» не помнит. Прочли об этом много лет спустя в её первом - и так и оставшемся, пожалуй, непревзойдённом - романе «Мама, я жулика люблю!». Потом была Москва, потом Западное побережье США, потом Париж, где она пела в кабаке, дружила со знаменитым Сержем Гинзбуром и вышла замуж за Эдуарда Лимонова, потом снова Москва, разрыв с мужем (так, по-моему, и не прекративший кровоточить для них обоих) и с его партией; замечательный музыкант под артистическим псевдонимом Боров, концертная и литературная деятельность... На двух декабрьских выступлениях в Петербурге Наташа не то пела, по-элла-фицджеральдовски форсируя голос, не то декламировала под музыку свой новый поэтический цикл, написанный по-американски, по-уитменовски свободным стихом и проникнутый яростным антиамериканизмом, причём США выступали в этих стихах именно в роли душителя всемирной свободы. Впечатление было шоковое, успех - ошеломительный.

А ещё раньше - одиннадцать уже лет назад - она вернулась в родной город впервые и покорила взыскательную публику в Доме актёра «парижскими» песнями; потом выпустила в питерском издательстве «Искусство» поэтическую книжку-миниатюру: самое полное на сегодняшний день собрание её стихотворений. Здесь она дружила с яркими людьми уже следующего, уже свободного или как бы свободного поколения - с Максимом Максимовым, с Михаилом Трофименковым. Здесь же разворачивается действие одного из её самых сильных и самых страшных романов.

Писать прозу она начала, конечно же, под влиянием Эдуарда Лимонова, взяв у него два основополагающих качества - предельную, а в каком-то смысле и запредельную исповедальность и неколебимую уверенность в том, что твоя жизнь представляет собой готовый роман, вернее - целую череду романов; надо всего лишь прислушаться к себе - и «дело пойдёт»... Но у неё сразу же выработался свой голос, своя интонация, своя, если угодно, литературная пластика. Правда, первый роман так и остался лучшим.

Стихи Натальи Медведевой - очень московские, чтобы не сказать евтушенковские, но «эта евтушенко» в ранней и бурной молодости оказалась на Западе (и вовсе не в гастрольной поездке, как знаменитый эстрадный поэт), она впитала поэтическую и музыкальную культуру сначала Америки, а потом - Парижа... На стихи Евтушенко не брезговал писать музыку Шостакович, в прослушанной нами в декабре оратории (стихи Натальи Медведевой, музыка Борова) сквозь джаз и джаз-рок смутно угадывался автор Ленинградской и многих других симфоний; круг замкнулся.

Наташа умерла едва ли не через день после того, как прокурор потребовал чудовищные четырнадцать лет для Эдуарда Лимонова. «После этого - значит, вследствие этого» - латинская поговорка, которую в обязательном порядке заучивают на юридическом факультете. Длинная поэтико-политическая

парабола, начавшаяся в той точке, в которой Никита Михалков избил перед телекамерами связанного нацбола. Или ещё раньше? Кто знает?

Наташа довольно часто звонила мне в последние месяцы: по делу, про Лимонова и без повода. Дела были (и будут продолжены и достойно завершены) в «Лимбус Прессе», к Лимонову она относилась сложно, испытывая классический комплекс любви-ненависти, замешенный в данном случае и на сугубо литературном соревновании равных: никогда не выговаривая этого вслух, Наташа давала мне понять, что писатель Лимонов обходит писателя Медведеву в силу общеизвестных внелитературных обстоятельств. Без повода было интересней всего - она обращалась ко мне, как к авгуру (разумеется, всего лишь как к одному из авгуров; наверняка были и другие), предлагая или даже скорее требуя погадать на её литературном будущем. Скажи мне, кудесник, и далее по тексту...

А с литературным будущим получилось то, что получилось. Наталья Медведева умерла - и вот оно начинается. Полагаю - более того, уверен, - весьма значительное. Правда, посмертное.

Умирать ради литературного будущего не стоит. Ради него стоит жить. И тогда оно наступает после смерти.

(Довелось мне в последние день-два услышать и такое: «А может, это в каком-то смысле и к лучшему, что так внезапно и так рано? Каково бы ей жилось, что бы ей делалось через десять лет, через двадцать, через двадцать пять?» Что за вздор, возразил я, а как же Марлен Дитрих? Как же Анна Ахматова? Преувеличил, конечно, но, видит бог, не слишком).

2006

Презумпция музейной виновности

Тема воровства из музеев, а точнее - тема нелегального, но, по слухам, исключительно лукративного музейного бизнеса - одна из самых табуированных в общественном сознании последнего десятилетия. Проблема перемещённых ценностей; подозрения по адресу бывшего министра культуры и нынешнего директора ФАКК в стремлении «распродать родину по кусочкам» - подозрения то ли беспочвенные, то ли нет - тревожат нас куда серьёзнее, а главное, куда чаще. И лишь не слишком адекватная на первый взгляд реакция олигархов от культуры (в роли спикера которых выступает, как правило, директор Эрмитажа) на незначительные, казалось бы, события заставляет предположить, что в музейном деле что-то и впрямь нечисто: пожарная сигнализация срабатывает (или, увы, не срабатывает) потому, что дыма без огня не бывает.

Упомяну в этой связи выход романа, а затем и телефильма «Бандитский Петербург», где устами находящегося при смерти уголовного авторитета утверждается, будто чуть ли не все шедевры главного музея страны, начиная с рембрандтовской «Данаи», похищены и проданы, а в залах Эрмитажа висят всего лишь более или менее искусные копии. Обвинения, разумеется, абсурдные, а в части «Данаи» - хотя бы потому, что «восстановленная» (а на самом деле безвозвратно уничтоженная вандалом) картина и впрямь является

копией. Да и автору романа и сценария Андрею Константинову веры, разумеется, не больше, чем какому-нибудь Дэну Брауну, - писатель имеет право на вымысел. Тем удивительнее или, если угодно, показательнее была реакция М. Б. Пиотровского, объявившего и роман, и телефильм элементами чёрного пиара в политической борьбе не только на петербургском, но и на федеральном уровне. И выстроившего, не произнося этого, правда, вслух, такую цепочку: покушаются на Эрмитаж, метя в меня, и покушаются на меня, метя в Путина.

Та же песня прозвучала и когда аудитор Счётной палаты, носящий страшную фамилию Черномор, выявил отсутствие в коллекции нескольких тысяч (!) экспонатов, значащихся в инвентарной описи. Объяснение в ответ было предложено заведомо смехотворное: сотрудники Эрмитажа якобы разобрали отсутствующие экспонаты, чтобы отреставрировать их в домашних условиях. Разобрали - и теперь, конечно же, сразу же вернут или, может быть, уже вернули - *who knows,* а главное - *who cares?* И вновь - политические инсинуации, вновь апелляция к Первому Лицу - и в результате расследование оказалось стремительно свёрнуто.

Сейчас, по первым итогам разразившегося скандала, М. Б. Пиотровский публично провозгласил отказ от презумпции невиновности по отношению к музейным работникам - не в юридическом, естественно, но в корпоративном плане. Это очень серьёзное заявление. Выходит, отныне каждый сотрудник главного музея страны (а в том, что такой пример будет подхвачен, не приходится сомневаться) обязан доказывать начальству - а за ним и следственным органам, - что он не вор. Доказывать начиная с момента зачисления на службу - и, по-видимому, не до увольнения, но «до самой смертыньки», потому что срока давности корпоративная презумпция виновности, понятно, не предусматривает. Грядут - в добровольно-принудительном порядке - негласные обыски, выемки, досмотры; непременно должно расцвести махровым цветом взаимное доносительство, единственным ограничителем которого наверняка окажется круговая порука. Работать в музеях станет противно даже самозабвенно влюблённым в искусство людям, и это впервые вспыхнувшее отвращение можно будет уравновесить разве что материально - всё новыми и всё более циничными кражами, причём плата за страх существенно возрастёт. И, как знать, не покажется ли в конце концов провидцем умирающий уголовный авторитет из телесериала в проникновенном исполнении Кирилла Лаврова?

Разумеется, из музеев тащат, тут и к бабке ходить не надо. Тащат всё, что плохо лежит. Тащат всё, кто может. И, разумеется, этот процесс стал массовым или, по Ленину, массовидным в последние полтора десятилетия, в эпоху Большого Хапка, когда государственное и общественное было чуть ли не официально признано бесхозным и родилось поразительно точное словечко «прихватизация». Оно конечно, музеи никто не приватизировал - но прихватизация не только опережала приватизацию, но и сплошь и рядом происходила вместо неё. По классической формуле Бориса Березовского: приватизируй власть, приватизируй финансовые потоки - и ты уже в дамках. А всё остальное - приватизируешь лишь при случае и по мере надобности.

Рядовые (и среднего звена) музейные работники всегда были нищими. Но в советское время, когда нищими были все, это не имело особенного значения и конкурс на искусствоведческий факультет неизменно оставался самым высоким. Выпускницы стремились выйти за иностранцев или хотя бы познакомиться с ними на неформальной основе (что не каралось, но тщательно отслеживалось); выпускники - а таких были единицы - писали диссертации, вступали в КПСС, крошечными шажками продвигались по служебной лестнице. Зарубежная командировка или стажировка за границей были пределом мечтаний, для подавляющего большинства - несбыточных.

В начале девяностых нищета стала вопиющей, на грани голодной смерти; тем более что истинные музейщики и музейщицы скорее и впрямь умерли бы, нежели расстались со скромными домашними коллекциями - картин, антиквариата, фарфора, книг, - да и обесценились (временно) эти коллекции фантастически. Музеи замерли и разве что не позакрывались один за другим (а многие и впрямь закрылись). Кто мог, ушёл - в оценщики, в продавцы, в «челноки». Кто не мог - погрузился в музейную спячку.

И вдруг музеи ожили - правда, как-то странно. Сначала стремительно разбогатело - и по советским меркам, и по постсоветским - музейное начальство. В ту пору самым элитным стал в Питере - методом расселения коммуналок - «толстовский» дом на улице Рубинштейна, с двумя проходными дворами и двумя бандитскими КПП (от «тамбовских» и от «казанских»), на которых «заворачивали» случайного прохожего и чужую машину; в этом доме жил, в частности, застреленный в конце девяностых вице-губернатор Маневич; и вот сюда же, один за другим, принялись съезжаться с евроремонтом начальники музейных отделов, зав. экспозициями и прочая «чистая публика» того же рода с зарплатами у кого по семьдесят, у кого по восемьдесят тогдашних у. е. С «Волг», а то и с «Москвичей» они пересели на иномарки; дачи у них уже были, а теперь появились двухметровые заборы; многие поменяли жён и практически все - политические убеждения. Вместо Вёльфлина принялись читать «Вог» и Вебера.

Разбогатели они - пусть и внезапно, пусть и всем скопом, - но, считается, честно или как минимум сравнительно честно: что-то там химичили с зарубежными выставками, кого-то консультировали, читали какие-то лекции, писали проспекты, выписывали себе премии и т. п. Приватизировали музейную власть и финансовые потоки - и прошли в дамки - тем более что и государство подбросило-таки музеям (первым среди равных) деньжат. Коммерциализировали деятельность ранее практически бесплатных музеев - и принялись стричь купоны. И, справедливости ради, сумели поднять зарплату (и совокупный заработок) основной массе сотрудников. Голодная смерть отныне не грозила никому ни в Русском музее, ни в Эрмитаже. На кофе, колготки и «L&M» теперь хватало всем. Хватает и до сих пор. А чтобы хватило на большее, и музейным низам, глядя на начальство, тоже пришлось приняться химичить. И они принялись. В массе своей принялись. Сегодняшняя музейная среда похожа на торговую советских времён: честного (то есть не химичащего) человека она прямо-таки по-библейски изблевывает.

Понимал ли и понимает ли это М. Б. Пиотровский? С одной стороны, не

понимать не мог. А с другой, психология Первых Лиц неисповедима, а директор Эрмитажа, безусловно, Первое Лицо и по должности, и по факту. А с третьей, понимает или нет - а что вы ему прикажете делать? Не выносить сор из царской избы и воспринимать любые факты выноса как политические инсинуации впредь не получится: секрет полишинеля - из Эрмитажа выносят не только сор - почему-то выплыл наружу. Как выплыл, почему выплыл - не знаю, да это и не имеет теперь никакого значения. Отмена музейной презумпции невиновности - это, конечно, сильно. Но в тюрьму (сказано в одном американском фильме) садишься только за то, что тебя поймали, - а поди поймай! Или, вернее, в исполненной фатализма отечественной традиции - всех не перевешаешь.

Есть в этой неприглядной истории и оптимистический обертон: обозначенный ещё Сашей Чёрным разрыв между «народом» и «интеллигентом» сходит на нет, причём способом, не предусмотренным поэтом, - тащат из избы все, и интеллигент пристраивается в общую очередь на вынос.

2006

Провиденциальные анекдоты

Сборник пьес Татьяны Москвиной и Сергея Носова - один на двоих - назван обескураживающе просто: «Истории». Чего-чего, а историй там как раз нет: только монологи, диалоги, не связанные между собой сценки, внешне реалистические, а на деле - глубоко фантасмагорические; есть стихи, белые и рифмованные, одинаково беспомощные (но такими они и задуманы), есть даже песни. Историй нет. В лучшем случае анекдоты. **«Провинциальные анекдоты»,** как у Вампилова, - а ведь моим землякам (да и мне самому) выпало, родившись в империи, жить в глухой провинции у моря. О чём авторы, оба так называемые «петербургские фундаменталисты», понятно, не забывают. И *at last but not at least* - **анекдоты провиденциальные.**

На обсуждении только что вышедших «Историй» зашла речь и о том, кому принадлежит идея совместного сборника. Кивнули на меня, но я решительно отверг эту честь. Идею, сформулированную Москвиной, я в своё время принял и благословил, но и только - а пьесы прочитал и вовсе только на страницах уже вышедшей (естественно, в «Лимбусе») книги.

Идей, строго говоря, две. Первая носит скорее стратегический характер: пора приучать публику к чтению театральных пьес глазами. Приучать заново, потому что в советское время сборники Сартра, Фриша, Дюрренматта, Теннеси Уильямса и прочих (да и Володина, да и того же Вампилова, да даже какого-нибудь Розова или Шатрова) пользовались ничуть не меньшим успехом, чем сопоставимая по масштабам проза. И существовал, кстати, наряду с литературным, театральный самиздат: Петрушевская и иже с нею. И даже переводной самиздат: Том Стоппард в переводе Бродского, чтобы ограничиться одним примером. Теперь, однако, в театр ходят «на режиссёра» (элита) и «на актёров из ящика» (обычная публика), а пьес не читают вовсе - и эту порочную практику (как минимум в третьем случае) пора ломать.

Тем более что чтение пьес - занятие, как сейчас принято говорить, интерактивное. Вы сами в силах мысленно «отдать» её той или иной труппе, а то

и собрать собственную антрепризу, выстроить сценическую «коробку», подобрать и специально аранжировать музыку и так далее. Для человека с воображением эта виртуальная игра круче любой компьютерной стрелялки.

Тактическая же идея заключалась вот в чём: Москвина сейчас исключительно модный автор, и осатаневшие от несложившейся (или сложившейся, но не так, как хотелось бы) личной жизни тётки неопределённого возраста раскупают за её подписью всё, что угодно; Москвина - «планообразующий автор» двух издательств (маленького «Лимбуса» и средне-большой «Амфоры»), и её пока с избытком хватает на оба. Ну а Носов, раскрывшийся в последние годы как замечательный прозаик, прекрасным драматургом стал ещё раньше - и театральный люд это знает, - но только он. Почитательницам Москвиной его пьесы, конечно, всучат «в нагрузку», но внакладе они наверняка не останутся. Ну и конечно, на этих тётках свет клином не сошёлся.

Гипотетическому авторскому сборнику пьес Москвиной (без Носова) я бы дал название «Тяжёлый случай». Потому что главное (и единственное) содержание её пьес - это тяжёлые случаи женской неврастении. Персонажи слабого пола варьируются, но не слишком - героиня, по сути дела, одна и та же: на вид ей тридцать, по паспорту сорок, по семейному положению (или, в некоторых случаях, по его отсутствию) - пятьдесят, по болезням и болезненному их ожиданию - где-то под семьдесят, а обид на мир (и главным образом на мужчин) она накопила лет этак за триста. И, пожалуй, ещё на триста вперёд. Обид - и ярости, истинно москвинской ярости, потому что каждая из этих женщин не столько «сосуд греха», сколько «громокипящий кубок». И в центре каждой пьесы - убийственный и/или самоубийственный монолог очередной героини (даже в диалогах партнёры мужского пола всего лишь подают реплики; даже в пьесе про графа Дракулу лютый вампир, послушав юную якобы дурочку, напросившуюся на ужин и, строго говоря, как раз на ужин намеченную, пускает себе пулю в лоб, причём её рукой).

И не случайно лучшей вещью Москвиной в сборнике оказывается монопьеса «Одна женщина» - три женских монолога, внешне и событийно разных, но, несомненно, сливающихся воедино. А на втором месте - имеющая пока самую счастливую сценическую судьбу (её поставил на театре Станислав Говорухин) пьеса «Па-де-де», особенно её первая часть - «Развод по-петербуржски», - в которой я особо выделил бы замечательную ремарку: *«Свет милосердно гаснет»* (во многих иных случаях можно будет теперь говорить: «Занавес беспощадно поднимается»).

Любопытно, что Москвина - театровед по образованию и, наряду со многим прочим, великолепный театральный критик, - зная законы драматургии и по Волькенштейну (автор уникального учебника для потенциальных Шекспиров), и, главное, по Островскому, - сознательно нарушает, я бы даже сказал, дерзко попирает их всякий раз, когда героине приходит время высказаться с подлинно публицистической прямотой:

«Я? Пьяница? Да как ты смеешь? Я самый близкий тебе человек, если со мной что-то происходит, ты должен понять! Какая же ты гадина! Ты мне

изменяешь налево и направо! Каждая блядь может торжествовать надо мной. Надо мной! Ненавижу этот мир! У тебя нет души, у тебя там чёрная дыра вместо души! Я с тобой замёрзла совсем, я, горячая, страстная женщина! Мне что - на панель идти? Так поздно, а то пошла бы! А как ты меня трахаешь! Ненавижу! Ненавижу!.. А-а-а-а! Помогите! Он меня убьёт!.. Ты не бутылку разбил. Ты сердце моё разбил». На что наконец «подаёт реплику» муж: *«Прости. Прости, если можешь».*

Носов тоже мастер монолога, но абсурдистского (монолога актёра, ощущающего себя Буратино, которого бросил, а значит, и предал любимый Карабас-Барабас; ср. нижеприведённую цитату). И абсурдистского диалога - как в пьесе «Берендей», лучшей в сборнике.

И абсурдистского полилога («Тесный мир»). И вообще он, похоже, прирождённый драматург: его пьесы, ничуть не менее мрачные, чем у Москвиной (а в чём-то даже более безысходные), «духоподъемны» объективно - благодаря буквально искрящемуся в них таланту. На театре это с аристотелевских времён называется катарсисом - и ожидает зрителя (или, увы, не ожидает) в самом конце спектакля. Но с концовками (да и с композицией в целом) у Носова как раз проблемы, что бывает со многими талантливыми драматургами (Генриетта Яновская рассказывала мне, что чуть ли не все пьесы прославленной «новой волны» в композиционном отношении переписал от начала до конца её муж, малоизвестный тогда режиссёр Кама Гинкас), поэтому катарсис в его пьесах - не спасительный укол прямо в сердце, а этакая симпатичная на вкус таблетка длительного действия: катарсис разлит по всему тексту. С теоретической точки зрения это нонсенс, но тем не менее; вот почему, в частности, пьесы Носова так приятно читать (и наверняка - играть), но потрясать публику спектакли по ним - даже с без пяти минут гениальными актёрами уровня Алексея Петренко или Виктора Сухорукова - не должны. И хотя театральная судьба пьес Носова складывается сравнительно счастливо (сравнительно с чем? сравнительно с пьесами Москвиной хотя бы), в острую моду входят другие драматурги, сплошь и рядом куда менее одарённые. Во многом это относится, впрочем, и к прозе Носова - и здесь любопытно отметить, что едва ли не все пьесы, включённые им в сборник, являются парафразами тех или иных линий романа «Грачи улетели».

Вот, впрочем, на пробу «немножко Носова»:

Что стало с нашей Прекрасной страной, папа? Мы ведь жили в Прекрасной стране. Небо над нами было просторным, воздух был прозрачен и чист. Птицы на деревьях вили гнёзда, в полях стрекотали кузнечики. Каждый из нас умел смастерить скворечник, каждый знал, что такое календарь природы!.. Мы любили в гости ходить друг к другу и не боялись принимать гостей. Часто рассказывали смешные истории. Если спорили, никто не брызгал слюной. Дурные слова считали дурными. Никто не обижал ближнего - ни землемеры, ни газовщики, ни регистраторы... Ни распространители квитанций, ни контролёры в трамваях!.. А как было прекрасно ехать на поезде! Колёса стучали словно пели песню. ...А сколько песен мы знали, сколько стихов!.. Даже я... я, который... Когда наша страна сделалась Прекрасной страной, они стали сами запоминаться

наизусть, песни, стихи. А теперь я не могу вспомнить ни одной строчки...

С концовками же, да и с композицией, да и с сюжетом у Носова (как, увы, и у Москвиной) проблемы потому, что - при всём уважении к авторам сборника, при всём восхищении их разнообразными литературными талантами, при всей личной приязни и горячей симпатии к ним обоим - вынужден констатировать: историй они рассказывать не умеют. Ни тот, ни другая. Они говорящей породы, а не рассказывающей. И не исключено, именно поэтому решили выпустить один сборник пьес на двоих - и озаглавить его так, как ему следовало бы называться в последнюю очередь, - «Историями».

2006

Скажи-ка, тётя, ведь не даром?

«Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: контуры, символы, знаки» - так называется в меру фундаментальный труд профессора Наталии Лебиной (издательство «Дмитрий Буланин», 2006), причём подзаголовок явно важнее заголовка. Перед нами (как утверждает автор) расписанный по словарным статьям, расположенным в алфавитном порядке, «своеобразный путеводитель по быту советской эпохи». Чтобы читателю легче было попробовать книгу на зуб, приведу словник на одну произвольно взятую букву (а произвольно возьму я, естественно, букву «х») и одну словарную статью - по понятным соображениям, покороче.

Итак, что же у профессора Лебиной в советском быту на букву «х»?

Хабе (Хэбэ, Хабэ), Хвост (Конский), Хвосты, Химчистка, Хипповать, Хламофонд, Хозобрастание, Холодильник, Хрущёвка, Хула-хуп, Хулиганство. Вот и всё.

Слова «хламофонд» и «хозобрастание» мне не известны. Читателю, надо полагать, тоже. Позволим профессору нас просветить?

Про «хозобрастание» слишком длинно, путано и со ссылкой на словарную статью «Онэпивание» - вернём его на ту букву, на которой это слово и без того находится. А вот про «хламофонд», напротив, кратко и ясно:

«Термин характеризует бытовые стратегии выживания диссидентской среды 70-х - начала 80-х гг. В так называемых открытых домах, где принимали и оказывали помощь родственникам людей, находившихся в тюрьмах, психушках, под следствием, имелись своеобразные склады поношенной, чаще всего детской одежды. Её отдавали нуждающимся».

Да, блин, стратегия! В диссидентской среде выживали, между прочим, в фирменных джинсах и дублёнках (соответствующая словарная статья отсутствует), регулярно поставляемых из-за рубежа, причём часть дублёнок сдавали в комиссионку (словарная статья отсутствует), чтобы выживать ещё лучше. А какую замечательную привозили «сочувствующие» детскую одежду! Её, правда, и впрямь передавали из семью в семью, когда ребёнок из неё вырастал, но это была не диссидентская, а общесоветская стратегия - и к ней, кстати, повсеместно прибегают до сих пор. А уж называть импортные вещички

хламом! Да ещё хламофондом! Может, они там, в «Открытых домах» (словарная статья отсутствует), не зря попадали в «Психушку» (словарная статья отсутствует)? И зря их оттуда, хламофондщиков, выпускали.

Подведём предварительные итоги наших наблюдений. Бог с ними, с мифическими «Открытыми домами», но в путеводителе по быту советской эпохи отсутствуют статьи «Дублёнка», «Комиссионка», нет «Хлама», нет, наконец, «Хламидиоза» (наряду и наравне с КГБ главного недруга диссидентской среды), но есть «Хламофонд». Отсутствуют (на ту же букву) «Хоттабыч», «Хоровое пение», «Хлорка», «Хром» (и «Хромовые сапоги»), «Хоздвор», «Хозрасчёт», отсутствует «Хозяйственное мыло», но есть «Хозобрастание»... «Хабе», кстати, это не иноземный предок артиста Хабенского, а хлопчатобумажная ткань, и я бы назвал её «х/б».

Упоминая об этих лакунах (выражусь-ка тоже по-профессорски), я кажусь сам себе хамом, но и слово «Хам», в советском быту, если кто помнит, немаловажное, в «Энциклопедии банальностей» отсутствует тоже. И - последняя из предварительных бутад (ещё одно учёное словцо) - уже в адрес издательства, не озаботившегося качественной редактурой: оказывать помощь родственникам людей, **находившихся** в тюрьмах, не стоит, лучше уж помогать им самим; вероятно, профессор имела в виду родственников людей, в тюрьме **находящихся.**

Я разобрал подробно одну словарную статью, тогда как энциклопедию прочёл, поверьте, от корки до корки. Но так и не проникся своеобразно избирательной логикой учёной дамы. Почему, например, духи «Красная Москва» есть, а поезда «Красная Стрела» нет? Почему есть «Пивная» и отдельной статьёй «Пивбар», но нет «Пивного ларька»? И просто «Ларька»? И «Киоска „Союзпечати"»? И просто «Союзпечати»? Почему есть «Лимитчики», но нет «Лимиты»? Почему есть огромная статья «Аборт», в которой упоминаются «абортмахеры», но нет истинно советского «Абортария»?

Зачем давать на букву «ж» столько однотипных статей: «Жакт», «Жилкооперация», «ЖСК» и «ЖЭК», добавив к ним только «Жигули», «Жидовоз», «Жилищный передел», «Жилмассив» и «Жировку». И уж понятно, что словарная статья «Жид (Жидовка)» была бы при описании советского быта куда уместнее «Жидовоза».

Хороши, кстати о жидовозах, и «Звездины» - это вовсе не старческая пьянка в журнале «Звезда», как вы подумали, а всего лишь атеистические крестины. При этом на букву «з» отсутствуют, например, «Завуч», «Завоз» («Северного завоза» нет тоже), «Завкадрами», да и «Заказ (продуктовый)». Нет, кстати, и «Праздничного набора» (есть, правда, «Паёк» и «Визитная карточка покупателя»). А на букву «е/ё» и вовсе только три статьи: «Егерское бельё», «Есенинщина» и «Ёлка», но нет, скажем, «Естественника». Ни «Технаря», ни «Гуманитария», впрочем, нет тоже.

Зато есть «Гаванна» - совмещённый санузел; причём слово это, по мысли учёной дамы, возникло в результате контаминации «гальюна» и «ванны». Но не надо быть теоретиком ГВН Золотоносовым, чтобы предложить более правдоподобное объяснение. Кстати говоря, в энциклопедии есть «Рыбный

день» и «Забегаловка», но почему-то отсутствует «Рыгаловка» (образованная по принципу «Гаванны»), не говоря уж о «Тошниловке».

О самих словарных статьях (а значит, и обо всей книге) бездоказательно - но вы уж мне поверьте - заявлю: они предназначены не пытливому подростку позднепутинской поры, пристающему к профессору с бесцеремонным вопросом: «Скажи-ка, тётя, ведь не даром?», а забугорному дяде-слависту-капиталисту и сионисту - отсюда и жидовозы с гуманитарной рухлядью для остро нуждающихся родственников тех, кто, посидев в тюрьме или в психушке, вышел на волю и сделал ноги туда, где «Шницель по-министерски» (словарная статья) по-прежнему именуют шницелем по-венски.

Здесь, кстати, учёная дама ошибается: шницель по-министерски это панированное куриное филе, а шницель по-венски - панированная свиная отбивная.

То есть - возвращаясь к подзаголовку книги - контуры советской повседневности получились скорее зыбкими, знаки выбраны наугад, а символы проинтерпретированы кое-как. Однако поставить на этом точку, обозвав «хламом» или, если угодно, «хламофондом» всю энциклопедию, было бы несправедливо. Ну разве что «хламидой»...

Профессором Лебиной и впрямь проделана большая работа - конечно же, бессмысленная и в некотором роде беспощадная, как русский бунт, - но столь же беспощадного отношения к себе она не заслуживает. Потому что такие книги - энциклопедические по замыслу, циклопические по объёму и **клопомахические** по способу утилитарного применения - не выходят удачными ни у кого (единственное и оттого вдвойне отрадное исключение - раздел «Повседневная жизнь» в семитомной энциклопедии «Кино и контекст», существующей сейчас, причём в режиме постоянного обновления, и в электронной версии), даже если они время от времени выходят в свет. Да и само это моё утверждение столь банально, что вполне заслуживает включения в рецензируемую энциклопедию.

Клопомахия - истребление клопов (словарная статья Клоп» есть, а «Клопы» - отсутствует) в домашних условиях.

2006

Сорокин в собственном соку

24 ноября в 11 утра (!) в Доме кино состоялся просмотр фильма молодого московского режиссёра Ильи Хржановского «4» по оригинальному сценарию Владимира Сорокина. Зал был на самый оптимистический взгляд практически пуст. А зря... Сценарий Сорокина нигде не публиковался, у фильма «4», успевшего, правда, побывать на фестивале в Венеции, ещё нет разрешения на прокат, хотя снят он далеко не вчера, и существует опасность его превращения в первую «полочную» картину нового российского кинематографа. Серьёзные роли сыграны здесь нашими земляками Сергеем Шнуровым и Константином Мурзенко, а в эпизоде - и как раз со Шнуром - на экране появляется легендарный Хвост. При том, что ни композитора, ни музыки в фильме нет - лишь сложно организованная какофония механических и животных шумов и скрежетов,

садистически акцентированная не слишком хорошо настроенной, однако включённой на всю катушку системой «Долби».

В ночном столичном баре сталкиваются и принимаются, интересничая, врать друг дружке трое: проститутка, выдающая себя чуть ли не за директора по продажам в рекламной фирме, оптовый торговец мясопродуктами, объявляющий, будто он служит в Администрации президента, и настройщик роялей, называющий себя биологом из «почтового ящика» и рассказывающий фантастическую историю.

Оказывается, эксперименты по клонированию (называя его дублированием) в нашей стране начали ещё при Сталине с Берия. И никогда не прекращали. И к настоящему времени только человеческих «дублей» (а клонируют, разумеется, не только людей) счёт идёт на многие и многие тысячи. Причём в ходе экспериментов установлено, что самые удачные дубли получаются при клонировании четвёрками (то есть когда как бы рождаются четыре близнеца одновременно; в фильме играют две тройки тройняшек - московские стриптизёрки и деревенские старухи), и 4 это вообще магическое число. А что такое тройка? Четвёрка, из которой выпал один член.

Трое в ночи расходятся, разругавшись, - и попадают в мир, в котором и впрямь правит магическое число 4. Торговцу мясом предъявляют четырёх поросят невиданной «круглой» породы, Хвост в присутствии Шнура кормит рыбок в четырёх аквариумах, на ночных улицах злобно воют четвёрки собак, проститутке наговаривают на автоответчик известие о смерти её сёстры-близняшки (одной из четырёх), на поминках старухи зарубают одну свинью из четырёх (и, сожрав её, как свиньи, бросают свиную голову на съедение трём осиротевшим хрюшкам), в конце фильма взмывают в небо, унося пушечное мясо в «горячую точку», четыре самолёта, а вслед за этим по безлюдному шоссе проезжают четыре поливальные машины.

Но не только это. В самых неожиданных компаниях и обстановках назойливо сквозит мотив двойничества и тройничества: настройщик роялей пляшет на дискотеке в окружении нескольких десятков точно таких же «Шнуров»; в жуткой деревне лепят на продажу куклы из хлебного мякиша - и всё на одно лицо, которое в финале картины оборачивается посмертной маской удавленника Мурзенко, единственного мужика, оставленного на племя во всей, граничащей с полигоном, тюрьмой и мясозаводом, старушечьей округе. Да и на оргии, с которой явилась в ночной бар героиня, обнажённых тел было ровно четыре штуки. И с её уходом осталось три...

Постепенно начинаешь подозревать, что дублей в России не десятки или сотни тысяч, а без малого сто пятьдесят миллионов. Не считая, разумеется, свиней, собак, самолётов и поливальных машин. Подозреваешь, что мы все испечены, как караваи в старушечьей печи, четвёрками - и назначение у всех, как у тех же караваев, самое большее двойное: либо нас сожрут, либо разжуют беззубыми ртами, чтобы превратить в мякиш, а из мякиша вылепят - и тоже четвёрками - бездушных кукол. Которых - как в фильме - разорвут в тряпичные клочья, добираясь до хлебного мяса, голодные псы. И тоже четвёрками.

(Занимательная нумерология возвращает нас к роману Виктора Пелевина

«Числа», в котором эта тема главенствует и где в гротескном образе банкира Сракандаева выведен сценарист фильма «4» Владимир Сорокин. Режиссёр Хржановский рассказал, что Сорокин с Пелевиным познакомились как раз на съёмках этой картины четыре года назад. Но это так, кстати).

Прозаик Сорокин сейчас чувствует себя ВПЗР (Великим Писателем Земли Русской) и пишет, увы, соответственно - начиная со «Льда», продолжая «Бро»-м, которое и действует на читателя как бром. Но тут перед нами Сорокин периода «Нормы» и «Голубого сала» - Сорокин в собственном соку. К счастью. И, опять-таки к счастью, режиссура полностью адекватна литературной основе. К брезгливым и нервным просьба выйти, остальным настоятельно советую посмотреть. Если, конечно, фильм выйдет хоть в какой-то прокат. Ну а если нет - исхитритесь, подсуетитесь и посмотрите тем более!

По Сорокину снимают на удивление хорошие фильмы. Такова и «Москва» Зельдовича, и - с некоторыми оговорками - «Копейка» Дыховичного. Но в обеих этих лентах сумрачно-отвратительный мир писателя дан лишь намёком, в крайнем случае - пунктиром: женщина, которую берут сквозь карту России, проделав отверстие в том месте, где на карте находится Москва, - в первой картине; Краско-младший в роли служивого кагэбэшника, попивающий начальническую мочу, - во второй; и ещё по две-три (ну, не по четыре же) краски и красочки того же рода в каждом из двух фильмов. Картина «4» - радикальна и бескомпромиссна, как подлинный, ещё не забронзовевший Сорокин, - если не в большей степени.

Потому что Владимир Сорокин, в отличие от Ренаты Литвиновой, ставит ноль не «этой планете», а «этой стране». России. Тогда как к Китаю и в особенности к Японии относится куда мягче. Режиссёр Хржановский тоже ставит России ноль, но категорически отказывается от сорокинского «низкопоклонства перед Востоком». Да ведь и впрямь: какая коррекция кармы, какая сансара, какая, на хрен, нирвана, если нас клонируют, чтобы сожрать, и процесс этот, раз начавшись, идёт по гегелевской спирали? И потом, Сорокин писатель городской и умозрительный - а в фильме «4» страшнее всего деревня, быть умозрительной не могущая по определению.

Настройщик в исполнении Шнурова попадает в колонию, всех заключённых которой грузят на борт самолёта и везут на войну. Но их не вернут грузом-200, их просто съедят. А «сотрудник Администрации президента» торгует, наряду с прочим, «девятилетней давности консервами Кантемировской дивизии», потому что для него главное, чтобы «мясом пахло». И погибает в аварии, спасая собаку. А проститутка-рекламщица сжигает всех не сожранных собаками кукол из мякиша на могиле сестры-дубля - предательницы и разлучницы (потому что даже у нас, у дублей, свои страсти). Сжигает, полив самогоном, - и вслед за тряпичной одежонкой занимается деревянный крест. И у всех кукол на этом аутодафе - лицо удавленника.

Утром выпьешь - день свободен, говорят у нас. А посмотришь утром такую картину - и весь день будешь сходить с ума. Впрочем, в фильме «4» предложен и рецепт против душевных и духовных недугов: оказывается, выстрелив разика четыре из гранатомёта, чувствуешь себя гораздо лучше.

2004

Столкновение на национальной почве

Увенчанный главными «Оскарами» года американский фильм «Столкновение» политкорректен только на первый взгляд. Мозаичные конфликты на межнациональной и межрасовой почве, образующие его сюжетную ткань, изображены здесь новаторски: взаимные претензии сторон, чреватые насилием и убийством, во многих случаях оправданны и практически всегда понятны. Если в знаменитой ленте недавнего прошлого «С меня хватит!» берущийся за оружие клерк, которого достали, выглядит и является психопатом, то в «Столкновении» та же патологически агрессивная реакция на других - они же чужие - предстаёт нормой. Чудовищной, но нормой.

Вот белый полицейский, пытающийся помочь больному отцу, сталкивается с чёрствостью и тупостью медсестры-афроамериканки и бросает ей (справедливое) обвинение: тебя взяли на это место по программе расовой компенсации, предпочтя полудюжине компетентных белых, - а она в ответ ведёт себя как мстительная расистка. А полицейский после этого как бы беспричинно издевается над темнокожим телеведущим, незначительно нарушившим правила уличного движения, и тот терпит и даже извиняется, понимая, что, поведи он себя по-другому, его могут просто-напросто пристрелить за сопротивление при аресте. Это вроде бы «плохой полицейский», но несколькими часами позже, спасая жену телеведущего, он совершит подвиг, тогда как «хороший полицейский», гнушающийся быть напарником расиста, внезапно запаниковав, застрелит темнокожего юношу, которого сам же вызвался подвести в непогоду. И запаникует он, кстати, правильно - паренёк, на сей раз безоружный, вообще-то является налётчиком и уже успел, наставив пушку, отнять машину у окружного прокурора. А налётчиком он - младший брат крупной шишки в городской полиции - стал по идейным соображениям: ему кажется, будто белые, по большому счёту, грабят чёрных, а он всего-навсего восстанавливает справедливость. На чёрных он, однако же, нападает тоже.

А вот плохо говорящий и понимающий по-английски и злящийся из-за того, что все на него косятся, принимая за араба, иранец вызывает слесаря-пуэрториканца починить замок на двери в собственный магазин. Замок я заменил, объясняет слесарь, но менять нужно не его, а дверь. Иранец не понимает, магазин обносят, и разорённый лавочник берёт пистолет и идёт убивать пуэрториканца.

Эпидемия насилия на национальной почве, раздуваемая сейчас отечественными СМИ (и всеми, кому не лень), сильнее всего смахивает на спецоперацию с легко просчитываемыми намерениями и результатами. Никакой эпидемии нет, а проблема есть. Традиционная - даже не вековая, а тысячелетняя - проблема бытовой ксенофобии в мегаполисах, время от времени по ряду причин обостряющаяся. Не будет слишком большим преувеличением предположить, что едва ли не первая история такого рода вошла в Священное Писание как вавилонское смешение языков. Люди перестают понимать друг друга; чужой язык, чужой культурный код они истолковывают как враждебный -

и башня рушится.

Из исторического центра Петербурга, где я живу, одно время «вымыло» продуктовые магазины и магазинчики: сплошные бутики, суши-бары и почему-то аптеки. Сейчас эти магазины и магазинчики возвращаются, открываясь в каких-то подвалах, полуподвалах и, в лучшем случае, пристройках. И во всех работают, сказал бы расист, чёрные. Работают пришлые. Работают семьями, кланами, работают круглосуточно, постепенно прирастая всё новыми подвалами и закутами. Торгуют ли они наркотиками? Наверняка. Особенно если считать наркотиком дешёвое пиво.

На днях я присмотрелся в одном таком подвальчике к помидорам, на диво для майских праздников недурным. «Из Азербайджана или из Армении?» - спросил я у молодого продавца, скорее всего таджика. «Кто? Я?» - испуганно встрепенулся он. «Да нет, помидоры; откуда ты, мне без разницы».

Помидоры, впрочем, оказались турецкими, и брать их я не стал, отправившись вместо этого в соседний подвал: молодые люди славянской наружности держат там тоже по нынешним временам недурной виски-бар.

2006

Тень Баркова

Пушкинское замечание о том, что, окажись у нас упразднена предварительная цензура, первым делом напечатают сочинения Ивана Баркова, носит, как многое у поэта, довольно противоречивый характер. С одной стороны, Пушкин - автор нескольких срамных стихотворений и приписываемой ему серьёзными по самоощущению исследователями поэмы «Тень Баркова» - вроде бы заранее потирает руки. С другой, загодя негодует: вот, мол, до какого безобразия не нам, так потомкам нашим суждено дожить! А «личный цензор» самого Пушкина - суровый, но справедливый самодержец...

Есть, однако, третий и в известном смысле объединяющий два первых аспект широко растиражированного, но плохо проанализированного пушкинского высказывания: политическое вольнодумство идёт в России рука об руку с вольнодумством, так сказать, эротическим, разве что неизменно отставая на полшага; стилистические разногласия с властью оказываются не то чтобы главенствующими, но, несомненно, упреждающими: раз я не могу говорить **что угодно,** то рано или поздно начну говорить **как угодно** - и мало в этом случае не покажется никому!

Политическим вольнодумцем «вечный студент» Иван Семёнович Барков (1732-1768) не был, а политическим провидцем - пожалуй. Некий царь (матерное имя опускаю) намеревается предать родного брата (матерное имя опускаю) лютой казни (непристойный характер казни опускаю; заинтересовавшийся может заглянуть в пухлый том «Полного собрания стихотворений», вышедший в «Новой библиотеке поэта» в нынешнем году, или в повесть Андрея Платонова «Епифанские шлюзы», в финале которой несчастного заморского инженеришку по приказу Петра Великого казнят тем же опущенным нами способом смертоносного «опущения», или перечитать тюремные письма нефтяного

олигарха). Что смущает русского деспота? Единственно - реакция зарубежной либеральной общественности! То ли в ВТО не примут, то ли в ЕЭС. Впрочем, *царь из силовиков* (брата он полонил в честном бою), поколебавшись, остаётся непреклонен:

Елдак уже вздрочен, готовь ты свою жопу, пусть варварством я сим и удивлю Европу.

Классическая рифма, подхваченная тем же Пушкиным («На удивленье всей Европы поставлены четыре...» - о клодтовских конях на Аничковом мосту) и приобретшая впоследствии универсальный характер, использована здесь впервые - и с не превзойдённой до сих пор политической остротой!

Цитировать Баркова трудно, хотя и хочется. Печатать до недавнего времени было ещё труднее. Фанатичный поклонник поэта покойный профессор Г. П. Макогоненко ухитрился опубликовать одно матерное стихотворение в двухтомной антологии «Поэты XVIII века» (тоже в «Библиотеке поэта», правда в старой, ещё советской), да и то - заменив целые строфы сплошными отточиями. Ходят слухи, что и рецензируемую книгу готовили чуть ли не подпольно - во всяком случае, главный редактор «НБП» А. С. Кушнер узнал о ней лишь по выходе в свет. Хотя и сам не чужд некоторого эротоманства - но уж никак не вольнодумства! Зато составитель тома Валерий Сажин порезвился на славу. Не зря же о нём самом ходит вполне барковская эпиграмма: «Метит стрелы в Сажина юноша-Эрот: сколько в сфинктер всажено, столько же и в рот!» Означенный Сажин написал к тому прекрасную вступительную статью и подготовил вполне научные примечания. Особенно хорош «Словарь устаревших и малоупотребительных слов», жаль только, что он не дополнен также устаревшей или малоупотребительной обсценной лексикой. Конечно, сакраментальные слова на «х», на «п», на «м» и тем более на «б» у всех на устах (а значит, и на слуху), но как быть с *секелем,* с *удом,* с *шелупиной,* с *шентей,* с щ*урупом* (через букву «щи»), с *плешью,* с *махоней* и так далее? Как без словаря - или без поллитры - разобраться со смыслом такого, например, красавицыного сетования:

Но, ах! Какой злой рок меня тогда постигнет,

Как он свой долгий шест в меня поглубже вдвигнет!

Каким меня тогда ударом поразит,

Как скало он своё претолстое ввалит!

Со страху вся дрожит в махоне щекоталка...

И *скало,* и *щекоталка* в «Словаре», кстати, тоже отсутствуют. Есть, правда, *пядень, сбиль, сип, сырть, шпынь* и многое другое, но эти совы не совсем то, чем кажутся. *Хирагра,* например, - это ломота в костях рук и пальцев. «Подагра» от слова «хирург»? Или от слова «виагра»? Ну, мин херц Сажин, как скажете!..

Поэты (и драматурги)-похабники завелись в начале Нового времени чуть ли не по всей Европе: Скаррон - во Франции, Бредеро - в Голландии, лорд Рочестер - в Англии и т. д., так что Барков не исключение из общего правила. Исключение - русский мат, про который сказано: мы им не ругаемся, мы на нём разговариваем.

Исключение - российская жизнь, при которой и про которую разговаривать хочется только матом. Барков сообразил, что и писать про неё можно (а значит, нужно) матом, придерживаясь, однако же, во всех остальных отношениях высокого штиля. На дворе стоял классицизм - и Барков был классицистом, правда классицистом матерным.

И опять же - политика и стилистика. Середина осьмнадцатого столетия. Дворян то ли порют, то ли уже перестали, но в темницу бросают и лютой казнью казнят по первому подозрению. И пусть наветчику полагается первый кнут, это его пугает, но не останавливает. А разврат (кроме эксклюзивно омерзительных случаев) ненаказуем. А разговоры о разврате - тем более. Ну, тогда уж и стихи о разврате... Матерные стихи...

Матерные стихи можно сочинять и на политическую тему, но тут, скорее всего, накажут. Вспомним, как Пушкин унизительно отпирался от авторства кощунственной (а значит, и антигосударственной) «Гаврилиады»! Побаивался, понятно, и Иван Семёнович (не путать с Александром Семёновичем, который на самом деле Соломонович) и оттого пил горькую. И ходил в присутствие - пока не выгнали. И сочинял официозное, и переводил с латинского - и то и другое без ощутимого успеха.

В случае с немецким романтиком Э. Т. А. Гофманом принято говорить о **двоемирии.** Деятельный чиновник-аккуратист днём, едва дождавшись вечера, он отправлялся в кабак и в бордель, а ночью сопоставлял «два мира» в гротескной прозе. Но то, что немцу здорово, русскому сулит суму или тюрьму. Тюрьмы Барков избежал - чего не скажешь о многих других стилистических диссидентах.

Цензуру отменили, Баркова напечатали, и мир не перевернулся. Даже «Идущие вместе» не отловили издателя и не навешали ему п.здюлей. Тираж в 2000 экземпляров скорее академичен. Время, пожалуй, учредить Барковскую премию и для начала присудить её Кахе Бендукидзе и Филиппу Киркорову. И - за выслугу лет и по совокупности - Черномырдину.

Потому что стилистические разногласия неумолимо перерастают в политические. И, разумеется, наоборот.

2004

Трудно выть богом

Читатель не понял бы меня, промолчи я о главном блокбастере нынешнего лета (и всего российского кино по сей день), о чемпионе проката, о детище и любимце Первого, который всегда Первый, о нашем ответе победоносным хоббитам, амбивалентным американским оборотням, японским «Звонкам» и даже, страшно сказать, самому товарищу Тарантино.

Публика валит в кинозалы со спецэффектами, критика (надо полагать, купленная) хвалит, программа «Время» рапортует о победоносной поступи «Ночного дозора» по градам и весям. Хитроумные прокатчики пошли даже на неслыханный шаг, выпустив лицензионный DVD «для бедных» по рекомендованной цене не выше 150 рублей, продающийся, например, в нашем

городе всего за сотню. Правда, «не для продажи на территории Москвы», в которой (и в небе над которой) разворачивается действие в фильме. Пусть богатенькие столичные буратины - вампиры они или ещё не вполне - раскошеливаются по полной программе!

Одновременно выброшены в продажу и допечатки книг фантаста Лукьяненко - начиная, естественно, с одноимённой. Критика (надо полагать, купленная) утверждает, будто, не прочитав романа, и в фильме «Ночной дозор» ничего не поймёшь. Ну, не знаю. Понимать - или не понимать - там особо нечего. А с другой стороны, Лукьяненко читают в основном двенадцатилетние мальчики, а мне на момент рождения этого (судя по всему, великого) писателя стукнуло уже двадцать три. Поэтому Лукьяненко я не читал. *Да что ж, я других не читал?* - сказано у Булгакова. И в другом произведении: *Никогда не читайте их за обедом. Других нет? Вот и никаких не читайте!* Отечественная фантастика - дурной сон словесности. Или, цитируя Шекспира, история, рассказанная идиотом с шумом и яростью. И идиота этого вы наверняка знаете: он наш земляк. И его бесчисленных учеников знаете тоже. Лукьяненко (хоть он и москвич) как раз один из них - и, получается, самый лучший.

Алексей Герман-старший (ведь есть ещё младший - автор неприлично нашумевшей кинокартины *«Друзья сожгли чужую хату»)* который год снимает или уже не снимает ленту «Трудно быть богом» по одноимённой повести братьев Стругацких и с заматеревшим *Цыплёнком* в главной роли. Несколько лет назад, при получении высокой награды, Герман-старший бесстрашно лизнул президента Путина: я, мол, снимаю кино про вас! То есть про то, как трудно президенту в одиночку переделывать нас - закосневших в дикости и в невежестве коренных насельников планеты Земля, аборигенов и автохтонов. Правда, Дон Румата, он же Цыплёнок, лишь на первый взгляд суетится и бесится в одиночку, тогда как на самом деле за ним стоят могущественные космические спецслужбы. То есть, лизнув Путина, Герман одновременно показал ему эзопов язык. Вот только фильма не снял.

А снял - и, похоже, именно то, что хотелось снять липовому режиссёру Герману, - клиповый режиссёр Бекмамбетов. Про то, как трудно быть богом. А поскольку боги (они же Иные, они же воины Света и воины Тьмы, почти как у Саши Секацкого, который, к счастью, не кинорежиссёр, а философ) у Бекмамбетова, борясь друг с дружкой, время от времени срываются на звериный вой, ведь они испытывают нечеловеческие муки и делают над собой нечеловеческие усилия («Коза закричала нечеловеческим голосом» - старая переводческая шутка, использованная некогда в кинокомедии «Осенний марафон»), то и название недоснятой Германом ленты «ТРУДНО БЫТЬ БОГОМ» вполне поддаётся постмодернистскому переосмыслению: «ТРУДНО ВЫТЬ БОГОМ», - утверждает автор «Ночного дозора» всей мощью современной кинематографической палитры, краски которой разведены, естественно, палёной водкой.

Так или иначе, Герман не снял, а Бекмамбетов снял. Снял именно и точно то, что хотелось снять Герману. Снял вместо Германа. И тому остаётся лишь зажарить и съесть своего незадачливого Цыплёнка. Во всяком случае,

персонажи «Ночного дозора» обошлись бы с ним именно так.

Исхожу из предположения, что читатель фильм уже посмотрел. И только для самых ленивых привожу аннотацию с обложки сторублёвого DVD: «Все знают, что на ночных улицах опасно. Но в данном случае речь идёт не о преступниках и маньяках. Когда наступает ночь и силы зла властвуют безраздельно, там действуют те, с кем не встретишься днём, - тёмные маги, вампиры и прочая нечисть. Их сила велика, и с ними нельзя справиться обычным оружием. Но по следу «ночных охотников» идут те, кто веками сражается с порождениями сумрака и побеждает их, неукоснительно соблюдая при этом Договор, заключённый тысячелетия тому назад между Светлыми и Тёмными... Имя им - Ночной дозор».

То есть, прошу прощения, фильм перед нами РЕЛИГИОЗНЫЙ. В христианстве идея вечной борьбы (на равных) между Добром и Злом называется манихейством. Христианству на Ближнем Востоке предшествовал зороастризм, в котором борьба на равных Добра и Зла является символом веры. И «Ночной дозор» это вам не какой-нибудь «Другой мир», в котором вампиры, сами не зная зачем, перетирают вопросы с оборотнями: вдохновлённый прозой великого писателя Лукьяненко великий режиссёр Бекмамбетов снял фильм ЗОРОАСТРИЙСКИЙ! И заявил об этом прямо на обложке лицензионного DVD: **«Данный фильм одобрен к распространению, как способствующий делу Тьмы... Данный фильм одобрен к распространению, как способствующий делу Света...»**

Особенно хорош первый постулат - в сочетании с десятимиллионной и более того аудиторией и в стране, в которой православие разве что не провозглашено государственной религией!

Чуть отвлекусь в сторону - в художественном плане «Ночной дозор» скорее хорош: и отличный изобразительный ряд, и трюки, и спецэффекты, и образ нищей, убогой, пьяной и обдолбанной страны - той самой, в которой монетизируют льготы, и за которую - ради вящего воздействия - выдают зажравшуюся Москву; неожиданно милые в роли профессиональных упырей актёры Хабенский и (в эпизоде) Золотухин. Те же упыри в средневековых доспехах - прямиком из картины Германа! Забавная, по-стругацки дурацкая, организация светлых магов «Горсвет»; сова, оборачивающаяся голой девицей и тут же выслушивающая по своему адресу: «Чудо в перьях!» Волчищи позорные и волчищи дозорные. Ангелы, бесы; очередной *ребёнок Розмари,* за душу которого разворачивается Всемосковская вампирическая война; нескрываемая реклама товаров народного потребления; киноцитаты из Хичкока и Гайдая, Копполы и Карпентера... И конечно, православное духовенство молчит правильно, а вовсе не потому, что, подобно кинокритике, прикуплено: зороастризм здесь столь же потешного свойства, как, допустим, католицизм в уже не столь знаменитом у нас «Изгоняющем дьявола»...

И всё же, напомню, фильм спродюсирован, разрекламирован и донесен до сознания десятков миллионов Первым каналом, основная задача которого заключается в ежевечерней **промывке мозгов.** Что промывает «Ночной дозор» свиной и как бы человеческой кровью, как раз понятно - мозги. Остаётся

разобраться в том, зачем (или во имя чего) он это делает.

В деидеологизированной и лишь внешне воцерковленной стране при помощи и содействии (не говоря уж о деньгах) Первого канала нам показывают некую борьбу Добра со Злом, пытаясь придать ей, помимо несомненной занимательности, сакральный смысл. Причём - для правдоподобия - изображают **белых магов** едва ли не столь же отвратительными, как **чёрные.** И оставляют за силами Тьмы победу на - разумеется, промежуточном - финише (потому что будут сиквелы, и Добро в конечном счёте восторжествует). Зачем это делается?

Нас в очередной раз пытаются оболванить, причём двояко.

Во-первых, заставить основные массы населения почувствовать себя всего лишь пассивными и бессильными зрителями борьбы ИНЫХ с ИНЫМИ же, разворачивающейся на экране.

А во-вторых, приучить к ложно-альтернативному выбору, который нужно будет сделать в критический момент. За кого ты, приятель, за белых или за красных? За «сук» или за «воров»? За Ельцина или за Зюганова? За «олигархов» или за «силовиков»? Ведь они борются за тебя, и терпят нечеловеческие муки, а привилегии - тоже нечеловеческие - их не радуют, - и своя правда есть у Ночного дозора, и своя - у Дневного, но ведь понятно, что Ночной дозор в конце концов непременно окажется в некоторой мере правее...

На экранные кривляния магов мы смотрим не без интереса. И ложной альтернативностью (то есть на самом деле - безальтернативностью) выбора на подсознательном уровне проникаемся. Нам не то чтобы предлагают выбрать меньшее зло (любые голосования вот-вот отменят за ненадобностью), **нам** настоятельно **рекомендуют признать то зло, которое** в конечном счёте **одержит верх, меньшим.** А Добром, соответственно, - большим! При всей (тоже зафиксированной в фильме) относительности подобного рода оценок.

Ну и мысль о том, что правят нами сверхчеловеки, внушают тоже. Нами правят боги. А быть богом трудно. Поэтому они воюют. Поэтому они воют.

И Алексей Герман снимает об этом кино и разглагольствует на каждом углу о том, что снимать ему не дают.

А Тимур Бекмамбетов тихой сапой делает то же самое и оказывается на коне.

Но и Герман, слава тебе, господи, не в канаве.

Ведь внушить ГОРСВЕТУ (и подмигнуть ГОРТЬМЕ): «Я тоже Иной!» - ухитрились не мытьём, так катаньем оба режиссёра.

У Германа эзопов язык подлиннее, но он и годами постарше.

2005

Юбилейный формат

Знай Анна Ахматова заранее о том, что день её ухода совпадёт в календаре с годовщиной смерти Сталина (с тринадцатой годовщиной!), как отнеслась бы к этой усмешке Истории великая поэтесса? Была бы она возмущена, или

польщена, или, может быть, испытала оба чувства одновременно? Ну, разумеется, она была бы польщена вещим - или зловещим? - совпадением. И, конечно же, возмущена тем, что впредь в день её кончины люди будут поминать или, самое меньшее, вспоминать не её одну. *Но, в конце концов,* - прокомментировала бы она про себя или вслух, но в обществе людей, с которыми имела обыкновение разговаривать как бы про себя, а они за ней записывали (коллективная Лидия Корнеевна!), - *Сталин это не столь уж недостойное при всех его ужасах и мерзостях соседство...* Сталин, сказала бы Анна Андреевна, изъясняйся она на новомоднем политическом сленге, это её формат.

Сталин писал стихи. Однажды даже велел перевести их с грузинского на русский Арсению Тарковскому, но в последний миг спохватился, отозвал безвкусный заказ, хорошо хоть, не наказал - люто, как он умел, - маститого переводчика. Но и чужие стихи он любил. А уж прозу... А уж драматургию... Сталин знал русскую и создаваемую им в колбе советскую литературу с точностью и дотошностью академика отечественной словесности. Присуждая собственного имени премии, он анализировал литературный процесс куда основательней, чем руководители премиального комитета Николай Тихонов и Константин Симонов. Он держал писателей, как породистых скакунов, в неге и холе (правда, стоило какому-нибудь из них захромать - пристреливал). Он был в литературе и наездником, и коннозаводчиком - и конюшню под названием «Союз писателей» создал он. Он, а не Горький, с которым Сталин переписывался на не внятном нынешним невеждам языке и которого в конце концов, не исключено, как одряхлевшего производителя, усыпил.

(Сталин написал Горькому про «Девушку и смерть»: «Штучка посильнее „Фауста" Гёте». Десятилетиями смеёмся над этой нелепой оценкой. Меж тем Сталин всего лишь дословно процитировал отзыв Белинского о пушкинской «Сцене из „Фауста"». Он это знал, и Горький это знал тоже).

Ахматова любила власть. В официальной власти судьбой ей было отказано (как Сталину - в поэтическом признании) - и она на протяжении жизни мастерски, можно сказать, виртуозно выстраивала, институци-ировала и легитимировала власть неофициальную. Над мужьями. Над поклонниками. Над сыном, хотя здесь ей не повезло (но и Сталину не повезло с детьми). Над поэтами и, понятно, поэтессами. В старости - над собственными «сиротами». Над приживалами и приживалками и над людьми, у которых на правах великой приживалки находила приют сама.

Над поэзией, над литературой, над филологической наукой - и здесь её власть парадоксально смыкалась со сталинской. Смыкалась и сталкивалась. И знаменитое ждановское постановление означало лишь кульминацию в этом не то противостоянии, не то взаимопроникновении.

Всё началось с того, что на некоем литературном собрании при появлении Ахматовой зал поднялся на ноги. «Кто организовал вставание?» - параноидально полюбопытствовал Сталин. И был, понятно, прав. Никто бы не встал при виде практически забытой на тот момент поэтессы, если бы *вставание* не организовала она сама.

Организовала, должно быть, намекнув всё той же «коллективной Лидии Корнеевне», что это было бы уместно. А та прошлась по рядам, пошепталась с подружками, подготовила почву...

Это был мастерский ход Анны Андреевны, но гроссмейстер власти, каким был Сталин, его разгадал и ответил сокрушительным контрударом. Ахматову принялись изничтожать за творчество, якобы за творчество, хотя на самом деле - за непомерные, на взгляд Сталина, властные амбиции. За древнегреческий *хюбрис* - боги всегда наказывали смертного, которому случалось возомнить себя ровней бессмертным.

Сталин выстраивал советскую литературу в роли её патрона, покровителя, августейшего мецената. Ахматова нашла для себя другое амплуа - литературной вдовы. Великой литературной вдовы. Потому что вдовой она - в самооценке - приходилась не Николаю Гумилёву и не какому-нибудь Шилейко и даже не Пушкину, а всей русской литературе сразу! Соитие с вдовой (символическое или фактическое) означает вступление в наследство или скорее - восшествие на престол; престол русской литературы «попритягательней», как сказал бы принц Гамлет, датского; Ахматова держалась и, по-видимому, ощущала себя Гертрудой, а уж претендентов на роль Клавдия было хоть отбавляй. Находились охотники - и охотницы - и на куда менее значительные (хотя порой столь же обременительные) при том же виртуальном дворе роли.

Вдовцом (наследником) великой русской литературы полагал себя и Сталин. Иначе не насаждал бы её с таким преувеличенным упорством (пусть и в урезанном виде) в школе и в вузах. Иначе бы не олитературивал - в гротескных, а то и в карикатурных формах - само социалистическое бытие (не говоря уж о сознании).

Иначе не играл бы в Николая Первого то с Пастернаком, то с Булгаковым (последний написал своего Воланда не с какого-то там американского посла, как конъюнктурно врут сегодня, а, разумеется, со Сталина и умер от горя, когда тому не понравилась пьеса о юности вождя). Иначе не одел бы бронзой Маяковского - новому Николаю понадобился новый Пушкин. Иначе бы не изобрёл Джамбула и Сулеймена Стальского (и всю многонациональную советскую литературу) во исполнение завета про «всяк сущий в ней язык».

Мы живём на развалинах литературоцентрической цивилизации, вычленяя в ней Золотой и Серебряный века (вдовой которых и предстаёт Ахматова), брезгливо (или пугливо) стараясь забыть Бронзовый или, конечно же, Стальной, а уж кто породил его - сообразите сами.

У Владимира Сорокина в «Голубом сале» есть омерзительно смешная пародия на Ахматову, бросающуюся в ноги Сталину и умоляющую казнить её казнью лютою, а главное - ни в коем случае не возвеличить. Именно так (с точностью до противного) следует понимать многие поэтические инвективы Ахматовой - и, прежде всего, наказ не ставить ей памятника *в этой стране,* не ставить нигде, кроме окрестностей питерской тюрьмы «Кресты». И ведь поставят, дураки, возле «Крестов», а не *около моря, где я родилась,* и прочих мест, с нотариальной точностью перечисленных. Сталин тоже говорил: *Не надо славить товарища Сталина.*

И Сталин, и Ахматова были - каждый на своём уровне - поразительно жестоки по отношению к своим приближённым. Не просто жестоки, но иезуитски жестоки.

Сталин, обидевшись, но не объяснив причины обиды, переставал разговаривать с человеком, переставал замечать его - и некоторое время спустя уничтожал. Возможности уничтожить у Ахматовой не было - и она после «молчания» и «незамечания» человека вычёркивала, то есть опять-таки уничтожала, только виртуально.

Оба не терпели возражений, не выносили общения на равных, всеми правдами и неправдами «опускали» соперников и соперниц. Оба безумно любили литературу и безумно любили власть.

Они не были ровесниками (Сталин был ровесником Блока), но вполне могли бы на сумасшедших ухабах отечественной истории оказаться мужем и женой. Такой брак (как все браки их обоих) продлился бы недолго - но кто в итоге пустил бы себе (или другому) пулю в лоб, можно только гадать.

Похвала Пупкину

Апогей нуля

Нулевые годы - определение ёмкое и по-своему красноречивое. Пять лет из десяти нулевых мы прожили. Каким был в литературе последний из первых пяти - заканчивающийся 2005-й? Вопрос слишком расплывчат, поэтому переформулируем его по-другому: кто оказался на коне - кто и что, - а кто и что, наоборот, в белом фраке?

Проза года была довольно хороша и достаточно разнообразна. На звание «Роман года» могли бы претендовать «Венерин волос» Михаила Шишкина, «Грачи улетели» Сергея Носова, «Американская дырка» Павла Крусанова и «Золото бунта» Алексея Иванова. В отдельной номинации «Политический роман года» (а он нынче в моде) выделяются новые сочинения Александра Проханова и Юлии Латыниной. Лучшие дебютанты - в первой номинации Анна Старобинец («Переходный возраст»), а во второй - Сергей Доренко («2008»), где-то между ними - Захар Прилепин («Патологии») и Алексей Шаманов («Коллекция отражений»). Лучшие рассказы отдельной книгой выпустил Сергей Болмат. Лучшая повесть (и ещё одна номинация на лучший дебют) - «Россия: общий вагон» Натальи Ключарёвой - в самом конце года выложена в «Журнальном зале». Необходимо, конечно, упомянуть единственный в своём роде «Шлем ужаса» Виктора Пелевина.

Пестра и картина провалов. От завершённой трилогии Владимира Сорокина до вошедшего в шорт-лист «Русского Букера» русофобского и (коллега Немзер подсказывает) объективно антисемитского романа Елены Чижовой «Преступница». Провалились (за двумя исключениями) литературные премии, провалились (впрочем, как всегда и без каких бы то ни было исключений) «толстяки», провалились - вернее, оказались провальными - «литературные» телесериалы «Есенин» и «Мастер и Маргарита». Курьёз года - телесериал по

«Детям Ванюхина» Григория Ряжского, в котором советских евреев по фамилии Лурье превратили в немцев Поволжья, не изменив - по сравнению с первоисточником - более ничего!

Позор года - уже не Туркменбаши с Евгением Рейном, а «Русский Букер» с Василием Аксёновым. Или трусливый и подлый разрыв «Русского Букера» с попавшим в немилость меценатом - на ваш выбор. Причём пахнет здесь не просто позором, но и воровством: букероиды «пилили» по $ 250 000 ежегодно при призовом фонде в $ 20 000!

Переводная проза была который год подряд лучше оригинальной, хотя былым успехом (не считая объективно позорного *Децла* Брауна) не пользовалась. В самом конце года «пошёл» Салман Рушди и появился пока никем не замеченный Дж. Эрик Миллер («Права животных и порнография»), но и в предыдущие одиннадцать месяцев здесь было что почитать. Главным провалом в данной номинации следует назвать (причём отнюдь не из-за качества переводов) массовидные издания («Алчность» и пр). нобелеатки Эльфриды Елинек - совершенно сумасшедшая баба, глубоко провинциальная и непоправимо бездарная.

И в переводной литературе не обошлось без курьёза. Одновременно в двух разных издательствах вышел под разными названиями - «Почётный проигрыш» и «Довольно почётное поражение» - один и тот же роман Айрис Мердок. Не вдаваясь в сравнение двух изданий, отмечу, что во втором случае название «A *Fairly Honorable Defeat*» переведено с точностью до противоположного (следовало бы: «Воистину почётное..).!

Начали (вернее, возобновили) выпуск драматургии - и это отрадно. В советское время сборники пьес Фриша, Дюрренматта, Теннеси Уильямса и др. становились бестселлерами. Повторят ли эту судьбу антология «Путин. Doc» или однотомник пьес Николая Коляды, вопрос гадательный, однако положительный тренд налицо.

В поэзии всё было как всегда - то есть никак. Премия «Поэт» - Александру Кушнеру, премия «Триумф» - Олегу Чухонцеву; средний тираж - в том числе и лауреатов - от 500 до 1000 экземпляров. Лев Рубинштейн запел русские народные песни. Два радостных факта - присуждение премии имени Андрея Белого молодой Марии Степановой и выход книги Кирилла Медведева «Тексты, изданные без ведома автора». Третий - на подходе сборник матерной лирики исключительно талантливого Евгения Мякишева.

В номинации «Критика и литературоведение» выбор широк: новые книги Бориса Дубина, Татьяны Москвиной, Александра Секацкого, Михаила Трофименкова и - вне конкуренции - «Курицын-weekly» или, скорее, как я уже где-то написал, - «Курицын-meekly», потому что злободневные эскапады, бутады и перманентная буффонада неистового Вячеслава выглядят по прошествии трёх-четырёх лет прежде всего очаровательными лирическими миниатюрами.

Возобновлённая серия «ЖЗЛ» («Жизнь замечательных людей», есть и другая «ЖЗЛ» - «Жизнь запрещённых людей») столкнула лбами Павла Басинского (с книгой о Горьком) и Дмитрия Быкова (с книгой о Пастернаке), но

эти двое и так всё время бодаются... Продолжают свой некрофильский бизнес изучатели *Бродсковлатова:* Яков Гордин уличает всё того же Рейна во лжи на страницах «Знамени» и печатает у себя в «Звезде» Анатолия Наймана с Игорем Ефимовым - в такую фишку я не врубаюсь.

Молчит - и это хорошо - Борис Акунин. Многотомные «Жанры» - это не литература, а коммерческая форма молчания. *Если у тебя есть фонтан...* Молчит Людмила Улицкая. Молчит Маканин. Молчит, прошу прощения, Солженицын. Кому он, кстати, присудил свою премию? Кто бы помнил. Говорят, что Яцутко интереснее, чем Гуцко, - говорят два с половиной человека, которые их читали. «Неформат» (серия нестандартной прозы издательства «Астрель») приказал долго жить, но уже затеял что-то своё, девичье, Борис Кузьминский - и выпущенная им «Лупетта» и впрямь хороша (запамятовал имя автора; я читал её в рукописи и сам был не прочь напечатать). Сожгли - и отстроили заново магазин радикальной книги «Фаланстер». Выпустили книгу «Любовь и секс в исламе». Я что-нибудь упустил? Извините.

В конце года в литературе запахло большими деньгами. Я имею в виду, разумеется, «Большую книгу» (хотя и не только). Присудят её - первой степени - Алексею Иванову, а третьей - Андрею Битову; но вот кому - второй степени, я пока сказать не могу: пусть сначала как следует поработают Совет экспертов и Литературная академия.

В общем, год как год: не лучший, но далеко и не худший - в литературе. Скажем, прошлый был определённо беднее. Нулевые годы вошли в зенит, вошли в апогей - но это, не будем забывать, апогей нуля.

2005

Евангелие от жены Иуды

«Убежище 3/9» - первый роман молодой москвички Анны Старобинец, ярко дебютировавшей год назад повестью «Переходный возраст» (о кафкианском превращении человека в живой муравейник) и пригоршней столь же странных и, пожалуй, ещё более примечательных рассказов. «Убежище 3/9» - мизантропическая философская притча с сильным вкраплением волшебной сказки, одной из разновидностей которой здесь становится Священное Предание.

Московская журналистка Маша в парижской командировке внезапно превращается в омерзительного дядьку средних лет - клошара по имени Кудэр, сохраняя, однако, полное сознание собственной идентичности. Решает пробраться в Германию, где живут её выехавшие по «еврейской квоте» родители. Те, естественно, не узнают и прогоняют Машу, а она подстерегает, зверски избивает и грабит отца. После чего всеми правдами и неправдами стремится в Москву.

В вокзальном туалете Маша соблазняет и убивает гомосексуалиста, внешне похожего на Кудэра, и по его документам едет в Россию. По дороге умирает.

Однако не вполне умирает - оказывается на призрачном мосту между Явью и Навью.

В бытность Кудэром Маша воспринимает эту метаморфозу как заслуженную кару. Родив неизвестно от кого (возможно, и от мужа - картёжника и авантюриста по имени Иосиф) сына-дауна, она сдала его в специнтернат. Люди из прошлого (как выяснится, не совсем люди) время от времени опознают в Кудэре Машу и постоянно отсылают за объяснениями к загадочному сайту. Параллельно бредут куда-то тропой в волшебном лесу Гензель и Гретель.

Действие переносится в специнтернат, который тоже не совсем интернат. Сын Маши (здесь его зовут Иваном) находится на попечении у Люсифы (Люцифера-женщины), (Кощея) Бессмертного, Лешего и прочих монстров. В Яви - они врачи и медсёстры, а в Нави - монстры. Здесь же обитает и Спящая Красавица.

(Один из поклонников прозы Старобинец критик Лев Данилкин остроумно предположил, что Люсифа - никакой на самом деле не Люцифер, а Людмила Петрушевская, прежние страхи которой, возогнанные на уровень «ужаса-ужаса», творчески претворяет молодая писательница, а член Большого жюри «НацБеста» Светлана Лисина, проголосовавшая за Старобинец, столь же изысканно сравнила «Убежище 3/9» с японским мультиком «Унесённые призраками». Что же касается сравнения с «Братьями Гримм» и с «Бразилией» Терри Гиллиама, взятыми вкупе, то оно напрашивается само собой).

На мосту Маша принимает (оказывая им сексуальные услуги) гостей из обоих миров и постепенно постигает описываемый в романе миропорядок. Есть Бог-Отец (здесь его называют *Тот, Кому в Рот не Попадает),* есть его брат - Люцифер-Люсифа, есть разнообразная демонического и/или волшебного происхождения мелочь. Бог хочет разбить Кощеево яйцо и сломать иглу, якобы затем, чтобы избавить мир от страданий (хотя цель у него на самом деле другая), что, правда, означает светопреставление, - и помочь в этом может только Ваня, сын Марии и (предположительно) Иосифа. А в Яви - Россия сначала трепещет перед ужасными откровениями с загадочного сайта, провозвещающего конец света и призывающего избранных спастись в убежище на Алтае, а потом погружается в непробудный сон.

Ваня покарал не только мать Машу, но и предположительного отца Иосифа, превратив его в ядовитого паука на итальянских гастролях, куда тот отправился с любовницей (Люсифой). Скитаясь - уже в образе паука - Иосиф, в отличие от Марии, не воспринимает эту (кармическую) метаморфозу как кару. Меж тем сам Ваня вступает на Крёстный путь - и гибнет как бы во спасение человечества. Однако всё оказывается куда запущеннее.

Тот, Кому в Рот не Попадает (а по усам течёт; Бог-Отец), в нарушение Уговора, пошёл на тайную сделку с Люсифой, отдав на окончательное заклание Ваню в обмен не на спасение рода человеческого, а на снятие личного заклятия типа танталова: Ваня мёртв, зато Богу-Отцу теперь попадает в рот, Он вкушает радости земные, ради чего не пожалел (вслед за Машей) метафизически и фактически убить Бога-Сына.

Впрочем, все герои убивают себя и друг друга (переходят из Яви в Навь) неоднократно и с лёгкостью - и финальная сцена, в которой они (и только они) живыми (!) и невредимыми попадают в пресловутое Тридевятое убежище, носит

намеренно двусмысленный характер.

Написано несколько путано (вернее, чересчур перегружено), но блестяще. Вот образчик стиля с тех страниц, что попроще:

Дядя Лёша был шизофреником, алкоголиком, убеждённым христианином, патриотом, монархистом, антисемитом и философом. Опасное сочетание.

Каждый день он попеременно надевал одну из трёх своих одинаковых белых рубашек. Разлагались эти рубашки только надписями, вышитыми на спине неумелым крупным крестиком: «Россия для русских», «Спаси и сохрани» и «С пидорами не пью».

В «кабинете» дяди Лёши все стены были увешаны иконами с ликами святых, большими календарями с видами среднерусской возвышенности, а также портретами русских царей в золочёных рамах. Вдоль стен тянулись стройные ряды пустых бутылок.

По вечерам дядя Лёша крутил диск мёртвого телефона, из которого торчал чёрный обстриженный локон никуда не ведущего шнура, - и доверительно что-то бубнил в ватную тишину растрескавшейся красной трубки. О чём-то просил, докладывал, отчитывался, договаривался...

По воскресеньям дядя Лёша часто совершал паломничества в звенигородский Саввино-Сторожевский монастырь. После чего там же, в Звенигороде, заходил в свой любимый кабак «У Патрикеевны», садился на своё любимое место - у кадки с пальмой, - за стол, накрытый бордовой бархатной скатертью, и заказывал сначала картошку с грибами и апельсиновый сок, а потом графин водки - и нажирался до потери памяти. Домой дядя Лёша обычно возвращался на рассвете следующего дня.

И если его спрашивали, где он шлялся всю ночь, он заплетающимся языком отвечал, что гулял в лесу и видел там чудеса. Реже признавался, что пугал прохожих. Несколько раз местные заядлые грибники, выходившие на охоту с утра пораньше, действительно заставали его за этим странным занятием. Дядя Лёша стоял, притаившись за деревом, и странно подхихикивал. А когда кто-нибудь проходил мимо, он выскакивал из своего укрытия, размахивая руками и дико крича «У-у-у!».

Но вообще-то в посёлке дядю Лёшу жалели и уважали - особенно сильно уважали с тех пор, как в один из воскресных вечеров ему явилась дева Мария.

Я редактировал в «Лимбусе» и «Переходный возраст», и «Убежище 3/9» - и в обоих случаях редактура была даже не косметической, а условной: я проникался чужим замыслом и, ничего не трогая, а значит, и ничего не портя, подписывал рукопись в печать. Анна Старобинец не фантаст, а визионер - и кто я такой (не Бог-Отец и не Люсифа, это уж точно), чтобы редактировать чужие видения?

2006

Зачем откопали Аксёнова?

В ночном эфире Второго канала Василий Павлович беседует с лебезящим

Дмитрием Дибровым: у нас в Ростове семидесятых вы были круче Воннегута. Книга с квакающим названием переходит из рук в руки и мельтешит на экране. Аксёнов суров, но справедлив: ему нравится...

О новом романе Василия Аксёнова «Москва Ква-Ква» спорят самым уважительным образом. Одни утверждают, что он - в отличие от букероносных «Вольтерьянцев и вольтерьянок» - не очень хорош. Другие указывают на то, что роман написан левой ногой. Третьи и вовсе хвалят. Но и те, и другие, и третьи всерьёз обсуждают якобы положенные в основу романа миф о Тезее (привет Пелевину) и платоновское (Платона, а не Платонова) идеальное государство, говорят о художественных достоинствах и недостатках. Меж тем перед нами не просто наглая, циничная, бездарная и невежественная халтура. Перед нами разжижение мозгов, болезнь Альцгеймера, перед нами **старческий маразм, кое-как замаскированный под политический гротеск.**

Москва, 1952 год. Высотка на Яузе как символ эпохи и обиталище новой элиты. 18-комнатная квартира «атомного» академика Ксаверия Ксавериевича Новотканного. Все персонажи носят вычурные нелепые имена с претензией где на сатиру, где на юмор. Сам академик, его сорокалетняя красавица жена генерал-майор Ариадна Рюрих (естественно, Рерих!), девятнадцатилетняя красавица дочь, спортсменка, комсомолка и девственница Гликерия. «Спецбуфетчики» - супружеская пара - капитан Фёдор и майор Нина. Помимо профессиональных услуг и общей слежки, капитан пользует Ариадну, а майор - Ксаверия Ксавериевича.

В соседнюю квартиру вселяется Кирилл Смельчаков (Константин Симонов) - красавец, поэт, лауреат, герой войны и борьбы за мир, донжуан и авантюрист, личный друг Сосущего (то есть Сосо, то есть Сталина). Сейчас Кирилл одинок, потому что Сталин приказал ему вернуть чужую, генеральскую, жену мужу. (С Симоновым, кстати, дело обстояло ровно наоборот).

У Кирилла и Глики завязывается платоническая любовь. Девушка считает себя невестой Сталина. Сосущий вызывает Кирилла к себе, напаивает, пугает арестом за поэму «Тезей» (в которой под видом Минотавра, полагает Сталин, выведен он сам; примитивной символикой мифа о Лабиринте, как и беспомощными якобы симоновскими стихами, пронизано всё повествование), устраивает ему потешный расстрел, но в конце концов меняет гнев на милость: Смельчакову предстоит возглавить специально сформированный отряд смельчаков, который, десантировавшись в Югославию, уничтожит маршала Тито и всю его клику. Начальником штаба у Смельчакова будет сталинский конфидент Чаапаев - не сын Чапаева, но прямой потомок Чаадаева.

В разговоре со Сталиным Кирилл невзначай упоминает ещё одного соседа по высотке - адмирала Моккинакки, с которым он познакомился аж на Халкин-Голе. Сталин отвечает, что такого адмирала в стране нет - и поручает Абакумову разобраться в ситуации.

Меж тем Моккинакки ухаживает за Гликой - и куда с большим успехом. На боевом самолёте улетает с нею на Лазурный берег, уверяя академическую простушку, будто они летят в Абхазию. Первое совокупление (и ещё несколько) происходят прямо на борту. По возвращении вкусившая радостей телесной

любви Глика спешит поделиться новыми ощущениями и с Кириллом. Мужчины ревнуют, хотя и симпатизируют друг другу. Однажды адмирал просит у поэта взаймы, тот раскрывает чемоданчик, вручённый ему в ВААПе, и обнаруживает, что тот набит конвертируемыми бумагами Госбанка на сотни миллионов долларов. А гребчиха Глика успевает съездить на Олимпиаду в Хельсинки, где, хоть и берёт всего третье место, получает всеобщее признание в качестве секс-символа.

В действие входят новые персонажи - представители золотой молодёжи, стиляги, фарцовщики, любители джаза, предводительствуемые сыном ещё одного «атомного» академика Дондерона. Не последнюю роль в компании играет и авторский alter ego - прибывший из Казани, где его выгнали из мединститута как промолчавшего при поступлении о репрессированных родителях, поэт Так Такыч Таковский. После драки с дружинниками (ни дружинников, ни стиляг при Сталине не было, но мафусаилу Аксёнову это до лампочки) Дондерона-младшего сажают в тюрьму, а Так Такыч находит убежище в заповедных глубинах квартиры Новотканного, где, в очередь с капитаном Фёдором, подживает со старшей хозяйкой дома и раскатывает губу на младшую. Ариадна не только ведёт себя, но и выражается вызывающе (любимое слово: *йух)* - и у неё есть на то все основания: в годы войны она, по личному заданию Вождя, слетала в Берлин, соблазнила и выкрала Гитлера и доставила его прямо в Кремль, откуда фюрера вернули на родину лишь в обмен на обещание о постепенной капитуляции, но Адольф и на этот раз - как в 1941 году - Сосущего обманул.

Меж тем к адмиралу начинают присматриваться всерьёз. И выясняют, что никакой он не адмирал. И не юрисконсульт (за которого выдаёт себя в финансовых сферах). А один из легендарных соратников маршала Тито - штурман Эстерхази. А значит, пора его брать. Но Моккинакки уходит из высотки, переодевшись агентом в штатском и «положив» полдюжины настоящих агентов в вестибюле. Спасается он в мясном ряду на колхозном рынке: здесь, выдавая себя за узбеков, окопались титоисты. Сюда же перед началом решительного штурма прибывает и сам маршал. Тито и его люди чувствуют себя в полной безопасности не в последнюю очередь потому, что в их заговоре состоит и сам маршал Берия. Который на званом вечере у Новотканных принимается лапать Глику - и наталкивается на решительный отпор. Не с её стороны (Глика теперь девушка податливая) - с маршалом чуть не вступает в драку Смельчаков. И тут ему на квартиру Новотканных, демонстрируя своё благоволение, звонит Сосущий... Между делом Моккинакки вызволяет из темницы Дондерона-младшего - как раз когда того собираются «пустить по шоколадному цеху», то есть «опустить». Адмирал переводит юношу строителем на спецобъект (в «шарашку» - тут воздушный поцелуй Солженицыну), но и здесь засада: всех участников стройки по её завершении должны расстрелять.

Решающие события происходят 1 марта 1953 года. 1 марта - дата в отечественной истории роковая, но Аксёнов этого не знает и, соответственно, не упоминает. Смельчаков с Чаапаевым улетают якобы в Стокгольм, а на самом деле - убивать Тито в Югославию. А Тито со своим адмиралом устраивают мятеж в Москве - берут Кремль, берут «ближнюю дачу», - однако Сталин удирает на

подводной лодке в высотку на Яузе и отдаёт приказ сбросить атомную бомбу на Югославию. Впрочем, всё это как-то зависает и рассасывается, концы с концами не сходятся, престарелого писателя интересует один-единственный поворот сюжета: разочаровавшись в Смельчакове (в браке которого с Гликой предполагалось, зачав сверхчеловека, открыть Новую фазу), Сталин призывает юную красавицу к себе - и умирает в её объятьях и с нею в один миг. Перед этим верные Сосущему люди успевают ликвидировать адмирала. Куда девать Смельчакова, Тито и Берию, Василий Павлович придумать не смог - ещё лет тридцать тому воображалка повисла на пол-шестого.

В эпилоге Так Такыч (вкратце пересказав Аксёновскую версию «вынужденной эмиграции») вдвоём с женой возвращается в 1995 году в Россию (из Бразилии!). И всё у него хорошо. И у 82-летней красавицы и знаменитой мемуаристки Ариадны Рюрих тоже. А у остальных не очень. И кое-кто из «бывших» исповедует катакомбную религию «Новой фазы» и как Святой Деве поклоняется Глике Новотканной.

Написано ужасно, напечатано фантастически безграмотно, с грамматической ошибкой в первом же слове романа; не всегда понятно, то ли редактор с корректором схалтурили, то ли писатель сострил; взять, например, слово «сИдалище» вместо «сЕдалища». Вот, впрочем, несколько проб пера:

В Москве, хоть и именовалась она «столицей мира и социализма», как в любом мегаполисе бытовали некоторые кодовые фразы. Вот, например, если вы вознамерились купить доброй мясной вырезки, вам не обязательно было делать партийно-государственную карьеру и присоединяться к спецбуфетовским рационам. Можно было на Центральном, скажем, рынке подойти к мясному ряду, подойти к специалисту и задать ему условный вопрос: «У вас есть колхозное *мясо по три двадцать?» Не пройдёт и десяти минут, как вам вынесут увесистый кусман в газетном свёртке и назовут окончательную цену. Будьте уверены, заказанный продукт не подкачает ни в свежести, ни в качестве разруба.*

У Аксёнова каша во рту? Да нет, конечно же, - вставная челюсть! Но, приступая к сочинению прозы, он её всякий раз вынимает.

Она пожала плечами, замолчала, потому неё совершенно по-детски искривился рот, вот-вот заревёт, схватила полотенце, отвернулась от меня и стала судорожно тампонировать глаза.. «Ну только тебя ещё здесь не хватало, Такович! - с характерной грубоватостью, свойственной МГУ, произнесла она и нежнейшим образом высвободила свой локоток.

Кто их, блин, учил, Аксёнова с редактором, сочетать *характерное* со *свойственным* в одной синтагме? А как вам глагол *тампонировать?*

А вот голос Сталина:

Хочу тебе, Кирилл, рассказать об одном своём личном свойстве. Это, быть может, самый большой мой секрет. Капиталистические кремленологи до него так и не докопались. Тебе первому откроюсь. Цело в том, что у меня очень сильно развито чувство врага. В жизни и в политике я много раз на него полагался. И никогда не ошибался.

С чего бы это Сталин заговорил в рифму? А вот стихи якобы Симонова (Смельчакова):

Мой друг спешил на мотоцикле... Река, безлюдье, парапет... И вдруг увидел юной цапли Замысловатый пируэт. О, юность, нежность, липок почки, Хор лягушачьих батарей! Девчонка пляшет в одиночку, Поёт при свете фонарей.

Вышедший в издательстве «Эксмо» тиражом в 30 100 экземпляров (и одновременно - в журнале «Октябрь») роман «Москва Ква-Ква» написан в январе-августе 2005 года в Москве и Биаррице. Про Москву всё ясно; а вот название курорта (и французское гражданство престарелого писателя) поневоле заставляет вспомнить анекдот про Жана и Жаннетту на необитаемом острове: через три месяца она ему надоела, и он её убил. Через полгода - окончательно надоела, и он её закопал. Но через девять месяцев соскучился - и выкопал из песка.

У французов, понятно, свои заморочки, но какой, сказал бы Хрущёв, *пидорас* выкопал из литературной могилы Аксёнова? А главное, на кой *йух?*

2006

Их было столько на челне...

Недавно встал на полки и лёг на прилавки внушительный энциклопедический словарь «Ленинградский самиздат 1950-х - 1980-х». Встал на полки к людям, в словаре упомянутым (и немногим - да и откуда взяться многим? - собственным неупоминанием обиженным), лёг на прилавки в знатных магазинчиках типа «Борея» или «Академпроекта». Уважительно рецензируется замаскированными и явными участниками давних окололитературных и нынешних паралитературных процессов. Добавлю свою ложку мёду в эту симпатичную бочку. В бочку Данаид, которую наполнишь не раньше, чем сумеешь напоить коня барона Мюнхгаузена, - и, понятно, по той же причине.

Мне как раз в словаре статья посвящена. Когда я выразил по этому поводу недоумение одному из составителей Борису Останину (а есть ещё Борис Иванов и Вячеслав Долинин) - я ведь к самиздату никакого отношения не имел, - он пересчитал на пальцах мои заслуги перед литературным подпольем. Ну, допустим... Хотя включили меня в словник, пожалуй, как свадебного генерала и по явной нехватке свадебных маршалов. Как ни слаба (а порой и бесстыдна) была официальная соцреалистическая словесность, её теневой двойник и потенциальный, а затем и фактический дублёр оказался ещё хуже. Годами и десятилетиями наблюдая за деятелями *второй литературной действительности,* со многими из них выпивая, а с иными - в иные периоды - даже дружа, я отчётливо понимал: ни с кем из них мне в разведку идти не хочется. Меж тем шли они именно в разведку - и сейчас с упоением вспоминают минувшие дни. И битвы, сражаясь в которых выпускали «Часы», «Весы», «Обводный канал» - и чего они только не выпускали! «Эрика» брала четыре экземпляра, «Оптима» - на папиросной бумаге - все девять, а арестам и даже обыскам непременно предшествовали профилактические беседы.

Не хотелось мне их и читать - даже на папиросной. Не захотелось и потом,

когда кое-кто начал печататься на гербовой и глянцевой.

Помню, в начале 1970-х созвали нас, тогдашнюю литературную молодёжь, в Дом писателя, и какие-то невзрачные дядечки, удручающе похожие на тех, что нынче правят страной, объявили нам, что берут на себя заботу о смене поколений (и просто о Смене!), а для начала просят всех заполнить подробную анкету. В анкете была графа «Жанр», и я вписал туда дядечкам *«политическая сатира»,* но поэт Борис Куприянов (будущий православный священник) меня перещеголял: жанр у него оказался *«оригинальным».* До «Клуба-81» оставалось ещё десять лет, до Союза писателей - двадцать, до бесславного и бесслёзного забвения - тридцать, и мы все были абсолютно уверены в том, что столько не живут.

Беда энциклопедий и хрестоматий такого рода (здесь уместно упомянуть вышедший несколько лет назад пудовый талмуд «Самиздат века»; ленинградцы в нём, впрочем, оказались представлены кое-как) заключается вот в чём: трудятся над ними заслуженно убелённые сединами ветераны движения, тогда как творческий (если он вообще наличествует) и человеческий интерес представляют судьбы короткие и очень короткие, насильственно или своевольно прерванные; молодые посредственности бывают интересны, во-первых, потому что они молоды, а во-вторых, потому что ещё никому не известно, какими посредственностями они в результате окажутся. Но и среди пожилых, непоправимо старых или от старых ран умерших писателей любопытны прежде всего те, кому не хватило расторопности и житейской хватки (в том числе и) на то, чтобы выбиться в андеграудные начальники или хотя бы знаменитости. То есть историю здесь, как и всюду, пишут победители (одержавшие победу над равными и лучшими), а победители всегда врут. Или, точнее, врут как победители.

Энциклопедический словарь составлен людьми добросовестными, но ограниченными. В меру сил объективными, но восторженными. В литературу влюблёнными, но без взаимности или хотя бы шанса на таковую. Собственно говоря, таких в подпольном движении (как и в официальной литературе) всегда было подавляющее большинство. Да и вообще, если бы выдающихся людей было много, они бы не выдавались.

Книга бесценна для изучателей, буде такие найдутся. Для финских диссертаций и свинских застолий. Даже для старческих разборок: вот про меня сколько! А про тебя - вполстолько! А про тебя, чучело, и вовсе ни слова!.. Книга недурна для надувания щёк (только не надо делать этого перед зеркалом). Для поисков «своего места в литературе» или даже - в истории литературы.

Как материал для размышления о встречах и невстречах. О близком и далёком. О чужом и родном и даже, страшно сказать, о показанном и противопоказанном.

Читать её подряд (как по редакторской привычке прочёл я) - невозможно, да и не нужно. Наименее важно здесь многократно в других источниках описанное, трафаретно-аллилуйское, ахматовски-сиротское, бродско-почтительное... В книге имеет смысл осторожно и уважительно, я бы даже сказал, трепетно покопаться, чтобы найти лично тебе неизвестное (или напрочь

забытое) - и тогда в ней и впрямь откроется немало интересного.

Откроются бессчётные, хотя здесь вроде бы сосчитанные (а также взвешенные и измеренные) судьбы людей, живших и до сих пор живущих литературой и только литературой (а вовсе не «от» неё, вовсе не за её счёт), служащих ей - Ей! - как Прекрасной Даме, которая, увы, лишена минимального милосердия, не говоря уж о простой бабьей жалости. Судьбы эти, порознь и вкупе и (за редчайшими исключениями) сами по себе, возможно, ничего не значат, но не будь монументального энциклопедического словаря, их как бы и не было вовсе. Поэтому спасибо словарю и его составителям - благое дело сделано, хотя, может быть, и не совсем то, какое было задумано.

2004

«Какой из меня Солженицын в Ясной Поляне?»

Новый роман Виктора Пелевина вышел в издательстве «Эксмо» стартовым тиражом в 150 100 экземпляров. Сотню представительских раздадут критикам; остальные твёрдо намерены продать. А потом посмотрят. Я, правда, в заветную сотню не попал или не дотерпел - и выложил за «Священную книгу оборотня» ровно десять долларов в деревянных. Книга по нынешней моде запечатана в целлофан - не листай в магазине, а хавай что дают, благо, Пелевин это бренд. За те же деньги тебе вручают и CD с саундтреком романа (!) - ну, это я, извините, слушать не стал. Может, и нет там никакого саундтрека, а так, примочка, - не знаю.

Когда книга выходит таким стартовым тиражом, коллеги, естественно, завидуют, критики клевещут, но на определённые жертвы приходится идти и автору. Он поневоле адаптирует манеру письма к восприятию массового читателя. Или, скорее, к восприятию издателя книжной продукции для масс. На этом (наряду со многим другим) поскользнулся Борис Акунин и растёкся *мысью* по древу Владимир Сорокин. Пелевин, похоже, просто умнее - и сумел вывернуться. Но тоже не без потерь.

Технику адаптации к массам можно проиллюстрировать на примере борьбы с критиками. С главным пелевинским хулителем Андреем Немзером. В предыдущем романе он фигурирует как *литературный критик Недотыкомзер.* Оно, конечно, хорошо, но никто не знает Немзера, никто не читал про недотыкомку, да и «литературный критик» - профессия отчасти загадочная. Поэтому в «Священной книге оборотня» появляется *пушкиновед Говнищер,* он же *Шитман (Shitman)* - простенько, но со вкусом. Пушкина знают все, говно *(shit)* - тем более; а кому надо, тот вспомнит, что несчастный Немзер в свободное от непрерывных литературных борений время занимается поэтами пушкинской поры.

Адаптации несомненно подверглось и название книги. Она, конечно, должна была называться по имени главной героини - «А Хули». Так зовут китайскую лисичку-оборотня пяти тысяч лет от роду, занимающуюся священной проституцией в современной Москве. Пока рыжая не влюбляется в генерал-лейтенанта ФСБ, оказывающегося поначалу скандинавским вервольфом, но под влиянием местных условий (главное из которых - любовь к А Хули) мутирующего

в простого русского пса. Тоже, правда, оборотня. Генерал и вервольф носят имя Георгий (подразумевается: Победоносец), а пёс отзывается на кличку Пиздец. И наступает... И собирается наступить всему... Во исполнение древнего пророчества о том, что конец света начнётся в городе, в котором разрушат храм, а потом воздвигнут на его месте другой, точно такой же. На протяжении тысячелетий посвящённые полагали, будто этим городом является Иерусалим, однако Юрий Лужков со своим *Христом СпасАтелем* (шутка из романа; впрочем, похоже, я слышал её раньше) подсуетился первым.

Время от времени Георгий, а потом и Пиздец воют на луну. Чтобы она дала нефть. Только уже не олигархам, а силовикам, которым тоже кушать хочется. Воют проникновенно - и луна даёт. В отличие от А Хули, которая *не даёт* клиентам, а лишь наводит на них соответствующий морок. Британские лорды и китайские даосы охотятся на лис, а лисы боятся даосов и охотятся на британских лордов. В романе упоминают (или подразумевают) фильмы «Ночной дозор», «Другой мир» и «Матрица» (с обоими сиквелами), обсуждают повсеместную виртуалыцину в свете старомодного солипсизма Беркли, говорят о лондонском покушении на ч*еченского эссеиста* с парой-тройкой телохранителей, убивают Говнищера, опускают ещё одного литературоведа - экслиберала и стукача Павла Ивановича (ранее фигурировавшего в прозе Пелевина под фамилией *Бесинский),* - много каламбурят на макаронической русско-английской основе (по известному лекалу: *пьянству - бой, пьянству - гёрл),* вспоминают китайские древности и нордические средневековости и почти не пользуются ни травкой, ни грибами, чтобы не искушать массового читателя. «Священная книга оборотня» практически бессюжетна и представляет собой апологию пофигизма или, если угодно, предостережение против злоупотребления таковым: мы, человеки, так и будем реагировать на происходящее русским аналогом выражения *What the fuck,* пока не наступит Полный Кантец Всему. Этот каламбур - *cunt* (англ). = *Kant* (нем). - я дарю писателю.

Михаил Булгаков в «Священной книге оборотня» упоминается тоже. Органы, оказывается, изъяли у него повесть «Собачье сердце», написанную по слухам о реальном Шарикове - героическом оборотне двадцатых годов прошлого века, полетевшем в космос в конце пятидесятых самым первым - до Белки и Стрелки. И павшем смертью храбрых. Важнее, однако, знаменитая сентенция о разрухе в головах - её Пелевин мог бы вынести в эпиграф к вынужденно переименованному роману «А Хули».

Потому что именно она - разруха в головах (а не в клозетах) - предмет до тошнотворности тщательного сатирического исследования в адаптированной для массового читателя книге Пелевина. Адаптирована, естественно, и сама разруха - с уровня идиотов из «НЛО» на уровень идиотов из «Совершенно секретно» и «Мегаполис-Экспресс».

Да ведь и впрямь, если проблему теодицеи вы постигаете на примере «Ночного дозора» и «Матрицы», то с вами можно и так. (А раз можно, значит, нужно - такова безупречная логика президента нашей страны, тоже, однако же, виртуальная). Но и прочитав *Белибердяева* (как шутил Маяковский), но и

написав о проблеме теодицеи, как она поставлена в устном диспуте Белибердяева с *Темирзяевым,* хоть в то же «НЛО», хоть в «Вопли» («Вопросы литературы»), хоть, прости господи, в «Звезду», - вы умнее не станете ни на йоту.

Просто в первом случае вас будет сто пятьдесят тысяч плюс сто (минимум), а во втором - сто (максимум), но и только. Потому что в голове у вас чертовщина, китайщина, виртуалыцина перемешаны с либералыциной, православщиной, сексуальщиной (у прозаика Юрия Буйды есть роман «...щина», правда скверный), а имя вам - сотня вас человек или полтораста тысяч - **легион,** а другое имя (пожалуй, уже подзабытое) - **образованщина.** Но *какой из меня Солженицын в Ясной Поляне?* - устами А Хули кокетничает Пелевин.

А ведь и впрямь - а хули?

Именно из него сейчас Солженицын в Ясной Поляне! И Василий Розанов, с обострённым наслаждением пьющий кровь еврейских младенцев! Того же Говнищера, например. И Василий Аксёнов, запекающий в пирожки из опресноков московское саго! И домашняя Деррида, и столичная Подорога, и философ-автохтон, известный под именем Би-Би Кинг! И Мишель Уэльбек, грамотно пишущий по-русски, в отличие от переводчиков самого Уэльбека!.. Чужие мысли читать невозможно, утверждает в романе А Хули, но Пелевин залезает в черепную коробку к **образованцу,** и описывает царящую там разруху, и издевается над нею как умеет.

А умеет он неплохо. Хотя раньше умел, пожалуй, получше. Но зато и разруха тогдашняя была не такой смешною.

2004

Краткий курс классической литературы

Читатель в письме, опубликованном на страницах журнала, и главный редактор в личной беседе попросили меня заняться рецензированием классической литературы, как если бы она была современной, и даже создать рекомендательный список шедевров, подлежащих прочтению в первую очередь. Увы, выполнить это пожелание трудно, чтобы не сказать невозможно, - если уж не читал ты отечественной и зарубежной классики до знакомства с рубрикой «Не вырубишь» в журнале «Город», то не бери в голову и впредь. Не в последнюю очередь потому, что она тебя наверняка сильно разочарует.

Классической принято называть в основном литературу XIX столетия, а само оно понимается при этом расширительно - с 1789-го (Великая Французская революция, если историю ты знаешь не лучше литературы) по 1914 год (Первая мировая война). Есть, правда, мнение, согласно которому литературный XIX век закончился не в 1914 году, а в 1910-м, когда футурист Маринетти принялся разбрасывать листовки с эстетическим манифестом с вершины Пизанской башни, но знать тебе это совершенно не обязательно.

Обратившись к классической литературе, ты обнаружишь, что она прежде всего невероятно многословна (писателям тогда платили по объёму) и, соответственно, страшно занудна. Отдельно ты спрашиваешь о Льве Толстом - и

это как раз самый тяжёлый случай: разночинец Достоевский тысячами страниц надиктовывал стенографистке (и даже женился на ней, лишь бы делать это бесплатно), а разночинец Некрасов строчил поэмищи исключительно для того, чтобы погасить карточные долги - а это дело чести, - тогда как богатый помещик Толстой писал и перемарывал впятеро больше из чисто садистического издевательства над читателем. Но и помянутый тобой Гоголь хорош лишь тем, что сжёг второй том «Мёртвых душ», - а ты попробуй-ка осиль первый! В одной из рецензий я указал известному критику Золотоносову на то, что он не читал Гоголя. Золотоносов тут же прочитал Гоголя от корки до корки и начал даже ссылаться на него чуть ли не в каждой статье, но ведь на то он и эрудит!

Или вот вопрос на засыпку: в каком городе разворачивается действие в романе Ф. М. Достоевского «Бесы»? Известный критик и литературовед Наталья Иванова полагает, что в Ското-Пригоньевске. А на самом деле?

А какая тебе разница?..

Порой классики пытались писать коротко, но их за это били линейкой по пальцам. Гончаров обвинил Тургенева в том, что тот крадёт сюжеты у него из головы, и притянул к суду чести. Читать сегодня, конечно же, нельзя ни того, ни другого.

Режиссёры говорят, будто любят Островского, Чехова, даже Горького, но это у них отговорка, чтобы не ставить современных драматургов. И их можно понять. - Некоторым нравится Бунин.

Всё по-настоящему стоящее в классической русской литературе давным-давно положено на музыку или экранизировано, а в последнее время вагонами завозится на телевизионную мыловарню. И что характерно, русский балет лучше русской оперы, а это означает, что классическая русская литература хороша без слов. Хотя, как известно, особенно слаба в области сюжета. Русский рассказ - это та же западная новелла, только не занимательная.

Перехожу к литературе зарубежной.

Она пользовалась у нас не в пример большим успехом по вполне понятной причине: её не проходили и не проходят в школе. Но если отвлечься от этого обстоятельства...

Диккенс написал один хороший роман - да и тот хорош только потому, что остался незавершённым. Жорж Санд была женщиной вроде известной тебе кавалерист-девицы. Бальзак, Золя, Мопассан? Ну зачем тебе - при нашем-то телевидении - Мопассан? И зачем читать помянутого тобой Джека Лондона? Лучше «Жизнь животных» Брема - отдельно и «Так говорил Заратустра» - тоже отдельно.

Редкая книга долетит до середины столетия. А уж до другого берега... И названия этих - считанных - книг на слуху. И вполне можно обойтись одними названиями. Дон Кихот! Дон Гуан! Дон-Аминадо!

Читал Дон-Аминадо? Нет - и не надо!

Хемингуэй (классик XX века, тоже уже безнадёжно устаревший) говорит,

что Гертруда Стайн (а это имя и вовсе - растереть и забыть!) рекомендовала ему покупать картины ровесников. Потом, мол, они прославятся, а ты разбогатеешь. Вот и читать надо ровесников. И тех, кто моложе. В крайнем случае - написанное за последние полвека. Иначе всё равно ничего не поймёшь, а главное, не почувствуешь.

А как же классика? Её надо знать: а) писателям - чтобы было откуда красть; б) критикам - чтобы ловить писателей за руку; в) литературоведам - чтобы изучать; г) лингвистам - чтобы изыскивать примеры устаревшего словоупотребления.

Но ты-то человек нормальный, зачем тебе эта морока?

Ещё классику принято читать в детском и отроческом возрасте, пока запрещают. Сам я выучился читать в четыре года, и первой моей книгой стала эротическая поэма Пушкина «Руслан и Людмила». Очень понравилось. Правда, мне её читали и раньше - и к трём годам я уже знал её наизусть. Моя дочь в том же возрасте знала наизусть первый том американского двухтомника Мандельштама, а внучка - полного Олега Григорьева. Так что само понятие «классика» - штука подвижная.

Ещё классику можно перечитывать - но это только если ты читал её ранее. И переиздавать - классика для издателя хороша тем, что не надо спрашивать авторского согласия (впрочем, и здравствующие авторы соглашаются всегда) и платить авторское вознаграждение. Расходится классика недурно - не потому, что хороша сама по себе, а в силу раскрученности брендов. В последние месяцы со свистом улетает «Идиот» Достоевского. Скоро пойдёт с лотков «Мастер и Маргарита» хотя это уже классика советского времени.

Есть ещё понятие «живой классик», но оно несколько сомнительно: при жизни классиками считаются одни, а в исторической ретроспективе - совершенно другие.

И хотя бы поэтому особый смысл имеет читать автора этих строк...

2006

Крах острова Крым

В 2000-м, на рубеже веков и тысячелетий, сенсационно «выстрелил» романом «Укус ангела» подчёркнуто камерный до тех пор Павел Крусанов. Если Виктору Пелевину в романе «Generation „П"» довелось подвести черту под девяностыми - или, вернее, поставить на них жирный крест, - то «Укус ангела» был воспринят чуть ли не всеми как прорыв в будущее: альтернативное будущее, разумеется, и, что ещё важнее, - вариативное (как варьировались от «пропаганды русского фашизма» до «злобного глумления над имперским проектом» и оценки романа). Размышляя над причиной этого успеха, а точнее, меры этого успеха, я тогда же указал на поразительное сразу в нескольких отношениях совпадение: роман, посвящённый восхождению к верховной власти в России некоего неприметного и никому не известного человечка, роман, который каждый волен был трактовать как угодно, причём не без оснований, почерпнутых из самого текста, - вышел как раз в то время, когда чуть ли не вся

страна «в надежде славы и добра» приветствовала приход во власть подполковника КГБ Путина, при том что «славой и добром» люди считали вещи совершенно разные, сплошь и рядом противоположные и даже взаимоисключающие. Роман воспринимался амбивалентно, и Путин воспринимался амбивалентно - и две эти амбивалентности совпали, как два туза в прикупе. Путин стал президентом, а его земляк Крусанов - культовым писателем.

Важно, однако, подчеркнуть, что роман Крусанова прочитывался как бунтарский. Но если бы только это! Как бунт воспринималось и восхождение «серого подполковника» - ельцинского выдвиженца и назначенца, в рамках операции «Преемник» разыгрывающего роль анти-Ельцина!

Творческое сознание всегда фашизоидно. Между Творцом Всего Сущего и тварью дрожащей художник занимает промежуточную позицию сверхчеловека. Мораль он презирает, а при слове «культура» (мёртвая культура!) хватается за маузер. Соперники - которых он не считает соперниками - нужны ему только затем, чтобы их уничтожить, потому что борется он не с ними, а, подобно Иакову, с самим Творцом. Борется за міръ - и, будучи не в силах одержать верх, создаёт в конце концов міръ собственный, в котором чувствует себя - и фактически является - Вседержителем. И этот Міръ - независимо от человеческих качеств и мировоззренческих позиций его творца - неизменно оказывается устроен как Освенцим.

Такова творческая фашизоидность **первого порядка,** но есть и фашизоидность **второго порядка.** Каким бы индивидуалистом ни был сам художник, в творчестве он апеллирует к коллективному бессознательному, включая самые тёмные атавистические инстинкты (и начиная с них), он - в меру сил и возможностей - перманентно провоцирует «восстание масс», он говорит: *Blut und Boden!* - и, по сути дела, не говорит ничего другого. А когда ему заказывают (методом «социального заказа» в том числе) что-нибудь оптимистично умеренное (и хотя бы умеренно оптимистичное), у него не получается ничего - или всё равно получается то же самое.

На протяжении девяностых в нашей литературе, уже отвергшей «социалистический выбор» и хорошенько оттоптавшейся на имени Сталин и на мавзолейной мумии, существовал щедро проавансированный заказ на «капиталистический оптимизм» - на, условно говоря, «Остров Крым» во всероссийской, но по-западному глянцевой упаковке. Конкретные предложения - от чикагских мальчиков, как их тогда называли, а чуть позже от Березовского, Гусинского и Ходорковского - получили, допустим, Михаил Веллер и Александр Мелихов; изрядную премию «за творческую пропаганду капитализма» (хотя сформулировано это было как-то по-другому, через понятие «либерализм») учредило на спонсорские деньги нищее «Знамя»; на ту же мельницу лили воду институт «Русского Букера» и множество зарубежных премий (те же люди и те же принципы торжествовали и при присуждении Государственной), не говоря уж об «Открытом обществе» Джорджа Сороса. Людей покупали членством в ПЕН-клубе, грантами, стипендиями, зарубежными командировками и лекционными турне - и люди, разумеется, покупались. Или, конечно же,

продавались. Вот только не получалось у них ничего - или получалось заведомо фашизоидное (второго порядка), как, скажем, у букеровского лауреата Владимира Маканина или председателя одного из букеровских жюри Михаила Кураева.

«Патриотическую», по самоопределению, литературу (Распутина и пр). я здесь вообще не рассматриваю - она всё десятилетие пребывала в изоляции, в карантине, в творческой резервации; речь идёт исключительно о «демократах», «либералах» и «консерваторах» - все они, кроме откровенно третьесортной эмигрантской швали, безуспешно пытались, вынеся по частям с завода, собрать капиталистический пылесос - и получался у них в лучшем случае автомат Калашникова. К концу девяностых - с их явно катастрофическими ожиданиями и с антиутопией и «чернухой» (в лучшем случае - с тотальной иронией) как адекватными эсхатологическим настроениям жанрами - крах проекта «Остров Крым» обозначился окончательно.

Бунтарство сразу же приняло антипутинский (или, как выразился в жанре либерального доноса критик Немзер, антигосударственный) характер. «Господин Гексоген» Александра Проханова - роман «патриота», встреченный на ура значительной частью либералов (или уже былых либералов?), - послужил точкой отсчёта. Сочинения в «антигосударственном» жанре, как правило подписанные звучными именами, начали появляться чуть ли не ежеквартально - вплоть до «2008» Сергея Доренко и памфлета «Лимонов против Путина». Любопытной разновидностью антипутинского романа стали «Большая пайка» и в особенности «Меньшее зло» - апологетика Бориса Березовского, предпринятая его другом и сподвижником Юлием Дубовым, а также другие произведения, написанные во славу опальных олигархов, прежде всего Ходорковского. Причём выяснилась любопытная вещь: прозаикам и публицистам, бессильным воспеть капитализм как таковой, удалось сделать это по контрасту, выигрышно противопоставив ворюг кровопийцам, а точнее, заведомых ворюг - заранее подозреваемым в кровопийстве властям.

Впрочем, наряду с, условно говоря, политическим романом, дух бунтарства овладел и литературой бытового содержания (но всё же не масскультом), придав ей неслыханную доселе асоциальность с выраженным антибуржуазным уклоном. Сергей Болмат («Сами по себе»), Гаррос-Евдокимов («(Голово)ломка») и даже Татьяна Москвина («Смерть это все мужчины») не только возопили по-цветаевски: «С волками площадей отказываюсь выть!», но и принялись этих самых волков (слава богу, исключительно компьютерной мышкой) поодиночке и целыми стаями отстреливать.

Отстреливаемые буржуины не сразу, но организовали вооружённую оборону: Владимир Спектор, Оксана Робски, Сергей Минаев (в порядке публикации первых вещей) заговорили о презрении к «взбесившемуся обывателю» (а именно так, напомню, характеризовал фашистов Лев Троцкий), а точнее, разумеется, - к взбесившемуся клерку, к взбесившемуся интеллигенту, взбесившемуся и вообразившему себя писателем-вседержителем. Правда, претензии денежных мешков на новую - чуть ли не жертвенную - элитарность оказались в литературном смысле недостаточно обеспечены. Богатые тоже

плачут, но Москва не верит их слезам.

Взбунтовались в литературе и парии - от косноязычных «тёлок», которым надоело быть только «тёлками», до замшелых тёток, от «мастеров низшего пилотажа» до мелких драгдилеров, прогоревших коммерсов и пустившихся в бега правильных пацанов. Читатель простит, если я в данном случае обойдусь без конкретных примеров. Однако, поверив их совокупному литературному свидетельству, понимаешь: на блаженном острове Крым втихомолку точат ножи и они. Не зря же получил такое широкое распространение миф о больных СПИДом, из мести кусающих почтенную публику прямо на улице. Месть - ключевое слово; любой бунт рождается из желания отомстить.

Особый случай литературного бунтарства - феноменальное по объёму и крайне разнородное по качеству творчество Дмитрия Быкова. Быков бунтует прежде всего против недостаточного внимания к собственной персоне; этот мятеж уже следует называть иначе - Быков стал знаменитостью, но (как в милицейском протоколе из анекдота) «убрал, но не прекратил». Подлинная причина моноспектакля «Двенадцать разгневанных мужчин» отпала - и ярость, да и вдохновение приходится имитировать.

Нечто весьма похожее произошло ближе к середине нулевых и с Прохановым: после присуждения писателю «НацБеста» за всё тот же «Гексоген» он вошёл в литературный и, прежде всего, телевизионный истеблишмент на правах чуть ли не официально провозглашённого «клеветника России». И дело, разумеется, не в градусе «антигосударственной клеветы» (Проханов её ничуть не разбодяжил), а в её стилистической витиеватости - и хотя бы поэтому нулевой опасности для властей предержащих. Осознавая это, писатель выпустил в 2006-м откровенную и сознательную автопародию - роман «Теплоход „Иосиф Бродский"», - в которой смеётся (в том числе и не в последнюю очередь) над собой в литературно-профетической своей ипостаси.

Случай Проханова вроде бы подтверждает приблизительные, слишком приблизительные, на мой взгляд, рассуждения американского русиста Михаила Ямпольского об адаптации бунтарей режимом и о социально-психологической исчерпанности любого бунтарства. Монолог Ямпольского строится по распространённой на Западе лжефилософской схеме: сначала вбрасывается тезис, трактуемый почему-то как аксиома, потом на основе «аксиомы» строится эвристическая модель - и наконец уже под неё подгоняется вся конкретика. А почему, собственно, «машиной желания» (в терминах Ямпольского) является консумация (или, допустим, Интернет), а не Царство Божье? И разве церковь (независимо от конфессии) не развивается тысячелетиями по законам сетевого маркетинга? И не гибнут, устремляясь в мусульманский рай, бунтари-шахиды? Но осознай первое, признай второе, засвидетельствуй третье - и слух о смерти бунтарства в плавильном котле общества потребления окажется, мягко говоря, преувеличенным. Что же касается Проханова, да и Быкова - с их почти тридцатилетней разницей в возрасте, - то и там и тут рука бойца колоть устала, но махалово продолжается по инерции. По инерции, но тем не менее продолжается!

Разумеется, литературное бунтарство есть замещение другого бунтарства -

подлинного. Наличие изрядного - и всё множащегося - числа певцов во стане русских воинов рельефно подчёркивает вопиющее отсутствие самого воинства (не говоря уж об отсутствии стана). Кукиш в кармане, к которому все привыкли в годы застоя (и который безуспешно пытались преобразовать в трехперстье на протяжении всех девяностых), оказался извлечён из широких штанин и показан властям - и политическим властям, и экономическим. Грозящим нам, соответственно, смертью или голодной смертью (по Марксу). Сегодняшняя реальность, однако, в том, что ни тем, ни другим они не грозят - или, вернее, бессильны реализовать объективно исходящую от них угрозу.

Литературное бунтарство заметнее, допустим, киношного - но только потому, что комбинацию из трёх пальцев сложить куда легче, чем из трёх десятков людей и минимум трёхсот тысяч долларов. Да и персонифицированнее это выходит, а значит, и нагляднее.

Ну и, наконец, сегодняшние писатели в основном народ молодой и - в силу не столько объективных обстоятельств, сколько некоего общего разгильдяйства - бедный. Молодой (Проханов с Лимоновым, да уже и Быков, - исключения, подтверждающие общее правило), злой, голодный - классическая формула предпосылок для бунта. Предпосылок для которого хоть отбавляй и в жизни - вот только никому его не хочется. Никому, кроме разве что нацболов.

И как раз нацболы (и о нацболах) пишут сегодня в формате художественной литературы интереснее и свежее всего. (Подробно я рассмотрел этот вопрос в статье «Нацболь»). Нацбольская - и по партийной принадлежности авторов (начиная с Захара Прилепина), и по духу - проза завоёвывает одни литературные позиции за другими, проповедуя прежде всего жертвенность как выход из личного тупика и кровавое насилие как выход из тупика общественного. Правда, идёт ли подготовка к всамделишному восстанию, или же имеет место очередное его замещение, я на данный момент судить не возьмусь. Конечно же, в той или иной мере происходит и то и другое - но вот какая тенденция возобладает?

2006

Между Трегубовой и Ходорковским

Признанный политический бестселлер минувшей осени - «Байки кремлёвского диггера» кремлёвской журналистки Елены Трегубовой. Признанный политический бестселлер заканчивающейся весны - *«Избранные друзья из переписки с местами»* лефортовского сидельца Михаила Ходорковского. Книга Марии Арбатовой «Как я честно пыталась попасть в Думу» (издательство «Эксмо») вышла зимой и осталась практически незамеченной. Меж тем о теории и практике отечественного либерализма у писательницы Арбатовой сказано убедительнее, чем у Ходорковского, а портреты «вождей» вышли колоритнее, чем у Трегубовой. Чего стоит хотя бы собирательный образ эспээсовского семейства!

Анатолий Чубайс - «папа». Он поздно (и редко) приходит домой с работы; приходит злой и усталый; ему надо подать чай и тапочки и встать перед ним навытяжку, потому что он всех кормит.

Егор Гайдар - «мама». Обрюзгшая, постаревшая, неряшливая, совершенно беспомощная. Но умеющая чуть что устроить скандал, визгливым голосом заорав: «Я вас всех породила!»

Борис Немцов и Ирина Хакамада - «детки». Слишком яркие и красивые для того, чтобы появиться у таких «папы» с «мамой», и поэтому изредка им дерзящие. С тем чтобы тут же попросить прощения.

Сергей Кириенко - «приёмыш». Из кожи вон лезущий в стремлении доказать, что он заслуживает любви ничуть не меньше «родных детей». А может, и больше. Но против генетики не попрёшь.

Саму себя, пошедшую было во власть в 1999 году и либеральной компашкой нагло преданную (чему, собственно, и посвящена книга), Арбатова «прописывает» в «семействе» следующим образом: «папа» невзлюбил её, подозревая, что она не его «дочь», а «мама» - потому что «дочь» отказывалась мыть ей ноги и, главное, пить грязную воду. А «мама» это обожает - и кормит на «папины» деньги только тех, кто соглашается. Ситуация усугубляется тем, что *мой второй бывший муж* (Арбатова) политолог Олег Вите работает на «папу» с «мамой» - и по итогам почти победоносной, вопреки всему, избирательной кампании многолетний счастливый брак рушится. Но Мария Арбатова не унывает.

Начинала Арбатова секретаршей в Московском союзе писателей («Ничего не умеет, кроме кофе и минета», - сказано в книге по другому поводу) - и здоровую ненависть к литературным кругам, да и к творческой интеллигенции в целом, сохранила, разумеется, навсегда. Писала повести и пьесы, подвизалась на телевидении экспертом в передаче «Я сама». Прославилась сильной автобиографической книгой «Мне сорок лет», сочинила вдогонку ещё пяток, адресованных прежде всего женской аудитории. Научила женщин не столько говорить, сколько качать права - по преимуществу на собственном примере. Считает себя умницей, красавицей, отличной любовницей, женой, матерью, литературным талантищем на грани гениальности, одной из самых популярных женщин в стране. И, понятно, феминисткой.

Нормальной феминисткой - в отличие от тех, кого презрительно именует *грантососами* (правильнее, конечно, было бы - «грантососками», но феминизм мешает), тогда как сами феминистки аттестуют Арбатову своим западным работодателям непереводимыми русскими словами. У Арбатовой то ли врождённая, то ли благоприобретённая в весьма драматических обстоятельствах (о чём она откровенно пишет в автобиографическом романе) самоуверенность самого непрошибаемого свойства. Подобно Солженицыну, она уверена в собственных правоте и превосходстве везде и всегда и - опять-таки подобно ему - единственным своим изъяном считает чрезмерную доверчивость, чтобы не сказать наивность. Хотя это, конечно, палка о двух концах: чем ты наивнее, тем самоувереннее (и наоборот). А пессимист - это хорошо информированный оптимист.

В политику Арбатова ринулась по призыву Галины Старовойтовой. Что «не есть хорошо». При всех своих достоинствах покойная Галина Васильевна кадры подбирать не умела. Достаточно вспомнить клоунов, которых она двинула было

в питерский ЗакС в составе блока «Северная столица». С Арбатовой Старовойтова хотела сформировать женский демблок на выборах в Думу - Галина Васильевна первый номер, Мария Ивановна - второй, а третий - то ли Элла Памфилова, то ли Ирина Хакамада. Но судьба распорядилась по-другому...

Ещё в 1996-м Олег Вите с женой оказались на правительственной даче Волынское-2, где «лучшие умы» на протяжении нескольких месяцев сочиняли за счёт налогоплательщиков предвыборную программу кандидату в президенты Ельцину. Мария Арбатова и сама попробовала - и вошла во вкус, а главное, поняла, что не боги горшки обжигают. И что пишет она - политическую абракадабру в том числе - ничуть не хуже светлых голов и золотых перьев из либерального стана. А с «народом» общается даже лучше: женщины её любят, а мужчины хотят. И какое-то время спустя «мама» Гайдар предложил ей баллотироваться в Думу. Правда, только по федеральному округу, а не по партийному списку, места в котором были заранее распределены и (чаще) распроданы.

У петербургского писателя Сергея Носова есть роман «Дайте мне обезьяну» о предвыборной борьбе в губернском городе. Как большой поклонник Носова с грустью констатирую: Арбатова пишет о том же куда сочнее. Чёрные технологии в исполнении моих добрых приятелей Вячеслава Курицына и Григория Нехорошева выглядят на страницах её книги невинными шалостями по сравнению с тем, что вытворяют «папа» с «мамой» (особенно «мама»). И, конечно, главный конкурент Арбатовой по Университетскому округу Москвы - экс-министр финансов «яблочник» Михаил Задорнов, которого к сфальсифицированной победе на выборах приводят скоординированные усилия мэра Лужкова, «мамы» Гайдара, подельников по разворовыванию преддефолтного транша МВФ и солнцевской братвы.

И всё это - в условиях бойкота Арбатовой всеми СМИ. С проломленной головой начальника штаба, неоднократными предложениями «отступных», шантажом и угрозами. С заманиванием на групповые оргии под видом предвыборной агитации и с прочими подставами. С выдвижением «позорного» двойника Арбатовой - скандальной журналистки Дарьи Асламовой. И с иными прелестями, лишь вприглядку описанными, допустим, Пелевиным. Мария Арбатова испытывает всё мыслимое и немыслимое на собственной шкуре. Лишь ближе ко дню выборов догадавшись о том, что вожди либералов заранее «сдали» её, и лишь задним числом услышав однозначное: *«...ваша популярность была очень удобна потому, что вами можно было попугать Задорнова, чтобы он полизал им ботинки. Когда уровень лизания их устроил, вас дезактивировали...»*

И всё равно Маша чуть было не одержала победу! Потому что горшки и впрямь обжигают не боги. А наш политический класс... Хорошо, что он постепенно сходит со сцены. Плохо, конечно, что вот-вот дадут занавес... Что его уже дали, да только механизм, как всегда, заело... И то, что его в очередной раз заело, - это опять-таки хорошо... Видите, по прочтении забавно-самовлюблённых и пугающе-наивных политоткровений столичной курочки, попавшей в либеральный ощип, мне и самому удалось настроиться на относительно оптимистический лад. Партию какую-нибудь учредить, что ли? Или

сочинить свежую порцию мемуаров? Да ладно, не бойтесь. Это дедушка так шутит.

2004

Можно ли забеременеть от Дэна Брауна?

Ровно семь лет назад, в первую-вторую декаду пресловутого дефолта, население, скидывая стремительно легчающие рубли, штурмовало магазины. В том числе и книжные, хотя главный потребительский удар почему-то пришёлся на растительное масло и зелёный горошек. Цена на которые, скакнув сразу вчетверо, затем застыла и, вопреки более чем двукратной инфляции, держится на уровне сентября-98 до сих пор. Мы, однако же, говорим о книгах.

Наполеоновский пожар, как известно, способствовал украшенью Москвы, тогда как ельцинский дефолт дал мощный импульс отечественной промышленности. Лёгкой и пищевой, прежде всего; но и книгоизданию тоже. Причём развитие пошло под знаком импортозамещения, аналогового и лицензионного, включая такой спецэффект, как местная сборка из западных запчастей. И если применительно к пиву, сокам, сосискам, холодильникам с телевизорами и даже легковушкам это оказалось в значительной степени вынужденной мерой, то в литературе импортозамещение стало модой.

Модой неоднозначной, как неоднозначен, впрочем, этот феномен и сам по себе: колбаса отечественная при прочих равных лучше импортной, а сыр хуже. Калининградские лимузины надёжны, но непрестижны.

Под Милорада Павича пишут хорошо, а под Рю Мураками плохо. Истина всякий раз конкретна.

Всемирный литературный успех Дэна Брауна (и спровоцированный этим успехом рецидив читательского внимания к Перес-Реверте), разумеется, не мог оставить отечественных импортозамещателей равнодушными. Культурологический с уклоном в конспирологию или, наоборот, конспирологический с акцентом на культурологию боевик местной сборки должен был появиться не сегодня-завтра. Вопрос стоял только так: кто подсуетится первым?

И теперь на этот вопрос есть ответ: первым оказался некий Арсен Ревазов, глава рекламного агентства (или целой сети рекламных агентств), дебютировавший в издательстве «Ad Marginem» романом «Одиночество-12». Стартовый тираж хорош, сопутствующая рекламная кампания вполне под стать основной профессии начинающего писателя; пятисотстраничный роман-fusion (то есть, если кто запамятовал, смесь чуть ли не всех национальных кухонь в одном меню) обречён прирасти сиквелами хотя бы потому, что обрывается на самом интересном месте. «Конец тридцать четвёртой главы и третьей части», - уже спася мир (но надолго ли?), кокетничает автор.

Мировой успех пришёл к Дэну Брауну после «Кода Да Винчи», резко осуждённого католической церковью. В романе последовательно разгадывается тайна Джоконды и утверждается, будто Христос женился на Магдалине и прижил с ней сына. Столь масштабный замысел - во всей его неоригинальности

и нелепости - превзойти непросто, но владелец рекламного агентства справляется с этой задачей играючи! В романе «Одино-чество-12» разгадана тайна жизни и смерти и предложена новая модель мироздания. Модель, ясен пень, местной (московской) сборки.

Загробный мир, оказывается, всё-таки существует, только он не загробный, а параллельный. И хотя, попав туда после смерти, вернуться в наш мир уже невозможно, экскурсии отсюда туда дозволяются. Для этого в старину надо было принять натуральный наркотик, а в наши дни сойдёт синтетический. В частности, автор настойчиво рекомендует кетамин.

А в параллельном мире, точь-в-точь как у нас, перманентный энергетический кризис. Только нужны там не нефть с электричеством, а человеческие страдания, из которых параллелыцики умеют выкачивать отрицательную энергию и преобразовывать её для собственных нужд в положительную. Соответственно, параллелыцики и их агенты среди нас - зловещая секта *хатов* - на протяжении тысячелетий всячески пакостят людям, а здесь и сейчас вознамериваются захватить власть в России, с тем чтобы она развязала атомную войну и снабдила тем самым энергией параллельный мир раз и навсегда.

До всего этого постепенно додумываются трое сорокалетних москвичей - владелец небольшого рекламного агентства, крупный бизнесмен средней руки и гениальный компьютерщик (его нанимает на службу Билл Гейтс). Додумываются в ходе длительных компьютерных и полевых изысканий - последние сплошь и рядом проходят с риском для жизни, - побывав и в буддийском монастыре в Японии, и в коптском храме в Иерусалиме, и на приёме у будущего папы в Ватикане, хотя истина, как в «Секретных материалах», находится где-то рядом, и главной инфернальщицей в конце концов оказывается жена компьютерщика, она же сестра рекламщика.

А начинают друзья своё расследование после того, как ещё одному их другу прямо в московской квартире ни с того ни с сего отрезают голову. Отрезают, разумеется, хаты - но друзья об этом (равно как и о самом существовании хатов) пока не догадываются. Друг, которому отрезали голову, тоже был хатом, но собрался эту организацию покинуть. Голову же ему отрезали (и затем закоптили), чтобы и в параллельном мире ему жизнь мёдом не казалась. Практику отрезания и копчения голов хаты позаимствовали у зловещих индейцев-людоедов (шуаров) из бассейна Амазонки, с которыми скорефанились в загробном царстве: рыбак рыбака видит издалека. Кстати говоря, В. И. Ленин, столкнувшись с необходимостью перевести аналог этой поговорки с французского на русский, перевёл её так: ворон ворону глаз не выклюет.

В ходе расследования друзья (а вслед за ними и читатель) узнают массу любопытного: оказывается, первой вышла в параллельный мир египетская женщина-фараон, но и у древних греков имелся аналогичный опыт, отрефлектированный, в частности, в «Илиаде». А вот у евреев с параллелыциками как-то с самого начала не заладилось. Точнее, у иудеев - как-то это завязано на единобожии. И у буддистов, хотя там свои тараканы. И вообще, чувствуется, что, готовя к употреблению новую модель мироздания,

наш Дэн Браун, он же Арсен Ревазов, долгие часы провёл в Библиотеке Мошкова.

Бестселлером «Одиночество-12» не стало - и, похоже, уже не станет. Взыскательный читатель презрительно отмахнётся; невзыскательный подсел на Лукьяненко; «среднелобый», как говорят в Америке, молодой клерк, которому, в первую очередь, и адресован роман, пьёт чешское, немецкое или мексиканское пиво, а не его отечественные аналоги и предпочтёт поэтому Брауна и Реверте доморощенному Ревазову. Хотя чем чёрт не шутит.

Важно осознать, что импортозамещение конспирологического боевика, он же криптодетектив, начатое Ревазовым, на нём всё равно не закончится. И свои модели мироздания местной сборки обкатывают сегодня по всей стране на десятках, а может, и на сотнях компьютеров. И поэтому не только слегка экзотическое звучание фамилии первопроходца заставляет вспомнить классический вопрос «армянского радио»: *может ли забеременеть мужчина от мужчины?* И ответ «армянского радио»: *думаем, что нет, но по всей Армении идут опыты.*

2005

На золотом тельце сидели

Когда роман Оксаны Робски «Casual (Повседневное)» попал в шорт-лист престижной премии «Национальный бестселлер», литературная общественность расценила этот успех как сенсацию и симптом.

С одной стороны, заведомо бульварное чтиво ещё никогда не показывало в премиальных гонках таких результатов (присудили, правда, однажды премию «Анти-букер» Б. Акунину за роман «Коронация», но это был сравнительно ранний Акунин и, соответственно, не полностью запаршивевший) - и это означает, что произошла или вот-вот произойдёт полная смена «литературной ориентации», премиальной в том числе.

С другой, само название премии - при поверхностном прочтении - ориентирует прежде всего на коммерческий эффект, а продажи первого романа *«хозяйки модной галереи, экс-владелицы агентства женщинтелохранителей, журналистки и сценариста»,* и, главное, *«гламурной героини светских хроник»,* оказались на диво хороши - и в шорт-листе с участием Дмитрия Быкова, Олега Зайончковского, Татьяны Москвиной, Захара Прилепина и Михаила Шишкина дебютантку поспешили объявить чуть ли не главной фавориткой и, больше того, тут же принялись активно «против неё» дружить: в московском кафе «Билингва» состоялось присуждение альтернативного «НацБеста» под лозунгом: **«Робски не пройдёт!»**

С третьей, бульварное чтиво, предложенное бальзаковских лет девушкой, пишущей своё имя так, чтобы мы сразу поняли, что у неё всё в порядке, - ОКсана, - вполне может показаться далеко не столь бульварным и даже вовсе не чтивом.

Так или иначе, состоящее из «просвещённых читателей» Малое жюри - критик Александр Гаврилов, декоратор Андрей Дмитриев, телеведущая Светлана Конеген, диакон Андрей Кураев, писатель Виктор Пелевин, режиссёр

Кирилл Серебренников под председательством первого лауреата «НацБеста» прозаика Леонида Юзефовича - не дало Робски (номинированной на премию издателем Константином Тублиным и выведенной в шорт-лист голосами московского писателя Дмитрия Стахова и петербургской актрисы Ольги Скидановой) ни одного балла. Премия в несколько тысяч у. е. и гарантированное Оргкомитетом издание тиражом в 50 тысяч экземпляров достались «новому швейцарцу» Шишкину с романом «Венерин волос», представляющим собой трудное, изысканное и, на иной взгляд, духоподъемное чтение.

«У России друзей нет, но ей и не надо», - отчеканил один из самых успешных Романовых, Александр Третий. У Оксаны Робски нет премии «Национальный бестселлер», но она со своими тиражами и гонорарами (не говоря уж о галерее и спонсорах) наверняка перетопчется. Тем более что попадание в шорт-лист само по себе колоссальная дополнительная реклама и, разумеется, немалая честь.

Что ж это за штука такая - «Casual» - и почему её прочли все, причём, как правило, «на одном дыхании» или «в один присест»? Сперва прочли, а потом «перечитают», припав к экрану, - ведь по «Повседневному» наверняка снимут сериал - не зря же среди издателей, наряду с круто поднявшимся на Гарри Потере «РОС-МЭНом», значатся «Кинокомпания „Квид"» и ЗАО «Пигмалион Продакшн».

Прежде всего отмечу, что роман весьма недурно написан. Без стилистических изысков, но бойко, грамотно, технологически убедительно и психологически достоверно. Наверное, они - «гламурные героини светских хроник» - так и живут, так и думают, так и говорят, разве что ещё непременно - с матком, а в романе Робски нет ни одного грубого слова, что поневоле заставляет вспомнить анекдот о манерных мастерицах орального секса, непременно пользующихся ножом и вилкой.

Роман многослоен: тут тебе и детективная история, и производственная, и семейная, и любовная (причём не одна), и групповой портрет светских львиц. Каждая линия по-своему хороша, но особенно впечатляет, понятно, последняя. Однако обо всём по порядку.

У героини убивают мужа. Она разоблачает убийцу и пускает по его следу киллера. Увы, разоблачение оказывается подставой, и киллер убирает «не того парня». Правда, тоже, разумеется, порядочного мерзавца.

Героиня - и сама находящаяся на подозрении у слепых и продажных «органов» - проводит повторное следствие, выявляет подлинного убийцу и решает расправиться с ним собственноручно (её приятель-киллер успел стать начальником службы охраны своего однокашника-бизнесмена, а потом убрал работодателя и унаследовал его бизнес, так что ему теперь не до мелких заказов). Но не успевает. Введённый ею в курс дела приятель мужа, крупный бизнесмен средней руки, расправляется с Вовой Крысой сам, послав к нему своего киллера. Личные киллеры в этом кругу есть у всех - как золотые дисконтные карты дорогих магазинов и модных ресторанов.

Избывая тоску по мужу, героиня мутит собственный бизнес с бюджетом рекламной кампании в миллион долларов. Поначалу дело идёт успешно, но

затем её предаёт наёмный работник и «недружественно поглощает» крупная компания. Хорошо хоть, в последний момент не пускает по миру, а предлагает приличные отступные.

Мужа (горячо любимого) героиня прогнала, уличив в измене, за неделю до убийства, а после похорон всплыла - причём оказалась беременной - и разлучница. Впоследствии разоблачённая как авантюристка - и ребёнок не от мужа героини, и ещё не ликвидированный к этому времени Вова Крыса в родных брательниках. Что не помешало героине повести себя в высшей степени благородно: родившегося через кесарево сечение «внучка» пристроить к родителям покойного мужа, а мошеннице - купить квартиру и сплавить собственного поклонника (и одноразового любовника) англичанина. Но люди низкого звания подлы и неблагодарны - даже прислуги приличной не сыщешь, пока не выпишешь с Филиппин, а мы, утверждает повествовательница, первые богатые девушки во всей Москве.

Очередной душевный кризис и новую порцию подозрений в убийстве (уже в убийстве Крысы) героиня решает, по совету того же крупного бизнесмена средней руки, пересидеть в Индии, пока он не замнёт дело с помощью оборотней в погонах. Но в салоне первого класса соседом героини оказывается некий Костя, который в конце концов соглашается *«финансировать этот проект. И все остальные проекты в моей жизни тоже...»* На сей счастливой ноте - без уточнения, впрочем, матримониального статуса Кости - книга заканчивается.

За рамками нашего пересказа остался групповой портрет светских львиц - в этой книге главный. Не столько, пожалуй, львиц, сколько тёлок. Не слишком молодых, но шикарных тёлок, пребывающих в вечной охоте на золотого тельца. Крупного бизнесмена средней руки или, в идеале, олигарха. Которого нужно охмурить, развести на бабки и - в идеале - с женой, а потом женить на себе. Или (если он на тебе женат) - удержать всеми правдами и неправдами. Лучше всего - чтобы не чувствовать себя потаскухой - в него влюбиться, хотя это в общем-то не обязательно: оттянуться всегда можно со стриптизёрами из «Красной Шапочки» или с турецкими аниматорами. А твой без пяти минут олигарх будет дарить тебе розы (сотнями), шубы (полудюжинами), мебель (гарнитурами), «мерседесы» (штуками) и дома на Рублёвке... По имени названа только Ксюша Собчак - причём с завистью к бриллиантам, а главное, к молодости единокровной сестры питерской демократии (матери у демократии и у Ксюши всё же, хочется верить, разные).

Все эти тёлки чувствуют себя, прошу прощения, принцессами, хотя по возрасту больше смахивают на великих княгинь. И мечутся то к батюшке на исповедь, то к пластическому хирургу на какую-нибудь липосакцию. И садятся на диету весной, чтобы летом хорошо выглядеть в бикини и без. А осенью и зимой буквально обжираются в ресторанах, цены в которых, по слову самой повествовательницы, можно оправдать только тем, что официанты расхаживают в униформе от Армани, тогда как клиенты безуспешно пытаются их перещеголять.

Групповой портрет тёлок в романе чрезвычайно хорош - яркий, контрастный, где надо - выпуклый, где надо - впалый, как женский силуэт на

мониторе в Институте красоты. Золотой телец (собирательный портрет крупного бизнесмена средней руки) получился гораздо бледнее и, главное, расфокусированнее; создаётся впечатление, что повествовательница знает об этом персонаже куда больше, чем рассказывает, - но даже если так, то она, как истинная бизнесвумен, поступает правильно: к чему снабжать эксклюзивной информацией конкуренток.

2005

На любителя

В Союзе писателей Санкт-Петербурга прошли очередные выборы руководства: председателя и совета. Выборы вполне в духе времени: председателя - безальтернативные (спецоперация «Сам себе преемник»), а совет, подобно Общественной палате, был частично сформирован председателем, а частично доукомплектовал себя сам.

Строго говоря, это даже не совет, а актив, то есть люди, которым почему-то хочется начальствовать над остальными. Совет должен был бы состоять из людей влиятельных и известных, а кто знает, например, поэтов Раскина и Танкова, прозаиков Арно и Каралиса, фантаста Балабуху, критика Рубашкина и иже с ними? Что эти горе-литераторы могут насоветовать (не говоря уж о том, чтобы приказать) своим знаменитым, да хоть бы и незнаменитым коллегам? С чем - выйти к общественности? Чему научить литературную молодёжь хоть на своём, хоть на чужом примере? Как поведут они себя, кроме как помалкивая в тряпочку, чтобы их не тыкали носом в их собственную творческую несостоятельность?

Да никак. Они будут собираться раз в две недели компанией в шестнадцать человек и, отчаянно споря, «пилить» на своих три копейки, когда (и если) эти копейки выклянчит у властей города председатель Союза. То есть «пилить» они будут даже не три копейки, а одну, потому что две (из каждых трёх) сразу же спрячет за щёку председатель. И будет на свой лад прав.

Нового (и старого) председателя Союза зовут Валерий Георгиевич Попов. Он как раз писатель известный. То есть про него известно, что он был писателем лет пятнадцать-двадцать (а то и все тридцать) назад. Был, а потом перестал. То есть писать не перестал, а писателем быть перестал. Кончился. Вышел весь. Вышел весь, но не вышел вон, а остался здесь. Не в писателях, правда, но в председателях.

Председатель, однако же, получился из Валерия Георгиевича неплохой. Не хороший, конечно, но и не плохой. Как говорится, на любителя. При нём союзписательская жизнь несколько оживилась, хотя и сам этот оживляж однозначно дурного толка. Но председателя (как, по пушкинскому завету, художника), наверное, надо судить по законам, им самим над собой признанным.

Союз писателей впал в полную и окончательную нищету в ноябре 1993 года, когда сгорел Дом писателя. До тех пор сохранялась надежда добиться финансовой независимости, сдав в субаренду часть помещений дворцового типа

(под фиктивный договор о совместной деятельности - типовая практика во всех творческих союзах, обладающих собственными домами).

Нищета была поначалу (как сам союз) демократической, а значит, оптимистической. Хотелось верить, что мэр-демократ демократам-писателям в подаянии не откажет. Он и не отказывал: вот-вот, говорил, подам, только не подавал. А потом на смену мэру-демократу пришёл крепкий хозяйственник-губернатор - и подавать демократам ему стало уже совсем не с руки. Тем более что тогдашний председатель Союза покойный М. М. Чулаки, отличавшийся, кстати, редкостным личным бескорыстием и, в частности, работавший на общественных началах, исповедовал странный принцип: «Власть должна нам денег, потому что она власть, а мы не должны ей ничего, потому что мы демократы!» Крепкий хозяйственник в эту логику въехать не смог, да и кто бы смог?

После гибели идеалиста Чулаки председателем избрали реалиста Попова. Который понял: чтобы власть дала денег, под неё нужно лечь. То есть даст она или нет, ещё неизвестно, но лечь под неё необходимо заранее.

Власть - в лице госпожи губернатора - потребовала объединения двух враждовавших по идеологическим соображениям творческих союзов, пообещав в ответ деньги и новый Дом. Сказано - сделано: творческие союзы - пусть и со скрипом - объединились в некую ассоциацию, причём демократы продали, так сказать, первородство всё за те же три копейки. Кое-кто, впрочем, продавать отказался и, принципиально хлопнув дверью, ушёл в ПЕН-клуб, где за такую принципиальность платят уже не три копейки, а пять, и не на всех, а каждому.

(Был когда-то председателем ПЕН-клуба и В. Г. Попов. Но его манеру прятать чуть ли не все монеты себе за щёку тамошние корыстолюбцы не приняли и посадили вместо него на «общак» матёрого сусуманского каторжанина).

Дома нам, конечно, не дали. Денег подкинули. Три копейки. На командировки Попова, на творческие семинары под руководством Попова и на литературную премию. Премию получили Каралис, Рубашкин и прочие члены совета. Деньги дала в первый год губернатор, а во второй - член ЗакСа Сергей Андреев (тоже, кстати, прозаик и в некотором роде даже фантаст).

Деньги дали ничтожные. А предварительным условием их получения стало послушание - абсолютное. Однако суровость российского закона «кто меня ужинает, тот и танцует» смягчается в данном случае явным нежеланием городских властей «танцевать» податливую литературную молодёжь шестидесяти-семидесяти лет от роду. Власть (любого уровня) вообще не знает, зачем ей литература и, соответственно, литераторы, поэтому товарно-денежные отношения не выстраиваются. Никакого товара у писателей (тем более у Союза писателей) нет - остаётся просить и ждать подаяния. Ведя себя при этом не как наглый нищий или какойнибудь уличный аскер, а как послушный и неунывающий попрошайка - и в этом отношении Попов, разумеется, незаменим.

Другое дело, что не всем это нравится. Мне, например, не нравится, что петербургская писательская организация ведёт себя как какая-нибудь

пензенская или тверская. (Кстати говоря, «красные» губернаторы по старой советской привычке подают своим писателям куда щедрее, чем губернаторы-либералы). Я готов простить присуждение городской премии в $ 500 и Раскину, и Танкову, и Фонякову (ещё один член совета), но ведь её - из его собственного депутатского фонда - придётся присудить и Сергею Андрееву! И заодно его отцу - Юрию Андрееву, потому что яблоня отломилась от яблочка недалеко. И какое-нибудь коллективное письмо - в поддержку или в протест - нас рано или поздно подписать заставят. Ну, не нас, а совет во главе с Поповым, - но ведь всё равно от нашего имени.

«Я подумаю об этом завтра», - ответит на эти возражения Попов (и подумает: «А поужинаю сегодня») - и будет прав. Правотой весёлого нищего - самого весёлого и единственно весёлого изо всех нищих. Потому что альтернативы ни ему самому, ни избранному им курсу на закрепление за Союзом писателей статуса богадельни, в которой старушки увлекаются хоровым пением, а голубой воришка Альхен и его мордатые племянники тащат всё подряд, не просматривается.

Можно, конечно, просто распустить Союз писателей, чтобы создать новый - жизнеспособный, самостоятельный и, не в последнюю очередь, биологически молодой, - но ведь и эта идея - на любителя.

2006

Пейзаж после Бродского

Едва ли не на другой день после смерти Бродского в эфире прозвучало истерически бесстыдное: «Солнце русской поэзии закатилось!» Сейчас, ровно десять лет спустя, можно констатировать, что слова «Бродский - наше всё!» были бы, пожалуй, уместнее. Остаётся, правда, уточнить, чьё именно наше. Этих нас наберётся не менее десятка - и у каждого своя печаль, да и интерес, разумеется, тоже свой.

Первый круг - «ближний» - прижизненный (хотя бы ненадолго), пожизненный и вот уже второе десятилетье посмертный. Занятно, что все в этом кругу, в котором Бродский был младшим, живы и более-менее здоровы.

«Учитель поэзии» Рейн, удостоенный Гос- и прочих премий, увенчанный публичными лаврами и уличённый в печатном вранье, объехавший за последние годы полмира и лажанувшийся в неприглядно среднеазиатской истории с Туркменбаши, потому что иначе ему «не хватало на пельмени», - смешной, безобидный, местами (как это ни парадоксально) поэтически небездарный и даже славный. Вот только не след ему ездить в одной лодочке с Бродским по каналам Центрального телевидения, доказывая, что вовсе не он утонул. Вот поэтому и не утонул!

Вечный соперник Рейна (и только Рейна) Найман написал о нём паскудную пьесу. И паскудную прозу - не только о нём. И опубликовал паскудные мемуары о Бродском. И опаскудил имя Ахматовой. Но он воцерковленный православный - крест надел, трусы - нет, - так что Бог ему судия, а не я.

Бобышев - или, как он порой подписывается, граф Шампанский, - персонаж

и вовсе анекдотический. Ахматова (истинное дитя своего времени) назначила его - единственного русского среди «сирот» - старостой домашнего поэтического кружка, - и Бобышеву запомнилось на всю жизнь. Тоже сочинил паскудные мемуары, но у него хотя бы имелась на то причина: Бродский сознательно и целеустремлённо давил его, как клопа, и в Ленинграде, и в США.

Кушнер - не «сирота», но тоже с какого-то бока припёка. Погнал было после смерти поэта волну о равновеликости двух дарований: сравнил Бродского с пальцем! Год назад интриговал, выклянчивая себе Нобелевскую премию, но утешился специально под него, унылого строчкогона, сработанным «Поэтом».

Второй круг плавно перетекает в первый (и наоборот) - бродсковеды. Бродсковеды смыкаются с набокововедами и довлатововедами. Все три профессии имеют приятное общее качество: конвертируемость. Конвертируемость, понятно, постепенно сходит на нет, но тем не менее...

В цитадели конвертируемого литературоведения - петербургском журнале «Звезда» - чуть ли не ежевечерне пьют за упокой «кормильцев». Знакомая иностранка, побывав в «Звезде» на (посмертном) пятидесятипятилетии Бродского, в ужасе спросила у меня: «Они что, так же будут отмечать и шестьдесят лет? И шестьдесят пять?» - «Ты не врубилась, - ответил я ей. - Так они будут отмечать пятьдесят шесть. И пятьдесят семь тоже. И пятьдесят восемь...»

Значительная часть бродсковедов принадлежит хотя бы номинально к прекрасному полу и, соответственно, проходит по разряду «подруг и товарок», а это уже отдельный - **третий круг**. О них не будем из деликатности. Едва ли не главную из них - писательницу и мемуаристку - я помню чуть ли не с колыбели. Хотя и не помню, чтобы она её мне качала.

Четвёртый круг - петербургские (а точнее, понятно, ленинградские) поэты двух-трёх поколений. Бродский высосал их, как две-три дюжины устриц, а они и не пикнули. Пара-тройка обмолвились было, что с уходом Бродского им и дышится легче, и пишется лучше, - но куда там! Пишут, в порядке моральной компенсации, под Бродского - и вечно уличают в этом друг дружку.

Пятый круг - поэты советские, антисоветские и постсоветские. Советские и антисоветские вместе с властью сошли на нет; постсоветские вынужденно освоили прикладные ремёсла: правдорубство, одностишья, пастиши, «кикимору» и прочую лабуду. «Поедальщик» питерской поэзии, Бродский стал и могильщиком московской; возможные возражения прикормленной и/или «патриотической» критики в рассмотрение не принимаются.

Шестой круг - читатели Бродского (особый подвид - чтецы-декламаторы; этим нужно оторвать то, за что их нужно повесить) - городская интеллигентная публика; контингент небольшой, но стойкий: здесь родители прививают любовь к Бродскому своим детям, а те, в свою очередь, своим. Наказ Ельцина десятилетней давности - выпустить Бродского полумиллионным тиражом - так и остался нереализованным, но суммарный тираж в сотню тысяч, думаю, разошёлся. Да и сейчас, выйди Бродский в «Библиотеке поэта» - разойдётся ещё тысяч пять-семь. Вот только что тут сработает - любовь к стихам или

раскрученный бренд, я не знаю.

Седьмой круг - читатели поэзии (вообще поэзии, а не стихов Бродского; кстати, читатель стихов Бродского совершенно не обязательно интересуется поэзией как таковой). Читателей поэзии сегодня нет: есть читатели поэтической классики и нехотя читающие друг друга стихотворцы и как бы стихотворцы, имя которым по-прежнему легион. Бродский интересен читателям классики - и читают его как классика, как последнего классика и, может быть, вообще как последнего поэта.

Восьмой круг - издатели; но они, как ясно из вышеизложенного, выбирают «пепси».

Тот же президент Ельцин, спрошенный в 1999 году о Пушкине, ответил, что это его любимый литературный герой. По-видимому, Борис Николаевич любит Хармса, но юбилей последнего уже позади. Сегодня мы говорим о Бродском.

Есть, увы, такое подозрение, что и Бродский интересен сегодня по преимуществу как литературный герой. Как персонаж. И даже не обязательно литературный, а просто медийный. Первый канал показал 30 января в цикле «Гении и злодеи» фильм «Иосиф Бродский: история побега»: ляп на ляпе, ошибка на ошибке, но тем симптоматичнее. А известный режиссёр снимает нынче игровой фильм о Бродском - и я вроде бы оказался единственным, кто отказался от предложенной роли (оставив тем самым за собой право беспристрастно отрецензировать кинокартину по её выходу).

Девятый круг - круг особый - Александр Исаевич Солженицын. Бродского он прочитал с карандашом, как поэт поэта, - и покойный поэт сильно не понравился здравствующему.

Поэзия маргинализовалась лет сорок назад и окончательно выпала в осадок тому лет двенадцать - современная поэзия в первую очередь. И не согласны с этим только сами стихотворцы (круги с Четвёртого по Пятый и, разумеется, Девятый) - а я буду только рад, если время, опровергнув мои построения, докажет их правоту.

2006

Похвала Пупкину

Провиденциальный собеседник попенял мне тем, что, разбирая по косточкам последние произведения Великих Писателей Земли Русской, я всё реже обращаюсь к имени и творчеству Писателя Главного. Пушкина? Чёрта с два! Главный писатель у нас, как известно, не Пушкин, а Пупкин. На исходе 2004 года - и об этом я как раз успел написать - он наконец слился воедино со своим черносотенным двойником Пупковым.

Вы, конечно, знаете два-три писательских имени. Даже пять-семь, если приплюсовать Толстоевского и Бродсковлатова. Но они уже, увы, не пишут. Даже в «Звезду». А те, кто ещё всё-таки, - пишут так, что лучше бы они этого не делали. Литературные сады окучивает неприметный неприхотливый неугомонный Пупкин, тогда как так называемые знаменитости всего лишь

околачивают заморские груши и самым бессовестным образом объедают премиальные поляны.

Пупкин пишет прозу - большую и малую, - приносит её в издательства, где ему советуют печатать её за собственный счёт, и на свой смиренный лад жидковатыми струйками просачивается в «толстые» журналы, где ему тоже не рады, но других писателей у них для нас нет. К пупкинской прозе подвёрстываются детективы и дамские романы - их он пишет тоже, - которые как раз охотно печатают, но под чужим - непупкинским - именем. Пупкин пишет стихи - непременно рифмованные, потому что «поцелуй двух строк» (как назвал рифму немецкий романтик), по его разумению, - единственный признак поэзии. И только когда у него иссякает вдохновение - чего практически не бывает, - он пишет белые стихи и верлибры.

Пупкин пишет пьесы для театра, сценарии для кино и для телевидения. Но ставить по ним спектакли, снимать фильмы и варить многосерийное «мыло» гнушаются даже его артистически образованные однофамильцы. Хотя всё равно ставят, снимают и варят, потому что Пупкин берёт числом.

Пупкин пишет пламенную публицистику, отчаянно полемизируя с Пупковым, но тут его в последнее время просят не беспокоиться. Особенно - о судьбах Отечества. А вот про суицид, беспризорников и архитектурные конкурсы пока можно.

Когда Пупкину хочется, чтобы писалось лучше, он пишет остроумно-изящную эссеистику, но получается у него как всегда.

Пупкин пишет и критику, потому что профессиональная критика его в упор не видит. А став профессиональным критиком, Пупкин тут же непременно начинает писать художественную прозу.

Пупкин пишет для детей младшего, среднего и старшего возраста. Пишет для них отдельно - но в ту же силу. Считает себя новым Олегом Григорьевым, но гонорарам завидует михалковским.

Пупкин переводит и редактирует переводы: вопреки всем наветам, дело это достаточно прибыльное. Успехи машинного перевода его не страшат, он и сам как машина. В 2004 году Пупкин был удостоен за переводы Государственной премии.

Пупкин составляет кроссворды и гороскопы, в первом случае используя настольную игру «Эрудит», а во втором - положив перед собой шпаргалку с зодиакальными знаками.

Пупкин сочиняет ненаучную фантастику. Ненаучную - потому что он не учёный, а фантастику - потому что в молодости посещал соответствующий семинар. Он и до сих пор туда ходит. У него два «Меча», четыре «Странника» и свой стул в Центре современной литературы, которым он сам (стулом или Центром?) и заведует. Он видел Шекли и подарил Умберто Эко альманах со своим рассказом.

Пупкин выступает в библиотеках и любит творческие командировки в глубинку. Иногда возвращается оттуда с глубинной библиотекаршей. Но крайне

редко: как правило, Пупкин непоправимо женат. Пупкин знает, что в творческие командировки за границу ездит только начальство, и всеми правдами и неправдами стремится в начальство. И когда это ему удаётся, тут же меняет фамилию и из Пупкина превращается, например, в Попова. Для читателя, впрочем, что Пупкин, что Пупков, что Попов...

Пупкин - существо неопределённого пола, хотя и с резко выраженными тендерными амбициями, и столь же неопределённого возраста. Пока не вставит зубы, ему 70, а когда наконец вставит - какие-то 55-60. Но и чтобы вставить зубы, Пупкину нужно предварительно выбиться в литературное начальство.

Одевается Пупкин по способностям. Ест по потребностям. Пьёт несколько больше, чем ест, но всякий раз норовит проделать это на халяву. Поэтому не пропускает ни одной презентации.

Живёт Пупкин в отдельной квартире, обмененной с ухудшением при кровавом разводе с предыдущей женою. У него большая библиотека, любовно сформированная из книжного дефицита сорокалетней давности, собственный портрет маслом и ещё несколько ранних работ художника Пупкина. Писатель Пупкин понимает, что это полный сотбис, но расставаться с картинами не спешит. А вот личный архив уже сдал от греха подальше в Пушкинский Дом.

У Пупкина есть домик в кооперативе на Гадючьем Болоте, казённая комната в Комарове и две - под Сиверской. Ездит он туда на «копейке», престарелый кокер-спаниэль на руках, кошка в мешке у ног, пустые трёхлитровые банки (в город вернутся полными) на заднем сиденье, жена за рулём.

В Москву Пупкин не ездит - делать ему там нечего. В Москве свой Пупкин, он тоже вертится, и возможностей вертеться у него куда больше. Наш, питерский, ему не завидует - он патриот и, бывает, гражданин города, - но осуждает. Болеет Пупкин за «Зенит» и простатитом, лечится в ведомственной поликлинике.

Пупкин голосует за Путина - он дал ему шанс. Голосовал бы и за Гайдара, но тот и сам стал писателем. Пупкин поддерживает губернатора во всех ЕЁ начинаниях, но его в этой фразе смущает рассогласованность синтаксической конструкции. Пупкин подозревает, что корректор потребовал бы внести исправления. Но для того чтобы поддерживать губернатора в ЕГО начинаниях, ЕГО (то есть опять-таки ЕЁ) следовало бы поменять - всё равно получается какая-то ерунда. Пупкин грамотен, но не настолько, и вступительное сочинение в какой-нибудь Бонч написал в своё время на тройку.

Пупкин ведёт литературное объединение и читает лекции в платном вузе, готовя себе достойную смену. И, заседая где-нибудь в приёмной комиссии, норовит пристроить в СП (Союз Пупкиных) собственных дочерей. И ту, что ничего не пишет, потому что ленится, и ту, что ничего не переводит, потому что ей ничего, кроме проб, не заказывают.

Новый год начался для Пупкина с серьёзной встряски. Цунами - это не с нами. Пупкины в Таиланд не летают. Но, услышав на Рождество предостережение о наводнении, Пупкин тут же бросился к компьютеру сочинять поэму о том, как осатаневший читатель гоняется за его, пупкинским,

автографом по всему периметру затопленной метрополии. Гоняется на бронзовом коне. Но поэму эту, оказывается, уже написали. А он, Пупкин, не постмодернист.

Хотя бывает и постмодернистом. Но это уж всем Пупкиным Пупкин. И от наводнений (да хоть от цунами) он всегда сумеет укрыться в «Борее».

2005

Советы начинающему писателю

СОВЕТ ПЕРВЫЙ: дочитай до конца, внимательно проштудируй и обмозгуй всё нижеизложенное, прежде чем сделать на литературном поприще первый шаг, не то непременно во что-нибудь вляпаешься. Писать - пиши (а если можешь не писать - не пиши), но до поры до времени даже не думай соваться в издательства со своей писаниной. Запомни: ты такой (такая) не один (одна). Писателей в Петербурге полно. А в Москве ещё больше. А уж в Америке! И читающая публика (она дура!) категорически выбирает «пепси» и Путина. И вообще, читателей меньше, чем писателей. А каждый новый писатель - это потерянный читатель. И покупатель книг. Вот почему в издательствах тебе, мягко говоря, не обрадуются. И в лучшем случае предложат пеший эротический маршрут. «Пошёл (пошла) в „Звезду"», - скажут. Или в «Неву». Оно, конечно, рукописи не горят и даже не тонут, но они теряются!!! Их выкидывают в ведёрко для мусора или пускают на оборотки. В лучшем случае - забывают извлечь из электронной почты, пока в издательском доме не грохнется «Windows XP». А если ты сдал (под расписку или нет, это не имеет практического значения) единственный экземпляр самодельной заветной тетради листиков так на триста, от корки до корки исписанной бисерным, не вполне удобочитаемым почерком, и ждёшь, что в этот роман... или философский трактат... или научно-фантастический боевик... или авторское собрание стихотворений... или новый перевод «Трёх мушкетёров»... кто-нибудь - перед тем как потерять или выбросить - хотя бы из любопытства заглянет в обещанные тебе, как условно-осуждённому, три месяца, то ты ошибаешься, о, как ты ошибаешься! Никто не заглянет, никто никогда и ни за что. **Шанс - один на сто миллионов** (примерно столько в нашей стране писателей). И только «Советы», самым тщательным образом изученные и освоенные, увеличат твои шансы ровно в сто раз! И появится у тебя **один шанс на миллион!**

СОВЕТ ВТОРОЙ: **если можешь не писать, не пиши.** Оставайся читателем - и спокойнее, и вернее, и в конечном счёте прибыльнее. Читай да поругивай, а иной раз для разнообразия и похваливай. Читай писателей и читай про писателей - и считай про писателей, про которых (или которых) прочитал, что хочешь. А вот про тебя самого (саму) никто не скажет, что ты бездарен (бездарна), невежествен (невежественна), исхалтурился (-ась) или исписался (-ась). А критика - знаешь ли ты, какова она на вкус и на цвет? Какова на вкус, такова и на цвет, ясен пень. Но до критики тебе ещё переть и переть пешим эротическим маршрутом в заранее заданном направлении. Сперва тебе надо достучаться до редактора.

СОВЕТ ТРЕТИЙ: **сначала тебе надо достучаться до редактора.** Но не в

дверь ногой! Редактору не понравится, если ты придёшь к нему без предварительного звонка. Правда, если ты позвонишь, он постарается тебя отфутболить, но поле ровное, а мяч круглый, так что какие-то шансы (вышеобозначенные) у тебя имеются. Только не вздумай начинать разговор с вопроса: «Книги печатаете?» Это дурацкий вопрос, он их печатает по определению, хотя это и не означает, что он напечатает твою. Лучше поздороваться и назвать собственные имя и фамилию. Конечно, они редактору ничего не скажут (как минимум, фамилия), но это и хорошо, потому что всех известных ему писателей он ненавидит.

Далее уместно поинтересоваться именем-отчеством собеседника и в дальнейшем вставлять их в беседу по надобности и без. «Понимаете, Виктор Леонидович... знаете, Виктор Леонидович... вы не поверите, Виктор Леонидович»... Хотя не понимает, не знает и не поверит.

Следующая реплика не должна звучать как «у меня есть рукопись», или «я написал (написала) роман», или что-нибудь в том же роде. Лучше начать с признания (искреннего или нет, не имеет значения), что тебе чрезвычайно неудобно обращаться в столь прославленное издательство, но ты чувствуешь, что оно - твоё! Кашу маслом не испортишь, и редактор непременно спросит тебя, какие книги издательства тебе нравятся. Ответ *«Все!»* хорош, но два-три названия лучше бы всё же знать.

«Ну и что же такое вы сочинили?» - спросит растроганный редактор, и это исключительно важная точка во всей беседе. Ответом «А что вам надо?» или, хуже того, «А что вы печатаете?» ты погубишь едва завязавшийся контакт. Но и жанровое определение - «роман», «пьеса в стихах», «сборник афоризмов» и т. п. - на данном этапе неуместно. Романов у него целый стеллаж, пьес в стихах он не печатает, да и стихов вообще, а сборники афоризмов сочиняет сам, причём - в стол. Лучше выразиться точнее - «детектив» или «повесть о моей жизни» - или, наоборот, туманнее. А как туманнее? Ну, например: «Я пишу в духе Борхеса с оглядкой на Мураками». Борхес - слепец и покойник и оглядываться он, соответственно, ни на кого не может, - и редактор укажет тебе на это сразу же, приготовившись распрощаться с невеждой. А тут ты его подсечёшь: «Это я оглядываюсь, а не Борхес» - и он, будучи человеком справедливым, согласится на личную встречу.

Телефонный разговор легко смазать опрометчивым заявлением: «Жене (мужу; друзьям; всем, кто читал) моя книга очень нравится», потому что в ответ последует: «Вот жена пусть и печатает!» Положительные отзывы критиков и писателей, если они есть, тоже лучше оставить при себе, - ты ведь не знаешь, как относится к этим критикам и писателям твой потенциальный редактор, и исходить лучше из предположения, что он считает их полным дерьмом. Ни в коем случае нельзя говорить, что ты уже издал рукопись за свой счёт тиражом в двести-триста экземпляров, - в ответ непременно услышишь: **«И этого более чем достаточно».** Стой на «Борхесе с оглядкой» и готовься к решающей фазе разговора, в которой будет затронута конкретика, а на конкретике так легко поскользнуться.

Вот несколько негативных примеров из моей издательской практики.

№ 1. Автор (из-за рубежа) пересказывает содержание собственного романа: «Молодой человек летит из Амстердама в Рио и на борту вспоминает всех своих возлюбленных за последние тридцать лет».

- За последние тридцать лет? Молодой человек?

- Молодой душою!

Отказ не глядя.

№ 2. Автор (с кавказским акцентом): я написал политический детектив про Россию, Ирак и оружие массового поражения.

- Понятно, вы отставной разведчик.

- Нэт.

- Журналист-международник.

- Нэт.

- Специалист по оружию массового поражения.

- Нэт.

- Долго жили в Ираке.

- Нэт.

- Спасибо, не надо.

- Пачему нэ надо?!!

№ 3. Автор (восьмидесяти пяти лет от роду): я написал роман об ужасах культа личности. Я писал его шестьдесят лет!

- И опоздали на пятьдесят!

И ещё я ни в коем случае не советую тебе говорить, что ты пишешь ироническое фэнтези - пусть на самом деле ты, увы, пишешь именно его. Это даже не в «Звезду», это прямо к Стругацкому! В самую Стругацкую звезду на свете!

Но вот, предположим, тебе удалось без потерь пройти между Сциллой и Харибдой телефонного разговора и редактор нехотя предложил тебе занести рукопись или прислать «по емеле» - на твой выбор. Что выбрать?

СОВЕТ ЧЕТВЁРТЫЙ: что выбрать? О «емеле» забудь сразу же: издательство не проплатило Интернет. А когда проплатит, рукописей придёт уже несколько сотен, и твоя в этом потоке просто-напросто затеряется. Конечно, можно позвонить и осведомиться, дошла ли, - но в таком случае все ужасы и опасности телефонного разговора начнутся заново. И тебе, скажем, могут объяснить, что в прошлый раз тебя неправильно поняли. Или ты неправильно понял редактора.

Рукопись надо заносить в удобном для чтения виде. Вот сейчас у меня на столе дорогая папка (скорее даже альбом), каждый лист которой обернут в целлофан. Про директора школы Иду Борисовну, которая, уходя на пенсию, рекомендует на своё место жену нобелевского лауреата по математике Сару Абрамовну. Нобелевских лауреатов по математике не бывает, и не столь изящно

оформленную рукопись я выкинул бы прямо на этой (пятой) странице. А тут дочитал до пятнадцатой - на которой Сара Абрамовна вступает в лесбийскую связь с девятиклассницей Майей - и заодно понял, почему рукопись прислали именно в наше издательство. Авторесса, кстати, названивает - даже такую красавицу рукопись, как «Сара Абрамовна», мы было затеряли, - и при следующем звонке я непременно посоветую ей обратиться в «Звезду». Со всей вежливостью, деликатностью и непреклонностью.

Приходить в издательство лучше в середине присутственного дня. Коньяку и цветов не заносить, себя и других услуг не предлагать, денег у тебя и так нет (иначе **«издание за счёт автора»** - отдельная и никому не нужная песня), держаться со скромным достоинством, жадно разглядывать выпущенные издательством новинки, в случайно услышанные разговоры не встревать, советов по руководству издательством не давать, о себе, если не спросят, не рассказывать, выразить - когда до этого дойдёт черёд - бодрую готовность ждать ответа сколько понадобится (а понадобится не меньше трёх месяцев) и - внимание! - **постараться запомнить хотя бы примерное направление, в которое редактор отправит твою рукопись!** Тогда через три месяца тебе с ним будет легче её, нетронутую, отыскать. А если не отыщется - не беда, ты вынешь из портфеля второй экземпляр (желательно столь же внешне безупречный и удобочитаемый) - и тут уж ему будет не отвертеться...

И он прочтёт твою рукопись! Правда, скорее всего, не до конца.

А ты? Ты дочитал эту статью до конца? Если так, то твои шансы напечататься возросли ровно в сто раз и составляют теперь один к миллиону! И дальнейшее зависит уже исключительно от качества самой рукописи.

2004

Сон в писательскую руку

В отличие от Елены Трегубовой, я в высокие кабинеты не вхож. И вхож не был. В раннем детстве услышав от матери (а она - тоже в детстве, от отца, большевикаленинца, благополучно успевшего умереть в 1929 году, до репрессий) анекдот: «Зачем Кремль обнесён такой высокой стеною? - А чтобы бандиты не лазили! - Туда или оттуда?», я раз и навсегда поверил в его экзистенциальную правоту. Кремль и по сей день представляется мне заколдованным замком из одноимённого романа Кафки, в который невесть зачем и почему приспичило проникнуть писательскому *alter ego* землемеру К.

Роман «Замок» остался незавершённым, известно, однако же, что землемер К. в заветную цитадель так и не попал. Хотя и очень старался. Лишь однажды очутился он в кабинете у откровенно скучающего чиновника невысокого ранга из администрации замка - и тот от нечего делать объяснил непрошеному гостю, как всё же - при наличии желания и везения - можно миновать зримые и незримые преграды. Одна беда: именно в этой точке рассказа землемера К. сморил непреодолимый сон...

Со мной всё вышло ровно наоборот. Заснул я не в начальственном кабинете, а перед тем - и вместо того, - чтобы туда прорваться. И приснилось мне -

писателю, недавно чуть было не исключённому бездарными завистниками из творческого союза, - своё, писательское.

Приснилось мне, что все писательские союзы от мала до велика - патриотические, космополитические, псевдоправозащитный ПЕН-клуб, «петербургских фундаменталистов» и прочую шатию-братию - исполнительная власть вознамерилась объединить в одну под-президентскую вертикаль. Предварительно «слегка почистив», по слову Маяковского, но главную чистку или, если угодно, зачистку препоручив самим членам вновь создаваемого, да и, мягко говоря, не на пустом месте,

Союза. Разумеется, никакого принуждения, не говоря уж о насилии, объединительный проект не предусматривал. Власть - в моём сне - решила воздействовать на писательские массы не кнутом, а пряником. Положив всем членам Единого Союза Писателей ежемесячную зарплату!

О ежемесячной зарплате писатели мечтают давно. Предложил выдавать таковую - ещё на заре перестройки - публицист и землепашец Юрий Черниченко. Платить писателям не за результат труда, а за труд (то есть за рукописи по весу) призывал покойный руководитель Союза писателей Санкт-Петербурга Михаил Чулаки. *Дайте мне маленькую, но постоянную зарплату - и через год-другой, избавленный от повседневных забот о хлебе насущном, я непременно напишу что-нибудь великое!* - такой стон слышался едва ли не отовсюду. И слышится сегодня, когда писательским трудом (оцениваемым, кстати, в рыночных условиях вполне по достоинству) просто-напросто не прожить.

Ежемесячная зарплата члена Союза писателей, приснилось мне, это сто у. е. в месяц. Немного, конечно, но это зарплата всего лишь стартовая. Членов Союза должны приравнять к госслужащим со всеми причитающимися льготами и доплатами и полным социальным пакетом! И понятно, председатель бюро секции окажется госслужащим более высокого ранга, чем рядовой член; секретарь Союза и уж тем более первый секретарь Союза будут соответствующим образом тарифицированы и премифицированы; а где госчиновники, там и коррупция: за получение (и сохранение) членства в таком Союзе не грех разок и «отстегнуть» в карман нерядовому чиновнику и затем «отстёгивать» более или менее регулярно, разумеется строго «по чину».

Ну и строгая профессиональная дисциплина придёт на смену творческой анархии и произволу. Идейная дисциплина прежде всего. Выговоры с занесением, предупреждения о неполном служебно-творческом соответствии, показательные исключения особо проштрафившихся. Из бардака получится барак, зато в бараке станет тепло и сытно.

Хорошая задумка - однако слишком затратная, не правда ли? Да ведь наверняка отыщутся «уклонисты» от проживания в писательском бараке - и как быть с ними? Не сажать же? Мне приснилось, что на затратах можно сэкономить, да и на «посадках» тоже. Для этого достаточно принять всего три взаимосвязанные меры:

1. Вернуться к практике советских лет, когда все издательства выплачивали Литфонду определённый процент, печатай они хоть Пупкина, хоть Пушкина.

Пушкина печатали чаще - и большими тиражами, - и он кормил советских писателей. Теперь - постсоветских - кормить будут Паоло Коэльо, маркиз де Сад, Дарья Донцова и всё тот же Пушкин.

2. Ввести льготное налогообложение на издание книг членов Единого Союза Писателей. И, напротив, задавить двойным и тройным налогом издательства, печатающие современных русских писателей, в Единый Союз войти не пожелавших или из него исключённых.

3. Отозвать лицензии у издателей, творчеством членов Единого Союза гнушающихся или нечленов регулярно печатающих.

И никакой цензуры! Ни предварительной, ни последующей! Только творческие и жанровые комиссии Единого Союза Писателей, наделённые правом делать (или хотя бы готовить) оргвыводы...

Я проснулся в холодном поту. Чиновник, явившийся мне во сне и от скуки понарассказавший всё это, был, разумеется, чистым фантазмом. Эдакой химерой с личиком Грызлова, торсом Жириновского и ножками Примакова. Таких нет и не может быть ни в Кремле, ни вокруг, а главное - не об этом они думают, не те деньги «пилят», не тех членов «строят», да и вообще на литературу им наплевать!

Но писателям очень хочется получать ежемесячную зарплату. И быть государственными служащими. И открывать двери издательств ногою. А писательским начальникам хочется того же самого - только в тройном и десятерном размере.

То есть гуляет где-то такой законопроект, гуляет, - тут и к гадалке ходить не надо. Да и тень дедушки Фрейда тревожить, интерпретируя мой сон, не стоит. Достаточно перечитать Кафку. Не «Америку» и не «Замок», а именно что «В штрафной колонии» и «Процесс».

2003

Стругацкое дело нехитрое

Фантасты - народец странный, ночной, под стать самым диковинным своим персонажам. И держатся они наособицу, как глухонемые. Издают книги, журналы, присуждают друг дружке премии, обмениваются мечами и улитками, всем племенем поклоняются *Отцу-Беснователю.* Ужасно обижаются на остальных писателей. Да ведь и впрямь: понять, почему прозаик, пишущий про заек, презирает прозаика, пишущего про звездолёты, трудно, хотя и возможно. Фантасты живут в Лесу (он же Резервация, он же Центр современной литературы), чуть ли не ежевечерне разыгрывая в лицах анекдот про американских индейцев:

- Отпустите меня, вожди, я хочу уйти к белым людям!

- А зачем тебе это?

- Уж больно имена у них красивые: Билл, Джон, Мэри...

- А у нас разве хуже? Орлиный Глаз, Большой Буйвол, Лунная Ночь...

- Нет, не хуже.

- Вот видишь! Так что ступай-ка ты, Комариный Член, обратно в вигвам!

Конечно, кроме **мечты о бегстве из Леса,** имеется у фантастов и литературная или **охотничья стратегия заманивания в Лес:** стоит кому-нибудь из пишущих про заек разминуться с постсоциалистическим реализмом, как в Лесу его тут же объявляют своим братом фантастом: хоть Кабакова, хоть Веллера, хоть самого Сорокина. А один из питерских фэнтезийщиков - назовём его с оглядкой на вышепроцитированный анекдот и суровую правду жизни Паршивым Кабысдохом - придумал целое литературное направление **турбореализм,** в которое зачислил себя, Паршивого Кабысдоха, и... Виктора Пелевина. Правда, не сумел подписать на это самого Пелевина.

Особенно разволновались фантасты, когда в «большой прозе» про заек возникла мода на произведения в жанре альтернативной истории. *Чем я хуже, допустим, Крусанова?* - такой вопрос пришёл в голову чуть ли не любому из них, стоило ему прочитать про укус ангела в клиторальную зону подземной башни, она же американская дырка. Да всем ты хуже, всем!.. Дурацкое племя, застойное время, плешивое темя, стругацкое семя - и дальше по учебнику русского языка для третьего класса.

Нет, а всё же? - именно с таким вопросом обратился ко мне бесспорно самый талантливый из петербургских фантастов Вячеслав Рыбаков, надписывая книгу «На будущий год в Москве» (издательство «АСТ», Москва, 2003, серия «Звёздный лабиринт»). Что ж, Слава, изволь, со всем уважением и без обид.

Действие в романе разворачивается в ближайшем будущем, в настоящем, а отчасти уже и в прошлом - в альтернативном прошлом, разумеется. Потому что где-то в районе 2000 года Россию захватил и расчленил Запад, пропагандистский слоган «красно-коричневых» о Временном Оккупационном Режиме (ВОР!) стал вечной реальностью, историю переписали, литературу прокляли и забыли, науку вывезли в США, недовольных таким положением вещей отправляют на принудительное психиатрическое лечение в приюты имени Валерии Новодворской (процесс курирует лично она), а над умами надзирают агенты Общества развития славянской письменности имени генерала Калугина. В Питере возле Смольного стоит каменный Ельцин. В Москву ездят, испрашивая визу и подорожную. Молодёжь одурманивают пивом «Сахаров». И, естественно, на каждом углу раздают бесплатные презервативы: русские вымирают, но процесс этот необходимо ускорить и с другой стороны.

Главный герой романа - несомненный протагонист автора (правда, не прозаик, а публицист, но ведь сам Рыбаков подвизается и в этом жанре). В девяностые он пописывал - сперва в «Неву» и «Звезду», потом в «Новый мир» и «Знамя» - оптимистично-перестроечную чушь, а сейчас сокрушается, осознавая, что вместе с остальными либерал-идиотами невольно помог либерал-предателям и либерал-паскудникам *обвалить* Россию. Служит он, впрочем, у либерал-паскудника в «Русской газете», хотя премия «Золотой Войнович» ему явно не светит. Разведён, имеет сына пятнадцати лет, пойманного на том, что показывал одноклассникам запрещённый фильм «Иван Васильевич меняет профессию».

Всё это весьма недурно написано, да и правдоподобия - в жанре альтернативной истории, разумеется, - не лишено. Правда, как я не раз уже указывал «патриотам», подлинный оккупационный режим функционировал бы куда эффективнее и был бы коррумпирован далеко не в той мере, как любое из постсоветских правительств, кроме разве что примаковского... Недурно, местами даже вкусно написано и вполне могло бы стать интересным для продвинутого читателя (не путать с задвинутым - тот как раз читает только фантастику) романом. Да только не становится. Мешает дурная фантастическая генеалогия (и телеология), мешает «добрый прищур», предписанный мэтром, мешает дурное стругацкое семя.

Главного героя зовут Губошлёпов. Его друзей и сподвижников - таких же славных по-своему людей, как он сам, - Обиванкин и Гнат Соляк. В последнем имени угадывается тёмное прошлое - да ведь и впрямь Гнат из украинских националистов и именно в таком качестве под американским руководством поучаствовал в распаде Союза и обвале России. Но то, что этот «плохой парень» вот-вот встанет на дорожку идейного исправления, ясно с первой страницы. Обиванкин - тот и вовсе могучий старик изнурённого вида, ядерщик и ракетчик, духовный собрат замученного оккупантами академика Алфёрова.

Понятно, что приключения носящих такие фамилии персонажей не могут не обернуться идиотизмом. Они и оборачиваются. Губошлёпов, взяв с собой сына, едет в Москву попрощаться с умирающей родственницей. В компаньоны набивается Обиванкин, таинственно намекая на судьбоносную для восстановления державы миссию. Обиванкин числится в розыске, на вокзале его углядывает и затем «ведёт» Гнат. Но прямо в Бологом (на таможенном и пограничном контроле) перековывается и в конце концов помогает Обиванкину, Губошлёпову и Губошлёпову-младшему осуществить невыполнимую миссию. А именно: захватить пылящийся в качестве выставочного экспоната в одном из московских парков «Буран» - и поднять его в воздух. То есть, опять-таки по анекдоту, купить фанеры, построить аэроплан и улететь на нём к Бениной матери! Конец романа.

Альтернативщики - тот же Крусанов - пишут для умных людей и уважают читателя. Не зная решения, они предлагают решение метафорическое или символическое; решение суггестивное, решение будоражащее. Фантасты пишут для дураков, их, понятно, не уважают и решения предлагают поэтому заведомо дурацкие, заведомо потешные, заведомо никакие. Книга получается (дураков у нас хватает), литература, увы, - нет. Не получается даже у несомненно талантливого Вячеслава Рыбакова.

Вот так, Слава, без обид. Ты спросил - я ответил. И мой тебе совет на будущее: пиши для умных людей, а не для коллег по семинару научной фантастики.

2003

Фантаст родился

Серия взрывов потрясёт Москву в октябре 2005-го, а уже 7 ноября белокаменная сгинет окончательно и безвозвратно. Поэтому вручение

Букеровской премии (декабрь) не состоится вовсе, а оглашение шорт-листа придётся как раз на первую декаду светопреставления. Так что, куда ни кинь, эсхатологическому роману Дмитрия Быкова «Эвакуатор» ничего не светит.

Двое разнополых сотрудников столичного еженедельника заводят служебный роман, в котором, наряду с вялыми соитиями, существенное место отводится бурному трёпу в виде главным образом ролевых игр. Одна из которых - своего рода космическая одиссея - мало-помалу вытесняет все прочие. Я инопланетянин, говорит мужчина, всё здесь вот-вот провалится в тартарары, но вот тебя я спасу. Я возьму тебя с собой в наш мир. Прокачу с ветерком на звездолёте. И дочь твою прокачу, и мужа, и мать, а бабушку пусть Жучка катает. Женщина и верит, и не верит, и то и дело обмирает в неземных по форме и по факту объятьях. А Россию меж тем рвёт Москвою, и мир - Россией, и нашу Солнечную систему - старушкой Землёй. Но и на Альфе Центавра дело обстоит ничуть не лучше... Авторский проект «Дмитрий Быков» в своей амбициозности, разносторонности и неиссякаемости сходен с акунинским. Обоим модным сочинителям приспичило переписать заново всю великую русскую литературу. Не пересказать своими словами (своих, по-настоящему оригинальных, слов ни у того, ни у другого нет), а именно по-борхесовски *(Пьер Менар - автор «Дон Кихота»!)* переписать слово в слово. Заменив пресловутую духовность филистерскими рассуждениями и филигранным меркантильным расчётом (Акунин) или, по большому счёту, бескорыстно, но с тем большей ненасытностью залюбовавшись собственным исполнительским мастерством (Быков). У Акунина получаются мутанты, у Быкова - клоны, и Владимир Сорокин отдыхает.

В романе «Эвакуатор» Быков клонирует и контаминирует знаменитые, но не лучшие образцы отечественной словесности: «Невозвращенца», «Мастера и Маргариту», «Доктора Живаго» (в книгу демонстративно включены «Стихи вокруг романа») и братьев Стругацких с поправкой на обруганного прямо в тексте автора «Б. Вавилонской» Митрофанушку Веллера. Особенно губительны, разумеется, уроки, взятые у *жидов города Питера:* национально-пропорциональное представительство положительных персонажей, допущенных в космический ковчег; замешенное на дурных каламбурах хохмачество *(секс бывает банальным или анальным);* высокопарно-бездарные разговоры о смысле жизни и о самопожертвовании вперемешку с милыми пустячками, вроде провинциальной бабуси, со вкусом цитирующей Василия Васильевича Розанова, или звездолёта в форме садовой лейки. На «фантастических» страницах (а их большинство) роман проваливается в такую бездну, что кажется, будто его сочинил не автор талантливого «Оправдания» и кондиционной «Орфографии», да и вполне качественной, хоть и вторичной лирики, а какой-нибудь непоправимо бессмысленный «турбореалист», с ног до головы увешанный погремушками от престарелого Дона Натановича Руматы.

То ли тихий ангел пролетел, то фантаст родился...

Московские страницы, впрочем, весьма милы. Служебный роман - и отдельно птичий язык, на котором, используя остранение по Шкловскому, переговариваются центральные персонажи, - почти превосходен. Пока его (и тот, и другой), как лягушку дробью в рассказе Марка Твена, не «заряжают»

аллюзиями на Маргариту и Лару. И, разумеется, на Мастера и Поэта. Потому что такая лягушка, ясен пень, летать способна только низенько. Тогда как космическая лейка и вовсе не фурычит. Равно как не лезет ни в какие ворота российская глубинка, куда за родной бабушкой, она же В. В. Розанов, на перекладных едет Лара, став при этом свидетельницей небольшого, но симптоматичного Чернобыля и лишь чудом спася дефективного мальчика, местного Левшу и исполненную непоказного гнева чеченскую террористку. Впрочем, в романе постоянно подчёркивается, что ни чеченцы, ни даже ФСБ ничего не взрывают: просто-напросто всё разваливается само.

Бытует мнение, будто роман «Эвакуатор» плох прежде всего потому, что вырос из небольшого рассказа. Про *нашего мужа,* про феноменально дешёвую забегаловку в Свиблово, про журнал «Собеседник», который здесь, естественно, переименован в «Собутыльник». И, понятно, про «сентябрьский синдром»: паническое ожидание взрывов (начиная с социального) в очередной День Москвы... Что ж, это объяснение правдоподобно, но недостаточно. Ведь в случае с «Эвакуатором» мы имеем дело не с творческой неудачей несомненно одарённого и авторитетного автора, а с поразительным по своей беспомощности и безнадёжности художественным провалом. Блеск (пусть и вторичный) всего, что делает в литературе Быков, оборачивается здесь даже не треском, а пшиком.

И, априори (в букеровском случае) и апостериори (в ситуации с «НацБестом») подозревая жюри литературных премий в предвзятости, чтобы не сказать в оголтелой ненависти к плодовитому и профессионально успешному автору, более того - искренне симпатизируя Быкову в его циклопических усилиях, далеко не всегда оборачивающихся сизифовым трудом, - рискну однако же заметить: на этот раз дело не в личной или клановой неприязни. Всё куда запущеннее.

Похоже, это понимает и сам Быков. Иначе с чего бы публиковать ему восторженную статью о братьях Стругацких и - отдельно и особенно - о творчестве С. Витицкого? Раздающего, если кто забыл, пусть и сугубо локального значения премиальные погремушки. Но нет, высказав подобное предположение, я, скорее всего, возвёл на нашего новопрорезавшегося фантаста напраслину.

Потому что человек он искренний. И восторженный. И, случается, искренне восторгающийся - и как раз статьи о том, чем он искренне восторгается, получаются у него ярче всего. И статья о Стругацких наверняка из этого ряда, а вовсе не из желания лизнуть по самые гланды ситуативно полезного человечка. Это не более чем совпадение. Правда, не любят Быкова в том числе (наряду со многим прочим) и за повышенную частотность таких совпадений.

Я же, не разделяя всеобщей нелюбви, желаю Быкову поскорее проститься с дурными образчиками хорошей прозы и хорошими образцами дурной фантастики - и слово в слово переписать в следующий раз не «Ночной дозор», а «Войну и миру», сконтаминировав её с «Братьями Карамазовыми» и с «Обрывом», - и тогда всё, кроме премии, непременно срастётся.

2006

Эзопов язык с зелёным горошком

На вопрос о катастрофически упавшем качестве художественного перевода (и редактуры переводимых произведений) и его причинах, наряду со множеством частных, есть и философский, можно даже сказать, глобальный ответ: дело в том, что жизнь за последние пятнадцать лет невероятно усложнилась (диверсифицировалась), тогда как структура жизни, напротив, поразительно упростилась.

Когда в городе насчитывается всего десять ресторанов, в них не попасть, но зато можно предположить, что как минимум в пяти из них замечательные шеф-повара. Когда ресторанов становится десять тысяч, заходи куда хочешь (были бы деньги), но пяти тысяч замечательных поваров там не сыщешь. Не сыщешь, не исключено, и просто пяти - двое ушли на пенсию, у третьего трясутся руки, а четвёртый и пятый подыскали себе занятие поинтереснее, поприбыльнее или полегче. Смена? Да, конечно, смена: кто-то закончил курсы, кто-то попрактиковался за рубежом, кто-то из поварят подсмотрел у старших или допёр до всего сам. Но ни пяти тысячам, ни просто пяти настоящим мастерам взяться просто неоткуда - а ресторанов уже десять тысяч, и каждый день открывают новые. И в каждом славят своего шефа (а что им ещё остаётся) и втихаря переманивают чужого, а он - такой же. Не хочешь - не ешь, и посетители едят, что дают.

Если вы думаете, что в переводе дело обстоит по-другому, то вы ошибаетесь.

Года три назад я участвовал в дискуссии о проблемах художественного перевода, проведённой в рамках Московской книжной ярмарки журналом «Иностранная литература» с участием Министерства культуры. О художественных проблемах рассуждали издатели и чиновники. По мнению переводчиков, все профессиональные проблемы сводились к одной-единственной: мало платят!

Платят действительно мало, но это смотря с чем сравнивать. Борис Пастернак, переводя Шекспира, «намолачивал» («молотить» - это был любимый переводческий глагол) до трёх месячных маршальских жалований в сутки! Три женщины, (безграмотно) переведшие «Трёх мушкетёров», припеваючи жили с переизданий до глубокой старости. Старый питерский мафиози, «откатывая» московским редакторам и нанимая в родном городе «негров» и «негритянок», возглавлял партком и был подпольным миллионером. Средний переводчик зарабатывал как доктор наук (тоже, понятно, средний). Он и сегодня зарабатывает как доктор наук - вот только выходит это раз в семь меньше, чем раньше. Жить на такие деньги трудно.

Так ведь и писать трудно, говорили когда-то «серапионы». А переводить - что, легко? Зато сегодня неслыханно легко получить заказную переводческую работу. И получить за перевод романа столько же, сколько платят неименитому прозаику за принятый к печати роман. Но роман пишешь год, а переводишь два месяца. Вот и считайте. Прозаику платят его копейки, исходя из того, что роман разойдётся тремя-пятью тысячами экземпляров. Так оно и произойдёт (в лучшем

случае), если это не бульварное чтиво и не бестселлер. Но и тиражи переводной литературы - кроме бестселлеров - точно такие же. Правда, писатель может уповать на грядущую славу, тогда как переводчику и уповать не на что - ремесло его нынче (в отличие от советских времён) не престижно.

Кто в подобных условиях пойдёт в перевод? Кто-то пойдёт, но это будут либо люди, влюблённые в само занятие, либо заведомо третий сорт. Но ведь и люди, влюблённые в перевод, чаще всего оказываются переводчиками третьего сорта.

Остро стоит и другой вопрос: кто в подобных условиях в переводе останется? Только тот, кому некуда деваться, тот, кто больше ничего не умеет (хотя переводит-то как раз хорошо): Анатолий Гелескул, Виктор Голышев... Едва началась перестройка, из перевода ушла целая плеяда блестящих мастеров: Евгений Витковский стал издателем (а затем - прозаиком), Владимир Микушевич - поэтом и философом, Асар Эппель, Марк Харитонов (который, правда, на поприще перевода не блистал) и покойный Андрей Сергеев опубликовали увенчанную премиями прозу, Алексей Парин раскрылся как музыкальный деятель, Григорий Чхартишвили - как Борис Акунин, и так далее. В переводческом пантеоне появилось множество свободных ниш - и их заполнили постаревшие подмастерья, которые теперь принялись выдавать себя за мастеров. Но они не мастера - они в лучшем случае заматеревшие подмастерья!

В неразберихе начала девяностых заматеревшие подмастерья «освоили» зарубежные посольства, консульства и просветительские учреждения, обросли международными премиями и грантами, принялись учить молодёжь: второсортные учителя - третьесортную молодёжь; заморочили голову «новым издателям» из «комсомольского призыва» - а традиционные издательства с высокопрофессиональной редактурой рухнули все и сразу; вчерашние (а по способностям - и пожизненные) посудомойки и подносчики стали шеф-поварами и варганят теперь всеми четырьмя конечностями, что закажут, - и торт «Наполеон», и сашими, и фуа гра. И понятно, какое у них получается фуа гра... Но опять-таки: не хочешь - не ешь... И, как водилось в старину, ждут, что клиент пришлёт шеф-повару в знак уважения бутылку шампанского, потому что им, на кухне, мало платят... Самое забавное в том, что порой даже присылают.

Впрочем, искусство перевода (поэтического прежде всего, но не только) было в советское семидесятилетие разновидностью эзопова языка - и далеко не худшей его разновидностью. **Перевод не надо было отдавать в цензуру!!!** Правда, роль цензора играл дорожащий своим местом редактор (и начальник редактора), но тем не менее. А сейчас эзопов язык не то чтобы входит в моду, но (скажем так) возможность возвращения к нему обдумывается. «Жалобу турка» («Люблю отчизну я, но странною любовью»), в конце концов, всегда можно выдать за перевод с турецкого. Или перевести с греческого роман о крушении режима «чёрных полковников». Не говоря уж о Марциале и Петронии - вот кого, пусть и переведённых, ещё переводить и переводить! Ведь, согласно известному положению, каждое поколение имеет право перевести любой шедевр заново.

Тысячи ресторанов скоро закроют. Или деприватизируют. Оставят, конечно,

не десять, но пятьдесят или сто. И в пяти, а может, и в пятнадцати из них появятся замечательные шеф-повара: наша земля не оскудевает талантами. Зато ко входу в каждый (не из пятнадцати, а из ста) выстроится очередь - и с «белого» хода, и с «чёрного». По которой мы в некотором роде - вспоминая о том, что раньше всё было вкуснее, - ностальгируем.

И пробившимся в ресторан подадут на фарфоровом блюде мастерски приготовленный (если повезёт с поваром) эзопов язык с зелёным горошком.

А пока хавайте, что дают.

2004

Юрьев день Ирины Денежкиной

В Петербурге судятся два издательства - «Лимбус Пресс» и «Издательский дом „Нева"». Предмет тяжбы - книга Ирины Денежкиной «Герои моего времени», выпущенная «Невой», как утверждают в «Лимбусе», контрафактно. По исковому заявлению «Лимбуса» тираж вышедшей ранней весной книги был арестован, затем, однако же, арест сняли ещё до рассмотрения дела в суде по факту - и сейчас «Герои моего времени» находятся в свободной продаже. В конце мая «Лимбус» проиграл дело в первой инстанции и подал на апелляцию, а «Нева» меж тем анонсировала выход ещё трёх (!) книг Денежкиной в ближайшее время.

Юридическая сторона вопроса дискуссионна, и мнения экспертов, привлечённых издательствами - из Пушкинского Дома и с филологического факультета СПбГУ соответственно, - разошлись. Наибольший интерес вызывает этическая проблема, вернее, целый круг этических проблем, в который в данном случае, имеющем безусловно прецедентный характер, оказались вовлечены автор, издатели и литературные агенты. Особенно любопытна роль последних - тем более что институт литагентов у нас только складывается.

Звезда двадцатилетней (на тот момент) екатеринбургской студентки Ирины Денежкиной зажглась ровно три года назад. Сборник её рассказов «Дай мне!» вышел в «Лимбусе» к финальному туру литературной премии «Национальный бестселлер», на которую рассказы Денежкиной были выдвинуты в рукописи петербургским критиком Станиславом Зельвенским, а затем сенсационно вошли в шорт-лист. Но ещё более сенсационная и вместе с тем скандальная ситуация сложилась в финале: на фоне ожидаемой (а затем и фактически состоявшейся) победы Александра Проханова с нашумевшим романом «Господин Гексоген» - а сама эта победа заранее вызвала бурное негодование «либеральной общественности» - и ещё четырёх титулованных финалистов юная екатеринбурженка не стушевалась; голоса членов жюри разделились поровну, и лишь мнение почётного председателя жюри (получающего право голоса лишь в таком случае) петербургского банкира Владимира Когана склонило чашу весов в сторону главного редактора газеты «Завтра».

Что, понятно, вызвало новый взрыв негодования. Саму же ситуацию, сложившуюся в финале, описывали - с оглядкой на возраст и эффектные внешние данные Денежкиной - в терминах противостояния «красавицы» и «чудовища». «Чудовище» взяло верх, но моральной победительницей была

признана «красавица». И даже благородный жест Проханова, отдавшего денежную часть премии находящемуся в заключении писателю Эдуарду Лимонову, стал куда меньшим информационным поводом, чем само противостояние. Ирина Денежкина - и, разумеется, её книга - автоматически попали в фокус общественного внимания; причём, в силу обстоятельств, исключительно благосклонного. Ирина, в полном соответствии с девизом премии, «проснулась знаменитой» - и дальше её принялись раскручивать в автоматическом режиме.

Так обстояло дело на внутреннем рынке. Но прорывом на внешний (а сборник «Дай мне!» к настоящему времени издан в десятках стран, причём в некоторых из них - например, в Италии - тиражом, вполне сопоставимым с недурными отечественными продажами) Денежкина обязана исключительно «Лимбусу», а вернее - существующему при издательстве литературному агентству, одному из, если не самому успешному в России. Агентство «продвинуло» Денежкину в ведущие зарубежные издательства, организовало ей бесчисленные зарубежные гастроли, оплатило (на равных с самой Денежкиной) длительную учёбу в Англии. Рассказы Денежкиной естественно влились в один из главных потоков всемирного литературного мэйнстрима - прозу двадцатилетних, - а сама писательница стала символом отчасти как раз этого направления, отчасти - шутка сказать! - литературной России. Теперь этот успех требовалось закрепить - романом или, как минимум, сборником новых рассказов. Но роман не складывался, рассказы не писались, а мучительно выдавливались, и набралось их за три года всего несколько штук. В «Лимбусе», с которым Денежкина заключила авансовый договор на следующую книгу, с нарастающим нетерпением ждали рукопись. Но не дождались. Следующая книга Денежкиной вышла в «Издательском доме „Нева"».

Как выяснилось впоследствии, писательница втайне от «родного» издательства провела тендер на рукопись - и наибольшую сумму предложила «Нева». Сумму несуразно большую и на внутреннем рынке не «отбиваемую». Правда, продажа прав за рубеж сулит минимизировать расходы и, может быть, даже выйти в плюс, но эти деньги достанутся не «Неве», а литературному агентству, с которым теперь сотрудничает Денежкина. Агентству, созданному бывшим литературным агентом «Лимбуса», который (-ая) наверняка и организовал тендер, а теперь, ко всему прочему, и представляет «Неву» в арбитражном суде Петербурга.

Впрочем, конечно же, не собирается оставаться внакладе и «Нева». В этом издательстве существует многократно описанная практика привлечения «литературных негров», которые пишут за раскрученных авторов. А Денежкина автор раскрученный и в России, и за рубежом и в силу молодости чрезвычайно перспективный в плане дальнейшей раскрутки. Вот только не пишет она ничего или почти ничего - но это-то дело как раз поправимое. Отсюда и анонсированные три новые книги в течение одного года. За год Денежкина в лучшем случае способна написать три рассказа.

Разумеется, выпуская книгу, договор на которую заключён с другим издательством, в «Неве» с оглядкой на неизбежную судебную перспективу

подстраховались: рассказам Денежкиной из книги «Герои моего времени» (а то, что эти рассказы написала она сама, не вызывает сомнений), да и то не всем, а примерно половине, редакторской рукой придан вид интервью, которые писательница якобы берёт то у ближайшей подруги, то у, допустим, Сергея Шнурова (его портрет вынесен на обложку). Расчёт прост: перед нами не писательская работа (права на которую у «Лимбуса», и на них никто не покушается), а сугубо журналистская. Может же писательница по призванию и журналистка по образованию Денежкина заниматься профессиональной журналистикой? Которую мы, «Нева», и публикуем - правда, как художественную прозу, - и с нас взятки гладки. А с Денежкиной тем более.

Так это или не так, решит суд. С учётом мнения авторитетных экспертов, привлечённых сторонами, и, разумеется, других привходящих обстоятельств. Строго говоря, в первой инстанции уже решил. (А во второй затем перерешил в пользу «Лимбуса»; а в третьей - вновь в пользу «Невы).

Денежкина автор бесспорно талантливый: врождённое чувство стиля, врождённое чувство композиции, чуткий слух, ирония. Неформальный лидер поколения двадцатилетних, отсчёт которого именно с неё и начинается. Правда, она давно не пишет, а лишь выдавливает из себя по рассказу-другому в год, но, будучи такой молодой, ещё вполне способна вернуться к литературе лет через десять-пятнадцать. А то и через двадцать.

Юлия Гумён талантливый литературный агент, что она доказала, дебютировав в «Лимбусе» и чрезвычайно успешно потрудившись на благо издательства, и на свой лад доказывает теперь, работая против «Лимбуса». Тоже очень молода и к тому же благородно и даже чуточку старомодно интеллигентна. Если всё у них с Денежкиной срастётся, её личное агентство окончательно встанет на ноги.

А что касается этических проблем, волнующих меня куда больше, чем правовые, а главное, бесконечно удивляющих, - так, может быть, это с моей стороны чисто старческое брюзжание?

2005

Я спросил у Тополя, что за люди в Ясенево

Эмигрантская парочка сочинителей Эдуард Тополь и Фридрих Незнанский, написав и выпустив несколько недурных квазиполитических детективов («Красная площадь» и др)., распалась - и уже в распаде в какой-то мере вернулась в распавшийся одновременно с «творческим дуэтом» СССР.

Республики разошлись довольно мирно, соавторы, напротив, бурно разругались. Особенно неистовствовал Тополь, утверждая, в частности, что и совместные книги написал на самом деле он один, а за нынешнего Незнанского и вовсе работают литературные «негры». И это, кстати, сущая правда. Тогда как он, Тополь, как писал раньше сам, так и пишет. И это, наверное, тоже правда: Эдуард Тополь пишет сам. Только лучше бы он этого не делал.

Порнографическая (вообще-то порнографической литературы не бывает, но когда особенно гнусно, это всё-таки порнография) «Россия в постели»... По-

сержантски грубо будящий до поры до времени дремлющего едва ли не в каждом из нас антисемита «Любожид»... Ну и про политику... И про перестройку... И про Путина... И про всё, как говорится, в одинаковую бисову силу... И про всё с одинаковым знанием (а вернее, конечно, незнанием, что каламбурно возвращает нас к фамилии былого соавтора) предмета... И про всё с невероятной наглостью и сумасшедшим апломбом. И про всё - на «великом и могучем», отточенном до алмазного блеска на просторах и торжищах Малой Одессы, возвращаться откуда нашему «русскому Ле Карре», как он себя в рекламных аннотациях именует, наверняка не следовало. В качестве писателя не следовало - это уж на все сто процентов.

Последний (увы, лишь пока последний! Контора пишет!) роман Тополя назван непритязательно: «У. е». Правда, с кричащим подзаголовком: «У. е. *Откровенный роман».* Кому, на хрен, нужна твоя откровенность? Но так на обложке. А на титуле полное название выглядит уже так: «У. е. *Откровенный роман с адреналином, сексапилом, терроризмом, флоридским коктейлем и ядом».* Особенно хорош «сексапил» в само собой разумеющемся сочетании с «откровенностью» *(Хотя я был сыт своей Инной, а всё же эдаким жуиром поглядывал на эту младую, но уже созревшую поросль, явственно представляя себе, что и как можно и нужно делать с ними в постели. Они, следует сказать, довольно по-взрослому реагировали на эти взгляды - сначала, правда, с удивлением вскидывали глаза на мои седины, но затем с проникновенным вопросом заглядывали прямо в душу),* но и «адреналин», пожалуй, не дюже слабже: *11 сентября арабские террористы совершили самый дерзкий и самый невероятный террористический акт во всей истории человечества. Никакие сценаристы Голливуда, сочиняющие фильмы ужасов, никакие мастера приключенческого жанра или политических триллеров... не могли ни на экране, ни на бумаге сотворить то, что Усама бен Ладен сочинил в какой-то афганской пещере, а затем осуществил руками девятнадцати камикадзе на глазах у всего мира - ошеломлённого и бессильного перед этой беспрецедентной и самоубийственной дерзостью.*

Это роман, напомню. Художественное произведение. Это такой у Тополя в романе «адреналин». И «терроризм», кстати, тоже. И «флоридский коктейль», он же «яд», он же на самом деле - казус с бациллами сибирской язвы, рассылаемыми по почте. А вот со сценаристами и писателями Тополь промахнулся - налёт на башни ВТЦ они как раз предсказывали. Но ведь провидец в мире (в мире детектива, как минимум) всего один - и вы уже догадались, как его звать.

К чему я всё это говорю? А к тому, что я полный мудак, дебил, идиот и прочее. Не зря меня в 56 лет выперли из конторы на пенсию - как последнюю шваль, как мусор, как выжатый лимон. Чем мы там занимались? Государству служили? Народное добро стерегли? А фу-фу не фо-фо?... Нет, мы занимаемся совершенно другим - мы обслуживаем клановые интересы и собираем компромат. На Авена, Березовского, Вяхирева, Гусинского, Дьяченко, Ельцина, Жириновского, Зюганова и так далее до конца алфавита - Чубайса, Юшенкова и Явлинского.

Ах как легко сочиняются такие перечни! А уж такие романы... 56-летний подполковник ФСБ в отставке, занявшись частным сыском, впутывается... Ну-ка, догадайтесь на раз - во что? В бизнес с бандитами и с «Бэнк оф Америка» - это раз. В чеченские дела, с Басаевым и Хаттабом, - это два. В Усаму бен Ладена - это уж само собой. «Вы будете смеяться», как говорят в Одессах (Большой и Малой), но в эпилоге романа он успевает впутаться в «Норд-Ост». А когда он это успевает, можно только гадать, потому что всё свободное от Думы О Мире время он «сексапилит» всё, что шевелится, - не зря же роману предпослан эпиграф из Библии: «И нынче у меня столько же силы, сколько было тогда, чтобы воевать и входить и выходить».

Подполковник ФСБ в отставке придерживается прочных проамериканских и, что уж вовсе неожиданно, произраильских взглядов. (Знаете вы таких подполковников ФСБ в отставке? Я знаю только одного - и фамилия ему Путин). И даже американская шпионка, которую он ловит в Чечне и с которой терпит единственную осечку в постели (и которая затем гибнет в одной из башен ВТЦ), сражается за общее русско-американское дело: её внедряют в террористические структуры Чечни, а затем дают «провалиться» и отправляют в российскую тюрьму единственно затем, чтобы она поближе подобралась к «Аль-Каиде». Время от времени подполковник горестно вздыхает: он-де не допущен к главным тайнам современности и о конспирологической подоплёке происходящего вынужден только догадываться. Догадываться в лошадиную силу Эдуарда Тополя...

Именно подполковник в конечном счёте убивает Хаттаба - а заодно всех своих чеченских и прочеченских недругов. Убивает в соответствии с правдой жизни или, вернее, конечно, в соответствии с правдой молвы. А она гласит, что в ходе операции с отравленным конвертом погибли и несколько «хороших парней». Но о таком Тополь, понятно, не упоминает, хотя не раз - с комичной для романиста и вдвойне комичной для рассказчика-контрразведчика серьёзностью - ссылается на авторитетные свидетельства жёлтой прессы и обильно цитирует её. (В качестве приложения к роману лишний раз воспроизведены *донесения сержанта в отставке Тополя главнокомандующему Путину,* публиковавшиеся порциями в желтоватых периодических изданиях, но этот вздор и упоминать не хочется).

В годы службы подполковник был бессребреником (чуть ли не единственным во всём ведомстве, как невольно получается у Тополя), в отставке же возжаждал «у. е.». И организовал под «крышей» родного ведомства фирму «Возврат», специализирующуюся на возвращении в Россию бесхозных миллионов и миллиардов с офшорных, американских и швейцарских счетов. А почему бесхозных? Потому что владельцев счетов благополучно грохнули. Такие вот поиски Янтарной комнаты с помощью чёрной кошки, которой там нет (и не существует в природе), но которая гуляет сама по себе.

В романе и вокруг Тополь приносит благодарность целому ряду генералов и полковников ФСБ за якобы предоставленную инсайдерскую информацию. Правда, чины эти проходят под инициалами и, по всей видимости, тоже не существуют в природе. Напротив, веришь благодарности, приносимой писателем

«простой русской женщине», ознакомившей его с ночной жизнью Майами. Веришь, потому что реклама её антикварного магазина размещена прямо в книге. Как и реклама операторов из «Билайн». Под слоганом: *Эдуард Тополь рекомендует* - это такое, прошу прощения, ноу-хау.

Перед нами не просто роман, пусть и на редкость слабый, на редкость паршивый. И не просто писатель, которому давно пора повесить перо на стену, а бутсу - на гвоздь. Перед нами колоритный представитель распространённого нынче типа авантюристов: уехав в Америку по израильской визе и ничего маломальски выдающегося не добившись и там, они восприняли перестройку и постперестройку как третий шанс, они вернулись или начали регулярно наезжать в Россию, надувая здесь щёки и хвалясь мифическими победами на Западе (но, понятно, не над Западом). Сперва они просто играли на разнице курсов (именно что «у. е.») - покупали ящик водки за два доллара и ведро огурцов за двадцать центов и угощали желающих. Желали все: бесплатным эмигрантским сыром не брезговали демократы первой волны и ренегаты всех мастей. А уж писатели... А уж журналисты... А уж тогдашние издатели... Какой-нибудь Александр Янов трындел про русский фашизм и Веймарскую Россию, какие-нибудь Вайль с Генисом и Парамонисом выдавали себя за литературных критиков, философов, кулинаров и антикваров одновременно. Какой-нибудь Тополь строчил романы...

Потом «у. е.» вошла в разумные рамки. Пыль низкопоклонства осела. А эти угомониться не захотели. Или не сумели. Их встретили по одёжке (из секонд-хенда) и ещё не проводили по уму, но уже прикупили на «деревянные» главный атрибут неизбежных проводов - поганую метлу.

2003

Санитар джунглей

Бо-бо, ты жив, но шапки не долой...

В минимальном наборе качеств, необходимых поэту, едва ли не главную роль играет слух: каждый пишет, как он слышит. И когда стихотворец, решив объясниться с миром, называет итоговую книгу воспоминаний словосочетанием «Я ЗДЕСЬ», в котором неумолимо слышится «П.ЗДЕЦ», и снабжает жанровым подзаголовком-определением «ЧЕЛОВЕКОТЕКСТ», в котором и «ЧЕЛОВЕКА» и «ТЕКСТ» издевательски заглушает «КОТ», ясно, что стихотворец это паршивый; кот - ещё куда ни шло, «кот» - тем более, а вот поэт - едва ли; и сама книга заранее оборачивается недвусмысленным и не подлежащим обжалованию приговором: «П.здец котёнку!» Старому котёнку, заморскому и паршивому, но всё равно п.здец, причём п.здец полный.

Стихотворца зовут Дмитрий Бобышев. Живёт он в США, в графстве Шампейн, и стихи порой подписывает псевдонимом Граф Шампанский (вкус, как видите, под стать поэтическому слуху). Член Союза писателей Санкт-Петербурга. В самооценке - «соперник Бродского». Человекотекст вышел в московском издательстве «Вагриус». Книгу мне подарила издательский редактор Елена Шубина, котолюбиво заметив: «Вы уж его, Витя, как-нибудь

щадяще, вполсилы...» Да хоть в четверть! Бобышевский «П.здец» заканчивается следующими словами:

Мне живо представилась длинная очередь неустановленных памятников с протянутой потомству рукой - установите! Вот - памятник Блоку, Вячеславу Иванову, Мандельштаму и Ахматовой, да и Михаилу Кузмину... Да и Клюеву, и Есенину... Даже Тихону Чурилину!

Вдруг впереди всех в очередь становится Бродский.

Памятник Анны Ахматовой (бронзово):

- Извините, Иосиф Александрович, вас тут не стояло!

Ну как такого обидишь? Попробовал было Андрей Битов - вывел в раннем рассказе: «Этот ничем не примечательный Бобышев служил инженеришкой в какой-то конторе, мелочно обманывая начальство, хотя и трусил, но прогуливал, ходил в рабочее время в кино, пытался даже завести лёгкую связь со случайной девицей, но сробел и пожмотничал», - с обидой процитировано в «...котексте». И далее, когда *соперник Бродского* прорвался к главному редактору издательства с тем, чтобы на Битова настучать: «И, помимо всего, я ведь тоже ваш автор. Мои стихи отобраны для следующего выпуска альманаха, это будет мой дебют, и я хочу, чтобы читатели связывали моё имя со стихами, а не с сомнительными похождениями битовского персонажа».

Ладно, свяжем имя со стихами - всё из того же «...котекста»:

Единственно твоей хозяйки ради,

Кастрат любезный, я тебя пою.

Послушаем заодно и отзыв Анны Ахматовой в переложении, естественно, Графа Шампанского:

Ахматова сказала: «У меня был Иосиф. Он говорил, что у него в стихах „главное - метафизика, а у Димы - совесть". Я ему ответила: „В стихах Дмитрия Васильевича есть нечто большее: это - поэзия"».

Я посмотрел на единственную свидетельницу нашего разговора: сможет ли она возвратить мне дар и запомнить эти слова? Нет, конечно, - так и стихи не запомнились, а лишь сор, из которого они выросли.

Кто тут кому врёт: Ахматова - Бродскому, Ахматова - Бобышеву или Бобышев - читателю? Если бы в стихах «кота» и впрямь была поэзия, то запомнились бы и остались они. А запомнилось-то другое: действительно инженеришка, никчёмный сочинитель, мстящий талантливому, пользуя его женщин, - ситуация банальная и в своей банальности гнусная и убогая. Тебе - всемирная слава, а мне - *свалка на комоде.* Ах, про *свалку* написал тоже ты? А у меня зато «хорошие английские туфли», доставшиеся от покойного тестя, и боты, чтобы не портить обувь, и ко мне забегала твоя роковая возлюбленная... А «сука в ботах» - это не про меня, и рассказ Битова - тоже, и вообще меня хвалила сама Ахматова...

Да ведь и впрямь хвалила: хорошенький котик был смолоду. Кушнера прогнала - слишком страшненький, - а Бобышева похвалила. О пресловутых «ахматовских сиротах» - это было домашнее ЛИТО на четверых: один талантлив,

почти гений, другой - со способностями, третий - с проблесками, четвёртый - без, зато в ранге старосты. А первый? С ним трудно. А второй? С ним забавно. А третий? С ним *потаённо.* А четвёртый? Его, сам пишет, и в Технологическом институте старостой группы назначили, потому что единственный русский мужского пола. Ахматова, надо полагать, отреагировала на него точно так же...

Пожилые поэты обзаводились ЛИТО не только и не столько ради заработка, но в расчёте на обожание, платоническое или как, со стороны воспитанников. Сергей Давыдов не предпочитал девочек мальчикам и наоборот, Виктор Соснора - тоже, Лариса Васильева и Александр Кушнер подбирали юношей гвардейского роста, Давид Дар - пэтэушников погрязней, и так далее. Члены ЛИТО становились и благодарными слушателями твоих стихов, и расторопными слугами (от «сбегать за водкой» до «перевезти вещи»), и по необходимости и возможности - гаремом «обоего пола» (как выразился недруг нашего *кота* с говорящей фамилией Марамзин, он же, кстати, и Кацнельсон), невестами, а в московском варианте - и женихами. Ахматова была стара, больна, ленива, полуопальна, ЛИТО ей пришлось вести на дому - но все его родовые признаки она у себя в «будке» воссоздала.

Бродского это бесило, Рейну докучало, для Наймана стало пожизненным поприщем в статусе «ахматовской вдовы», а для Бобышева?

Талантливым людям он завидует - всем, и клевещет тоже на всех, даже на Довлатова (утверждая, будто того как писателя создал редактор - не то Харьев, не то Мордин), даже на Самуила Лурье с его и впрямь чрезмерной любовью к Бродскому. И только Ахматовой мемуарист не завидует, только на неё не клевещет, он боготворит, он посвящает ей стихи... но, право же, лучше бы клеветал...

Лет Бобышеву где-то шестьдесят пять. Он ходячее пустое место. Ещё ходячее. В молодости посещал домашнее ЛИТО Ахматовой и ухлёстывал за женщинами поэтов. Пять лет назад написал об этом развёрнутые воспоминания. Сейчас напечатал. Состоит в поэтической секции Союза писателей: Гампер, Голь, Пугач, Скобло, Фоняков и так далее. Всю жизнь сочинял и, кажется, сочиняет по сей день неуклюжие вирши ненамеренно комического свойства. Кричит: «Я ЗДЕСЬ», а эхо отвечает в рифму, но эту рифму я уже привёл в начале статьи.

2003

Горящий рукав

Председатель правления Союза писателей Санкт-Петербурга прозаик Валерий Георгиевич Попов написал-таки литературные мемуары. Появление словечка «таки» в предыдущем предложении объясняется тем фактом, что и в поповской художественной прозе последних десятилетий главным - и единственным положительным - персонажем (да и рассказчиком) неизменно выступает прозаик, которого зовут Валерием Георгиевичем Поповым... Чем же нынешняя *поп fiction* (опубликованная, разумеется, в «Звезде») отличается от поповской fiction (регулярно публикуемой там же или - и даже чаще - в «Новом мире»)?

Большим самолюбованием? Но куда уж больше. Меньшим количеством «шуток юмора»? Но они так или иначе несмешные. Именами второстепенных персонажей? Да нет, имена те же самые: Аксёнов, Битов, Бродский, Вольф, Гордин, Кушнер - и далее по алфавиту. Историями, происходящими с этими (и многими другими) людьми? Увы, и забавные (на вкус автора) истории эти Попов успел распубликовать не по одному разу.

Эксклюзивность «Горящего рукава» заключается в обращении к образам детства и даже младенчества: писатель помнит победы над «ужасом бытия», одержанные аж в пятимесячном возрасте. Тоже, знаете ли, не бином Пруста, но всё-таки, всё-таки... Именно эти образы и оказываются решающими при формировании характера и в известной мере предопределяют жизненный (а для писателя - и творческий) путь, учат отец структурного психоанализа Жак Лакан и его московский адепт Олег Давыдов, - и мемуары Попова в своей бесхитростной и бесцеремонной исповедальности и впрямь представляют собой бесценный материал для анализа:

«С пяти до восьми - приготовление уроков. Страдания - с восьми пятнадцати до восьми двадцати. Одно с другим не смешивать!» Такое шутливое расписание дня я составил себе тогда. И теперь так живу.

Это, впрочем, уже из школьных воспоминаний. А им, как положено, предшествуют дошкольные. Главный выбор - между стремлением хорошо, от пуза, пожрать, с одной стороны, и весело провести время, с другой, - раскрывается в такой сценке: бабушка ставит на стол домашнюю буженину, а в окошко пускает солнечные зайчики предводитель дворовой ребятни: айда на улицу! Как быть? Полакомиться ещё тёплой бужениной - и айда на улицу! Потому что *сразу же, как кот, я научился находить тёплые местечки, где почему-то хорошо.* В художественной прозе Попов называет такие места грибными или ягодными, предупреждая, правда, что *грибники ходят с ножами.*

Кульминационная точка в перманентном рассказе о еде тоже приходится на дошкольную пору: в голодные послевоенные годы возвращается домой с целой говяжьей ногой отец. От сценки веет уже не Лаканом, а Фрезером с Леви-Строссом...

В школе у маленького Валеры поначалу не получается ничего. Ленив, да и туповат... Во дворе дела идут получше: его привечает тот самый, пускавший зайчики, заводила - сын дворника, учащий мелюзгу из интеллигентских семей (Попов-пэр - ботаник и по профессии, и по жизни; говяжья нога - это, скорее, нечаянная удача) уму-разуму. Увидев у входа в вуз вывеску «День открытых дверей», маленький Попов впервые в жизни каламбурит: «День открытых зверей!» Сын дворника благодарно смеётся; Попов осознаёт, что, когда вырастет, станет писателем.

И тут же получает ещё один важный жизненный урок. «Шляпа в шляпе!» - каламбурит, в свою очередь, дворницкий сын вслед прохожему. Тот, обернувшись, бьёт мальчишку по зубам. Сын дворника безропотно схаркивает кровь. За шутки порой приходится отвечать не по-детски, так что и шутить нужно с умом - тут же соображает малолетний писатель.

Уличная наука помогает и в школе: Попов теперь выпускает стенгазету, а за это ему дают мелкие, но приятные поблажки, завышают оценки и тянут в отличники (а впоследствии - ив золотые медалисты). При том, что главный претендент на медаль своевременно отпадает, затеяв какую-то коллективную хулиганскую выходку. В которой Попов, к счастью для себя, не участвует, - он в это время сочиняет стишки в очередную стенгазету. Запомним и первое обстоятельство, и второе.

Соредактор стенгазеты (привет соредакторам «Звезды» Арьеву с Гординым) знакомит Попова с похабным стишком «Пошла я раз купаться» - и, услышав это чудо высокой поэзии, Попов в отчаянии рвёт собственные идеологически выдержанные вирши. Ну да не беда, подмигивает ему циничный соредактор, ты ведь наверняка помнишь их наизусть. Так что давай диктуй! И поэт Попов диктует. Стихи он позже забросит (литконсультант скажет Попову: «Иные пусть пишут, только б не пили. А ты лучше пей!») и перейдёт на прозу, а вот благоприобретённый навык останется на всю жизнь:

С присущей мне прилежностью и ловкостью, появляющейся, впрочем, весьма лениво и изредка, я выучился писать как надо. Правильно, как было там принято (то есть вопреки всякой правильности), себя вёл - и через год вышел в старосты. Тениям ни к чему это, у них срывы, запои - а мне в самый раз!

Многозначительны и - по Лакану - глубоко символичны и описываемые обстоятельства потери невинности на квартире у некоего Марамзина (был такой в Питере третьеразрядный сочинитель - детский писатель-порнограф! - бесследно сгинувший в парижской - под Синявским с Розановой - тусовке):

Почему я должен был с ним идти, я не понял, но противиться его энергии мало кто мог. Мы пришли в красивый зелёный двор на Литейном. Большие окна квартир были распахнуты. Какой был вечер! У него оказались две комнаты с балконом на третьем этаже вровень с деревьями. Нас действительно встретила высокая, слегка сутулая, хмурая девушка. Как он такую мог к себе заманить?

- Ага! Друга привёл! - произнесла она мрачно и как-то многозначительно.

Литературная невинность, впрочем, была потеряна хоть и с подачи того же Марамзина, но, скорее, в той трусоватой стилистике, в какой ранее был устранён конкурент на единственную золотую медаль в школе:

Вскоре в моей комнате на Сапёрном, на втором этаже, над аркой, собрался народ. Мы приглашали всех каким-то хитрым способом: мол, сам, что ли, не понимаешь, о чём речь? Было человек семь, примерно одного с нами статуса; все уже писали, но никто ещё не печатался.

Шли глухие разговоры на тему, потом вдруг распахнулась дверь и вошла мама: «Ребята, что вы делаете? Вчера я виделась с Васей Чупахиным (другом семьи), он сказал, что опять сажают!» Потом позвонил из Токсово, с дачи, Битов, говорил настолько глухо и отрывисто, что и нам стало страшновато. Мы ничего ещё не сделали и даже не подписались, но всё уже грохотало вокруг нас: откуда стало известно? Впервые в жизни, и именно по этому случаю, мы удостоились встречи с высоким литературным начальством: помню Гранина и Кетлинскую. Они говорили примерно то же, что и моя мать: ребята, не губите

себя. Марамзина почему-то при этом не было, и без него как-то это всё постепенно размазалось. До конца пошёл один Марамзин.

Предыстория, как её излагает Попов, такова: молодёжи устроили литературную учёбу. Ораторствовал какой-то нудный старик. Марамзин послал его на х... Публично. После чего собрал друзей, чтобы они подписали письмо в поддержку его дерзкой и дикой выходки. Но Валера Попов уже сочинял стенгазету...

Из детства, пропустив юность, мы вслед за нашим героем запрыгиваем в профессиональную литературу. В тот самый трамвай, который из глубины вагона кажется переполненным (а значит, езжай дальше, не останавливаясь!), а из толпы на остановке - пустым. Попов попал на подножку Союза писателей в двадцать семь лет - и всего-то через ещё тридцать пять сумел эту некогда могущественную, а потом изрядно обессилевшую организацию возглавить. Обессилел он и сам - как писатель - годам так к сорока пяти, взяв в этом отношении пример ещё с одного персонажа воспоминаний - Андрея Битова. И старательно, хоть и безуспешно, пытается взять пример с почётного председателя ПЕН-клуба и в другом, в главном:

«Какой-то свой метод надо создавать!» Это понимал и Битов. И постепенно создал себя, безошибочно вычислил. «Надо строить не только буквы, но и людей!» И с годами вторая часмть этой фразы была для него всё важней: это то, что даёт ощутимые результаты, славу и вес. Писателя читают и оценивают только один раз, а дальше уже он должен делать себя другими средствами, более простыми и действенными. Он это понял раньше и глубже всех нас. И ему, с его могучим, я бы сказал, зверским характером, это прекрасно удавалось и удаётся.

Людей строил, если вы помните, ещё сын дворника на Сапёрном. Построил - получил в зубы от прохожего (читай - от начальства) - и давай строить малолеток дальше. Получил в зубы и Битов - от Попова. И, понятно, Попов - от Битова. Дрались они белую ночь напролёт. И, подравшись, ещё сильнее зауважали друг друга (Попов - Битова, это уж как минимум). А начальство их не било. И не бьёт. Потому что они про него (и с ним) не шутят.

«Звезда» выложила в Сеть только первую (майскую) часть мемуаров, так что я вроде бы и не знаю, о чём там, после Марамзина и Битова, речь пойдёт дальше. А я знаю! О Довлатове, которому, по всегдашнему мнению Попова, повезло дважды - во-первых, уехать; во-вторых, умереть. О Бродском, которому повезло точно в том же смысле (вернее, в тех же смыслах). О кореше Кушнере, который никуда не уехал и доживёт до ста, а пишет, пожалуй, не хуже иного нобелевского лауреата. Да что там - иного! Не хуже Бродского! А может, и получше. Вот и он, Попов, пишет не хуже Довлатова... О журнале «Звезда», в котором их с Кушнером печатают. О «Новом мире», где тоже работают славные люди. Хотя нет: про «Новый мир» Попов напечатает в «Новом мире».

И о литературных критиках, которые, подобно деду Мазаю, должны спасать зайчиков-писателей от смерти в пучине. А то есть у нас в Питере такой Топоров: увидит он зайчика, прицелится в него из двустволки - и бах-бабах!..

Был Попов когда-то и впрямь недурным прозаиком советской поры. А стал - тем, чем стал. Маленьким литературным начальником поры постсоветской. Лозунг Попова-писателя: ной, но не унывай - карта слезу любит! Лозунг Попова-начальника: греби всё под себя! Кредо: жизнь удалась! Главный жизненный принцип: пить только на халяву! Мечта: пить вкусно. Способ достижения цели: строить буквы (и печататься у добрых знакомых). Лучше бы, конечно, по-битовски - не буквы, а людей, - но у Попова это не больно-то получается. Людей построит, велит всем: «Замри!» - а сам, не утерпев, - к банкетному столику. Людям это не нравится; начальству (губернскому) - тоже; Попова пока не бьют, но руки на него чешутся. В кулуарах Смольного усиленно подыскивают нового редактора стенгазеты.

А Валерий Георгиевич на голубом глазу публикует развёрнутые самовлюблённые (и, естественно, саморазоблачительные) воспоминания в заплёванном, как подъезд на Моховой, журнальчике - и в ус не дует! Да и что ему дуть: усов у него нет, Лакана он не читал, Давыдова - тем более, о коварном намерении Смольного узнаёт последним.

Вот из этой статьи и узнает.

2005

Живой журнал сороконожки

Сороконожка шла-шла, перебирая ножками, пока не призадумалась: «Как же я на всех этих своих сорока иду?» - и тут же одни подогнулись, другие подкосились, третьи прилипли к земле как приклеенные, четвёртые свело судорогой прямо в воздухе, левые полупередние намертво сцепились с правыми полузадними, сороконожка остановилась и медленно, но бесповоротно завалилась набок.

Таков классический случай.

Сороконожка шла-шла, перебирая ножками, пока не призадумалась... (и далее по тексту) и тут же бесповоротно завалилась набок, но как ни в чём не бывало продолжила поступательное движение уже в такой позе.

Случай литературного критика Натальи Ивановой. И её собрата по руководству журналом «Знамя» Сергея Чупринина. И самого, полного ныне сомнениями и в литературе, и в критике, и, страшно сказать, в собственном судьбоносном предназначении, но как ни в чём не бывало из месяца в месяц выходящего «толстяка».

Наталья Иванова только что напомнила об этом, выпустив авторский сборник эссеистики за 2004 год под кокетливым названием «Невеста Букера». Это своего рода «живой журнал» - только в оффлайне, рубрифицированный и, разумеется, лишённый обратной связи с читателем.

С обратной связью у Натальи Борисовны вообще напряжёнка. Знакомясь с её регулярно появляющимися в периодике и время от времени собираемыми в книгу текстами, испытываешь странное ощущение, будто всё это говорится (пишется) не тебе, читателю, но всего лишь в твоём присутствии.

И ты не то чтобы подслушиваешь беззвучный стрекот сороконожки, но поневоле выслушиваешь нечто явно не предназначенное для твоих ушей. Или, вернее, предназначенное не для твоих ушей, и твои уши ей, строго говоря, по барабану. А в остальном - стрекот как стрекот: местами дельный, местами вздорный, в последнее время всё чаще раздражённо-панический.

И ты чувствуешь, что ты сам, невольный докучливый слушатель, - основной раздражитель глаголящего истину в последней инстанции критика, тогда как паника или, как принято нынче в политике (а Иванова пишет и о политике, на свой смиренный, как у игумена Пафнутия, лад подражая Ролану Барту), имитация паники, очевидно, адресованы кому-то третьему. Реальному собеседнику (слушателю) невесты Букера. Которого ты, впрочем, не видишь; более того, в существовании которого сомневаешься. Кто же он - «метафизический собеседник» первого заместителя главного редактора «Знамени»?

Ответ прост как два пальца об асфальт: Запад! Западные слависты, устроители семинаров и конференций, организаторы лекционных турпоездок, благотворители, грантодатели и гаранты грантов. Публика дикая, невежественная, в собственных отечествах всеми, включая коллег по литературе и филологии, презираемая. Особенно с тех пор, как в профессиональных славистов прекратили рядиться кадровые разведчики. Есть, конечно, и макаронические тусовки - вокруг Набокова и Бродского, на эмигрантских дрожжах, - и на тех же дрожжах постмодернистская мутотень, - но и там, и тут Наталью Борисовну не больно-то жалуют.

А вот нормальный профессор славистики, услышав любую писательскую фамилию, кроме Акунина, Битова, Евтушенко и Ерофеева, включает диктофон и просит перечислить основные произведения. А заодно - обрисовать проблематику и наметить тенденции. И непременно назвать пару-тройку молодых (до пятидесяти), но звучных имён. И, будучи иностранцем в России, а значит, при всём своём скудоумии, подозревая, что его не снабжают достоверной, пусть и бесполезной информацией, а всего-навсего разводят на бабки, он постарается обратиться к авторитету. К критическому светилу. К общепризнанному властителю дум.

Во всех этих качествах и выступает печатающаяся и у себя в «Знамени», и у Немзера в издательстве «Время», и в «Русском журнале» Наталья Борисовна Иванова. Для того и печатается. А что над умами она властвует лишь на квадратных метрах собственного кабинета (потому что в соседнем сидит занятый практически тем же Чупринин), да и то - пока из коридора не донесётся чугунная поступь командора (которым окажется тот же Немзер), - герру доктору и мсье профессору знать необязательно.

А теперь - вопрос: кто мешает продвигать русскую литературу как неиссякающий российский ресурс для международных связей страны, в России и постоянно? Кто мешает государству (а это именно государственное дело) обеспечивать бесперебойность этого продвижения?

Писатели?

Так я увидела своими глазами: то, к чему здесь, в России, особенно в Москве, относятся с неоправданным подчас высокомерием, во Франции, в Париже, - весьма востребованный интеллектуальный товар.

Но: конечно, необходимо, чтобы на него - для него, то есть для неё, для литературы, - работали умные и предприимчивые продвигатели (Н. Иванова в «Знамени» № 6, 2005).

(«Работать на товар» - это сильно сказано, но чего сгоряча не ляпнешь. - *В. Т).*

Отсюда и невероятный, хотя и непроизвольный комизм всего, что пишет «умная и предприимчивая» *продвигательница.* При том, что пишет она бойко и порой, как отмечено выше, дельно.

В американском фильме два гениальных математика жарко спорят о теореме Пифагора. Почему о ней, а не о теореме Ферма? Потому что и самый тупой зритель должен понимать, о чём речь. Вот и невеста Букера, с очевидным расчётом на цветы и подарки до и на алименты после, без малого третье десятилетие ломится в открытую дверь или, на другой взгляд, в глухую стену, как будто она не сороконожка, а китоврас. Откликаясь на каждое мало-мальски заметное литературное событие, выставляя то «уд.», то «неуд.», раздавая кулуарные премии своим и виртуальные зуботычины чужим, неизменно стараясь держать нос по ветру, компенсируя каждую ошибку или запоздалую реакцию вкуса удвоенным рвением - и проделывая всё это в экспортном (то есть в адаптированном для западного дебила) исполнении.

Одно время так пробовали писать прозаики; тот же, допустим, Битов. Скудный словарь, примитивный синтаксис - чтобы проще было переводить на конвертируемые иностранные языки. И вроде бы в какой-то момент сработало, а потом мода не неслыханную простоту письма рассосалась. Наталья Иванова хранит верность неслыханной простоте критического суждения.

Но за последние два года в счастливом доме «Знамени» всё смешалось. Одну за другой публикуют Иванова с Чуприниным директивы, попеременно и последовательно отменяющие современную прозу, поэзию, критику-публицистику, не говоря уж об особенно зловредных изводах, какими здесь слывут патриотизм и всё тот же постмодернизм. Сжигают всё, чему поклонялись, и не находят новых предметов для поклонения. Да ведь и впрямь, совершенно непонятно, что *продвигать* (кроме как самого себя), что славить, что, наконец, в своём журнале печатать? Невеста Букера и вовсе провозгласила надысь литературный дефолт - и продвигает на Запад уже его. Потом провозгласит абзац, потом - полный абзац, абзац всему и так далее.

Но «Знамя» будет выходить, заполняя журнальную площадь милыми уму и сердцу собственного руководства именами и текстами, само руководство продолжит в нём - и в иных местах - печататься; задумавшаяся сороконожка завалилась набок, но как ни в чём не бывало по-китоврасьи продолжает поступательное движение *(продвижение),* работая на товар.

2005

Золотые люди

Живёт в глухие семидесятые прошлого века в городе Ленина на Неве, в колыбели трёх революций, простая советская семья. Отец - главный инженер, мать - домохозяйка, старшая дочь - умница, красавица, студентка, младшая дочь - умница, красавица, будущая балерина, двоюродный брат сестёр - умница, красавец, научное светило. Золотые люди! И первая среди равных - старшая дочь. Маша. Мария. Вернее, Маша-Мария. Не потому что умница, красавица и так далее (хотя и поэтому тоже), а потому что единственная изо всей родни - а кузенов и тётушек там ещё штук сорок - *умеет разговаривать с бешеными суками.*

Бешеные суки - это русские. А золотые люди - евреи. Такова главная идейная коллизия в романе Елены Чижовой «Преступница» («Звезда», 2005, № 1-2), выдвинутом на Букера, вошедшем в лонг-лист и имеющем, с оглядкой на тостожурнальное харьевско-мординское лобби, превосходные шансы на попадание в заветную шестёрку финалистов, а то и на главный приз.

Бешеные суки - это именно русские, а не просто иноплеменники и иноверцы, сиречь гои. К литовцам Маша-Мария (она, кстати, полукровка) испытывает столь сильную симпатию, что, отводя от самой себя обвинения в русском фашизме, открывает им тщательно скрываемую от бешеных сук тайну собственного происхождения и отдаётся самому непримиримому из них не столько по любви, сколько в порядке индивидуальной репарации за содеянное русскими оккупантами с маленьким, но гордым народом. Немцы тоже ни в чём не виноваты, потому что на них нельзя возлагать коллективную вину за преступления нацизма; автор романа - исполнительный директор петербургского ПЕН-центра и хотя бы по должности умеет грамотно расставлять политические акценты. И Маша-Мария буквально заласкивает (в хорошем смысле) невесть откуда взявшуюся немецкую девушку Марту. (То есть взявшуюся из Казахстана, где она родилась в семье высланных русскими из Ленинграда немцев). Другое дело - бешеные суки: они ненавидят золотых людей люто, изобретательно и, по кстати подвернувшемуся словцу Льва Троцкого, перманентно. И мстить им за это следует по-библейски до семидесяти семи раз. И всё равно будет мало.

Кстати говоря, золотые люди, переехав в Ленинград из-под Гомеля, вселились в квартиру, освободившуюся как раз после высылки зажиточного немецкого семейства. Однако отдельной квартиры золотому человеку, пусть и главному инженеру, никто, разумеется, не дал бы. Комнату для прислуги, безошибочно выбрав именно её в силу холопской сущности, уже успели занять две бешеные суки - мать и дочь, две старухи, грязнули и антисемитки. Их Маша-Мария не прощает и после смерти (а умирают они друг за дружкой, и золотые люди хоронят обеих, естественно, за собственный счёт): сперва издевательски укладывает их крематорский прах в кухонное ведро с песком, а затем, уже в финале романа, с ещё большей издёвкой развеивает над еврейским кладбищем. Но это уж она мстит другим бешеным сукам - тем, что осквернили могилу ещё одного золотого человека, отца её собравшегося на историческую родину жениха.

Но вот бешеные суки из каморки для прислуги с подозрительной, на иной взгляд, стремительностью умерли - и надо побыстрее захватить каморку, превратив наконец квартиру в отдельную. Да кто ж позволит такое золотому человеку? Только за отдельные деньги! А взяток он не даёт из принципа, да и вообще, как любой главный инженер в советское время - особенно из золотых людей, - живёт от зарплаты до зарплаты. Ну разве что за изобретеньице когда подкинут, а изобретений у него туева хуча, потому что человек он золотой и голова у него тоже, естественно, золотая. Вот только кандидатскую диссертацию бешеные суки защитить не дают.

Взяток он давать не умеет, а Маша-Мария умеет! Но откуда взять деньги? А от верблюда! Какое-то время Маша-Мария работала в БАНе и обнаружила там редкие еврейские книги. Еврейские - поэтому их никому не выдают! А раз не выдают, то не хватятся, так чего ж им пылиться попусту? И Маша-Мария, подделав пропуск и собственноручно пошив себе робу со множеством крупных карманов (руки у неё тоже золотые), проникает в хранилище, похищает книги и, кое-как затерев номера и штампы, за 500 рублей сбывает будущему жениху. Которого зовут Юлием, в честь родного деда, вот только звали деда на самом деле Иудой. Вот и Маша-Мария зовёт жениха Иудой - и тоже в хорошем смысле.

И вот взятка вручена бешеной суке из ЖЭКа, а золотым людям в обмен вручён ключ от заветной каморки. Маша-Мария тщательно обыскивает старушечью комнату: обе бешеные суки получали хорошие пенсии, а жили как нищенки, от них непременно должны остаться «гробовые»! Но, увы, ничего не находит: скаредные, как все бешеные суки, скопить эти ротозейки ничего не сумели. Или припрятали так надёжно, что Маше-Марии при всех её разносторонних способностях не найти.

Получается, что золотых людей, в прямое опровержение Булгакова (сильно их недолюбливавшего), не смог испортить даже квартирный вопрос. Но разве только квартирные неприятности обрушиваются на золотые головы, как из помойного ведра, опрокинутого бешеными суками? Вы будете смеяться, но нет!

Вот главный инженер - бешеные суки не дают ему стать кандидатом наук. Вот гениальный кузен Иосиф - он как раз кандидат, но бешеные суки не дают ему стать доктором. Самуил Юльевич (Иудович), правда, доктор, но его не пускают в академики и вдобавок оскверняют могилу. А с Иосифом разбираются ещё круче: у него доступ первой степени, он из тех, кто «делает ракеты» (автор намекает, что он единственный их и делает, тогда как бешеные суки всего лишь срывают лавры), - и поэтому в Израиль его не отпустят ни при каких обстоятельствах.

А Машу-Марию бешеные суки не берут в университет. Срезают на любимом предмете. И приходится ей поступать в Финэк. Но не взяли бы и туда, не сумей она обмануть бешеных сук по совету гениального Иосифа. Суть обмана вот в чём. Главного инженера зовут Михаилом (звали когда-то Мойшей, но жалостливая бешеная сука в гомельском паспортном столе подсказала: от тезоименитства с вероучителем иудеев лучше избавиться). Фамилия тоже более или менее нейтральная: Арго; весь кагал золотых людей шутливо именует себя аргонавтами. Подкачало отчество: Шендерович. А Маша-Мария по матери (и по

паспорту) русская. В приёмную комиссию метрику предоставлять не требуют (на моей памяти требовали, но Елена Чижова, кажется, лет на десять моложе). И вот Иосиф советует указать в анкете не Михаил Шендерович Арго, а Михаил Тоомасович Арго, выдав тем самым золотого человека за эстонца. И всё тип-топ! Маша-Мария поступает в Финэк и тут же начинает в научном смысле блистать - и на неё кладёт глаз выдающийся учёный Успенский (из бешеных сук, но пострадавший в 1950 году вместе с «безродными космополитами» - и поэтому тоже изрядно зазолотевший), и она навязывает ему телесную близость, а он посылает её на студенческие конференции и прочит в заветную аспирантуру. Но, как вещий Олег, золотая Маша гибнет из-за собственного животного.

Животное зовут Валей. Валя, понятно, из бешеных сук, причём из провинциалок, и поступает поэтому в Финэк легко и безболезненно. Девушки в хорошем смысле сближаются на вступительных экзаменах, но в дальнейшем их стёжки-дорожки расходятся. Маша блещет, а Валя зубами скрежещет: куда, мол, мне до неё - коренной и потомственной ленинградки! Пока не вступает в случайную половую связь с гениальным Иосифом.

Иосиф человек не только золотой, но и глубоко порядочный. Он забирает бесстыжую Валю из общаги и держит полгода у себя - на правах домрабыни с интимными услугами. А когда эта бешеная сука наскучивает ему, со всей деликатностью выдворяет её обратно в общагу.

Некоторое время Валя ждёт: а вдруг одумается? Потом решает отомстить, но не знает как. Подруги по общежитию подсказывают: он же еврей. А надменная Маша-Мария не общается с несостоявшейся родственницей и продолжает делать успехи на академическом поприще. И тут до Вали доходит: Иосиф, золотой человек, в минуту посткоитальной болтливости («Все животные после соития печальны, и лишь петух принимается кукарекать», - гласит в неусеченной форме антисемитская пословица Древнего Рима) поведал ей о Маши-Мариином трюке с подменой отцовского отчества и, соответственно, национальности. И бешеная сука строчит донос в деканат.

Декан на факультете не бешеная сука, а как бы ещё не хуже - татарин. Он требует у Маши-Марии в обмен на послабление неизбежных санкций дать разоблачительные показания на профессора Успенского. А у профессора Успенского - в обмен на послабление Маши-Мариной участи - уступить в собственную пользу пост завкафедрой. Злобный татарин забывает при этом, что не по Сеньке шапка и становиться завкафедрой ему - хоть и декану, но всего лишь кандидату наук - не с руки, да и не по чину.

Профессор Успенский (слабы всё-таки бешеные суки, хоть и пострадавшие за компанию с миллионами «безродных космополитов») поддаётся шантажу, золотой человек Маша - ни в какую. На вечерний она не переведётся - там и без неё золотых людей минимум через одного; бешеные суки это дозволяют. Перед ней теперь две дороги - либо в Израиль об руку с золотым человеком Юлием (Иудой), либо в подпольное вооружённое сопротивление гитлеровско-сталинскому режиму бешеных брежневских сук толстиково-романовского розлива. Благо, скальпелем она кое-кого из них уже поучила (больничного врача, вздумавшего было без должного рвения лечить Самуила Иудовича), а в финале

романа - на символической территории еврейского кладбища - берётся и за топор.

И всё же окончательный выбор Преступницы остаётся за рамками повествования. Уничтожать бешеных сук в их собственном логове или, вернувшись на Землю Обетованную, «мочить» арабов? Чувствуется, что она способна и на то, и на другое, но как совместить одно с другим, ей пока не ясно.

Это уже третий роман Елены Чижовой, напечатанный в «Звезде», и второй номинированный на Букера. Первые два были написаны в диапазоне от плохого (первый) до чудовищного (второй), причём чудовищно написанный даже вошёл в шорт-лист.

А вот роман «Преступница» написан как раз недурно, местами - очень недурно. Чувствуется, что искренне. А главное, чувствуется, что и сама писательница - золотой души человек.

2005

Ибанько на энерджайзере, или картавый фонтан

Прогноз, сделанный мною несколько ранее, разумеется, сбылся: учреждённая РАО «ЕЭС» национальная (не путать с интернациональной) литературная премия «Поэт» оказалась присуждена петербургскому стихотворцу Александру Соломоновичу Кушнеру, который из врождённой осторожности (а не исключено - и затем, чтобы ещё сильнее походить на Александра Сергеевича) упорно именует себя Александром Семёновичем. $ 50 000, диплом и нагрудный знак (!) - золотая лира, по-видимому, на пальчиковых батарейках - были вручены Первому Поэту России (или, может быть, ещё категоричнее - Последнему Поэту России) в обстановке торжественного застолья - и свежеиспечённый лауреат поблагодарил донаторов прочувствованной сорокапятиминутной речью, посвящённой образу лампочки в отечественной поэзии, начав, понятно, с её (русской поэзии) закатившегося солнца. «Был в лампочке естественный накал, убийственный для мебели истёртой» (Иосиф Бродский), и так далее. Вообще-то, русские поэты чаще пишут о другом источнике света - «И солнце ангелы потушат, как утром - лишнюю свечу» (Ходасевич) или «Свеча горела на столе» (сами знаете кто), - но директора государственных свечных заводиков многомиллиардными суммами не ворочают и отстёгивать на Соломоновича, может, и рады бы, но по определению бессильны - им бы самим концы с концами свести. *ДЕбет* с *крЕдитом,* пока не грянула налоговая проверка. Ну и политических партий карманного типа они не содержат тоже.

Два факта, однако же, оказались непредугаданными: одного не смог предвидеть я, а другого - учредители премии. Совершенно оборзев, поклонники Соломоновича и его шестидесятидевятилетней Музы назначили вручение на 25 мая - а накануне, 24-го, исполнилось ровно шестьдесят пять лет со дня рождения Бродского - и таким образом имена нобелевского лауреата и нашего «Поэта» оказались парадоксально и пародийно сближены. Такой наглости не ожидал даже я (рассказывают, правда, что те же плешивцы попробовали было, подсуетившись, выдвинуть Кушнера аж на Нобелевскую премию, но получили

уже в Москве самый решительный отлуп - и развели Чубайса с Гозманом на премию «Поэт» как бы в порядке утешительного приза).

Ну а организаторы не предвидели того, что именно 25 мая в Москве случится светопреставление, оно же электрошок, и вслед за каскадным отключением ума, вкуса и совести ту же пляску святого Витта затеют кое-как залатанные подстанции, и чуть ли не вся страна потребует чубайсовой крови. И, таким образом, слова главного распорядителя премии, произнесённые на её вручении, - *Премия «Поэт» будет существовать до тех пор, пока мы не выпустим из рук всероссийскую энергетику,* - послужат подтверждением ещё одного пророчества: премия «Поэт», скорее всего, окажется одноразовой. Что ж, тем почётнее получить её из натруженных рук ещё не посаженного и даже пока ещё не уволенного зампреда РАО «ЕЭС» и серого кардинала СПС Леонида Гозмана. И ответить на неё - разумеется, стихами! Или по меньшей мере тем, что получается у Александра, допустим, Семёновича, когда ему кажется, будто он сочиняет стихи.

Присмотримся же к творчеству нашего увенчанного электролаврами ибанько. Передо мной книга 2005 года издания «Холодный май», любезно предоставленная издателем. Объявленный тираж 1000 экземпляров, фактический - 200. Остальное допечатают, когда появится спрос; в издательстве «Геликон» работают оптимисты.

Творчество А. С. Кушнера хорошо знакомо читателю «толстых» журналов - «Звезды», «Знамени», «Нового мира», - в которых он печатает всё до последней строчки. Бывает, и не по одному разу. Правда, у «толстых» журналов нет читателя, поэтому мы будем исходить из разумного предположения, что творчество Кушнера публике неизвестно. Многое ли она теряет? Не столько нездоровый интерес геронтолога и геронтофоба, сколько здравый профессионализм критика заставил меня прочесть «Холодный май» от корки до корки.

Общее впечатление - невнятное и занудное старческое бормотанье. Невнятное синтаксически и занудное тематически. Как и прежде, ибанько не ждёт вдохновения: он высасывает из пальца какую-нибудь сугубо прозаическую, чаще всего пошлую и в любом случае откровенно ничтожную, мысль и кое-как укладывает её в несколько четверостиший или шестистиший. Рифмовать становится всё труднее - и, наряду с хоть плохонькими, но всё же хоть в какой-то мере поэтическими строчками, в ход идёт позорная, как торчащие из-под штанов кальсоны, подрифмовка.

Через сад с его клёнами старыми, Мимо жимолости и сирени В одиночку идите и парами, Дорогие, любимые тени. Распушились листочки весенние, Словно по Достоевскому, клейки. Пусть один из вас сердцебиение Переждёт на садовой скамейке.

Нашему ибанько потребовалось зарифмовать *скамейку.* В старую голову ничего не лезет, кроме нелепого и безграмотного *клЕйки* (правильно: клейкИ). Для куль-турки присочинил Достоевского, о листочках, тем более о клейких листочках не написавшего ни слова. Не говоря уж о том, что назвать лист клейким можно только если на него сядешь (например, в бане), а весенние

листья не облетают. Да и жимолость с сиренью (подрифмовка к «тени») зацветают в разных садах и уж в любом случае - в разное время. А ведь, скорее всего, строка *Словно по Достоевскому, клейки* родилась в творческих муках - и в черновиках *Поэта* тонкий исследователь (о Кушнере пишут Арьев и Роднянская - но раз речь идёт о древесной флоре, пусть этим критиком окажется Леонид Дубшан) наверняка найдёт варианты: *На ветвях голосят канарейки* и *Отдыхают за книгой еврейки.* Строго говоря, из отдыхающих за книгой *евреек* и родились *клейкие, словно по Достоевскому,* листочки, потому что еврейки отдыхают за «Преступлением и наказанием». А всё для того, чтобы зарифмовать *скамейку.* Ну и чтобы на свой лад воссоздать пастернаковскую интонацию: Карузо певец так себе! А что, вы слышали Карузо? Нет, но Рабинович напел мне весь его репертуар!

А вот зарифмовать *Пенелопу у* Кушнера уже не получается. Я бы подсказал: «Начни с *Европы* - и наверняка отыщешь нужное слово!» Но куда там:

Приличный человек обзванивает всех,

Спеша опередить ему звонящих, **чтобы**

Поздравить, пожелать, он в трубке слышит смех

Детей, шумящих там, и верной **Пенелопы...**

Формат статьи не позволяет мне подробно рассмотреть косноязычье синтаксиса; прочувствуйте его в приводимых здесь и далее цитатах сами. Но я пока о рифме. Кушнер пишет более-менее правильными размерами и старается рифмовать точно, чтобы *жопа* торчала из *окопа,* а *жаба* падала с *баобаба,* но получается у него как у Черномырдина. В том числе и в плане формальной логики:

И эта нелепая фраза, к восторгу Друзей и знакомых, войдёт в поговорку, И дети подхватят в знакомых домах Её, друг у друга линейку, **отвёртку** Из рук вырывая, сжимая в руках.

Дух захватывает от того, с какой поразительной - и главное, всесторонней - беспомощностью это написано. Какая, на хрен, *отвёртка?* Да и какая *линейка* (нужная лишь для того, чтобы хоть как-то подкрепить безумную *отвёртку,* а та сама - чтобы зарифмовать очередную *Пенелопу)?* Что можно *подхватить* в знакомых домах, кроме триппера? Как вам строка *Из рук вырывая, сжимая в руках?* Да и рифма *домах - руках* (на сей раз точная), если уж на то пошло? Бродский сказал как-то: «Если Евтушенко против колхозов, то я - за колхозы!» И если про *отвёртку* написал **Поэт,** то не только Бродского, но любого мало-мальски грамотного и умелого стихотворца необходимо немедленно объявить **Прозаиком!**

Но, может быть, Кушнер берёт мыслью? Первое стихотворение сборника - про поиски названия сборника (варианты «Благодарный гость», «Звонки под Новый год», «Вечер» и «Белый флот»; чётные рифмуются - и рифма *год - флот* в сборнике разумеется, использована). Заключительное - про *евреек,* отдыхающих на *скамейке,* мы уже цитировали. Вот они, кстати, понапрасну заменённые *клейкими листочками:*

Вы пройдёте - и вихрь поднимается –

Сор весенний, стручки и метёлки.

Приотставшая тень озирается

На меня из-под шляпки и чёлки.

Ахматова, правда, не еврейка, но и шляпок она не носила. А вот чёлка у неё была, и ради этой ч*ёлки* в стихотворении появились *метёлки.* А в другом - *ёлки.* А в третьем наш ибанько ссылается уже на Ахматову (или на Ахмадулину? По времени получается - на Ахмадулину, но намекивается на Ахматову - так почётнее):

И ещё через двадцать подточенных вольностью лет

Поэтесса одна, простодушна и жизнью помята,

Мне сказала, знакомясь со мной: «Вы хороший поэт...»

И тут же возражает себе: *Кто стар, пусть пишет мемуары, - / Мы не унизимся до них.* И признаётся: *Я не любил шестидесятых, семидесятых, никаких.* И убеждает: сам Пушкин, воскресни он, почёл бы за честь поселиться рядом с нашим ибанько на дачке в Вырице. Может, оно и так, но куда девать живущего по соседству с Кушнером секретаря Союза писателей Михаила Кураева? А в Комарово пусть выметается! Правда, не Кураев, а Пушкин пусть выметается - Кураев живой, и с ним лучше не ссориться, а Пушкину всё как с гуся вода!

Что вы читаете? С чем согласились в душе?

Кто вас смешит, развлекает и ловит на слове?

Пушкин - помещик, но он же и дачник уже,

В Вырице жил бы сегодня, а то - в Комарове.

В душе - уже - это, если кто не понял, рифма. Про Пушкина в книге вообще много - и постоянно в сопоставлении с нашим увенчанным лаврами ибанько. И про Тютчева. И про Мандельштама. И даже почему-то про апостола Павла. Но с Павлом как раз беда: попробуй зарифмовать его, если, кроме рифмы *предъявлен - подавлен,* у тебя выходит сплошная *Пенелопа...* А впрочем, судите сами:

Здесь полагается веселиться: Гогот предписан, и смех предъявлен. С рыцарем в латах флиртует птица, В угол забился бы я, подавлен, Ретировался бы в боковую Улочку, где бы фонтан картавил, Чашу наполнить стремясь лепную, В нише стоял бы апостол Павел.

Здесь, на *картавом фонтане,* мы, пожалуй, и прервём наш анализ. Мимоходом отметив с*ры* и, вслед за Козьмой Прутковым, посоветовав *фонтану,* даже если он есть или был когда-то, заткнуться и отдохнуть - с тем чтобы впредь не *картавить.* А лишь наслаждаться заслуженной поэтической славой: *Я бы мог почивать на лаврах* - сказано у Кушнера в том же сборнике. Вот и почивай на здоровье!

Потому что другого Поэта у Чубайса для нас с вами нет. А у Путина нет для

нас другого Чубайса. И у меня нет для вас другого Путина. Другие Кушнеры, правда, есть - но они не такие белые, пушистые, не такие день-го- и славолюбивые. Другие Кушнеры есть, а **ибанько на энерджайзере** - он один такой!

2005

Клиентела

В Европейском университете прошли очередные Эткиндовские чтения. Современный читатель вряд ли помнит Ефима Григорьевича Эткинда (чтения посвящены именно ему, а не его племяннику Александру Эткинду, в квазилитературном и паранаучном плане ничуть не менее плодовитому, чем *дядя самых честных правил,* но до чтений собственного имени пока не доросшему), и хотя бы поэтому имеет смысл рассказать о нём и поразмышлять над его неоднозначной судьбой. Да и юбилей (о котором чуть ниже) подоспел. Но сначала несколько слов о самом Европейском университете.

Назван он так, очевидно, по аналогии с «Королями и капустой», в которых, как известно, речь идёт обо всём на свете, кроме королей и капусты. Соответственно, «корочки», выдаваемые выпускникам Европейского университета, нигде в Европе не признают. С таким же успехом - и по той же причине - университет мог бы, впрочем, называться Американским или Российским. Потому что ни в Америке, ни в России их не признают тоже. Признают эти «корочки» только в Финляндии, но, с другой стороны, нигде в мире не признают финских «корочек» - и правильно поступают.

Потому что в Финляндии докторов наук плодят, как в России XIX века - «кавказских» коллежских асессоров и майоров. В Финляндии профессорам платят за поголовье - но не студентов, аспирантов и докторантов, как в других странах, а подготовленных ими докторов наук. Вот они, не будь дураки, этих докторов и пекут как блины. А в Европейском университете пекут бакалавров. После чего те едут в Хельсинки защитить докторскую, и на этом их научная карьера заканчивается. Если они не возвращаются - уже на профессорские должности - в Европейский университет.

Тем не менее это славное - и на свой смиренный лад - процветающее учреждение. С приличными по отечественным академическим меркам зарплатами и стодолларовыми стипендиями. С внуком Веры Пановой на посту ректора и с друзьями его юности в качестве костяка преподавательского состава. Общая юность пришлась на шестидесятые годы прошлого века - и тогда же пробил звёздный час Ефима Григорьевича.

Эткинд занимался русской и зарубежной литературой, переводил и редактировал стихи и прозу, разрабатывал конъюнктурно-крамольную теорию перевода, составлял антологии, профессорствовал в педвузе, участвовал в самиздате - и делал всё это одинаково безобразно. Однако обладал двумя замечательными талантами. Во-первых, умел подать себя: учёные считали его переводчиком, переводчики - учёным, писатели - диссидентом, а диссиденты - писателем. Во-вторых, был действительно блестящим пропагандистом художественного перевода, который, увы, не давался ему самому ни в

теоретическом, ни в практическом плане. Организованные им устные альманахи «Впервые на русском языке» сделали «почтовых лошадей просвещения» (так назвал переводчиков Пушкин, я переименовал «почтовых лошадей» в «ломовых», но меня не поняли) модными в Ленинграде персонами. А главное, сам по себе художественный перевод стал модным занятьем...

Слыл Эткинд также отличным лектором, но это впечатление было как раз ложным: успех эткиндовских лекций определялся упоминанием и обильным цитированием полузапрещенных тогда поэтов - Ахматовой, Гумилёва, Мандельштама. Тогда как ораторское искусство самого Эткинда, равно как и содержательную сторону его лекций, точнее всего характеризует формула «слюни и сопли». С юности войдя в клиентелу прославленного Виктора Максимовича Жирмунского, Эткинд в шестидесятые сформировал собственную - ученики, переводчицы, «наши общие маленькие любимицы», однорукие, хромые, косые, бездарные и безмозглые... На чтениях в Европейском был проведён и переводческий «круглый стол», за которым в гордом одиночестве восседал тогдашний литературный секретарь и всегдашний фаворит Эткинда, переводчик Лапцуя и Аполлинера Михаил Яснов.

Ровно тридцать лет назад судьба Ефима Григорьевича драматически переломилась. Его выгнали с работы и из Союза писателей, лишили учёных степеней доктора и кандидата наук. Оставались, правда, квартира, дача, машина, библиотека и заказы на переводы, но КГБ жал, пугал, шантажировал - и в октябре 1974-го Ефим Григорьевич подался во Францию. О масштабах постигшей его катастрофы косвенно свидетельствует тот факт, что на взятку за приём по «правильной цене» части эткиндовской библиотеки товаровед «Старой книги» купил новые «Жигули».

Диссидентом Эткинд, разумеется, не был. А кем был? Обыкновенным советским евреем. Ловкачом и анекдотчиком. Был умеренно дерзким приспособленцем, исповедующим принцип: делать всё, что дозволено, и чуточку сверх того. Эта «чуточка» его и сгубила. Хотя что значит «сгубила»? Пару его подельников по подготовке самиздатского собрания сочинений будущего нобелевского лауреата посадили, одна несчастная (перепечатывавшая другого нобелевского лауреата) покончила с собой, а Эткинд отбыл во Францию в ореоле защитника Бродского и личного друга Солженицына - и тут же получил университетскую кафедру.

Бродский, впрочем, на дух не переносил Эткинда, а с Солженицыным Ефим Григорьевич быстро рассобачился. Эткинд так и не смог простить автору «Архипелага ГУЛАГ» фразу из мемуаров: «Подумать только! Мне, русскому писателю, показывают русский парламент два еврея! (Эткинд и Прицкер - *В. Т).».* Эткинд безосновательно полагал, что и сам является русским писателем. К еврейскому же вопросу относился трепетно. То и дело повторял: «Я, знаете ли, помогаю только евреям! Потому что если не я - кто же ещё им поможет?» Объяснял расцвет перевода в СССР тем, что евреев не пускали в генералы и дипломаты и поэтому они массовидно пошли в переводчики.

С генеральской карьерой «не срослось» и у самого Ефима Григорьевича. Доблестно прослужив всю Великую Отечественную военным переводчиком, он

закончил войну в гордом звании ефрейтора. Впрочем, с его-то немецким ничего удивительного.

За границей Эткинд расцвёл заново. Профессорствовал, ездил по свету, читал на лекциях и писал прежнюю ахинею, ловко перемежая её откровенно антисоветской новой. Подбил даже французов, испокон веку переводящих стихи прозой, перестроиться на советский лад и начать рифмовать «кровь-любовь». Уже в глубокой старости овдовев и оставшись с оскорбительно маленькой пенсией, лихо женился на сравнительно молодой и богатой немке, поселился в Потсдаме и тут же принялся переводить на русский стихи прусского короля Фридриха Великого. Немцам очень понравилось.

С какого-то момента начал наездами бывать в России и постепенно - порциями - переиздал в ней всю свою белиберду. В том числе и мемуарную - с нападками и обидками. Пережил давнего врага (своего и моего) и с удовлетворением отметил, что тот - в 72 года - «умер ещё молодым». Успел помириться и пообщаться со всей своей давным-давно отрёкшейся от него и переметнувшейся как раз к «умершему молодым» врагу клиентелой.

Есть яркие люди (а Эткинд был человеком бесспорно ярким), от которых не остаётся ничего - ни идей, ни книг. То есть книги-то как раз остаются, но не стоят бумаги, на которой они напечатаны (эткиндовский издатель, кстати, сразу же разорился). Остаются ученики, но они полные ничтожества (а у ярких людей учениками неизменно оказываются ничтожества). Остаются хорошие воспоминания - но исключительно бытового характера. Я, скажем, помню, что у Эткинда был штопор с моторчиком - редкая и по нынешним временам вещь. И нечеловечески длинная волосатая шея. И два любимых словечка, свидетельствующие о профессорстве (позднее - о дважды профессорстве!), - «лакуна» и «бутада». Да простится мне эта бутада, адресованная самому себе, но в предшествующих рассуждениях имеется серьёзная лакуна. Ведь остаётся (или как минимум должна оставаться) и некоторая легенда - и как раз для её поддержания проводят Эткиндовские чтения.

Раньше их проводила «Звезда» - журнал имени Филиппа Киркорова. Да, «Звезда»... А теперь Эткиндовские чтения проводит Европейский университет.

Задача не из простых. Говорить о самом Эткинде нечего. Развивать его теории? Но у него нет теорий, разве что одна - да и то откровенно вздорная: расцвет поэтического перевода как продукт государственного антисемитизма. Опираться на его открытия? У него нет открытий. Рассуждать о «школе»? Он не оставил школы. Волей-неволей приходится собирать международную (из бывшего нашего народа) тусовку - и говорить о своём, о девичьем. Девичье у них - славистика. В публикаторском и комментаторском раже и на чисто описательной основе. Правда, по возможности, с финтифлюшками...

Левинтон, Осповат, Тименчик - это ещё относительно лучшее из того, что болтается в проруби мировой славистики, после того как из неё - за дальнейшей ненадобностью - вынырнули по окончании холодной войны всевозможные агенты 007. Набоковед Долинин, пару лет назад яростно схлестнувшийся в маргинальном журнальчике с Эткиндом-младшим (племяшем) на тему о том, кто из них армянин, а кто так, на гобое играет. Сусуманский политкаторжанин с

дачи в Осиновой Роще; профессор из Майнца, уехавший из Ленинграда в олимпийском 1980 году по браку с тамошней аборигенкой; его питерская жена, а ныне профессор из Стокгольма, тогда же ненадолго вышедшая за шведа; немецкий искусствовед из Питера, женатый на бывшей снохе московского переводчика; швейцарский профессор из Франции, чуть было не женившийся некогда на дочери любовницы Пастернака, - единственный в плане по-прежнему почётной иностранщины автохтон...

С чтений на чтения, с конференции на конференцию, из Москвы в Нагасаки. Всё опубликовано, всё прокомментировано, все эти публикации, равно как и комментарии, ровным счётом никому не нужны, но тем не менее. Ефима Григорьевича Эткинда они презирали как профессионалы дилетанта и держали за переводчика. А переводчиков презирали и презирают тем более: они же учёные! И у кого папа, у кого мама когда-то входили в эткиндовскую клиентелу. Или сами по молодости дружили с его симпатичной дочерью. И всем, если кончатся гранты, - кранты (жаль только, что ударение в этих словах падает на разные слоги). Но даже в самом худшем случае выручат хлебосольные финны. И если пока всё не так уж скверно и Европейский университет накрыл поляну, то почему бы на ней не отметиться? В конце концов Ефим Григорьевич Эткинд был и впрямь не лишённым обаяния человеком. И действительно, когда мог, помогал евреям. И вообще делал всё, что дозволено, - и чуточку сверх того.

2004

Критическая доза критики

В последнее время критический цех не то чтобы оживился, но как-то приосанился. Прервали долгое и зачастую вынужденное (потому что сказать-то им нечего) молчание литературные критики старшего поколения, обросли должностями и «личными» (то есть приватизированными) премиями «средненькие» и даже «младшенькие», в Москве начал выходить ежеквартальник «Критическая масса» с выписанным из Питера, согласно нынешней моде, главным редактором, но и у нас выстрелила (по слухам, правда, в последний раз) «Новая русская книга»; наконец, уже стала полноценной серией - вышли четыре книги – лимбусовская «Инстанция вкуса». Ну и, понятно, присуждаемая Академией русской современной словесности, то есть гильдией критиков, премия Аполлона Григорьева, которую вот-вот выдадут Сергею Гандлевскому. С другой стороны, газеты и журналы пишут о художественной литературе всё реже и/или хуже (достаточно назвать хотя бы «Собаку.ru», недавно переименованную острословами в «Собаку.ru»), заметно испортился и «пожелтел» электронный «Русский журнал», на толстожурнальные новинки откликается разве что Александр Рубашкин, проблемные статьи сочиняет чуть ли не один Александр Мелихов (да и проблемы у него, сами понимаете, не говоря уж о постановке), налицо и другие признаки деградации. Критиков как бы полно, ну а если приглядеться, то нет их вовсе. И в отсутствие вменяемых и ответственных литературных критиков за дело берутся представители смежных и не слишком смежных ремёсел - поэты, прозаики, философы, киноведы... Собственно говоря, именно это положение и фиксирует серия «Инстанция вкуса», в рамках которой только что вышла книга эссе Дмитрия Быкова «Блуд

труда».

Быков человек довольно молодой, но широко и разнообразно известный. Куртуазный маньерист и обвиняемый по делу о распространении порнографии в молодеческом прошлом, автор двух романов (один - «Оправдание» - два года назад вышел в шорт-лист премии «Национальный бестселлер», второй - «Орфография» - включён в нынешний лонг-лист на правах рукописи и вот-вот выйдет в издательстве «Вагриус»), популярный телеведущий (передача «ХОРОШО, БЫков» на ТВЦ), а с недавних пор и большое газетное начальство - зам. главного редактора еженедельника «Консерватор», воровато поднявшегося на месте «Общей газеты». Но прежде всего он журналист, много, может быть, даже слишком много пишущий обо всем на свете - о литературе, о кино, о политике, о нравах, о друзьях-приятелях, рано или поздно становящихся неприятелями, а то и лютыми врагами. Пишет Быков много, и пишет хорошо, а вот хвалит себя ещё лучше:

Значит, вы умнее Борхеса? - спросит меня иной сноб, эта порода ведь мало изменилась за сто лет. Да, я гораздо умнее и вас, и Борхеса. Уверяю, это нетрудно. Я также умнее Деррида и Бодрийара, и Тимоти Лири, и Керуака, и Гинзберга, и Егора Летова, и всех других теоретиков небытия, интеллектуальных спекулянтов, структуралистов, деконструкторов, секуляризаторов и популяризаторов новой европейской философии; я умнее методологов, пиарщиков, политологов, манипуляторов общественным сознанием, борцов, новых оппозиционеров, читателей и издателей «Новой газеты», поклонников Владимира Гусинского и Евгения Киселёва; я также умнее Киселёва и Гусинского. Я умнее всех перечисленных людей, и это нельзя ни объяснить, ни доказать. Поверьте мне на слово, это просто так и есть. Через сто лет это будет азбукой для любого младенца. Клиническая картина мании величия, - скажете вы. Проживите сто лет - убедитесь сами.

Эта кричащая декларация вынесена на заднюю сторону обложки обозреваемой книги. Понятно, что у человека, рассуждающего так, и врагов-то не должно быть - его ненавидят собственные друзья. Со своей стороны отмечу, что я, конечно, гораздо умнее Дмитрия Быкова - и для того чтобы убедиться в этом, совершенно необязательно ждать сто лет - достаточно сравнить наши тексты уже сегодня. Но и Быков неглуп. И даже талантлив. Иначе мы бы не пригласили его в серию «Инстанция вкуса».

Лучше всего Быков умеет хвалить. Не только себя, но людей и произведения, которые нравятся ему наравне с собой или разве что самую чуточку меньше. Полузабытую поэтессу Марию Шкапскую, которую (правда, вслед за Павлом Флоренским) ставит выше Ахматовой. Корнея Чуковского. Эдуарда Асадова. Максима Горького, который и впрямь, как справедливо подмечает Быков, писал получше превозносимого сегодня глупцами и снобами Леонида Добычина. Хвалит он не только неожиданных людей, но и за неожиданное: Александра Блока - за ум; Гоголя - за то, что тот сжёг второй том «Мёртвых душ», Никиту Михалкова - за то, что его последний фильм, в отличие от последней картины Алексея Германа, всё-таки можно смотреть (тут Быкова, конечно, заносит - смотреть на самом деле нельзя ни то, ни другое)...

Ругает он тоже замечательно, но чаще всего не по делу. Вернее, ругает сегодня за то, что сам же хвалил (да и сам же делал) вчера. Ругает якобы холуйское по отношению к Лужкову ТВЦ - после того как сам ушёл с канала и перед тем как на тот же - ничуть не изменившийся - канал вернулся. Ругает «Новую газету» - в аккурат за то же самое, что делал на её страницах года два. Ругает екатеринбургских поэтов (кроме покончившего с собой Бориса Рыжего, о котором как раз пишет замечательно) за эпигонство по отношению к Бродскому, а интересно, кому подражает стихотворец Быков? Пушкину, что ли? Ругает - уже за рамками книги - Солженицына за оголтелый антисемитизм, впадая при этом в куда более оголтелую русофобию. Меняет мнения и оценки, подыскивая этому курьёзные оправдания, которые *не канают.* Например: когда все клеймили шестидесятников, я их защищал. А теперь, когда их превозносят, я буду клеймить... Но никто (кроме раннего Быкова) не превозносил шестидесятников, просто он сам с опозданием сообразил, что это за явление, что они за люди...

При этом Быков (как, впрочем, и все авторы «Инстанции вкуса») постоянно апеллирует к здравому смыслу. Только вот здравый смысл получается у него слишком ситуативным: «Я сегодня не помню, что было вчера, я с утра забываю свои вечера». Не Быковым сказано, но как бы и про него тоже. Впрочем, в самой этой непоследовательности, в этой чуть ли не девичьей переменчивости, выдающей себя за генеральную линию здравого смысла, есть своя прелесть. Книга Быкова при всех оговорках и как бы поверх их - яркое праздничное чтение.

(Один критик написал рецензию на другого. Точнее, на другую. «Талантливая, но дура! - значилось у него. - Дура, но талантливая!» В редакции текст *поправили,* и вышел он в таком виде: «Талантливая, но талантливая!» Надеюсь, с моей рецензией на Быкова такого не произойдёт. Да и не называю я его дураком. Отнюдь! Просто я умнее его, гораздо умнее).

Люди успеха, к которым, несомненно, принадлежит и Дмитрий Быков, подразделяются на две категории. Одних (как упомянутого в данной статье Гандлевского) «играет свита», на них работают целые коллективы, неформальные, а порой и формальные. Другие добиваются своего в одиночку, добиваются, бесстрашно противопоставляя личное мнение общепринятому. Таков и Быков, а то, что с личным мнением у него семь пятниц на неделе, это, в конце концов, его личное дело.

Говорят, будто критики получаются из бездарных писателей. Врут. Из бездарных писателей получаются бездарные критики. Но их в серии «Инстанция вкуса» просят не беспокоиться.

2003

Лох-невские «толстяки»

Писать о «толстых» журналах трудно и скучно, об обоих питерских «толстяках» - «Звезде» и «Неве» - трудно и скучно вдвойне. Всё сказано о них при жизни - и плохое, и хорошее, и амбивалентное; всё надлежащим образом прочувствованное произнесено на похоронах и повторено на девятый день, а потом на сороковой. Вот только позабыли предать их прах земле, или - портовый

как-никак город - воде, позабыли устроить очистительное всесожжение. Читателей у них нет, подписчиков - тем более, в печати их не обсуждают, в Сети анализирует одна-единственная критикесса из Киева; на что они существуют (кроме госдотации и субаренды помещений дворцового типа), обсуждать не будем; зачем существуют, не ясно никому; дедушку Ленина не выносят из Мавзолея потому, что его по-прежнему чтут миллионы, ну, сотни тысяч людей; «Звезду» не выносят с Моховой, а «Неву» - с Невского исключительно и единственно потому, что противится персонал обоих объятых могильной (или уже замогильной?) тьмой учреждений. Персонал, кстати, бессменный, а уж начальство - тем более.

В «Звезде» за последние двенадцать лет одна сотрудница умерла, на её место взяли человека, он уволился, и обходятся прежними силами. В «Неве» выдавили на пенсию самого молодого и единственно достойного сотрудника. Средний возраст творческих коллективов в обоих журналах - где-то между шестьюдесятью пятью и семьюдесятью. Средняя квалификация - среднее техническое с поправкой на курсы экскурсоводов и педучилище. Главный редактор «Невы» - семидесятилетний инженер (и «инженер человеческих душ») советского времени, соредакторы «Звезды» - двое шестидесятипятилетних балбесов из псевдобитнической тусовки конца пятидесятых прошлого века.

Оба журнала, взывая о постоянном возобновлении господдержки, общественной и частной помощи, нагло именуют себя «национальными достояниями». Нагло не только по сути литературного качества (а вернее, конечно, отсутствию такового), но и по форме существования. «Звезда», скажем, это одноимённое акционерное общество закрытого типа, выпускающее, наряду с другими продекларированными видами деятельности, журнал «Звезда». Как может быть национальным достоянием акционерное общество? И о какой господдержке, не говоря уж об общественной помощи, может идти речь? Если акционерное общество не справляется с профильными обязанностями, его перепрофилируют, банкротят, вводят кризисное управление и так далее. А для начала совет директоров меняет администратора. Вот только в данном случае председатель совета директоров и администратор - это одно и то же лицо. Единственный реальный капитал «Звезды» и «Невы» - бренды (битые бренды, но тем не менее); брендами владеют главные редакторы, они же держатели контрольного пакета, соответственно, оба журнала не реформируемы и подлежат не санации, а ликвидации. Формальной ликвидации, потому что творчески они самоликвидировались много лет назад.

Авторам, приносящим мне в «Лимбус Пресс» произведения, ранее напечатанные в «Звезде» или в «Неве», я отказываю **не глядя.** Точно так же встречают их в «Амфоре», а уж про московские издательства и говорить нечего. Разве что по блату, по очень большому блату... Так, принёс мне напечатанные в «Звезде» амурные записки пятидесятилетнего туриста функционер Союза писателей (широко печатающийся, понятно, в обоих журналах). Я их, естественно, отверг, но книга всё-таки вышла в другом издательстве **«при поддержке администрации города»,** то есть за счёт налогоплательщика и, скорее всего, с обычным в таких случаях половинным «откатом».

Между двумя питерскими «толстяками» существуют некоторые идейно-стилистические различия. Пару лет назад я их сформулировал так: в «Неве» правит бал серость, а в «Звезде» - пошлость. Беспросветная серость и претенциозная пошлость. Но время не стоит на месте, непогребенные трупы продолжают разлагаться, и сегодня следует выразиться порезче: **«Нева» - это свалка, а «Звезда» - помойка.** Кстати, в свежем, июльском, номере «Звезды» шестидесятилетний зайчик по фамилии Стратановский опубликовал стихи, в которых оптимистически сравнил с заплёванной и вообще за...нной лестницей всю Россию и предложил «смыть зло, как грязь в подъезде». В «Неве» такое злопыхательство было бы тоже уместно, но всё же скорее по недоумию, а не от общей гнуснотцы, пахуче перетекающей в прямую гнусность.

В июньской «Звезде», скажем, спорит с Солженицыным и его памфлетом «Двести лет вместе» Григорий Померанц. И призывает российских евреев воссоединиться с остальными гражданами нашей страны с оглядкой на *примирение англичан с повстанцами мау-мау в Кении.* Здесь же, впрочем, и соредактор «Звезды» с раздуминками о замирении чеченских повстанцев, и мемуары человека, сбежавшего от русских мау-мау в Израиль, и литературоведческое эссе - почему-то о Вячеславе Иванове - оттуда же. И стихи Натальи Горбаневской - в ту же стратановскую силу.

В «Неве» такое и подобное наличествует тоже, однако всё-таки не в столь густой и зловонной консистенции. И случайно (как на свалке) попадаются неплохие вещи - стихи Татьяны Алфёровой, проза Натальи Галкиной, безобидные эссеюшки Николая Голя. Тогда как на помойке по адресу Моховая, 20, можно найти разве что пустые бутылки из-под палёной водки, зато в несметном количестве - то очередной номер сдают, то день рождения Иосифа Бродского празднуют, то Александра Рубашкина (печатающегося, увы, и в «Неве») чествуют.

Юбилейные, пятые, номера «толстяков» я, естественно, только упомяну. Зоолетие было общим бедствием, и «Звезда» с «Невой» не несут за него ответственности. Зато за всё остальное, что они печатали, и печатают, и собираются печатать... Дождь идёт, шёл и собирался пойти, уточнили бы любители литературного декаданса.

«Был ли Тарас Бульба антисемитом и что по этому поводу думал Николай Васильевич Гоголь?» - так называется статья питерского переводчика-графомана из семинара Татьяны Гнедич Георгия Бена, тридцать пять лет назад свалившего за бугор («Звезда», № 7). Здесь же статья о самом семинаре Гнедич другого переводчика-графомана Василия Бетаки, свалившего туда же и тогда же. Что, юбилей Гнедич? Да нет, так нечаянно в один мусорный бак упало. А вот на страницах «Невы» её главный редактор встретил собственного брата-близнеца и обстоятельно, в высшей степени толково, с ним побеседовал. Как Тарас Бульба, попадись ему на разбойном пути Жора Бен...

Писать о питерских «толстяках» трудно и скучно. Об обоих. Интересно было бы написать о третьем (не существующем, но задуманном), об актуальном, о подлинном, - о «толстом» журнале нового поколения, острая нехватка которого (и потребность в котором) ощущается едва ли не всеми. Есть питерские

прозаики (средних лет и моложе), есть поэты, есть высокопрофессиональные публицисты, критики, киноведы, составляющие костяк интеллектуальной элиты города и ещё достаточно молодые, чтобы не перекрывать кислород идущим за ними; есть единомышленники не в творческом плане (творческое единомыслие неизбежно перерождается в псевдотворческое), но в моральном, решившие соблюдать - и соблюдающие - единые правила игры и единые санитарно-гигиенические нормы литературного поведения. Их журнал не превратился бы ни в помойку, ни в свалку. И, естественно, оказался бы востребован общественностью - в той мере, в какой может быть востребована сегодня литература (а что мера эта достаточна, доказывается практикой нескольких ведущих и наиболее продвинутых издательств). Есть люди, есть произведения, есть идеи... Но есть, увы, и неизбежное отторжение: О *каком таком* новом *журнале вы толкуете, если никому не нужны и «Звезда» с «Невой»? И вообще «толстяки» умирают, если уже не умерли.*

В ответ на что вновь и вновь приходится разъяснять: да, «толстяки» умирают или уже умерли, да, «Звезда» с «Невой» не нужны никому, а вот новый - и настоящий - журнал нужен, а может, и не один. *Ну, допустим,* - возражают в этой точке спора, - *но сперва уберите куда-нибудь эту грязь, эту мерзость, эти разлагающиеся останки ископаемых чудовищ.* С таким подходом я в целом согласен и даже придал ему однажды каламбурно-афористическую чёткость:

«НЕВУ» - в НЕВУ, а «ЗВЕЗДУ» - в П.ЗДУ!

Позвольте на этой высокой ноте обзор питерских литературно-публицистических журналов и завершить. И хорошо бы к данной теме впредь не возвращаться в связи с её не только фактической, но и - будем надеяться - формальной исчерпанностью. Надежда как-никак умирает последней, а значит, должна пережить и акционерные общества закрытого типа.

2003

Новые приключения неутомимых

Когда несколько событий или псевдособытий, затрагивающих одних и тех же людей или недолюдей общим числом около десятка, происходят практически одновременно в четырёх культурных столицах Европы, это не может быть простым совпадением. Налицо резкое обострение сезонной активности. А что за сезон у нас на дворе? Очей очарованье, воскликнет оптимист. Унылая пора, вздохнёт пессимист. А в октябре прощай, любовь, напомнит галльский зубоскал в переводе отечественного. И, раз уж речь зашла о стихах и даже отчасти стихами, то вот вам, с позволения сказать, *поэза,* подытожившая восприятие действительности одним из наших неутомимых, дважды лауреатом Государственной премии России - из ельцинских и из путинских ручек соответственно - Александром Семёновичем Кушнером (другой неутомимый - Владимир Соловьёв - утверждает, будто Кушнера зовут Александром Соломоновичем, однако будем придерживаться официальной версии):

То подводная лодка, то вертолёт,

Помещённый с пехотой под небосвод,

То в метро какой-нибудь переход,

То обрушивается дом,

То автобус не вписывается в поворот

И лежит под скалой вверх дном,

То своими же весь пограничный взвод

Перестрелян в краю родном.

А уж этих, застреленных у дверей

Собственных квартир, по России всей,

Сосчитать невозможно, глухих смертей.

Тема явно не для меня...

И впрямь, и впрямь... Раньше Семёнович вроде бы не писал о политике. Тем в отсутствие иных достоинств и славился. Что же заставило певца техники супружеской жизни *(если можно засунуть крыло, значит, можно и руку)* и перелагателя учебника русской литературы для восьмого класса *(Баратынский не менее трёх гостей приглашать нам советовал)* обратиться к поэтике прямого высказывания? Какое потрясение, какой слом, какая катастрофа, какое торнадо? Жена бросила? Чужие стихи иссякли? Дача сгорела? Во Франкфурт на книжную ярмарку не взяли? Да нет, всё на месте, а во Франкфурте вошёл в почётную сотню «писателей от Министерства культуры».

Причина поэтической метаморфозы и глубже, и прозрачней, чем *слёзы былых времён* (очаровательный образ из заключительной строфы вышепроцитированной поэзы): Семёновичу заказал подборку стихов - и пообещал заплатить двести долларов - эмигрантский журнал. Мало того что эмигрантский - оппозиционный! Самый что ни на есть *подберезовый.* А за двести долларов имеет смысл расстараться.

И вот тихий лирик, поплевав на мозолистые ручонки, смастерил *паровоз* (ударное политическое стихотворение, открывающее подборку, как это именовалось в советские времена): про подводную лодку, про вертолёт, про подземный переход, про автобус *под скалой вверх дном* и даже про *пограничный взвод* - последнее не столько для рифмы, сколько чтобы особо потрафить предполагаемому заказчику... Так что же, Кушнера купили за двести долларов? Нет, разумеется! За двести долларов купили немножко Кушнера, тогда как контрольный пакет означенного АОЗТ остался у государства, у Путина, у Министерства культуры - и был именно в данном качестве отправлен во Франкфурт. Другое дело, если бы в оппозиционном журнале Семёновичу предложили триста...

А там, во Франкфурте, милая дама из издательства «Вагриус» провела круглый стол на тему о русских мемуарах. Главный мемуарист современности и поэтический соперник нашего Семёновича Анатолий Найман держал, как водится, исполненную православного смирения речь. Которую словом и делом прервала ещё одна «ахматовская сирота» - профессор Михаил Мейлах. Слово было *лжец,* а дело - удар по морде. Не сильный, добавлю я не без сожаления.

Далеко не столь сильный, какого Найман (да и чуть ли не любой из литературных фигурантов данной статьи, хоть тот же Семёнович за тот же *вертолёт, помещённый с пехотой под небосвод)* заслуживает. Да и сам Мейлах - за все пакоста, которые он делал, делает и, очевидно, собирается делать и впредь.

Несколько лет назад Найман написал и опубликовал про Мейлаха пасквиль «Б. Б. и другие». Мейлах, конечно, мразь, но и Найман мразь ничуть не меньшая, не сговариваясь, написали два критика - Топоров и Золотоносов. Мейлах объявил, что подаёт в суд на Наймана, Топорова и Золотоносова. Разместил это объявление на пахучих страницах журнала «Звезда». «А за базар ответишь?» - спросил я у соредактора «Звезды» Гордина. «Отвечу», - не моргнув глазом соврал Яшка-холуй, на сей раз на ярмарку не поехавший. Золотоносов, тот заставил «Звезду» принести ему письменные извинения.

Где русские мемуары, там и русская дуэль - бессмысленная и беспощадная (что на Франкфуртской ярмарке и было лишний раз продемонстрировано). Именно о русской дуэли - а также о чести, достоинстве, благородстве - сочиняет книги Яков Гордин, когда он не сочиняет про Иосифа Бродского. Про Бродского - имеет право, в юности ходил у будущего нобелеата в шестёрках и бывал регулярно посылаем как на три буквы, так и за водкой (точь-в-точь как его соредактор Андрей Арьев - Сергеем Довлатовым). Про честь и благородство - сомнительно: всякий раз, попав в ситуацию нравственного выбора, Яков Александрович ведёт себя не как столбовой дворянин, а как местечковый шинкарь, в чём, строго говоря, нет ничего противопоказанного на уровне генетическом.

Вот и в эти дни, возглавив жюри «Русского Букера», он бесстыдно пренебрёг лучшими и принялся пропихивать своих. Которых, ясное дело, из внутреннего аристократизма, мысленно именует нашими. Самой своей сейчас стала директор петербургского ПЕН-центра и главный редактор климактерического журнала «Всемирное слово» прозаиня-графоманка Елена Чижова с мениппеей «Лавра», опубликованной, понятно, в «Звезде». Действие романа разворачивается главным образом в звезде у центральной героини, где сталкиваются лбами православный поп, верующий иудей и законный муж. На материале этого соревнования героиня, а следом за ней и сама писательница приходят к выводу о том, что избавить православие от системного кризиса способен только регулярный приём виагры. Мениппею расхвалил на страницах московских «толстяков» ещё один столбовой дворянин из-под Бродского - председатель (не путать с директором) петербургского ПЕН-центра и член редколлегии «Звезды» Константин Азадовский, а у этого и вовсе ума палата. Просторная, стерильно чистая, девственно пустая. Он Рильке переводит - и во «Всемирном слове» печатает. А ещё где? В «Звезде»!

Подарил мне на днях книгу собственных стихов ровесник, но не член честной компании, и человек действительно, без дураков, честный и благородный - до простодушия благородный - Владимир Британишский. Там есть дивное:

И я свои стихи в две стопочки кладу:

С одной - иду в «Неву», с другой - иду в «Звезду»...

С питерскими поэтами долгие десятилетия живущий в Москве Британишский раздружился - и его можно понять. А заканчивал он Горный институт, возле которого будет воздвигнут в скором времени памятник Иосифу Бродскому. Про который (и про которого) староста ахматовского ЛИТО первой половины шестидесятых прошлого века - живут же люди! - бездарный Дмитрий Бобышев уже успел (в мемуарах «Я здесь», изданных всё в том же «Вагриусе») возопить: *Вас здесь не стояло!* Как мемуарист Бобышев, кстати, превзошёл даже Владимира Соловьёва: тот хвастался тем, что подложил собственную жену под Бродского, а этот похваляется тем, что его, бобышевская, жена от Бродского родила.

Не стояло, а будет! Бессмысленную и пошлую затею с памятником Бродскому сумели хоть как-то облагородить, выбрав вариант не со статуей «Рыжего», а с раскрытой книгой. Каменная книга, правда, уже есть на комаровском кладбище; под ней похоронен почтенный профессор, и в народе этот памятник называют Могилой Книжного Червя. Но всё же это лучше, чем гранитный или бронзовый Бродский, да и соблазн для осквернителей поменьше. Кушнер, Гордин, Азадовский, Арьев, Бобышев, Найман, Соловьёв, ещё пара-тройка - за этими мы следим и, если что, накажем по звезде мешалкой. А уличный осквернитель на каменную книгу, да ещё полузатопленную в грязной воде, покуситься побрезгует.

Вот только почему возле Горного? Без малого пятьдесят лет назад там было знаменитое ЛИТО Глеба Семёнова - Горбовский, Гладкая, Тарутин, Агеев, тот же Британишский; заглянул туда однажды и юный Бродский - вот только Семёнов его выпер. И почему каменная страница с высеченными на ней строками Бродского - это памятник именно ему? Скорее уж - Кушнеру, который нобелеата (сперва - будущего нобелеата) долгими десятилетиями в поэтическом смысле самым бессовестным образом обворовывал; Бродский умер, но написать успел немало - и Кушнеру ещё на несколько лет хватило; лишь в самое последнее время, да и то за баснословное вознаграждение в двести долларов, он поневоле заговорил собственным голосом, образчик которого приведён в начале данной статьи.

2003

Правоверный перпендикуляр

Роман Анатолия Наймана «О статуях и людях» опубликован в мартовской книжке «Октября», вслед за журнальной версией «Москвы Квы-Квы» Василия Аксёнова. Размышляя над двумя романами, сочинёнными двумя корефанами (с переменным успехом выдающими себя за корифеев), понимаешь, что произошло нечто сногсшибательное: роман Наймана не то чтобы лучше Аксёновского - понятия «лучше» и «хуже» на самом дне зловонной литературной лужи отсутствуют, - но, пожалуй, не столь однозначно гадок, как похабная маразматическая сатира столичного мэтра... Нет, прошу понять меня правильно, - роман нашего бывшего земляка тоже гадок, тоже похабен и тоже маразматичен - но всё же не в такой степени. По меньшей мере, такое

впечатление складывается, пока не дочитаешь его до конца.

И только тут понимаешь, ради чего намутил эти несколько сотен страниц *правоверный перпендикуляр.* Понимаешь, что под именем Скляра (уже не в первый раз в прозе Наймана) выведен Евгений Рейн, задним числом обвинённый в пожизненном стукачестве; новый памятник Сталину - это переводы из Туркменбаши; звонки с угрозами и самоубийство - история Татьяны Бек; вот только на самом деле по морде дали не Рейну, а Найману (дал Мейлах на Франкфуртской книжной ярмарке), - но надо было бить Рейна! О чём, впрочем, Найман не устаёт напоминать читателю. Понимаешь, что ради этой грязной лжи или грязной правды (стучали они там друг на дружку или нет, и кто на кого - поди разберись!) в сочетании со сравнительно свежей сплетней и сочинена вязкая, мутная и невнятная история про каких-то там, на хрен, скульпторов, выуживающих Мандельштама из бутылки, стреляющих из рогатки в Сталина и играющих в мяч со статуями.

(Приём, кстати, позаимствован у того же Аксёнова, изложившего в романе «Скажи изюм» собственную версию издания альманаха «Метрополь» так, словно речь идёт не о прозаиках и поэтах, а о каких-то мифических фотографах. А в остальном - один к одному).

Некто Харитон - скульптор-фронтовик, ученик полувеликого Аверкия (а тот - великого Мастера, который позднее, подобно Ахматовой, умрёт в один день со Сталиным - 5 марта) - набирает в 1945 году десятилетних ещё детишек в студию зодчества при питерском Дворце пионеров. Потом переходит вместе с учениками в специализированную художественную школу, потом - в Мухинское училище. До поры до времени все эти люди, включая Аверкия (он тоже - ипостась Ахматовой), держатся и в известной мере являются компанией единомышленников и художественной группой, хотя каждый из них ваяет по-своему.

В молодости горе-ваятели затевают в необъятной мастерской Аверкия «баскетбол со статуями». То есть лепят гипсовые копии крупнейших городских памятников, расставляют по всей мансарде и, лавируя меж ними, играют в баскетбол (кольца украдены заранее). При том, что один из них, некто Бенедиктов, и впрямь мастер спорта по баскетболу. Смысл же игры - фамильярное обращение с наследием, - по-видимому, восходит к «перебрасыванию» поэтическими строчками, в том числе и на тот момент запрещёнными. Так это, очевидно, задумано - написано же (в целях дальнейшей маскировки) невнятно.

С молодыми друзьями происходят всяческие неприятности, из которых их по мере сил вызволяют старшие. Особенно - Аверкий, который хоть и **пал,** изваяв Сталина (вождь ему позировал), но зато стал невероятно влиятелен (возможно, имеется в виду и впрямь заступившийся за Бродского Шостакович). Сначала, ещё школьниками в пионерлагере, они обнаруживают бредовое письмо в бутылке некоей утопленницы, адресованное Господу Богу и пронизанное строчками Мандельштама; утешая ребят, Харитон поит их кагором, а Мария Шошина (дочь опального кубиста) лезет ко всем целоваться. Мальчик по фамилии Скляр на всех доносит - и дело с трудом заминают.

Потом, на даче у Шошиных, лепят чучело для стрельбы из лука - в усах и с трубкой (вылитый Сталин), - и мальчик Скляр опять-таки на всех доносит. Потом у мальчика Скляра расстреливают отца по «ленинградскому делу» - и он от этого *изменника родины* отрекается. Потом мальчика Скляра вербует КГБ - и велит ему повнимательнее присмотреться ко всей честной компании.

А честная компания между тем проходит свои - сугубо шестидесятнические - университеты.

После чего в «Десяти заповедях» (Найман у нас православный) излагается **Философия свободного мыслителя Зайцева, кавалера медали «За боевые заслуги», бывшего архитектора, кратковременного скульптора-формалиста.**

Передав эту крамолу по инстанции и выступив с «разоблачением» на суде (друзья, впрочем, его прощают), далеко уже не мальчик Скляр едет в Италию; Бенедиктова сажают (а потом высылают - и он становится знаменитым, но непоправимо несчастным диссидентом); Харитон женится на Марии, но рожает она от другого, - и история компании как таковой заканчивается. Правда, в девяностые годы всё вроде бы возобновляется, но далеко не мальчик Скляр за большие деньги подряжается изваять для грузин Сталина; гордая Мария разоблачает его в письме в западную газету; он принимается названивать ей с матерными оскорблениями и угрозами, Мария кончает с собой, а друзья бьют по морде и чуть не убивают Скляра, но в последний момент раздумывают - они ведь, подобно автору «Статуй», давным-давно христиане и *умеют отличить мужской половой член от распятия* (так в романе): *распятие - перпендикуляр, а член - нет.*

«О статуях и людях» - типичное для позднего Наймана сочинение: ложь для узкого круга, замаскированная таким образом, чтобы она была понятна (и оскорбительна) лишь посвящённым. Ну и тем, кому подлинную - и подлую - суть происходящего на страницах растолкуют посвящённые. То есть всё те же ахматовские сироты, общим числом в четыре с половиной штуки, предстают на сей раз не стихотворцами, а почему-то скульпторами. И в антураже мастерских разыгрывают всё ту же пьесу - со Сталиным, с Ахматовой, со взаимными предательствами, перекрёстным пересыпом и чуть ли не всеобщим доносительством. А потом, на старости, все, кроме Наймана, оказываются у разбитого корыта. Ну и семьдесят лет - при любовном отношении к самому себе - это, знаете ли, ещё не старость.

2005

Репертуар Карузо

Поэтический перевод? Проникновенное пушкинское *перевыражение? Высокое искусство?* Заслуженно знаменитая *отечественная школа?..* Вот уж чего не стало, того не стало! А то безобразие, что в последние пятнадцать-двадцать лет пришло ему на смену, удачнее всего вписывается в рамки старого еврейского анекдота:

- *Ви* знаете, у великого Карузо таки нет ни голоса, ни слуха!

- А ви что, слышали великого Карузо?

- Таки нет, не слышал. Но Рабинович таки спел мне весь его репертуар!

Классики поэтического перевода один за другим сошли со сцены: кто умер, кто устал, кто - в условиях свободы - избрал иное литературное поприще. Отшатнулись от *высокого искусства* и середняки, составлявшие в советское время более или менее профпригодный культурный слой, - ремесло перестало *кормить.* Поэтический перевод - даже в ярчайших образцах - стал занятием заведомо дилетантским, стал минутой редкого и случайного вдохновения, а то и отдохновения. Не согласны с этим лишь две категории переводчиков: **графоманы** и **хитрованы.** Они-то и выдают на-гора удручающе промышленные объёмы кое-как зарифмованных словес как бы с иностранного. **Графоманы,** впрочем, издавая собственные стихи за чужой звучной подписью или (чаще) вывешивая их в Сети, делают это хотя бы за свой счёт - и с садомазохистским удовольствием изничтожают затем друг друга. **Хитрованы -** их в советское время не пускали в перевод дальше грязной подворотни, именуемой *поэзией народов СССР, -* берут приступом (или измором) издательства и посольства, втюхивая профессионально и душевно далёким от поэзии людям убогие вирши и пожиная гонорары, гранты и премии.

В издательствах смутно осознают, что вершины зарубежной поэзии в русских переводах издавать зачем-то надо. Вопрос только - в чьих? Тут как лист перед травой на пороге встаёт хитрован. У него всё переведено заново и, как он утверждает, не в пример лучше прежнего. В посольствах (и в культурных институтах, на посольства замыкающихся) знают: переводчиков с твоего языка нужно подкармливать. Вопрос только - каких? Хитрован поспевает и сюда - и в глазах у него (а шакалы сытыми не бывают) голодный блеск.

В результате едва ли не при каждом издательстве, едва ли не при каждом посольстве заводится собственный Рабинович - и горе тому Карузо, репертуар которого он от начала до конца повадился исполнять. Горе целой литературе, превращающейся под его пером в макулатуру. В дураках издатель, в дураках заграница, в дураках и читающая публика: получается, что у великого Карузо и впрямь нет ни голоса, ни слуха! В выигрыше - Рабинович: он уже разучивает репертуар Паваротти или, чем чёрт не шутит, Хворостовского.

Гостьей нынешней ММКВЯ стала Франция; вот ею-то мы давайте и займёмся. С французского переводили все лучшие русские поэты - от Батюшкова и Пушкина до Анненского и Пастернака. И классики перевода - от Лозинского и Бенедикта Лившица до Вильгельма Левика и Сергея Петрова. И живые классики - взять хоть Анатолия Гелескула и Владимира Микушевича. Но сейчас «на французской волне» звучит сплошной Рабинович.

Подготовил и частично перевёл наиболее полные в России по составу и комментариям тома стихов и прозы Гийома Аполлинера (1994, 1999, 2002), Жака Превера (1994), Поля Верлена (1999), Поля Валери (2000), Жана Кокто (2000, 2003), двухтомник Эжена Ионеско (1999). Подготовил к изданию и откомментировал книгу Эдмона Ростана «Сирано де Бержерак» в серии «Литературные памятники» (1997). В 2000 г. в серии «Азбука-классика» издательства «Азбука» вышло полностью подготовленное и переведённое

двуязычное издание стихотворений Гийома Аполлинера «Мост Мирабо». Перевёл с французского книги: «Беседы с Дмитрием Вячеславовичем Ивановым» (1999), «Гниющий чародей. Убиенный поэт» Г. Аполлинера (2002), «Собиратель теней» Жан-Мари Ле Сиданера (2002), «Парижский прохожий» Л.-П. Фарга (2004), «Стихотворения I-III» Мишеля Деги (2004), «Нежный обман» Колетт Ламбриш (2004), а также четыре книги Жана Бло. ...Подготовил к изданию книгу прозы Сирано де Бержерака (2001) и две поэтические антологии - «Умственный аквариум» (из поэзии и прозы бельгийского символизма) и «Поэзия французского сюрреализма» (обе - 2003). В 2005 г. в связи со 150-летием со дня рождения подготовил и откомментировал юбилейную книгу стихотворений Артюра Рембо. В том же 2005 г. в издательстве «Наука» открыл антологией «Проклятые поэты» новую серию «Библиотека зарубежного поэта». Среди переводов для детей с французского переведены книги «Бретонские баллады» (1995), «Бретонские сказки» (2005), трёхтомная антология французских стихов для детей «Поэзия вокруг нас» (1992-1993). ...В 2005 г. вышла первая книга из серии «Стихи французских поэтов для детей». Значительная часть стихотворных переводов опубликована в учебниках французского языка и хрестоматиях по французской литературе, - пишет о себе в автобиографической справке Рабинович - и пишет, кстати, безграмотно: что это за *полностью переведённое двуязычное издание,* что это за *дети с французского,* что это за «среди переводов переведены», чьё это 150-летие, уж не собственное ли (как вытекает из синтаксической конструкции), он в 2005 году отпраздновал?

И если наш Рабинович испытывает такие трудности, **сочиняя по-русски** (и сочиняя такую безделицу, как биобиблиографическая справка на самого себя), то как же он переводит Карузо, Паваротти и Хворостовского? Виноват, как напевает Верлена, Рембо и Аполлинера? Не говоря уж о том, какие пишет к собственным переводам из них «научные» комментарии?

«Французского» Рабиновича зовут **Михаилом Ясновым.** «Яснов, понятно, псевдоним. / А что скрывается под ним, / Ещё написано на роже / И кое-где пониже тоже», - гласит эпиграмма четвертьвековой давности. Скромный выпускник вечернего отделения филфака ЛГУ (специальность: русский язык и литература) и мой земляк, он лет до сорока пробавлялся именно что переводами *с чечено-ингушского на сберкнижку,* как это тогда называлось; а в его конкретном случае - с молдавского и с нанайского; сунулся было в англистику, но, переведя одно-единственное стихотворение Томаса Мура «My Lesbia has a beaming eye» («Глазок у Лесбии лучист», - вывела недрогнувшая рука), заслуженно вернулся восвояси, к нацменам.

Но тут разразилась перестройка; открылись окна возможностей - и по-настоящему талантливых людей из поэтического перевода её вольным ветром выдуло. Остались графоманы, и встрепенулись хитрованы. Яснов встрепенулся не в последнюю очередь и потому, что один за другим умерли два главных отечественных специалиста по французской поэзии - Самарий Великовский и Морис Ваксмахер, которые доморощенных Рабиновичей к репертуару Карузо на пушечный выстрел не подпускали. А тут, *когда нахальство ушло,* - самое время петь во всё воронье горло! И жрать деликатесный сыр, пока морда не треснет... В 2003 году Яснов стал лауреатом премии как раз имени Ваксмахера.

Как он переводит? Количество (см. выше) само по себе говорит о качестве. Но если вам нужны примеры, приведу один, причём не из случайных, - **именно это стихотворение Рембо в собственном напеве** (есть и классический перевод, но Рабиновичу до него нет дела: взяв оттуда всё, что смог утащить, он постепенно, но неотвратимо вытесняет его из авторских сборников и антологий) **Яснов включил в авторскую подборку избранных переводов (общим числом в три штуки),** снабжённую соразмерно лаконичной автобиографической справкой, фрагменты которой приведены выше.

Вот привокзальный сквер, покрытый чахлым ворсом

Газонов, здесь всему пристойность придана:

Сюда по четвергам спешат мещане на

Гуляние, мяса выгуливая с форсом.

Что за хрень? Какие такие *мяса?* Как может - кроме как у Рабиновича, осваивающего репертуар великого Карузо, - появиться в русском стихе уродливый анжамбеман *мещане на,* не говоря уж о том, что и зарифмован он с *придана* - в несвойственной нашему языку пассивной конструкции. Да и *ворс* на пару с *форсом* - это, прошу прощения за мой французский, моветон!

Фальшивит музыкант, лаская слух рантье;

За тушами чинуш колышутся их клуши,

А позади на шаг - их компаньонки, те,

Кто душу променял на чепчики и рюши.

Первая строка комически храпит *(хрантъе),* вторая - отчаянно шепелявит (Рабиновичу кажется, будто это раскатистая рулада), в третьей - вновь уродливый анжамбеман, и на сей раз - со сдвигом, похожим на подпоручика Киже *(компаньон Ките),* в четвёртой - вновь сплошные «ч» и «ш»: одним словом, *фальшивит* не аккомпаниатор, а исполнитель.

Довольный буржуа сидит в кругу зевак,

Фламандским животом расплющив зад мясистый.

(«С фламандским животом усесться – не пустяк», - сказано в переводе у Бенедикта Лифшица; тоже не ахти, но не этим же его заменять).

Здесь даже на рифму смотреть не надо - и так ясно, что галиматья. *Зад, расплющенный животом,* это уже не по-фламандски, а по-голландски - не Рубенс, а Босх в Саду Страстей, - а ведь голландский так похож на идиш! *Мяса* были ни к чему и в первой строфе, но если уж они появились там, то от эпитета *мясистый* лучше было, пожалуй, удержаться. Однако Рабиновича уже понесло:

Я тоже здесь - слежу, развязный, как студент,

За стайкою девиц под зеленью каштанов.

Им ясно, что да как; они, поймав момент,

Смеются, на меня бесцеремонно глянув.

Смеются на меня - как это хорошо, как это звонко, а главное, как это по-русски! Что, не там стоит запятая? Запятая, говорил Маяковский о стихах, не спасает. Карузо спел: *Улучив мгновенье,* Яснов откликнулся: *Поймав момент;* вот именно - поймал момент и откликнулся. *Бесцеремонно глянув* в классический перевод и в иноязычную партитуру.

Так Рабинович поёт, когда он в голосе. По собственному ясновскому мнению, в голосе. В котором он бывает, очевидно, не всегда (как все мы грешные), зато поёт - см. вышепроцитированную справку - всегда. Поёт без умолку. Поёт без удержу. Поёт без оглядки. Вот и получается, что и Карузо плохой певец, и Паваротти - плохой певец, и Хворостовский - плохой певец, - а вы ещё не слышали ясновского Доминго! Вы ещё не слышали ясновскую Каллас! Вы ещё на его детских утренниках не бывали! Вы даже не представляете себе, как вам повезло.

Разумеется, Яснов - он не один такой, хотя «по французской поэзии» сейчас самый главный. Любителей напеть на свой лад - и незабесплатно - репертуар Карузо хоть ложкой ешь. Правда, есть их всё же уместнее другим столовым прибором. Для начала расплющив его фламандским животом.

2006

С ярмарки на «бомбиле»

В последнем романе Виктора Пелевина герой-протагонист одержим числом 34, а герой-антагонист (носящий говорящую фамилию Сракандаев и представляющий собой злобную карикатуру на писателя Владимира Сорокина: срака = сорока) - числом-перевёртышем 43. Не только два персонажа, но и означенная пара чисел борются не на жизнь, а на смерть и в конце концов уничтожают друг друга, как Пересвет и Челубей. Роман так и называется «Числа» - и что-то в этом, согласитесь, есть. Особенно когда вспомнишь ещё один в какой-то мере актуальный арифметический парадокс: пресловутым шестидесятникам сейчас по (или под) семьдесят, а так называемым семидесятникам - по (под) шестьдесят. И ненавидят они друг дружку ничуть не меньше.

Конечно, с ярмарки едут и те и другие, да и приезжают помаленьку туда же, куда и все остальные, - но разными темпами, в разном настроении, а главное - разными транспортными средствами. Одни - чуть ли не в карете, другие - если и в карете, то разве что «скорой помощи», со старенькой, но перманентно пьянущей санитаркой и доктором-недоучкой из петербургских грузин. Иные - кто хоть как-то держится на ногах - и вовсе собственным ходом. Недавно пронёсся слух: пост министра культуры в новом правительстве получит знаменитый шестидесятник: не то Владимир Войнович, не то Василий Аксёнов. Как раз в те дни позвонил мне поэт-семидесятник Виктор Ширали, уже много лет выбирающийся из дому лишь на похороны ровесников. Попросил помочь напечатать статью о собственном творчестве. Для этого нужен повод, возразил я. Повод есть, возликовал Виктор, мне исполняется шестьдесят! Я пробил ему в одной из городских газет две машинописные страницы.

Шестидесятилетние семидесятники умирают, болеют, пропадают в

неизвестности, пытаются выпустить первую - и уже заведомо никому не нужную - поэтическую книгу. Семидесятилетние шестидесятники меняют машины, евроремонтируют квартиры и в очередной раз становятся отцами, а если с кем-то из них этого почему-то не происходит, значит, он в годы реформ сменил, наряду с идеалами, не только жену, но и сексуальную ориентацию.

Как тебе, блин, в твои 67 (пелевинское число, переворачивающееся - и непременно перевернётся - в 76) не надоело писать в столбик, спрашивает у Александра Кушнера интервьюер. *Есть поэты романтического склада, рассчитанные* (так! - *В. Т). на короткую жизнь <...>,* - отвечает тот. - *Есть другие: Гёте, Тютчев, Фет, Пастернак <...>, для которых главное - поэтическая мысль <...>. И, наверное, поэтому всё так затягивается...* Тут же, впрочем, и затянувшаяся на десятилетия заветная поэтическая мысль:

Топорный критик с космами патлатыми,

Сосущий кровь поэзии упырь

С безумными, как у гиены, взглядами

Суёт под нос свой жёлтый нашатырь.

Стихи проникнуты ностальгией по отменённой цензуре *(Мы так её пинали, ненавидели, / Была позором нашим и стыдом, / Но вот смели - и что же мы увидели? / Хлев, балаган, сортир, публичный дом),* датированы 2002 годом и, судя по всему, представляют собой отклик на мою книгу «Похороны Гулливера в стране лилипутов». Но кто ж тебя, недотыкомку, научил сравнивать упыря с гиеной - Гёте? Тютчев? Фет? Пастернак? Да и рифмовать *патлатыми* со *взглядами* тоже...

Семидесятник Ширали был изрядным потаскуном, но барышень своих «снимал» на Невском или в «Сайгоне». А скажем, шестидесятник Леонид Жуховицкий (недавно опять видел его на телеэкране) переписывался на страницах журнала «Юность» с тысячами воспитанниц ПТУ, рассказывая им о преимуществе платонической любви, - каждая вторая от него «залетала», а на каждой пятой он на определённый срок (пока ей не исполнялось двадцати) женился. Наверное, поэтому у семидесятников сейчас так мало, а у шестидесятников по-прежнему неприлично много поклонников и поклонниц.

Среди талантливых семидесятников хороших людей нет (а если были - ушли в священники, как Борис Куприянов, уехали в Израиль, как Елена Игнатова, или сошли с ума - фамилии в данном случае опущу), а вот порядочные встречаются. С талантливыми (конечно, в прошлом талантливыми; впрочем, это уточнение уместно в обоих случаях) шестидесятниками дело обстоит ровно наоборот: Евтушенко человек славный, а Вознесенский - тем более. Однажды именно Вознесенский (по просьбе Татьяны Гнедич) вызволил из московского вытрезвителя того же Ширали, и, кстати, именно он настоял на недавнем присуждении премии «Триумф» петербургской семидесятнице Елене Шварц.

А вот семидесятнический премиальный сюжет. В начале перестройки несколько моих ровесников затеяли литературную премию (присуждённую в итоге один-единственный раз). Название у премии было: Державинская. И

кандидат на неё имелся: поэт-семидесятник Олег Охапкин. Спор шёл только о сумме премии: 500 долларов или 1000? Спор чисто схоластический - ведь у организаторов не было ни цента. Победила точка зрения покойного Виктора Кривулина, настаивавшего на тысяче.

И вдруг - о чудо! - деньги нашлись. И вручил их Олегу в торжественной обстановке как раз Виктор. И тут же забрал себе пятьсот, которые Охапкин, оказывается, задолжал ему ранее.

А вот - шестидесятнический. Звонит устроителям премии «Антибукер» Резо Габриадзе и клянчит 12 тысяч долларов, уверяя, будто помирает с голоду. Как же так, Резо, ты же месяц назад получил «Триумф» (сейчас это 50 тысяч, но и тогда были 25)? Ах да, забыл...

В тот год я возглавлял антибукеровское жюри по критике и публицистике. И меня уговаривали дать премию за книгу мемуаров Андрею Вознесенскому. А для начала - хотя бы прочитать эту книгу. Уговаривали так: «Ты хоть полистай, он там, кстати, восторженно пишет о твоих переводах из Одена!» Ну, это, знаете ли, ещё не повод...

Вознесенский в итоге снял свою книгу с пробега - регламент не позволял, но мы его уважили. Снял, по-хорошему подражая главному из шестидесятников - Александру Солженицыну, просьбу которого мы удовлетворили тоже. Хотя, как сказал я на тогдашней пресс-конференции, Солженицын публикует свои тексты всё же не на скрижалях Завета, а на страницах «Нового мира», и исключение делается только за былые заслуги. А премию мы в конце концов присудили семидесятнику Олегу Давыдову за памфлет «Демон Солженицына», да ведь не все премии в нашей стране присуждаю я...

Есть ещё межеумки, которых принято называть «почтительными семидесятниками», - по возрасту они тяготеют к младшей (оцените иронию, заключённую в этом определении!) группе, но всю жизнь прислуживали старшим - конкретным представителям старшей группы и всему шестидесятничеству как формации. Это уж и вовсе дрянь-человечишки; сегодня их выгнали отовсюду, кроме «толстых» журналов, где им и место. Кое-кто окопался в детской литературе или ушёл в мелкий бизнес ещё откровеннее. И фамилии у них как собачьи клички: Кружков, Яснов и т. п. Как правило, эти люди, в отличие как от шестидесятников, так и от семидесятников, не пьют и не курят: привыкли держать во рту поноску... или что положат...

Есть младшие шестидесятники - допустим, переводчик Рильке с немецкого на одесский и большой специалист по возвращению русских художественных ценностей на Запад дипломатической почтой Сракандаев... виноват, Пелевин меня попутал. Впрочем, в романе Пелевина «Generation „П"» фигурирует персонаж по фамилии Азадовский...

Читателя, очевидно, шокирует причисление к шестидесятникам - да ещё на первых ролях - Александра Солженицына. Он ведь человек военного поколения, прошёл через лагеря и вполне способен по-чапаевски срезать любого шестидесятника - хоть того же Войновича, давнего своего хулителя: *это ничего, Петька, что ноги у меня грязнее твоих, я ведь и годами постарше!* А вообще-то

он, конечно, шестидесятник - и чем дольше живёт и пишет, тем это становится однозначнее.

А Бродский? Кем был Бродский - шестидесятником или семидесятником? «Думайте сами, решайте сами» - как это звучало в популярной песенке тех приснопамятных лет, тех допотопных времён.

У семидесятников с самого начала не было шанса: их придавил (а возможно, и раздавил) застой. У шестидесятников был - в хрущёвскую оттепель, - и они успели подсуетиться. И в Горбачёвскую оттепель они успели подсуетиться опять. И оттёрли придавленных семидесятников: вас, мол, тут не стояло.

А вас зато стояло! На карачках! Стояло, лизало, сосало. Ловило свой кайф.

Умер поэт-семидесятник Владимир Нестеровский - поэт плохой, но подлинный. Исполнилось шестьдесят Ширали, да и Охапкину тоже. В Союз писателей вступила Тамара Буковская. В очередной раз «развязал» Геннадий Григорьев.

У шестидесятников тоже всё хорошо. Едут с ярмарки на дамском велосипеде, как Кушнер. Пишут стихи, как Найман. Пишут прозу, как Битов. Хотя, прошу прощения, сейчас Битов как раз пишет стихи, а Найман - прозу. Похоже, я подустал и перестаю отличать овец от козлищ, а главное, нигде не вижу *овец...* Я ведь и сам, знаете ли, еду с ярмарки - еду, как проездил всю жизнь, на «бомбиле».

А тут - пробка!

Но и спешить мне, пожалуй, некуда.

2004

Собрались сходить по-большому

О литературных премиях надо судить не по провозглашённым намерениям организаторов, а по результатам. По плодам их узнаете их. К этому и призывает генеральный директор свежеиспечённой «Большой книги» г-н Урушадзе. То есть ликовать можно (и нужно) уже сегодня, а с возражениями лучше подождать несколько лет, пока премия не «устоится». Ну или как минимум год - пока не объявят имена трёх первых лауреатов, в одночасье превратившихся в рублевых миллионеров. Милостью Литературной академии, специально по такому случаю созываемой, циклопическими трудами экспертов, переборчивым вниманием номинаторов, неслыханной щедростью спонсоров...

Номинаторов я, впрочем, упомянул зря. Авторы опубликованных книг обладают правом самовыдвижения. Рукописи выдвигать тоже можно, но уже не самому; значит, авторам рукописей придётся прибегнуть к перекрёстному выдвижению. Как вы думаете, какое количество книг (в том числе и изданных за собственный счёт) и рукописей будет в конечном итоге выдвинуто? Сколько в стране и «за бугром» безнадёжных литературных посредственностей, сколько хронических графоманов, сколько, наконец, клинических сумасшедших? И какой ажиотаж царит сейчас в их кругу - в творческих союзах, на сетевых форумах, в специальных медицинских учреждениях со щадящим режимом?

По моим скромным прикидкам, на соискание задуманной именно таким образом премии будет подано от нескольких десятков (тысяч) до нескольких сотен тысяч заявок. И это не преувеличение. На одном из сайтов, размещающих стихи, причём не бесплатно, а по десять долларов с носа, «опубликовались» пятьдесят тысяч стихотворцев. В каждое издательство ежедневно поступают самотёком десятки (а с повсеместным распространением электронной почты - и сотни) романов и повестей, художественно-документальных исследований, мемуаров и прочей лабуды, подлежащей рассмотрению на конкурсе «Большой книги», согласно её уставу. И это - в девяноста девяти случаях из ста - без малейшей надежды на успех в виде публикации со стандартным гонораром в триста-четыреста долларов. А тут светят сто, семьдесят пять и пятьдесят тысяч долларов соответственно - кто не подсуетится? «Любая премия - лотерея», - внушают нам (хотя это и не так), так почему бы не приобрести билет? Особенно если его дают даром.

Конечно, главный приз лотереи, как сказано в «Осени патриарха», неизменно достаётся президенту страны. А невинных мальчиков, как бы случайно извлекающих нужные для этого жребии из корзины, потом ликвидируют как лишних свидетелей. Но мы живём, слава богу, не в Латинской Америке, и, главное, президент у нас ничего не пишет. Или всё-таки?.. Это многое, если не всё, объяснило бы в новой премии, но всё же, будем надеяться, это не так.

Как выдерживают вал рукописей, поступающих самотёком, издательства? *Фильтруя базар.* Детское издательство не рассматривает «взрослой» литературы, научно-популярное - художественной, и так далее. Рукописи поступают на рассмотрение ридерам, имеющим чёткое представление о творческих и коммерческих предпочтениях в узком секторе, целевой аудитории, формате (или неформате), жанре и прочих скучных вещах. Причём халтурящих, сшибая лёгкую, хотя и маленькую деньгу, ридеров (в «Большой книге» они называются членами Совета экспертов) издательство быстро «вычисляет» и от них избавляется. Остальные трудятся, выискивая жемчужные зёрна, - и, бывает, находят. После чего «жемчуг» подвергается дальнейшему скрупулёзному исследованию на предмет публикации.

«Большая книга» декларирует отказ от идейных, жанровых и установочно-художественных предпочтений. То есть эксперты должны добросовестно читать всё подряд, ориентируясь исключительно на собственные вкусы и пристрастия! И даже если этих экспертов будет всего несколько сотен (надо бы несколько тысяч, но такого количества знатоков литературы в стране просто нет), сведение совокупного мнения всё равно станет делом организаторов, которые наугад - или по знакомству - ткнут пальцем в две-три книги (или рукописи), не принадлежащие «признанным мастерам пера», и исключительно для приличия введут их в лонг-лист. Чем сведут значение всего широко разрекламированного (но, как показано выше, нереализуемого) открытого конкурса к смехотворному минимуму. А анонимность всех решений (почему-то декларируемая как «полная прозрачность») поможет спрятать концы в воду - но никак не более того.

Итак, мы получаем сформированный организаторами (по одним им

известным соображениям) лонг-лист, поступающий на рассмотрение стоглавой Академии во главе с Даниилом Граниным и Эдвардом Радзинским. Члены которой опять-таки будут голосовать анонимно. Вернее, полуанонимно: организаторы будут знать, за кого и как проголосовал каждый, а широкая публика - нет. Более того, в наспех собранную невесть кем и невесть по какому принципу Академию можно заранее ввести десяток-другой людей, которые «подарят» голоса Оргкомитету. Я не утверждаю, что так оно и будет, - я задаюсь вопросом, что именно в уставе и других документах премии этому препятствует? Весь премиальный (и, разумеется, не только премиальный) опыт доказывает: если оставлена законодательная лазейка для коррупции, то ею - скорее рано, чем поздно, - воспользуются.

То есть лауреатов опять-таки назначат. Назначат те, кто рулит премией. Кто на самом деле рулит премией, неизвестно, да, строго говоря, и неинтересно. И уж тем более неинтересно, кого эти безымянные рулевые - руководствуясь никому не ведомыми соображениями - назначат лауреатами. Что-то, правда, подсказывает, что рублевыми миллионерами будущие лауреаты являются и до её получения.

О вкусах не спорят. Литературный вкус подобен музыкальному слуху - или он есть, или его нет. О литературном вкусе тех, кто на самом деле рулит премией, можно составить опосредованное впечатление по именам сопредседателей Академии и по названию «Большая книга», представляющему собой ошибочный перевод латинского словосочетания opus magnum (главный труд). «Большая книга» - выражение ироническое, и употребляется оно главным образом для обеспечения комического эффекта: «Большая книга анекдотов» и т. п. Сам г-н Урушадзе говорит о «Главной книге», что было бы, конечно, удачнее, но в официальном-то названии фигурирует «Большая».

Название это, сообщают нам, придумал известный писатель, близкий к организаторам и, напротив, далёкий от какой бы то ни было державности. От себя добавлю, что этот писатель только что выпустил сборник ранее не публиковавшихся юношеских повестей «премиальным объёмом» свыше 10 печатных листов - зря, что ли? Вот вам и третий лауреат. А что касается первого и второго, то их «выявят» позднее - как политического «преемника» и его «дублёра».

И всё-таки - почему «Большая книга», а не «Главная»? Чтобы замаскировать «державность», одновременно намекнув на неё одновременным подмигиванием обоими глазами, - что ж, это вполне современно. Но и с державностью «Большой книги» проблемы - большие и (не боюсь, а, наоборот, надеюсь) неразрешимые.

Потому что «Большая книга», скорее всего, задумана как реинкарнация Сталинской премии по литературе - первой, второй и третьей степени. Конечно, денежное содержание Сталинской премии было меньше, но лауреат с лихвой «добирал» благами, привилегиями, льготами, тиражами... И главное, знал, кому высочайшей наградой обязан - товарищу Сталину. И из года в год по всей стране шёл всесоюзный и всесезонный поиск талантов под личным присмотром Вождя Всех Народов; под его же присмотром шли обыски, аресты, суды, бессудные расправы и казни, но и всесоюзный и всесезонный поиск талантов шёл тоже.

Отстраивалась литературная вертикаль.

Идея если не заменить, то на практике подменить бессильный, в отличие от сталинских времён, Союз писателей Советом экспертов, а Комитет по Сталинским премиям - Литературной академией сама по себе неплоха, но у неё три не подлежащих устранению недостатка:

1. Путин - не Сталин: он литературой не интересуется, литературу - с точностью до каждого опубликованного рассказа - не знает, литературу не любит, литературе идеологического значения не придаёт; телевидению придаёт, а литературе нет - и, кстати, он в этом прав;

2. Путин - не Сталин: пресловутые вертикали он выстраивает для порядку; выстраивает видимость вертикалей - и забота о порядке на этом заканчивается;

3. Путин - не Сталин.

Распространив принятую в цивилизованном обществе презумпцию невиновности на вдохновителей и организаторов новой премии, предположим, что она и впрямь преследует благие цели (и декларируемые, и подразумеваемые, и даже тайные - типа дать хорошо заработать хорошим людям, - но всё равно благие). Но не надо быть дельфийским оракулом и тем более не имеет смысла ждать несколько лет или хотя бы год, чтобы с уверенностью констатировать: **«Большая книга» - это большое недоразумение.**

2006

Требую литературной люстрации

Литературные премии надоели всем и каждому. Кроме, разумеется, тех, кто их получает. С присуждающими премии дело обстоит сложнее: одним надоело, другим нет, у кого-то кончились деньги, у кого-то откуда ни возьмись появились, третьи - вроде академиков АРС'С - и вовсе блефуют, отгружая бочками лишь собственные благословения, цена которым - копейка в базарный день. Четвёртые - здесь отличается за счёт налогоплательщика питерский воевода писсволочи Валерий Попов - «пилят» премиальные денежки на своих, а если уж наградят кого-нибудь со стороны, то непременно потребуют с лауреата «продолжения банкета» на всю сумму. Пятые... Скажем, премию «Ясная Поляна» торжественно вручили Анатолию Киму. Основания самые серьёзные: именно Ким эту премию придумал и «привёл» главного спонсора.

На литературный процесс премии не влияют ввиду отсутствия оного (да и само обсуждение премий в печати есть не более чем имитация напрочь отсутствующего литературного процесса). Не влияли до недавних пор и на продажу книг в магазинах - или, напротив, влияли по принципу антирекламы: всем было известно, что отмеченную той или иной премией книгу заведомо невозможно читать. Ситуация в корне изменилась пять лет назад с появлением премии «Национальный бестселлер», которую начали присуждать ответственно и открыто, а главное, за действительно интересные произведения. Тиражи книг, отмеченных «Национальным бестселлером» (а порой и всего-навсего попавших в шорт-лист), вырастают в разы. И не просто тиражи - но и фактические продажи.

На первых порах успех «НацБеста» пошёл на пользу и «Русскому Букеру» - по аналогии. Улицкую (Букер-2002) раскупили. Рубена Гальего (Букер-2003) раскупили. Василия Аксёнова (Букер-2004) раскупать не стали, но как бы в компенсацию за неудобочитаемость отмеченных премией «Вольтерьянцев и вольтерьянок» назначили на следующий год председателем букеровского жюри. И Василий Павлович, поплевав на ладони, закусил удила...

Оглашённый 7 октября шорт-лист «Русского Букера» вызвал столь единодушное возмущение, что не прибавишь и не убавишь. Требования прекратить это позорище звучат с разных - и самых неожиданных - сторон. Ситуация, однако, далеко не столь проста, как кажется в первом приближении, - потому что, судя по всему, это позорище и впрямь вот-вот прекратят.

В одной из лучших повестей букеровского лауреата Владимира Маканина «Медленная река с быстрым течением» (премию «за лучший роман» он получил за средней величины и качества рассказ, но это так, к слову) герой одновременно узнаёт о том, что его жена а) изменяет ему налево и направо; б) умирает от рака. «Изменщицу» надо гнать, умирающую - жалеть. Пребывая в раздвоенных чувствах, герой постепенно сходит с ума.

Нечто похожее происходит сейчас и с Букером, или, вернее, «Букером - Открытая Россия», как он сейчас называется (о том, как Букеровский комитет вышел из интересного положения с «Открытой Россией», - в статье «Апогей нуля»).

«Открытая Россия» - это Ходорковский. Ходорковского добивают. Как раз накануне оглашения шорт-листа в офисах благотворительной организации «Открытая Россия» прошли обыски. У Букеровского комитета (председатель Игорь Шайтанов) есть все основания списать собственное блядство на неизлечимую болезнь. И улечься в гроб верной женою русского романа. Которому, подобно маканинскому герою, останется разве что сойти с ума.

Напомню, что председателем нынешнего букеровского жюри стал прошлогодний лауреат премии Василий Аксёнов, удостоенный награды в $ 15 000 за роман «Вольтерьянцы и вольтерьянки». Оценивая это лауреатство и этот роман, критика осторожно писала, что перед нами лучшая вещь знаменитого некогда Аксёнова за долгие годы.

И впрямь лучшая. За долгие годы. На протяжении которых автор «Звёздного билета», «Ожога» и «Острова Крым» писал явную ахинею. «Вольтерьянцы и вольтерьянки» - тоже ахинея, и тоже явная, но всё же получше, чем какой-нибудь «Желток яйца» и прочие поздние вещи семидесяти-с-лишним-летнего вождя так называемых шестидесятников.

В каком смысле получше? *Дедушка у нас молодец! Сегодня впервые за пять лет попросил «утку». Не дотерпел до неё, правда, но ведь попросил же!* Вот в таком смысле. За попрошенную - впервые даже не за пять, а за пятнадцать лет - «утку» Аксёнов и получил Букера. И возглавил букеровское жюри на следующий год.

Букера Аксёнову дал Владимир Войнович, тоже шестидесятник. В нынешнем году ожидалось «алаверды», однако автор «Чонкина», увлёкшись живописью

(cacatum non est pictum - оставим эту латынь без перевода), романа не написал. Дали бы ему, как когда-то Маканину, за рассказ, но не написал и рассказа. В этих условиях у дедушки, попросившего «утку», оказались развязаны руки - и он принялся чудить.

Чудить, понятно, не в одиночку. К председателю Букеровским комитетом прилагается целое жюри - и, по идее, все его члены полностью равноправны. Но это - по идее.

В жюри вошли:

1) московская критикесса, бывший главный редактор ныне не существующего журнала «Согласие» Алла Марченко, о вкусах, степени литературной осведомлённости (и косвенно - о возрасте) которой свидетельствует хотя бы тот факт, что несколько лет назад она в печати назвала меня, тогда сорокасемилетнего, *молодым имморалистом;*

2) провинциальный критик средних лет Евгений Ермолин, ведущий в практически не существующем журнале «Континент» литературную хронику (точнее, роспись чужих статей из других журналов) и достигший в этом статусе собственного творческого потолка;

3) петербургский поэт, прозаик и издатель Николай Кононов, время от времени позванивающий мне сообщить: «Хоро-о-шую вы статью написали, Виктор Леонидович! Получил истинное наслаждение!» (а происходит это - причём нередко, - когда мне случается особенно резко написать о литературных учителях и пожизненных покровителях самого Кононова);

4) *виртуоз* Владимир Спиваков, о котором было заранее объявлено, что он не прочтёт ни единой выдвинутой на премию книги, - и это стало первым Аксёновским ноу-хау. Не дотерпев до банкетной утки в яблоках, дедушка начал чудить.

Для начала жюри беспощадно разобралось с выдвинутыми на премию произведениями, включив в «длинный список» всего двадцать два из полусотни с лишним, выдвинутых Букеровским же комитетом отобранными писателями, критиками и издателями, и тем самым оскорбив номинаторов всем скопом. Зная и нравы «Русского Букера», и состав нынешнего жюри, я правом выдвижения - скрепя сердце и скрипя зубами предоставленным «Лимбус Прессу», - пренебрёг, чтобы не сказать побрезговал. Впрочем, один роман, опубликованный «Лимбусом», - замечательные «Грачи улетели» Сергея Носова - всё же оказался выдвинут и даже вошёл в лонг-лист на правах одного из фаворитов и читающей публики, и профессиональной критики.

Дедушкино ноу-хау, оказывается, должно было отсечь от премии литературу коммерческую - то есть всё вроде Аксёновской же «Московской саги». Поскольку список отсечённых произведений оглашён не был, можно только догадываться о том, по чьей именно прозе Василий Павлович прошёлся старчески шаловливым серпом. Так или иначе, в лонг-лист, наряду с Носовым, вошли лауреаты «НацБеста» Михаил Шишкин и Виктор Пелевин, вечный финалист Дмитрий Быков и другие заметные - а главное, замеченные - произведения. Из которых в шорт-лист затем не попало ни одно!

Потому что при формировании шорт-листа дедушка выкинул очередной фортель. Вырубив на первом этапе всё **коммерческое** (в его понимании), Аксёнов на втором преисполнился решимости отсечь всё **сложно читаемое!** Но ведь **легко читается** только коммерческая, чтобы не сказать бульварная литература, не правда ли? А вы объясните дедушке, что «утку» надо просить до, а не после. Скажите спасибо, что попросил хотя бы после!

Семь романов шести авторов, вошедшие в шорт-лист (два романа, прошу прощения, Романа Солнцева засчитаны за один, так как они *выражают одну и ту же авторскую позицию,* - ещё одно ноу-хау, изобретателя которого следовало бы за одно это отправить в Дахау), не столько одинаковы, сколько одинаково убоги - и не заслуживают даже перечисления. Один из них - русофобский пасквиль Елены Чижовой «Преступница» - детально проанализирован нами в статье «Золотые люди». Другой - «Каблуков» Анатолия Наймана, - поверьте моему слову, столь же пошл и гадок. Он, кстати, и получит премию (Найман премии не получил, и на заключительной церемонии Аксёнов закатил по этому поводу публичную истерику), если «Открытая Россия» доживёт до декабря, - потому что Найман ходит у лежачего дедушки в дружбанах. Да и сам - ходячий только по жизни, а в литературе, как выразился бы Кен Кизи в грамотном переводе, - овощ. Найман, естественно, шестидесятник и получит от дружбана премию вместо не вовремя увлёкшегося cacatum*'ом,* который не есть *pictum,* Войновича.

В этой статье литературные обстоятельства поневоле переплетаются с политическими - как блядство с болезнью в повести Маканина. И вот вам ещё одна неизбежная, увы, параллель. *Оглянись вокруг себя,* - внушают нам либералы, - *и ты увидишь, что твои худшие подозрения сбываются... Тебя... и меня... и нас всех... А происходит это, не в последнюю очередь, потому, что где-нибудь в 1991 году (на худой конец - в 1993-м) не была проведена люстрация, не оказались подвергнуты пожизненному запрету на профессию все сотрудники ЧК-НКВД-КГБ и, раз уж пошла такая пьянка, все члены КПСС во главе с самим Ельциным!*

Не будем ни спорить, ни соглашаться с либералами, бог им судья, но перенесём глобально глубокую мысль в интересующую нас плоскость. Литературная люстрация плюс пожизненный запрет на профессию для дедушек, не просящих «утку», и для архивных юношей от сорока до семидесяти, им эту «утку» любовно и исправно, хотя и без толку, подкладывающих, необходимы отечественной словесности как воздух. Иначе мы так и будем зажимать нос руками. Иначе мы так и будем оглядываться вокруг себя, а они продолжат делать то, что делают...

Конечно, литературная люстрация дело не писательское, а читательское. Не читайте, а главное, не приобретайте их книг, не берите в библиотеке «толстые» журналы, выключайте телевизор при виде Татьяны Толстой и Виктора Ерофеева с их гостями, не говоря уж о Яхесе Гордине из «Звезды» с Натальей Барбарисовной Ивановой из «Знамени» и с человеком из журнала «Нева», носящим в литературных кругах ласковое прозвище Простатитчик. Не читайте советских писателей, перефразируем мы профессора Преображенского, - это ведь неправда, что других у нас нет - и поэтому не следует читать никого!

2005

Три шага в старческом бреду: куда бреду? В бессмертие!

Главным поставщиком литературных скандалов в бедном на события и курьёзы литературном году стал маститый поэтище Евгений Рейн, которого любивший подурачить собеседника (особенно - Соломона Волкова, но и остальных тоже) Иосиф Бродский то ли в шутку, то ли всерьёз называл своим учителем. То есть говорил он это, разумеется, в шутку, но кое-кто воспринял эту шутку всерьёз. Самое смешное в том, что мало-помалу уверовал в справедливость шутливой оценки и сам Рейн - многодесятилетний оруженосец и придворный шут никакого, конечно, не Бродского, а, прошу прощения, Евгения Евтушенко.

Именно в свите у Евтушенко и состоялся Рейн не столько как стихотворец (стихотворцев таких - на пятачок пучок), сколько как персонаж столичной тусовки. Персонаж комический - под стать господину и даже с превышением. Но потом пошла перестройка, Бродскому дали Нобелевскую премию, наших начали пускать в Нью-Йорк, где их тут же прозвали «пылесосами» (в том смысле, что они высасывают из обосновавшихся за океаном друзей юности всё - от добрых слов до швейцарских ножичков и б/у компьютеров), Евтушенко сдулся, а Рейн, наоборот, надулся как индюк - и пребывает в этом состоянии до сих пор. «Оказывается, Александр Семёнович (Кушнер. - *В. Т).* тоже любит конвертируемую валюту», - в отчаянии написал почтенному питерскому старцу Израилю Меттеру Сергей Довлатов, и, как всегда, приуменьшил. Оказывается, любит её не только Александр Семёнович - и совершенно необязательно конвертируемую. Взять можно и рублями, и тугриками, и, если уж на то пошло, барашками - и совершенно необязательно «барашками в бумажке». Три скандала с Евгением Рейном это не то чтобы доказывают (аксиомы в доказательствах не нуждаются), но превосходно иллюстрируют.

Первый скандал разразился весной в связи с присуждением Государственной и приравненной к ней Пушкинской премий. Профильный комитет проголосовал так: за Олесю Николаеву девять голосов, за Евгения Рейна - два. После чего премию присудили (причём повторно) Рейну. Члены комитета взбрыкнули, но им велели не рыпаться - и рыпаться они перестали. Да и пока рыпались, делали это как-то сконфуженно: конечно, мол, Рейн **тоже замечательный поэт,** но мы-то проголосовали за Николаеву... Ну а если замечательный (пусть и всего лишь **тоже замечательный),** то какая вам разница? Премия всегда лотерея. Правда, в случае с Рейном лотерея не слепая, а зрячая.

О том, как Рейну дали Государственную премию в первый раз, его давний друг и доброжелатель Анатолий Найман написал и опубликовал пьесу. Старый импотент, которого в пьесе зовут Шварцем, подкладывает жену под важных людей, а та рассказывает им, что он выдающийся поэт, лучший друг и учитель Бродского, любимый ученик Ахматовой, ставленник солнцевской братвы и мирового сионизма. В результате премия достаётся Шварцу, а вовсе не истинно выдающемуся поэту, лучшему другу Бродского, любимому ученику и тайному

мужу Ахматовой, ставленнику литературной молодёжи и РПЦ, которого в пьесе зовут Анатолием Найманом.

Впрочем, есть и другое свидетельство: «Мне предложили Государственную премию (десять тысяч долларов в рублёвом эквиваленте) за взятку в тысячу, но тысячу потребовали вперёд, а её у меня просто не было», - рассказывал ещё один любимец муз, впоследствии удостоенный куда более высокой (в денежном эквиваленте) премии - Солженицынской.

Но, так или иначе, Пушкинскую в прошлом году повторно получил Рейн. Даже дважды повторно - после Государственной, которую он получил ранее, и после немецкой Пушкинской, которую он получил тоже. Столько ещё поэтических премий только у того же Кушнера, который, правда, не «ахматовская сирота» (Анна Андреевна неодобрительно называла его «задохликом»), но тоже долгими десятилетиями без устали пишет **в столбик.** Суммы прописью в том числе.

Второй скандал не состоялся исключительно по недоразумению. Вернее, просто потому, что никто, кроме автора этих строк (да и тот - по профессиональной обязанности), не читает «толстых» журналов. Меж тем в одном из них, а именно в «Новом мире», Евгений Рейн опубликовал редкие по саморазоблачительности *мемуаразмы.*

При последней встрече (в Венеции, разумеется), за пару месяцев до скоропостижной кончины, Иосиф Бродский снимает с руки часы и дарит их Рейну. Он заранее нанёс на них дарственную гравировку. Часы дурной подарок, да и часики-то грошовые, но тем не менее. И, переехав в Рим, Рейн хвастается подарком перед приятельницей, давно и безнадёжно влюблённой в Бродского. Та загорается: отдай мне! И, будучи женщиной богатой, добавляет: а взамен я куплю тебе «роллекс»!

Как бы вы поступили на месте мемуариста? Евгений Рейн поступает так: отправляется на блошиный рынок, отыскивает там точно такие же часы, как те, что подарил ему Бродский, распоряжается сделать на них точно такую же гравировку и дарит подделку даме, оставив дар Бродского себе и получив в порядке компенсации, правда, не «роллекс» (мемуарист признаётся: поскромничал), но тоже внушающий уважение и дизайном, и, главное, ценой хронометр. По-моему, рассказ об этом малосимпатичном мошенничестве является символическим: именно так и наживаются они на Бродском - Рейн, и, понятно, не он один.

И наконец, скандал третий и самый шумный. Трое столичных виршеплётов - Игорь Шкляревский, Михаил Синельников и, разумеется, всё тот же Рейн - нижайше испросили у Туркменбаши согласия на перевод его философской и любовной лирики на русский язык.

Расцветив просьбу сугубо восточными комплиментами поэтическому дару Отца Всех Туркмен. Отправившего, кстати говоря, собственных стихотворцев за решётку или вытолкнувшего их в эмиграцию, но тут уж, как говорится, не до сантиментов. Просьба, естественно, организована туркменским посольством и подкреплена барашком в бумажке. Во всяком случае, выслушивая возмущённые

реплики коллег, Рейн в свою очередь возмущается: «Вы что же, предлагаете мне помереть с голоду?» Государственные и Пушкинские премии, надо полагать, уже проедены. Или ушли на взятки в залог ожидаемых и с неизбежностью грядущих наград.

Игорь Шкляревский воплощённая посредственность. Он был в советское время секретарём «большого» Союза писателей - и тогда его печатали, о нём писали, о нём, страшно представить, даже говорили. Потом, не примкнув ни к «демократам», ни, как это ни странно, к «патриотам», Шкляревский потерялся. Потому что без секретарской должности и стихи его оказались никому не нужны.

Михаил Синельников профессиональный поэт-переводчик всего, что презрительно, но точно именовалось когда-то ч*ечено-ингушатиной,* - и в этом смысле ведёт себя последовательно. К тому же Арсений Тарковский, которого он считает своим учителем, когда-то не побрезговал перевести юношеские стихи Сталина. Правда, вождь, преодолев минутный приступ тщеславия, категорически запретил публикацию, да и Тарковский «отмылся», написав и впрямь замечательные стихи о «восточных переводах» - то есть о профессиональном занятии творчеством в условиях восточной по своей сути деспотии. Синельников, как и Шкляревский, настолько неприметен и неинтересен, что, вылижи он Туркменбаши в одиночку (или на пару со Шкляревским), это было бы его (их) личным делом; в конце концов, на этом месте всегда была не прачечная, а сливочная, и в ней не сливки делали, а говно сливали. Перевод «поэзии народов СССР» справедливо слыл омерзительно грязной сливочной, и от тамошних золотарей недвусмысленно разит до сих пор. Грузинским вином, молдавским коньяком, среднеазиатским араком и разношенным сфинктером. Пусть и выдают они себя нынче, как, допустим, наш земляк Михаил Яснов, за переводчиков исключительно с французского. Знаем мы этот «французский», да и этих «переводчиков» тоже. Хотя, конечно, философская лирика Туркменбаши - это, даже по меркам сливочной народов СССР, абсолютный рекорд.

И рекордсмен тут, разумеется, Рейн. Потому что именно под него и дают *нефтетугрики* туркмены. И потому что, как ни крути и сквозь какой мелкоскоп в поисках истины ни гляди, его имя, а значит, и судьба, и - со всей неизбежностью - творческое поведение связаны с именем Бродского. Обжора, пьяница, бабник, Санчо Панса, шут гороховый, он до сих пор не был, однако же (если отвлечься от милой истории с поддельными часиками, им же и поведанной), подлецом. Найман, правда, твердит, что был, - но это он по своей, наймановской, подлости.

Рейн не был подлецом - и вот на склоне дней стал. Или до сих пор ему просто не предоставлялось случая? Не давали *цену, за которую любили, чтоб за ту же и оплакивали цену?* Вот не переводит же Туркменбаши (и не испрашивает августейшего разрешения на перевод) Евтушенко, которого Бродский так не любил. А Рейна любил! Смеялся над ним, жалел его, никудышного, но любил! Но Бродский и вообще-то по каким-то собственным мазохистским соображениям водился со всякой сволочью. С мелкой сволочью - и почти без исключения только с нею. И сейчас она мстит ему, оскверняет его память, не переставая вместе с

тем на нём наживаться (ведь и Отцу Всех Туркмен Евгений Рейн интересен только как человек из свиты Бродского). Впрочем, об этом я писал не раз - и повторяться, пожалуй, не стоит.

Три скандала года - три шага Рейна в старческом бреду - три гвоздя в крышку поэтического фоба. И сейчас уже не важно, был поэт, да весь вышел, или никакого мальчика тут и не было. Есть дважды лауреат Государственной премии, мелкий мошенник, переводчик философской лирики Туркменбаши.

Самое забавное, что никаких стихов Туркменбаши, понятно, не пишет - не ханское это дело. Проект придуман туркменскими пиарщиками, за Отца пишут «негры», поэты в Туркмении сидят в тюрьме - и пишут за Туркменбаши, не исключено, прямо в камере. А в нашей сливочной эти стихи переводят!

2004

Учить вас, козлов...

Ровно год назад в петербургском журнале «Звезда» был опубликован русофобский роман Елены Чижовой «Преступница» (2005, № 1-2). Положительные персонажи романа - евреи и полукровки - терпят неслыханные притеснения со стороны русских, именуя их всем скопом «бешеными суками». Чтобы, обманув «бешеных сук», поступить в вуз, чистой еврейской девочке, главной героине романа, приходится выдать родного отца за эстонца; чтобы остаться в аспирантуре - лечь под русского профессора (а других профессоров и не бывает); чтобы вылечить родного дядю-профессора - пригрозить ножом русскому врачу (потому что евреев у нас не лечат), и так далее.

Роман, вошедший, кстати, в шорт-лист Букеровской премии-2005, был тщательно проанализирован мною в статье «Золотые люди», а известный московский критик Андрей Немзер (тоже, поди, не татарин), в целом согласившись с моими оценками, охарактеризовал «Преступницу» и как объективно антисемитское сочинение. То есть разжигающее национальную рознь, причём вовсе не в указанную на свой лад маститой (исполнительный директор петербургского ПЕН-центра) писательницей сторону. Потому что, прочитав такую похвалу евреям и хулу на русских, самый убеждённый интернационалист непременно превратится в зоологического антисемита.

Что, на мой взгляд, и произошло с первым читателем «Преступницы» - заведующим отделом прозы Евгением Каминским. Роман Чижовой он скрепя сердце напечатал - начальство приказало; соредакторам «Звезды» Арьеву и Гордину всякое русофобское лыко в строку, а у директора ПЕН-центра они вдобавок и кормятся? - но лютую злобу затаил. И, вознамерившись покарать Преступницу её же оружием, решительно злоупотребил служебным положением (благо, соредакторы издаваемый ими журнал не читают): во втором номере «Звезды» уже за этот год напечатана антисемитская повесть самого Каминского «Чужая игра»! Антисемитская повесть в «Звезде» - отсюда и название «Чужая игра», которое, пожалуй, следует понимать как игру по чужим правилам, а главное, на чужом поле. Антисемитская повесть сотрудника «Звезды», напечатанная в «Звезде», - это воистину подвиг разведчика: в разгар войны Штирлиц публикует за собственной подписью в «Фёлькишер Беобахтер»

хвалебную статью об убойной силе «катюш» и «тридцатьчетвёрок» - никак не меньше.

Воюя с Чижовой, Каминский демонстративно широко черпает из её арсенала пахучих боеприпасов. Так, Преступница мстит русским старушкам (соседкам по коммунальной квартире), выкрадывая их прах и развеивая его над еврейским кладбищем. А главный положительный герой «Чужой игры» мстит евреям, сведшим в могилу его жену и дочь, отказываясь сдавать тела в морг и закапывая их на городской свалке. Логики ни там ни тут нет - но логика полемического противопоставления налицо.

Главного положительного героя повести зовут Алёшей Козловым. Здесь значимы и имя, и фамилия. Алёша он, естественно, по Достоевскому, - как человек Божий. А Козлов - потому что «учить вас, козлов, надо!», как сказано в известном анекдоте. Вот евреи его, Козлова, и учат.

Прогуляемся, однако, по страницам похвально немногословной повести (диверсия в тылу врага такой и должна быть - стремительной и внезапной).

Олигарх местного розлива Аркадий Семёнович, улетая на личном самолёте из родного города, где он только что открыл аквапарк (на погибель, надо понимать, русским, потому что аквапарк непременно рухнет, а евреи, знаете ли, воды боятся), читает предсмертное любовное письмо, адресованное, разумеется, не ему. Но еврейское любопытство - штука, знаете ли, непреодолимая.

Прилетев накануне в город, он взял к себе в салон лимузина бомжа-олигофрена, с которым водился в детстве, а тот на своём птичьем языке поведал, что их третий друг детства - геолог Козлов - вроде бы собирается олигарха убить. Аркадий Семёнович не поверил, но, конечно же, принял меры. Евреи, знаете ли, - народ осторожный.

Приняв меры, Аркадий Семёнович поневоле вспоминает и перебирает былое. Алёша Козлов первенствовал всегда и во всём, неизменно выручая очкастого Ар-кашу и не раз спасая ему жизнь - хоть в драке с хулиганьём (дрался один Алёша), хоть в пионерлагере «Орлёнок», куда Алёша попал как мальчик из неполной семьи, а Аркаша - по еврейскому, знаете ли, блату.

Вот только Тане - будущей жене Алёши - ещё со школьной парты нравился Аркадий. За Козлова она вышла после того, как он спас её от насильников (а Аркадий струсил), но сердцу не прикажешь. И пока гордый геолог Алёша работал на благо Родины в многомесячных экспедициях, скучный бухгалтер и друг семьи Аркадий повадился захаживать к Танюше - и она от него в конце концов залетела, потому что евреи, знаете ли, - народ по-библейски плодовитый. И захотела уйти к отцу будущего ребёнка, но он её не принял, потому что евреи, знаете ли, - народ подлый. А Алёша, вернувшись из экспедиции, всё понял, Таню простил и родившуюся у неё девочку полюбил как родную.

А потом Девчонка (как любовно называл её Алёша) заболела. И Козлов обратился к разбогатевшему другу юности с просьбой о деньгах на лечение. Зная, что тот - подлинный отец ребёнка - не сможет в такой малости отказать. Но Аркадий Семёнович отказал, потому что евреи, знаете ли, - народ не жадный, а очень жадный. И девочка умерла.

Олигофрен меж тем вернулся к себе на свалку и машет руками солнцу, чтобы оно не позабыло встать и назавтра. Так он поступает каждый день, потому что он хороший человек, хоть и дурачок, а хороший он человек, потому что русский. Тогда как Аркадий Семёнович продолжает вспоминать.

Однажды он напросился к Козлову в экспедицию - предал товарища (не Козлова), потерялся в тайге - и его чуть было не съел медведь. Спас в последнее мгновенье подоспевший Козлов (позднее мы узнаем, чего это стоило самому Козлову). Несколько недель провёл Аркадий в одиночестве на зимовке, уже признанный всеми погибшим, - и всё же дождался спасителя, потому что евреи, знаете ли, - народ живучий.

А потом началось время большого хапка. И оказалось, что Аркадий Семёнович приспособлен для этого идеально. Ограбив и предав начальника из «красных директоров» и перевербовав на свою сторону бандитов, он по щучьему веленью превратился в олигарха. Потому что еврею, знаете ли, палец в рот не клади - откусит вместе с рукою.

Воспоминания олигарха прерываются. Мы встречаем некоего Фёдора Фёдоровича, у которого сперва просит, а потом, получив отказ, крадёт ружьё благородный Алёша, - и, заметив пропажу, Федор Фёдорович понимает, что у Козлова вслед за дочерью умерла и жена (а Аркадий Семёнович вновь отказал в деньгах на лечение), и теперь тот решил - наконец-то! - поквитаться с кровососом. Однако дорого яичко к Христову дню - и только к нему.

Алёша вспоминает, какими трудами и с какими мучениями спасал Аркадия в экспедиции. Как, уже вернувшись домой, вновь рванулся в зимнюю тундру на выручку неблагодарному еврею. Как, безоружный, выиграл дуэль взглядов у пришедшего поживиться подмороженной еврейчатиной белого медведя. Как на обратном пути чуть не отдал богу душу сам - и сначала вытащил из снега, а потом и выходил его только что освобождённый зэк - это и был Федор Фёдорович.

Чтобы убить хорошо охраняемого олигарха (правда, патронов у него нет; русский человек горяч, но отходчив), Алёша Козлов загодя, с ночи, устраивается на высоком месте над аквапарком. И замерзает насмерть... А утром, перед началом церемонии, международные прихвостни еврейского олигарха в упор расстреливают русского человека с ружьём, не подозревая о том, что палят из десятка стволов уже в бездыханное тело. И находят на трупе предсмертное любовное письмо (адресованное покойной жене, останки которой заблаговременно доставлены на городскую свалку) - и передают его любопытному (см. выше) еврею. И проводят по его непосредственному указанию следствие, суд и расправу - благо, ружьё Фёдора Фёдоровича уже у них.

А сам Федор Фёдорович, в ожидании неминуемой гибели, возвращается мыслью к тому, как когда-то в лагере спас от «опетушения» какого-то паренька, для чего ему, правда, пришлось зарезать полдюжины блатных. Алёша чем-то напоминает ему этого паренька - только он чище, лучше, светлее; он русский человек в историческом развитии, каким тот будет лет так через двести, полтораста из которых уже прошло... Но главное отличие в другом: это блатных можно перебить до последнего негодяя - а евреев, знаете ли, никак; тем более

что у них в услужении находятся теперь и блатные.

Прихвостни олигарха, разумеется, убивают Фёдора Фёдоровича, едут потом на свалку, убивают тамошнего дурачка, убивают даже приручённых им крысу и птицу (и просить солнышко встать теперь будет некому) - убивают по личному распоряжению Аркадия Семёновича, - потому что евреи, знаете ли, народ безжалостный.

Олигарх читает в самолёте предсмертное письмо Козлова и внезапно начинает раскаиваться в содеянном. И не просто в содеянном - во всей своей отвратительной и никчёмной жизни. Раскаивается так сильно, что чуть не выбрасывается из самолёта, и хлещет по щекам пытающуюся предотвратить самоубийство охрану, - потому что евреи, знаете ли, народ истерический. Но истерика быстро заканчивается, и Аркадий Семёнович благополучно возвращается ко всегдашним олигархическим, ко всегдашним грязным, ко всегдашним еврейским гешефтам.

Так ответил писатель Каминский писательнице Чижовой. Так ответил зав. отделом прозы самому любимому автору журнала «Звезда». Так ответил юдофоб русофобке. Интересно, чем ответит она (потому что евреи, знаете ли, любят, чтобы последнее слово оставалось за ними)? Вот вам три варианта на выбор:

1. Получит Нобелевскую премию (премию журнала «Звезда» она уже получила).

2. Не получит Нобелевскую премию (премию журнала «Звезда» она уже получила).

3. Принесёт в «Звезду» и напечатает по отделу прозы - у того же Каминского - новый роман.

2006

Чудо в ботах

В «Литературной газете» идёт вялотекущая дискуссия «Критика: самоубийство жанра». Отталкиваясь от моей июньской колонки, столичные критики скорее третьего, чем второго, ряда спорят: *прав Топоров... не прав Топоров... Топоров прав по факту, но не по сути...* Мне, впрочем, предложено подключиться по-новой, чтобы окончательно объяснить коллегам, что прав я всегда - и по факту, и по сути (широкой публике это ясно и так). Но пока суд да дело, слово в дискуссии получает автор из Питера, а это, знаете ли, всегда нечто...

Поясню для несведущих, что *автор из Питера* - понятие не прописочное и не географическое, а скорее зоологическое. Известный автор или неизвестный, но талантливый, - он ниоткуда или, вернее, не важно, откуда - из Питера, из Москвы, из Урюпинска или с Марса. В графе «прописка» у него значится *отечественная словесность.* А вот сочинитель, никому ни в родном городе, ни на чужбине не ведомый, - он-то и оказывается *питерским автором,* для какового (и ему подобных) имеется в столичных изданиях особая разнарядка: а вот мнение нашего питерского автора! А то, что мнение это, как и сам автор, ровным счётом

никому не интересны, да и не известны *(питерский автор,* впрочем, может быть у себя на родине и известен - как городской сумасшедший, как нерукопожатная мразь, как непроходимая бездарь), это уж дело десятое. А то, что врёт он, клевещет, завидует, скрежещет всем, что шевелится, - тем более. Может, они там, в Питере, все такие.

Типологически *питерские авторы* делятся на две категории: **чудо в перьях** (когда кого-нибудь или что-нибудь хвалят) и **сука в ботах** (когда ругают). Наш автор - звать его Андрей Столяров - критиков поимённо ругает, а не называемых им прозаиков (подразумевая, естественно, себя любимого) хвалит, поэтому разумнее всего будет назвать его **чудом в ботах** или **сукой в перьях,** на ваш выбор. Итак, предоставляю слово этому самому... в пёрышках на резиновом ходу:

Образцом московского критика является, по-видимому, Дмитрий Быков. Он за четыре секунды способен определить - будет ли данный автор ему чем-то полезен. Если да, значит, лучший друг и приятель. Если нет... (А чем может быть полезно наше в ботах блистательному столичному литератору? - *В.* Г). *Лев Пирогов, вероятно, знаком только с теми книгами, которые продаются в киоске возле его дома...* (А то ему, обозревателю «Экслибриса», наша в перьях своей писанины с подхалимскими надписями не дарила! - *В. Т). Кто бы мне объяснил, почему считается критиком В. Курицын) -* и так далее.

Но, понятно, на столичных критиков *автор из Питера* обрушивается исключительно для затравки. Где имение, а где наводнение? Тебя бы, разносчицу лобкового педикулёза, хоть в городе на Неве кто заметил! И, главное, действительно не замечают Столярова со всей его перинной артелью, да и с заводом резиновых изделий тоже! Такая вот получается *уникальная ситуация с критикой в Петербурге. Здесь существует Михаил Золото-носов, который, по-моему, ненавидит сразу всё человечество. Далее следует Виктор Топоров, который ненавидит тех, кто пишет. И замыкает список Самуил Лурье, который ненавидит тех, кто умеет писать.*

А ведь и впрямь, херовенько в Питере с критикой. Я бы даже выразился резче: *столяровенько.* Реже, гораздо реже, чем следовало бы, прописываем мы, доктора словесности и академики литературы, *питерским авторам* стрихнин, а их случайным читателям - трихопол.

Виктор Топоров стал известен в узколитературных кругах не аналитическими статьями, которых у него, по-моему, просто нет, - врёт писучий в перьях, - *а помоечной бранью в адрес петербургских писателей...*

Самуил Лурье, - врёт он далее, - *приобрёл известность в тех же узких кругах скандалами из-за премий... Заполонил теперь местную прессу стенаниями о чести и благородстве.*

Самуилу Лурье действительно впору стенать: ведь это именно он в минутном помрачении духа порекомендовал однажды в московский «толстый» журнал залепуху нашего общего нынешнего хулителя (про Жанну д'Арк на русско-украинской войне!), и там её, прислушавшись к авторитетному мнению, напечатали. Два раза в жизни напечатали, как говорят в Одессе, - в первый и в последний... А в залепухе столяровской на первой же странице Иуда продаёт

Христа за **тридцать три** сребреника! И эта... или это... и этот, прошу прощения, эрудит жалуется на отсутствие в моих статьях **аналитики?** А перья в боты подкладывать не пробовала?

Мысль *питерского автора* пытливо блуждает в поисках причин того, что ситуация складывается (лично для него) столь столяровенько. *Откуда берутся критики? Считается, что... это неудавшиеся писатели... В случае с Виктором Топоровым или Самуилом Лурье,* - врёт он, - *так всё и было. ...Пример «Орфографии» Дмитрия Быкова,* - врёт он далее, - *кажется, из того же ряда.*

Если из Быкова, Лурье или Топорова не получился (допустим!) **великий писатель,** это, конечно, для каждого из нас личная катастрофа. Но не беда. Беда была бы, если бы из нас получилось чудо в ботах, оно же сука в перьях, оно же такой вот *автор из Питера* Андрей Столяров. Возненавидевший всю критику за то, что она, видите ли, не пишет про писателей!

Это смотря про каких писателей.

Про бездарных действительно не пишем.

Стараемся не писать.

Брезгуем.

Но если сука в перьях сама попросит. Если очень уж расстарается...

И всё же нет, не буду: пусть перетопчется. Или перечешется. Надо же что-то оставить человеконенавистнику Золотоносову. Да и талантоненавистнику Лурье. Нас, неудавшихся писателей, мало, зато удавшихся *питерских авторов* до Москвы раком не переставишь.

2003

Эрзац, переходящий в абзац

Лет сорок назад западногерманские издатели решили прикупить у Йэна Флеминга серию романов о Джеймсе Бонде, благо, Шон Коннери уже вовсю блистал на киноэкране. Писатель, однако же, заломил несусветную, а главное, неподъёмную цену. Разозлившись, издатели усадили двух бойких журналистов за сочинение пародийной немецкой бондианы, героя которой звали, допустим, Джон Доу. И произошло непредвиденное: сперва Джон Доу захватил немецкоязычный рынок, а затем разлетающиеся, как горячие пирожки, романы о его подвигах пришлось приобрести и высокомерным англичанам. То, что издатели и авторы затеяли как пародию, было воспринято читательской массой на полном серьёзе. Конечно, если можно говорить серьёзно о самом Джеймсе Бонде.

Нечто похожее произошло тогда же в СССР, где, понятно, и речи быть не могло об издании бондианы, отличавшейся - особенно в ранний период - «резкой антисоветской направленностью». Три умельца - писатель Василий Аксёнов, поэт Григорий Поженян и журналист-международник (как все они, связанный со спецслужбами) Овидий Горчаков - под коллективным псевдонимом Горпожакс состряпали пухлую пародийную эпопею про агента Джина Грина - и она опять-

таки стала бестселлером, разве что сугубо для внутреннего употребления. Причём читали «Грина» в Стране Советов не как пародию на Бонда, которого не знали и знать не могли, а как замену, как литературный эрзац.

К слову, жили-были в послеблокадном Ленинграде две дамочки: одна вела драмкружок в Доме пионеров, а другая преподавала там же французский. Объединив умения, они решили разбогатеть и прославиться на драматургическом поприще. «Француженка» полупереводила-полупересказывала подруге игривые фарсы, водевили, комедии-«самоигралки», в которых сверкал, а порой и пенился острый галльский смысл, а та, переименовав Жана в Ваню и Мари - в Машу, перенеся действие, скажем, из Булонского леса в ЦПКиО или из супружеской спальни («Иди сюда, Жак! Втроём нам будет веселее!») на коммунальную кухню и - в соответствии с требованиями цензуры - убавив (но всё-таки сохранив) игривость, выдавала на-гора итоговый текст... И две дамочки (обеим в пору литературного дебюта было сильно за пятьдесят) добились своего: разбогатели и прославились! Их пьесы шли по всей стране в десятках театров, а самые популярные - какая-нибудь «Клетка на четверых» - и в сотнях. Потом драматургессы разругались - и это было началом конца: одна не умела писать по-русски, а другая - читать по-французски, так что работать порознь они не могли. Но пьесы - одну поставил великий Акимов - ещё долго продолжали победоносное шествие по России и переводились на языки братских народов. Вы наверняка уже и не помните, сколько у нас когда-то было братских народов!

В эпоху дикого накопления первоначального капитала, литературного в том числе, труженикам пера стало и вовсе не до хороших манер. Не говоря уж о господах издателях. И, как это ни парадоксально, люто коммунистический лозунг: «Грабь награбленное!» овладел умами. Пиратские переводы, пиратские переиздания, нелегальные тиражи и разбойничий перехват обозов с чужим тиражом прямо на большой дороге (о чём со знанием дела поведал саратовский критик и книготорговец Роман Арбитман, сочиняющий чудовищные детективы под псевдонимом Лев Гурский и сам же их в печати как критик и расхваливающий). Долгое время нам было не до авторского права - а значит, и не до эрзацев: в них просто не возникало надобности - можно было воровать и у иностранцев, и у соотечественников «прямой продукт», который, как вы, пожалуй, помните, сам Пушкин не постеснялся позаимствовать у Адама Смита. Но какое-то время спустя мы запросились в хорошее общество и воровать не то чтобы перестали, но притворились, будто вот-вот перестанем. И в ход опять пошли эрзацы.

Всем памятна история с Пори Гаттером и Таней Гроттер, которые, уродясь в двух разных издательствах однояйцевыми близнецами (в рукописях, а порой и в опубликованных книгах мне частенько попадается на глаза выражение «однояйцОвые близнецы»; страшно даже представить себе, что оно должно значить), нахально сунулись на международный рынок, где их - с судебным исполнителем - уже поджидал Гарри Поттер. Но и всемирный успех пошляка Паоло Коэльо не оставил наших издателей равнодушным - и, отчаявшись перекупить права на него у киевской «Софии», в Питере изготовили эрзац - Анхело де Не-Помню-Как, - а в столице, со всегдашней московской наглостью,

настрочили и издали бредовый трактат, приписав авторство самому Кастанеде!

(В этой связи хочу напомнить один свой старый прогноз: в журнале «Звезда», опубликовав всего Бродского и всего Довлатова, непременно начнут сочинять за них и печатать эти сочинения под видом находок из творческого наследия. Прогноз, похоже, сбывается: совсем недавно соредактор «Звезды» Гордин объявил, что у Бродского остаётся ещё много ненапечатанного).

Коммерчески, да, на иной взгляд, и творчески удачным эрзацем оказалась питерская Марианна Воронцова, сконтаминированная из Александры Марининой и Дарьи Донцовой. Сейчас этот проект прекращён, но и слава Донцовой с Марининой идёт на убыль. Жанр женского детектива в кризисе; в моде, напротив, «Бедные богатые девушки» и Оксана Робски, которых - и которую - начнут клонировать не сегодня-завтра.

Забавный казус произошёл с писательницей Ольгой Славниковой: она сунулась было на международный рынок с романом «Бессмертный» (о чутких родственниках, поддерживающих в старом сталинисте иллюзию, будто в стране не произошло никаких перемен), а ей сурово указали на немецкий фильм аналогичного содержания «Гуд-бай, Ленин!» - и тут уж обвинила проклятую немчуру в плагиате сама писательница. Хотя в данном случае, скорее всего, имеет место элементарное совпадение.

Королём литературного эрзаца в нашей стране стал, разумеется, Борис Акунин. Сперва втихую, потом внаглую: его последний проект «Жанры» манифестирован именно как эрзац. К счастью, художественное качество этого эрзаца и само по себе столь суррогатного свойства, что это делает разговор о «Шпионском романе» и иже с ним беспредметным. Вы же не будете пить эрзац-кофе, заедая его аналогом осетровой икры?

Жизнь богата на нечаянные рифмы - и как раз на фоне всероссийской экспансии «Жанров» никому не известная провинциальная писательница подала в суд на Бориса Акунина: ещё в 1999 году выпустила она, оказывается, книгу «Кладбищенские истории», предвосхищающую акунинский «гробик» не только названием, но и, как сказано в исковом заявлении, общим смыслом вплоть до мельчайших деталей... Врёт, наверное, да и суда нашего неподкупного у наших миллионщиков ей в жизни не выиграть, но книжку свою шестилетней свежести, пожалуй, раскрутит.

Но речь у нас идёт не о плагиате, а об эрзаце - попрошу не путать. И пусть доморощенный эрзац слывёт на Западе плагиатом - заграница нам не указ. Да и вообще «они не читают», как сказал наш президент особо доверенным Писателям Земли Русской на книжном салоне во Франции.

2005

Содержание

От автора.....1
Диагональ власти.....3

Who is мистер хунта?.....3
...А в интересах истины.....4
А также в области балета.....5
Альтернативная история: операция «Ельцин в Форосе».....6
Армейское поприще.....8
Благодаря или вопреки?.....9
Бойтесь данайцев.....10
В поисках нового плацебо.....11
Война валют.....12
Время и место.....14
Газовая атака переходного возраста.....15
Государственная аскеза.....16
Досье на дублёнку.....17
Если бартер не катит.....18
За что раздербанили «Родину».....19
«Здравствуйте, я Глеб Павловский!».....21
Зимняя сессия.....22
...И о погоде.....23
Как бы КПСС.....24
Как по команде.....25
Колбаса и свобода.....26
Комбинация из двух сидельцев.....28
Крик души.....29
Любите ли вы Путина, как люблю его я?.....30
Минеральная революция.....32
Наши новые меритократы.....33
Не умеешь - не берись.....34
О государевой службе.....35
Оборонительный рубеж на болоте.....36
Отсроченное время.....37
Пломбированный вагон оранжевой революции.....38
Про то, как не срослось.....39
Пространство свободы.....41
Прощание, запрещающее печаль.....42
С особым цинизмом.....43
Системная ошибка социологии.....44
Сказано - сделано.....45
Существенные факторы.....46
Тайные герои России.....47
Третий ГКЧП?.....48
Три сюжета.....50
Формула третьего срока.....51

Чувство глубокого удовлетворения....52
Чуточка....53
Игра в ящик....54
Бремя серых....54
Война мышей и лягушек....57
Всё утопить....58
Зиждители....61
Мания мессианства....63
Мимо «МиМ»....64
Не пей вина, Гертруда! После водки....67
Непоротое телевидение....68
Нос. Три шага в цензурном бреду....70
Осеннее построение телевидения....72
Проверка на швыдкость....74
Сладкая парочка....75
Стилистические разногласия как политическое кредо....76
Столик на сатирика....77
Телевизионный фон эффективной политики....79
Шарашка и зона....80
Эксцесс исполнителя....83
Ненатуралы....85
Бей своих - спасай Россию....85
Запрет - дело тонкое....87
Кинофестиваль класса «Х»....88
Корифей косноязычия....90
Ленинград. Из университетского альбома....92
Маска профессора Мориарти....94
На развалинах литературной страны....95
"На Сенной били бабу кнутом"....97
На смерть магистра игры....98
Нас деспот встречает прохладой....100
Нацболь....102
«Наш удел в этой жизни офсайт»....104
Ненатуралы....106
Позвонили, ошарашили, ужаснули....108
Презумпция музейной виновности....109
Провиденциальные анекдоты....112
Скажи-ка, тётя, ведь не даром?....114
Сорокин в собственном соку....116
Столкновение на национальной почве....118
Тень Баркова....119

Трудно выть богом....121
Юбилейный формат....123
Похвала Пупкину....125
Апогей нуля....125
Евангелие от жены Иуды....127
Зачем откопали Аксёнова?....129
Их было столько на челне....132
«Какой из меня Солженицын в Ясной Поляне?»....133
Краткий курс классической литературы....135
Крах острова Крым....137
Между Трегубовой и Ходорковским....140
Можно ли забеременеть от Дэна Брауна?....142
На золотом тельце сидели....144
На любителя....146
Пейзаж после Бродского....148
Похвала Пупкину....150
Советы начинающему писателю....152
Сон в писательскую руку....155
Стругацкое дело нехитрое....156
Фантаст родился....158
Эзопов язык с зелёным горошком....160
Юрьев день Ирины Денежкиной....162
Я спросил у Тополя, что за люди в Ясенево....164
Санитар джунглей....166
Бо-бо, ты жив, но шапки не долой....166
Горящий рукав....168
Живой журнал сороконожки....171
Золотые люди....173
Ибанько на энерджайзере, или картавый фонтан....176
Клиентела....179
Критическая доза критики....181
Лох-невские «толстяки»....183
Новые приключения неутомимых....186
Правоверный перпендикуляр....188
Репертуар Карузо....190
С ярмарки на «бомбиле»....193
Собрались сходить по-большому....195
Требую литературной люстрации....198
Три шага в старческом бреду: куда бреду? В бессмертие!....201
Учить вас, козлов....203
Чудо в ботах....206

Эрзац, переходящий в абзац.....208